

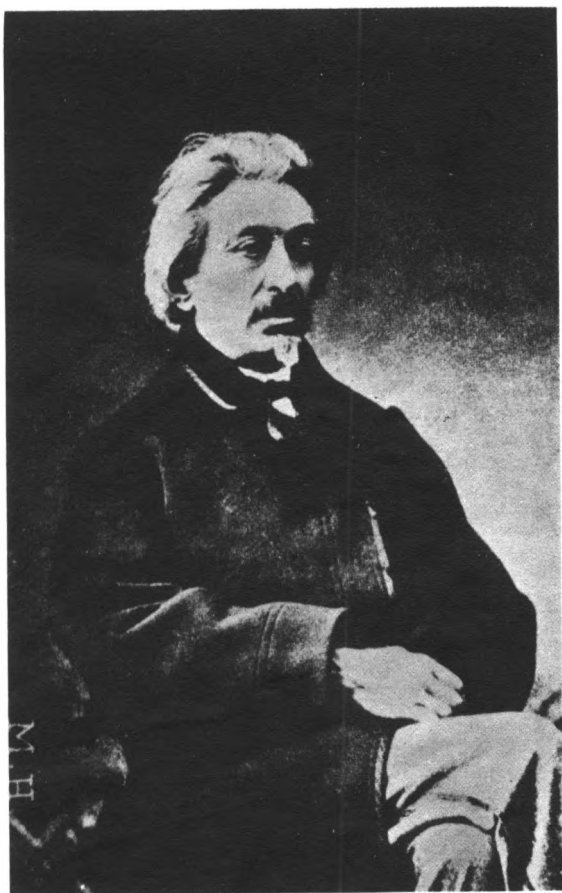
Моше Гесс

РИМ И ИЕРУСАЛИМ

Моше Гесс • РИМ И ИЕРУСАЛИМ

Моше Гесс

РИМ И ИЕРУСАЛИМ
избранное

МОШЕ (МОЗЕС) ГЕСС

Моше Гесс

РИМ И ИЕРУСАЛИМ избранное

БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ
1991

מ. הס

רומה וירושלים

(כתבים נבחרים)

M. Hess

ROME AND JERUSALEM

(selected works)

Перевел с немецкого *Н. Бартман*

Редактор *Е. Фрадкина*

Художник *Л. Ларский*

Репринт с издания 1979

ISBN 965-320-164-6

עיריית חיפה
מערכת התרבות
מרכז תלמידי
בית ארדשטיין - סג'ויה
מס. מלאי.....

1225

©

All rights reserved

כל הזכויות שמורות

לספריית-עליה

ת.ד. 4140, לירושלים

יצא לאור בסיוע:

האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

וקרן זכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק

מהדורה שניה

Printed in Israel

OCR Давид Титиевский, июль 2021 г., Хайфа

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Михаэль Грец. МОШЕ (МОЗЕС) ГЕСС</i> <i>(вступительная статья)</i>	7
---	---

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В ИЗЛОЖЕНИИ УЧЕНИКА СПИНОЗЫ.....	17
ЕВРОПЕЙСКАЯ ТРИАРХИЯ	73
О СУЩНОСТИ ДЕНЕГ	119
СТРАШНЫЙ СУД.....	129
РИМ И ИЕРУСАЛИМ	145
Предисловие	147
Письмо первое	152
Письмо второе	154
Письмо третье	156
Письмо четвертое	161
Письмо пятое	170
Письмо шестое	180
Письмо седьмое	191
Письмо восьмое	203
Письмо девятое	213
Письмо десятое	220
Письмо одиннадцатое	231
Письмо двенадцатое	246
Эпилог	262
Примечания	313
СТАТЬИ И ПИСЬМА.....	345
Рецензия на книги Эрнеста Ренана "Жизнь Иисуса" – "Апостолы"	347
Введение к "Религиозной революции в XIX столетии" Франсуа Юэ.....	351
В редакцию журнала "Бен-Ханания".....	367
Письма Искандеру	378
Якобу Мошешотту.....	395
Гесс и Эвербек Наполеону III	399
Фридриху-Герману Земмигу	404
Фердинанду Лассалю	413
Гюставу д'Эйхгалю.....	415
Иозефу-Гиршу Дюннеру	417

МОШЕ (МОЗЕС) ГЕСС (1812 — 1875)

”Освобождение вечного города на берегах Тибра положило начало освобождению вечного города на склонах Мории, с воскрешения Италии начинается воскрешение Иудеи”, — так писал Гесс в 1862 г. в предисловии к своей книге ”Рим и Иерусалим”. Это предвидение возрождения еврейского народа в Стране Израиля находится в резком противоречии с его утверждением 40-х годов: ”Правда, что евреи после того как отделились идее своего будущего и отвергли Иисуса, продолжали существовать как бездушные мумии. С тех пор проклятие неизменности тяготело над детьми Израиля и подобно призраку они блуждали с той поры по живому миру, движимому духом Божиим, не в силах ни умереть, ни воскреснуть. Померк обновляющий принцип иудаизма — мессианская вера, — и их надежда на избавление, после того как они не поняли идеи истинного избавления, превратилась в голую абстракцию”. Эта формула, отрицающая за еврейским народом право на существование после появления христианства и лишаящая его будущего, соответствовала образу мыслей Гесса в те годы, когда он пребывал в мире идей младогегельянцев, к которому, как известно, принадлежал и Карл Маркс. Видимо, в жизни Гесса произошла удивительная перемена: поворот от отрицания права на существование еврейства как духовно-общественного единства к признанию этого права. Возникает вопрос: откуда Гесс почерпнул достаточно сил, чтобы вырваться из-под влияния левых гегельянцев в целом и Маркса в частности? Ведь вместе с последним он проделал немалый путь вплоть до раскола в ”Союзе коммунистов” в 1850 г. Как удалось ему совершить

скачок от отрицания еврейства и евреев в качестве живого и действенного фактора мировой истории до предвидения будущего этого народа, вновь живущего на своей земле, строящего собственный общественный порядок, государство и образцовую культуру, представляющую собой слияние достижений культуры общечеловеческой с тем, что казалось ему особо свойственным Израилю: библейскими принципами управления и пророческой моралью? Ведь его смелое предвидение предвосхитило идеи самых мудрых, прозорливых и образованных руководителей западного и восточноевропейского еврейства. Их устремления ограничивались достижением равноправия евреев в странах их проживания, а также полного и скорейшего включения в общественную жизнь. Они считали целесообразным лишить еврейство всех характерных еврейских признаков и поэтому настойчиво требовали исключения из молитвенников всякого намека на "возвращение Израиля к Сиону" в мессианские дни. Как же мог Гесс совершить этот, казалось бы, внезапный переход от идей эмансипации и интеграции в окружающем обществе, господствовавших тогда в руководящих кругах еврейства, к предвидению национального возрождения?

Если мы не хотим удовлетвориться таким объяснением, как "случайность" в истории, если мы стараемся воссоздать, по мере наших возможностей, эмпирически-рациональную реконструкцию явления, то прежде всего нам придется отказаться от попытки приписать указанный поворот какому-либо единичному фактору. Борьба за освобождение Италии, которая была в разгаре, когда Гесс приступил к написанию сочинения "Последняя национальная проблема", не является достаточным объяснением. Правда, наступление армии Гарибальди в Южной Италии побудило Гесса еще в 1860 г. сделать следующую запись: "Они (народы Греции и Италии) возрождаются, и вслед за ними придет черед "древнего еврейского народа!" Но не следует забывать, что республиканцы

и социалисты всей Европы восторженно приветствовали успехи итальянской освободительной войны. Среди них находился и друг Гесса, также еврей, Фердинанд Лассаль. На него события оказали иное воздействие. Он мечтал не о возрождении Иерусалима, а об осуществлении национального единства Германии! Таким образом, два еврея-социалиста реагировали на то, что происходило на европейской политической арене, совершенно по-разному. Если мы попытаемся найти объяснение "возврата" Гесса к своему народу, то будем вынуждены указать и на другие факторы, кроме появления новой Италии.

Нет сомнения, что тут сыграли роль и проявления антисемитизма. Глубокое впечатление произвел на него "дамасский навет". В "Письме пятом" своей книги "Рим и Иерусалим" он пишет: "Тогда, в разгар моего увлечения социализмом, мне в первый раз довольно бесцеремонно напомнили, что я принадлежу к несчастному, оклеветанному, покинутому всем светом, расеянному по всем странам, но не умерщвленному народу; тогда, хотя я и был уже далек от еврейства, я пожелал излить чувства своего еврейского патриотизма в крике боли, который, однако, вскоре вновь был заглушен в моей груди еще большей болью, пробужденной положением европейского пролетариата". Неприязнь к евреям поражала его не менее, чем других просвещенных евреев того времени, но не вызвала в его взглядах немедленного поворота. Несмотря на традиционное еврейское воспитание, полученное Гессом в доме деда в Бонне, он долго оставался чужд страданиям и устремлениям своего народа. Прошло еще много лет после 1840 г., прежде чем это отчуждение исчезло. Таким образом, ни антисемитские настроения, не раз проявлявшиеся в 40-х и 50-х годах, ни полученное им в детстве воспитание не могут служить исчерпывающим объяснением "поворота" в мировоззрении этого просвещенного еврея-социалиста: от отчуждения к единению со своим народом. Нам поневоле приходится обратить

внимание на еще одно явление в жизни Гесса, а именно, его знакомство с французским утопическим социализмом.

В его создателях видят, как известно, провозвестников идей реформации государственного и общественного строя, вдохновивших многих радикальных вождей 19 века, в том числе Маркса. Следует отдать должное Гессу: он открыл их раньше других, и ему в значительной мере принадлежит заслуга внедрения их идей в левогегельянские круги Германии. В отличие от своего друга Маркса, он после краткого перерыва — периода увлечения экономическим детерминизмом — вернулся к основным положениям утопического социализма, отдавая предпочтение воспитанию, моральным принципам и силе научного познания с целью предвидения и планирования процесса постепенного продвижения рода человеческого к реформированному государственно-общественному порядку.

Связи Гесса с представителями утопического социализма во Франции укрепились именно после подавления революции 1848 г., когда это течение уже миновало точку своего наивысшего подъема. Казалось, крушение мечты об "избавлении", в которое верили столь многие, вдохнуло в Гесса и его товарищей-утопистов новый дух! Когда не сбылись надежды 1848 года, они поспешили назначить новый срок "избавления", как и подобает группе, охваченной "мессианским" энтузиазмом. Действительно, этот энтузиазм, порождающий оптимизм тем, что он прорубает окно в будущее и обращается к созидательным силам человека, а не к разрушительным тенденциям, способствовал укреплению связи и сотрудничества между Гессом и бывшими участниками разгромленной революции 1848 г.

Их философия истории предполагала, что управляющий историческим процессом закон не менее тверд и последователен, чем закон, управляющий природой и неизбежно ведущий к гармонии и ликвидации противоречий. Основываясь на идее аналогии между

природой и человеческим обществом, заимствованной ими у мыслителей 18 века и Сен-Симона, они провидели в будущем мир и братство между классами, расами, народами и религиями. Этот вечный закон, переведенный на язык политической и социальной действительности, превратится в принцип консолидации как в производстве, так и в потреблении. Так воцарится среди людей та гармония, что уравнивает Земной и Небесный Иерусалим. Эта философия, которая после 1848 г. не обогатилась, по существу, новыми принципами, составляла общий знаменатель воззрений Гесса и бывших участников революции нееврейского происхождения. Она же сделала возможными не только идеологическую близость между ними, но и дружеские связи и сотрудничество в различных общественных организациях, периодических изданиях, франкмасонских ложах и теоретических кружках республиканцев, которые не прекращали своей деятельности вплоть до самой смерти Гесса.

Именно эта идейно-социальная притягательная сила была немаловажным фактором в развитии нового еврейского самосознания, закончившегося возвратом еврея-просветителя к своему народу. Каким образом это произошло? Круги социалистов-утопистов черпали свои взгляды в наследии, не отрицавшем нравственных и общественных функций религии вообще и христианства в частности на разных этапах развития рода человеческого. Они поднимали на знамя раннее христианство, утверждая, что святое причастие представляет собой как бы набросок будущей социалистической действительности и что принцип христианского братства явится основой образцового общественного порядка в мессианскую эру. Они, видимо, предполагали наличие существенной связи между этикой Иисуса и апостолов и той моралью, которой должны руководствоваться будущие строители социализма. Они даже называли этот будущий строй "истинным христианством" или "божественной республикой", а его строителей — истинными последователями Иису-

са и апостолов; эти воззрения находятся в прямой связи с "новым христианством" Сен-Симона. Внедрение партикулярных христианских принципов в универсальную картину будущего в определенной степени лишало иудаизм равноправия по сравнению с христианством и естественно порождало ощущение дискриминации — хотя и не резко выраженной — в социалисте еврейского происхождения. Это чувство побуждало его противопоставить мечте о "новом христианстве" собственную картину будущего, где основным принципом является "новое иудейство"! Христианской философии истории он противопоставляет иудейскую. На вопрос: кто даровал миру основной принцип — закон, направляющий историю и обеспечивающий нужное развитие событий вплоть до ее завершения, т.е. избавления, Гесс дает теперь ответ: иудаизм со своим принципом единства (монизма) является исходным и окончательным пунктом священной истории человеческого рода.

В чем заключается мессианская идея Израиля? Что имели в виду пророки, говоря, что "познание Господа наполнит мир в грядущие дни"? Они прорицали не конец этого света, а "завершение процесса воспитания рода человеческого", то есть установление образцового общественного порядка, событие в рамках истории, а не за ее пределами. Иудаизм с древних времен отличался стремлением перевести принцип небесного единства на язык земной действительности; доказательством этому служат законы Моисея и в первую очередь закон о еженедельном отдыхе (субботе). Правда, древнееврейский общественный строй давно исчез с лица земли, но сохранилось ожидание воплощения будущего монистического порядка, основы которого почерпнуты из религии древнего Израиля. Недаром Гесс называет последний этап мирового развития "Субботой истории", желая этим подчеркнуть, что "не на небесах она, а на земле". Христианство же отошло от принципа единства (монизма), отделив небесное от земного, и придерживается дуали-

стического взгляда, с презрением относясь к "миру сему" и возлагая все надежды на "тот свет", бессмертие души и веру в индивидуальный атомизм. В то время как Иисус еще оставался верным Закону Моисея и подтверждал монистический принцип, апостол Павел уже увел христианство с этого пути. Именно это уклонение подчеркнуло предназначение народа Израиля: расставить вехи на пути рода человеческого, которые на всех поворотных пунктах истории направят его к конечной цели — зре общечеловеческого единства.

Одним словом, вследствие разногласий между Гессом и его товарищами социалистами-утопистами первый начал в 50-х годах прошлого века разрабатывать мировоззрение, возвращавшее еврейскому народу центральное место в ходе событий. Как он определил это позднее, еврейский народ "вновь вышел на столбовую дорожку мировой истории". Еврейско-христианский конфликт побудил его выступить с утверждением, что евреи предвосхитили христианство не только в монотеистической вере, но и в наметке пути к реформации государственного и общественного порядка. Предпочтению христианства, распространенному среди его товарищей неевреев, он противопоставил предпочтение иудаизма, хотя и сформулировал это в терминах утопического социализма. Еще до 1960 года, когда у него зародилась надежда на возрождение Иерусалима, а именно уже в середине 50-х годов, он придерживался взгляда на историю, согласно которому миссия Израиля не закончилась с появлением Иисуса и христианства, а продолжается и будет продолжаться до скончания веков, то есть до установления универсального монистического порядка. Историографический каркас был готов, оставалось лишь наполнить его реальным содержанием и материей исторических доказательств. Последнее предоставили члены движения "Хохмат-Исраэль" в Германии, число публикаций которого возросло именно в это время. Так укрепились уверенность Гесса в непрерывности национального существования Израиля, начиная с древнейших времен,

несмотря на утрату политической независимости и рассеяние по разным странам. "История Израиля после завершения Талмуда по-прежнему носит национальный характер, ни в коем случае не являясь лишь историей религии или религиозной общины", — цитирует Гесс слова своего друга Генриха Греца.

Таким образом, "Рим и Иерусалим" не возник на пустом месте. Хотя Гесс представлял собой исключение и его выступление осталось гласом вопиющего в пустыне, поскольку он на целое поколение опередил возникновение еврейского национализма как организованного общественного движения, тем не менее можно указать на социально-идейный фон, правда довольно сложный, объясняющий написание "Последнего национального вопроса". В широком плане этот фон включает национально-освободительную борьбу Италии в той мере, в какой она отражала тенденции, господствовавшие в еврейском обществе Центральной и Западной Европы, глубокий оптимизм и веру в эмансипацию и процесс общественной интеграции. В более же узком, личном плане этот фон заключается в факте встречи еврейского интеллектуала с кругом неевреев, стремившихся воплотить мессианские чаяния и придавших ему чувство причастности и полноправной принадлежности к мечте социалистического "избавления". Возможно, именно это чувство способствовало созданию особой универсально-гуманистической ориентации Гесса, не пострадавшей и после того, как он разошелся со своими товарищами, противопоставив их христианскому партикуляризму особые еврейские черты своего предвидения будущего.

Сочинение Гесса быстро забылось, и лишь в конце 80-х годов журнал "Ха-Магид" вновь обратился к "Риму и Иерусалиму". Герцль не знал о существовании этой книги, когда начертал образ "Еврейского государства", и, даже еврейские социалисты сделали свои первые шаги еще до того, как в их руки попал "Рим и Иерусалим". Однако влияние этой книги заметно в образе мыслей Нахмана Сыркина и его со-

чинении "Еврейский вопрос и еврейское социалистическое государство" (1898). Со времени выхода в свет этого произведения уже не прерывается наша связь с одиноким еврейским националистом середины 19 века. Любой сторонник сионизма как синтеза возрождения Израиля на своей земле с универсально-социалистической идеей находит в нем вдохновение и поддержку.

Михазль ГРЕЦ

СВЯЩЕННАЯ ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В ИЗЛОЖЕНИИ УЧЕНИКА СПИНОЗЫ

...буква убивает, а дух животворит.

2 послание к Коринфянам

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПРОШЛОЕ КАК ПРИЧИНА ТОГО, ЧТО ПРОИЗОЙДЕТ

ПЕРВАЯ ЭПОХА СВЯЩЕННОЙ ИСТОРИИ ИЛИ ИСТОРИИ ОТКРОВЕНИЯ БОГА ОТЦА

И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковые листья, и сделали себе опоясания.

Бытие 3:7

Слушай, Израиль: Господь, Бог наш, Господь един есть.

Второзаконие 6:4

Первый период. Индия

О т А да ма до по то па

Вот родословие Адама: когда Бог сотворил человека, по подобию Божьему создал его.

Бытие 5:1

1

Адам был последним и благороднейшим плодом земли, принеся который земля перестала родить. И плоды, которые она произвела на свет, размножались и облагораживались, каждый в своем роде. Адам же был ростком духа, который со временем должен был созреть в своих потомках. Душа его была цельной, он жил в Эдеме своей невинности и своего блаженства. Но настало время, когда почувствовал он в душе своей разлад, ибо пробудились в ней противоречивые порывы. Они привели его к внутренней раздвоенности и лишили райского блаженства. Начался период кульминации,

или цветения в его жизни, после чего устремился он навстречу своей гибели. Причиной этого была любовь, побудившая его искать себе жену. Ибо мужчина — это только одна половина жизни, и дух его томится, пока не обручится он снова с женщиной, которая некогда составляла с ним одно целое, но затем была отделена от него. Поэтому, когда супруги нашли друг друга, была между ними любовь. До этого Адам не понимал еще ценности жизни, ибо его жизнь была бессознательной и невинной. Лишь после того, как с болью ощутил он, что нет у него спутницы жизни, что в душе его царит раздор, он начал неустанно стремиться к утраченному благу и познал, наконец, свою жизнь в женщине. — Таким было начало познания Бога, ибо Он есть жизнь. То было время, когда Бог впервые открылся человеку, после того как тот вкусил от древа познания. — Ибо, отведав запретный плод, увидел Адам больше, чем все творения, созданные до него, и проник взором глубже собственного бытия, так как был он единством и святым средоточием всего, и тогда осознал он самого себя. Но когда Адам познал свою жену, она начала меняться внешне и внутренне, в ней начал расти новый человек.

И семя росло изнутри и раздвинуло чрево, и женщина рождала в болезни, но плод утешал ее за страдания. Затем, однако, когда первая человеческая чета принесла свои плоды и пришла к познанию Бога, к чему была призвана, ее земная оболочка вновь умерла, как и родилась, покорствуя извечному закону революции природы. А дети Адама то расходились, то соединялись. В общем же первые люди жили в согласии, ибо все они были свободными и равными, потому были они добры и счастливы и любили друг друга и веселились с ликующими и печалились со скорбящими.

2

Но по мере того как население умножалось и желания людей возрастали вместе с тем как ширились их

представления о мире, обратилось их единство в раздор, их любовь в себялюбие, и невинность их исчезла. Юное поколение потомков Адама оказалось совершенно развращенным пороками старого мира, растление которого было велико. Ибо люди начали умножаться на земле, и родились у них дочери, и увидели сыны Божии дочерей человеческих, что красивы они, и брали тех дочерей себе в жены, какую кто избрал. И сказал Господь: не вечно духу моему быть пренебрегаему человеками, потому что они плоть; пусть будут дни их сто двадцать лет. — В то время были на земле исполины, особенно же с тех пор, как сыны Божии стали входить к дочерям человеческим, и те стали рождать им. Это были сильные, издревле славные люди (Бытие 6:1-4). — И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время. Растление же старого мира все усиливалось, и он шел навстречу своей гибели. В лоне его, однако, таился росток нового мира, ибо те дети Адамовы, что обрели благодать перед очами Господа, спаслись.

Второй период. Ассирия

От Ноя до Авраама

Вот житие Ноя: Ной был человек праведный и непорочный в роде своем; Ной ходил пред Богом.

Бытие 6:9

3

Когда истек срок старого мира, на земле произошла последняя великая революция природы. Начался такой потоп, что казалось, будто разверзлись все источники великой бездны и окна небесные отворились. Наступил конец старому порочному миру. Но достойнейший из тех, кто из потопа и из растления вышел целым и не-

вредимым, был Ной. Он был смертным, и в нем открылся вновь, как в его прародителе Адаме, Предвечный, Который есть жизнь. И взор его, подобно взору Адама, простирался дальше, чем у его предшественников, и проникал глубже, чем у его современников, ибо дух всех соединился в нем. И ему было открыто, что род человеческий, вопреки своей греховности, никогда весь не погибнет. Ибо таково свойство земной жизни, что она с отрочества таит в себе не только зародыш порчи, а именно зародыш раздора или смерти, но и зародыш обновляющейся жизни, дарованной вечной милостью Божьей. Кроме того, Ноем были уже открыты некоторые законы, имеющие отношение к жизни общества.

4

Ной умер, и люди продолжали умножаться и плодиться на земле. Но при жизни Ноя у них был один и тот же язык и одни и те же представления. Так как они обладали органами речи, то обозначали образы, являвшиеся им, звуками, в результате чего образовался язык. Но образы, которые они познавали, множились от поколения к поколению. Когда же умножились люди и их представления, единый язык их распался на много языков, и они перестали понимать друг друга. Ибо у одних были одни, у других — другие образы и представления, и дух их был устремлен только на одни или только на другие. Поэтому наступило разобщение между людьми, хотя нечто еще и объединяло их, и каждый стал служить своему идолу. — Это второе бедствие обрушилось на старый мир, когда люди разделились и основали различные общественные союзы, племена, нации, царства, отказавшись от равенства и похоронив свою свободу. Возникло право собственности; вскоре установилось **внешнее** неравенство, чему предшествовало установление **внутреннего**, духовного неравенства. Ибо с возникновением права собствен-

сти должно было утвердиться вскоре историческое или наследственное право, в результате чего, — ибо заслуги отцов были перенесены на неотличившихся детей, — настежь распахнулись ворота для случая и произвола, суеверия и слепого повиновения, несправедливости и рабства. — Но среди этого великого смешения языков и народов вновь восстал, в согласии с вечным законом обновления, муж, в духе которого объединились различные образы и представления его современников. И, как его великие предки, он видел больше, чем его предшественники, и взор его проникал глубже, чем у его современников. Ибо он узнал вновь Единого, Который есть жизнь, и чтит Его в духе и истине.

Третий период. Египет

От Авраама до Моисея

И сказал Господь Аврааму: пойдя от земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего, в землю, которую Я укажу тебе.

Бытие 12:1

5

В третий раз открылось Божество в избраннике, известном под именем **Авраам**. Его выделил Бог из толпы идолопоклонников и рабов и избрал в родоначальники народа, от которого должно было распространиться по земле познание Бога. С тем, чтобы посредством его росток познания, заложенный со времен **Адама**, превратился в корень, от которого смогли бы произрасти ствол, крона и плод. — Но как в жизни природы ранние, низшие организации сосуществуют с позднейшими, более высокими, так и в жизни человечества, в **истории**, продолжает жить дух ранних, низших ступеней рядом с более поздними, высшими, и служит по сей день свидетельством господства в

истории природы и человечества закона, который очевиден для всех. — Авраам же породил Исаака, и Исаак породил Иакова, прозванного Израилем. Эта семья вначале жила в согласии и подчинялась вечно-му закону жизни и препоручила себя Божественному Провидению.

6

Но когда семья начала умножаться, возник раздор между братьями, сыновьями Израиля. И Иосиф, благороднейший сын, расстался со своей семьей. Его судьба несет в себе зародыш египетского пленения. Ибо он пришел в Египет, снискал власть и влияние в этой стране и в конце концов принял свою семью, с которой он снова примирился. И дети Израиля сохраняли свои родовые обычаи, жили отдельно, занимались скотоводством и вначале были счастливы в Египте. — Но когда они расплодились и размножились, и возросли и усилились чрезвычайно, и наполнилась ими земля та, восстал в Египте новый царь, который не знал великого Иосифа, и сказал он своему народу: "Вот, народ сынов Израилевых многочислен и сильнее нас; когда случится война, соединится он с нашими неприятелями, и вооружится противу нас, и выйдет из земли **нашей**". (Ибо дети Израиля были пастухами или кочевниками, и никакими узами не были связаны с египтянами, для которых как для землепашцев скотоводство было мерзостью). "Перехитрим же Израиль, — продолжал царь, — чтобы он не размножался" (Исход: 9-10). С того времени с детьми Израиля стали обращаться как с рабами. — Но когда угнетение народа стало особенно сильным, у Амрама родился сын, который спасся от смерти и от рабства.

Четвертый период. Палестина и Финикия

От Моисея до Давида

Скоро уклонились они от пути, который Я заповедал им: сделали себе литого тельца, и поклонились ему, и принесли ему жертвы, и сказали: "Вот бог твой, Израиль, который вывел тебя из земли Египетской".

Исход 32:8

7

Моисей, как прозвали сына Амрама из-за его чудесного спасения, был воспитан при дворе фараона. Он должен был бежать из страны, потому что однажды распалившись благородным гневом при виде угнетения, которому подвергались его собратья, убил на месте египетского надсмотрщика. Бежав, поселился он в Земле Мидиамской и пас там овец своего тестя Итро. И пас он стада в долинах Хоривских, и явился ему однажды Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. Казалось, что терновый куст горит ярким пламенем, но не сгорает. Вдруг воззвал к нему Господь из среды куста. Услышав Божий зов "Моисей! Моисей!" — он отвечал: "Вот я" (Исход 3:4). Но вскоре Моисеем овладела робость, и начал он сомневаться в своем священном призвании. Когда же он познал чудо, совершенное Господом в истории и природе, поверил он Богу отцов своих и возвестил о Нем братьям своим. Они же, став малодушными и подвергаясь слишком сильному угнетению, не вняли вначале словам Моисея. Потом, однако, доверились они Богу отцов своих и благоговейно склонились перед неисповедимыми путями вечного Промысла. — Затем свершилось такое множество знамений и чудес, свидетельствующих об избранности евреев, что тиранами овладели страх и ужас. Даже придворные мудрецы и чародеи, которым вначале удавалось все превратно истолковывать и подтасо-

вывать факты, в конце концов вынуждены были признать, что Бог на стороне евреев. — При всякой казни, которую навлекало на страну упорство фараона и его слуг, народу обещали удовлетворить его требования и отпустить на свободу. Но не успевало миновать испытание, казнь, как деспоты отрекались от своего обещания и нарушали свои обеты, пока, наконец, пред их взором не восстала картина их полной гибели и не отпустили они без промедления народ. — Затем евреи приняли Закон Божий от Моисея на горе Синай. В продолжение жизни одного поколения блуждали они по пустыне и перенесли немало войн и лишений, пока не созрели достаточно, чтобы войти в обетованную страну, где сбылось открытое их отцам. Но сбылось и то, что пророчил им Моисей, Божий избранник: нарушив закон, народ утратил свое единство и равенство.

8

Моисей не решился повести освобожденный народ в страну обетованную, потому что грубость и порочность этих людей внушали ему сильное недоверие. Ибо уже в дни дарования Закона произошла позорная история с золотым тельцом, история, в которой проявилось то свойство времени, что оно преходяще. Речь идет о тяге к идолопоклонству, сохранявшейся у евреев до эпохи средневековья. Кроме того, израильтяне были часто бранчливы и упрямы. Поэтому Моисей нередко отчаивался в возможности совершить свой богоугодный труд и терял веру и желание. "Разве, — вознес он однажды свои вздохи небу, — я носил в чреве весь народ сей, и разве я родил его, что Ты говоришь мне: неси его на руках твоих, как нянька носит ребенка, в землю, которую Ты с клятвой обещал отцам Его?" (Числа 11:12). — "Прости им грех их, — воззвал он в другой раз в отчаянии, обратившись к Богу. — А если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал" (Исход 32:33). Поэтому он должен был отка-

заться от завершения начатого им великого предприятия. Он назначил своим заместителем верного Иехошуа бин-Нуна, выросшего у него на глазах и исполненного святым духом. Этот верный раб Божий повел народ в страну, которую Моисею дано было увидеть лишь издали. И перед Иехошуа бин-Нуном шел страх, ибо обитатели страны наслышались обо всех чудесах, приключившихся с избранным народом. И Иерихон, первая крепость, осажденная евреями, пала от одного звука труб, которые по приказу Иехошуа бин-Нуна, повинующегося Божьему внушению, прогремели с невероятной силой. И народ завоевывал новые земли и выходил победителем из битв, пока жили Иехошуа и первые судьи. Но затем произошел раскол, народ разделился, впал в грех и оказался в рабстве. Обозначилось великое бедствие времени. Все же иногда восставал из народа, как обещал Моисей, пророк, избавлявший своих соплеменников от грехов и рабства. Но в период, когда судьей был Самуил, пожелал народ иметь зримого царя и сказал отцу пророков: "Поставь над нами царя, чтобы он судил нас, как у прочих народов" (I Самуил 8:5). Ибо народ умножился, чувствовал себя стесненно и надеялся, что положение его при царе улучшится. Был же народ недоволен тем, что лишился единства, и потому требовал введения царской власти, дабы царь собрал его снова под своим скипетром. Это желание не противоречило Закону, и Самуил выбрал в цари, как это было предписано, человека из народа по имени Саул. Однако он низложил Саула, когда тот нарушил Закон. И он воцарил сына Ишая Давида, водившего еще в царствование Саула воинство Израилево в походы.

Пятый период. Вавилон — Персия

От Давида до изгнания

И когда будет у тебя много крупного и мелкого скота, и будет много серебра и золота, и всего у тебя будет много: То смотри, чтобы не надломилось сердце твое, и не забыл ты Господа, Бога твоего, который вывел тебя из земли Египетской, из дома рабства.

Второзаконие 8:13-14

9

С воцарением Давида начинается период расцвета еврейского народа, после чего начинается его умирание. — При Давиде раздвинулись пределы государства, народ обрел свою славу и свое внешнее величие. Давид завоевал крепость Сион и город Иерусалим, а сын его Соломон осуществил его замысел и воздвиг Храм. Теперь племя, родоначальником которого был Авраам, достигло своего расцвета, слово отцов стало делом. "Ибо от Сиона выйдет закон и слово Господне — из Иерусалима" (Исайя 2:3, Мича 4:2). При царях поначалу страна процветала: недолгое время желания народа удовлетворялись. Но так как благосостояние повышалось и враги не нарушали покоя страны, начал поднимать свою змеиную голову внутренний враг, порок: Закон был забыт, как это и предвидел Моисей. Часто и настойчиво увещевал их Божий избранник не забывать о египетском пленении. Они, однако, забыли великий урок, преподанный им в школе несчастья, и словно дети упустили свое достоинство, не осознав еще цены ему. Поэтому их вновь настиг Божий гнев, великое бедствие времени. Это бедствие обрушилось на них уже после смерти Соломона, который, поддерживая связь с чужими странами, перенял у них роскошь и всевозможные пороки, что было

причиной наступления тяжелых времен для народа. Это побудило большинство народа согласиться присягнуть на верность сыну Соломонову лишь на определенных справедливых условиях. Но сын Соломона склонил свой слух дурному совету, решительно отверг все условия и грозил еще большим гнетом, чем тот, что был прежде. В своей наглой заносчивости юный, сумасбродный деспот, носивший с рождения порфиру, возражал народу: "Отец мой наложил на вас тяжкое иго, а я увеличу иго ваше; отец мой наказывал вас бичами, а я буду наказывать вас скорпионами" (I Цари 12:14).

10

Тогда большая часть народа отложила от него и избрала Иоровоама, сына Наватова, царем. Рехавам же, сын Соломонов, оставался еще царем над некоторыми коленами, главным из которых было колено **Иехуды**. С тех пор распалось царство на две части — Иудею и Израиль — и оставалось разделенным. Царь Израильский, пресловутый Иоровоам, совратил народ поклоняться идолам, дабы Израиль снова не объединился с Иудеей и народу не взбрело на ум три раза в году совершать паломничества в Иерусалим. (Совершение паломничеств предписывалось законом с целью сохранения единства нации). То время можно считать началом упадка священного государства. Ибо цари, царствовавшие после Иоровоама, проводя нечестивую политику, следовали по стопам своего предшественника. В это же время восстали пророки, которые откровенно выступали перед царями и народами, громко возвещали Закон и предсказывали отступникам, что их ждет в будущем. Они повествовали о **старом времени**, и предсказания их сбывались. — Вскоре **Израиль** подпал под власть Ассирии и уже не оправился. **Иудея** же некоторое время сохраняла свою независимость, продолжая оставаться одиноким стволом великого

древа жизни в священной истории человечества. Это возвестил пророк Исаия в словах: "И уцелевший в доме Иудином остаток пустит опять корень вниз и принесет плод вверх" (Исаия 37:31). Это пророческое слово было обращено к благочестивому царю Хизкии, когда ассирийский царь Санхерив угрожал также и Иудее. Минуло еще одно столетие, и настало время вавилонского пленения. Эта эпоха была запятнана длительным царствованием Менашше, убийцы и идолопоклонника. При его более достойном преемнике Иошияху отыскалась книга Закона, пропавшая задолго до этого. Однако вслед за этим Иудея лишилась независимости. Фараон Нехо возвел Эльякима, сына Иошияху, на иудейский трон вместо его брата, и в знак того, что Эльяким стал суверенным государем, переименовал имя его на Иехояким. Затем **Навуходоносор**, царь Вавилонский, вступил в страну и подчинил себе ее царя. Однако царь Иудеи вскоре снова отложился от Вавилонии, и Навуходоносор покарал его. Он переименовал с того времени несколько царей, которые назначались им в покоренную, но непрестанно бунтующую страну. Наконец, пришел Навуходоносор, осадил Иерусалим и, простояв под ним изрядное время, ворвался в город, где царил голод. Затем появился **Невузардан**, начальник телохранителей царя Вавилонского, сжег и разрушил то, что осталось от города, и увел народ в Вавилонию.

Шестой период. Греция

От Эзры до Маттityаху Маккавея

И читали из книги, из закона Божия, внятно, и присоединяли толкование, и народ понимал прочитанное.

Нехемия 8:8

11

Еще не пришло время еврейскому народу погибнуть: он еще не истощил своих жизненных сил. — Поэтому через семьдесят лет, когда истек срок изгания и **Кир** возвестил: "Кто есть из вас, из всего народа Его — да будет Бог его с ним — и пусть идет он в Иерусалим, что в Иудее, и строит дом Господа, Бога Израилева, того Бога, Который в Иерусалиме" (Эзра 1:3; II Хроники 36:23) — сыскалось много таких, что покинули Вавилон, и они не пожалели жертв и не пощадили трудов ради восстановления Храма. — Во времена Второго Храма евреи отличались большей преданностью Закону, чем во времена Первого Храма, ибо в вавилонском изгнании обрели они больший опыт, обогатились большим познанием Бога. — В этот период за пределами страны происходили знаменательные события. В Персии, ставшей мировой империей, Зороастр возродил вслед за Иудеей веру; Афины и Рим стали свободными, и позднее в процветающей Греции появились три мудреца, прославившиеся на весь мир, — Сократ, Платон и Аристотель, — оказавшие, как мы увидим в дальнейшем, некоторое влияние и на восстановленное священное царство. Возрожденная Иудея не достигла внешнего блеска времен царей, но жила тем более богатой внутренней жизнью: доминирующее место занимали духовные проблемы. Эзра, первосвященник и писец, восстановил культ. Помимо Эзры, заслуживает быть упомянутым его современник и сподвижник Нехемия. Они очистили

жизнь и быт народа от всего чуждого и иноземного, облагородили его нравы, собрали священные писания и восстановили традиции, которыми народ совершенно пренебрегал и которые изгладились из его памяти. Ибо, когда евреи слышали слово Божье, их обуял страх, ведь они так долго не вспоминали о Боге. Теперь и они стали с рвением изучать закон. В дальнейшем первосвященники управляли страной, а великие синоды и синагоги занимались толкованием законов.

12

Внезапно на горизонте времени обозначилось бедствие, которое, хотя и пришло извне, однако, грозило разрушить внутреннюю жизнь евреев, чтобы забыли они закон Божий. — **Александр Македонский**, ученик Аристотеля, выступил из Греции и завоевал большую часть древнего мира. Побеждая один за другим народы, он подчинил своей власти также и иудеев, или евреев. Он относился к ним без вражды, но его расположение и представляло собой опасность для древнего традиционного закона. Ибо в Иудее, как и в других странах, в его намерения входило распространение греческой культуры и обычаев. И, действительно, евреи не избежали этого влияния. — Когда же великий Александр умер, один из его позднейших преемников, которому в числе других провинций досталась страна евреев, вступил ради достижения этой цели на путь насилия. Но что удавалось сделать с этими мужественными душами кротости, в том было отказано строгости. **Антиох Эпифан**, как звали тирана, решил из соображений удобства управления ввести во всем своем государстве единый, обязательный для всех языческий культ и поэтому потребовал также от евреев изменить их древнему закону, предать забвению учение о едином Боге, их защите, и принять предписанный культ. Тогда восстал среди евреев второй Авраам; его род заложил основу последнего периода древнего священного Завета.

Седьмой период. Рим

От Маттитяху Маккавея до Иисуса

Не согласимся мы с требованием Антиоха, и не станем приносить жертв, и от своего закона не отступимся, и не примем иного образа.

1 Маккавеев 2:22

13

С этой речью обратился Маттитяху Маккавей к своим сыновьям, и в знак подтверждения сказанного присягнул на мече. И умирая, оставил он своему народу героическое потомство, которому при жизни успел дать строгий наказ жить и умереть ради Отчизны и Закона. И сыновья обещали выполнить этот наказ и сдержали слово и показали себя достойными благочестивого отца. Ибо, ничтожны числом, но велики доблестью, они защищали народ и Закон Божий от превосходящих сил угнетателей и стали их спасителями от этого бедствия.

14

Но как ни достохвально было рвение евреев к Закону, их слепой гнев и фанатичная ненависть ко всему чужеземному, достигшие апогея в результате этих войн, с другой стороны, нанесли огромный вред делу истинного познания Бога. Это имело то следствие, что евреи стали спесивыми и неуживчивыми, и внутренние распри и расколы привели к образованию настоящих сект среди них. Одни цепко держались за букву Писания, другие признавали также позднейшие установления, но ни первые ни вторые не познавали Господа в духе и истине. — В этот период Рим достиг вершины своего величия. Римляне разрушили Карфаген, покорили Грецию и, наконец, выступили против

Иудеи. — **Помпей** завоевал Иерусалим и низложил честолюбивого Аристобула. Но **Цезарь** покровительствовал царю, равно как его сыну, а затем идумеянину Антипатру. И когда последний был убит, подобно своему покровителю, Антигон Маттитяху предпринял новую попытку завладеть тронem своих отцов. Но Рим посадил на трон Иудеи **Ирода**, сына Антипатра, что явилось оскорблением для евреев, потому что Ирод был идумеянином. Народ, однако, давно уже был болен телом и духом, и надежда на пришествие Мессии, которое всегда обещали ему во времена бедствий, вновь завладела его сердцем. — Тогда у Марии родился сын.

И Господь будет Царем над всею землею; в тот день будет Господь един, и имя его едино.

Зхария 14:9

конец древней священной истории

П р и м е ч а н и е

То, что рождается во времени, проходит через три этапа развития. На первом оно зарождается, едино и живет внутренней жизнью, это **корень** жизни. На втором оно растет, раздваивается и живет внешней жизнью, это **крона** жизни. На третьем оно расцветает, достигает нового единства и созревает, это **плод** жизни. — История человечества также распадается на эти три периода, ибо человечество составляет живое целое. В истории человечества внешнее развитие идет рука об руку с развитием внутренним, духовным — по тем же законам и в той же последовательности, как у отдельного человека его **дух**, или **внутренняя** история, развивается соответственно развитию его плоти, или его **внешней** истории. В нашей работе мы стремились согласно источникам священной традиции, показывающей нам, как развивается дух человеческий в продолжение своего первого периода, проследить это разви-

тие, обращая особое внимание на внешнее его проявление. Напротив, здесь, как и в дальнейших примечаниях, мы будем стремиться проследить внутреннее духовное развитие человечества. — Адам был, как мы видели, зародышем духа. Зародыш — это первое, что образует индивидуум, его **душа** — средоточие и центр притяжения, влекущий к себе все, что принадлежит к кругу его жизни. Индивидуум, сущность которого духовна, сознательна, также обладает духовным зародышем, создающей душой. Первое, что представляет сущность человека, его зародыш. — это своего рода сознание жизни, смутная идея или представление, которое обогащается другими представлениями, притягивая или воспринимая их, и те, объединившись с ранними, вновь обогащаются другими представлениями и т.д. — Чем богаче становится человеческий индивидуум с течением времени в результате восприятия столь многообразных представлений, которые, после того, как он однажды появился на свет и вступил в соприкосновение с окружающим миром, обступают его душу со всех сторон, тем больше ощущает он противоречие или раздвоенность между теми представлениями, что уже переработаны им в одно жизненное целое, уже стали его **душой**, и теми, что еще не переработаны, не слились воедино, а существуют в нем как бы в еще неусвоенном виде, расстраивая его духовное здоровье, единство или гармонию его сознания. — Этот нарушенный душевный покой, — истинный **наследственный грех**, которым страдает все смертное, — невозможно было бы восстановить, если бы против этой отравы по милости Божьей не было бы, как и против любой другой, выработано противоядие.

Несоответствие между представлениями, в результате чего их можно противопоставлять друг другу, объясняется тем, что они не окончательные **истины**, но

односторонние заблуждения; поэтому, утверждаем мы, различные представления могут противоречить друг другу, ибо только абсолютная истина есть единство и свободна от противоречий; одностороннему же заблуждению противостоит другое заблуждение, которое выражает истину, если смотреть на явление с другой, противоположной стороны. Но если наша фантазия обогатилась, достигла определенного уровня, то в тех образах, которые возникают в нашем представлении, появляются наконец признаки, общие для всех, такие, что свойственны как каждому образу в отдельности, так и всем в совокупности. Осознание, однако, такой всеобъемлющей идеи есть не что иное, как уже упоминавшаяся переработка или слияние различных представлений в единое сознание. Индивидуум вновь возвращается к самому себе и становится цельным, с той лишь разницей, служащей к его пользе, что его достигшее единства сознание, его новая душа по сравнению с прежней, первоначальной душой стала благороднее и чище.

17

Подобно тому, как этому закону подвластен человек, подвластно ему и человечество, если рассматривать последнее как высокоорганизованного индивидуума, отличающегося от человека лишь своими размерами. История от Адама до Иисуса показывает нам: когда люди, умножаясь и расширяя круг своих представлений, утрачивали внутреннюю гармонию, оказывались в разладе с собой, время от времени восставал божественный дух, в котором вновь устранялись противоречия идолопоклонников путем познания единого Бога. Именно Адам был первым, кому пришла в голову идея Бога, идея единства жизни, после того, как он сам в качестве обособленного человека оказался в разладе с собой и утратил свойственное ему ранее единство сознания, свою благодать. Блаженное сознание единства жизни, или познание Бога,

было вновь утрачено вследствие первородного греха в потомках Адама, но вновь открылось по милости Бога у Ноя, потомка **Шета**, в роду которого продолжало генетически и традиционно жить воспоминание о потерянном рае; оно было вновь утрачено затем у его потомков, согласно вечному закону времени, и укоренилось, наконец, посредством **семитов** в одном племени. С **третьим** Откровением завершилось образование **корня** фантазии; **ствол** священного народа вел свое начало от Авраама и простирался до Давида. От Давида до Маккавея ствол перерастал в **крону**, после чего начинал вызревать **плод** священной фантазии. Пока фантазия в своем развитии не достигла высшей точки, пока у человека могли еще с течением времени возникать представления, несовместимые с представлениями предков, возврат к прежней раздвоенности был не только возможен, но действительно происходил там, где такие представления возникали. Там же, где происходило такое возвращение к первородному греху, разлад обозначался резче, болезнь духа обострялась, и историческое свидетельство этого — судьба избранного народа. — Естественно, что когда душа индивидуума, обогащенная уже принятой и переработанной в себе жизнью или сознанием, укреплена, то противоречие, которое затем возникает между нею и позднейшими представлениями, должно обозначиться более отчетливо. — Чем резче и непримиримее избранный народ противостоял другим народам, — чем больше развивался он в себе, в душе самого народа (как и любого индивидуума), — тем резче и непримиримее противостояли противоречащие друг другу идеи и тем большую силу обретали они со временем.

Так неуклонно развивалась священная мужественная фантазия, берущая свое начало от корня священного духа, или от истории Откровения Бога Отца, — в согласии с всеобщим и вечным законом природы, который властвует как над человеком, так над всем народом, и над всем человечеством. Из-за постоянно возобновляющегося раздвоения или порочности все

выше восходило познание Бога, становясь все более ясным. Умирание прежней, более темной жизни или сознания вело к зарождению позднейшей, более ясной жизни, объединяющей в себе прежнюю жизнь с ее противоречием как живое целое. Человечество, как и человек, явление естественное: оно развивается, как любая вещь в природе, согласно вечному, неотвратимому закону. Божий народ постигло семь главных бедствий, которые соответствовали такому же числу порожденных этими бедствиями благ или плодов. Последнее бедствие было самым жестоким, ибо оно привело Божий народ к полному распаду, чтобы тот больше никогда не восстал как избранный народ. Из смерти его должна была произрасти новая, высшая жизнь. Царству фантазии пришел конец, поскольку были исчерпаны все человеческие представления или образы, имеющие отношение к естественной или божественной жизни. И божественный дух, выступивший тогда, — **Иисус**, — замкнул круг фантазии, познав вновь единую сущность в общем и единичном. — После этого, — когда **пассивное** состояние духа, фантазия, обогащающаяся в результате приятия и переработки внешних образов, достигла своего предела, ибо извне в нее не могло проникнуть уже никакое антагонистическое противоречие, поскольку она приняла законченную форму, — дух вступил в **активное** состояние, то есть зародилась внутренняя жизнь чувства. — Впоследствии мы увидим, как дух снова нашел свое место и свое время в истории человечества, чтобы в священном порядке завершить свой путь к цели. По своему характеру этот период противоположен предыдущему. Что же касается хода истории, то мы обнаружим между этими двумя периодами сходство, которое тем знаменательнее, что внутренняя жизнь в каждый из этих двух периодов носит, как уже отмечалось, совершенно различный характер. — Мы просим читателя проследить шаг за шагом ход этого развития, дабы, сопоставив свое суждение с нашим, прийти к заключению, приближающемуся к нашему или расходящемуся с ним.

ТРЕТЬЯ ЭПОХА СВЯЩЕННОЙ ИСТОРИИ ИЛИ ИСТОРИЯ ОТКРОВЕНИЯ БОГА ДУХА СВЯТОГО

Поистине! Как свет обнаруживает сам себя и тьму, так и истина есть мерило и самой себя и лжи.

Спиноза, Этика II, примечание 43

Высочайшее достояние духа — познание Бога, и высочайшая добродетель духа — познавать Бога.

Там же, IV, 28

Первый период. Северная Америка

От Баруха Спинозы
до Французской революции

Европа умирает.

Иоганн Мюллер¹

38

Когда выступил наш учитель, Иисус уже победил. И вновь эпоха завершила свой величественный круг. История откровения Бога Сына, — или познание Бога в предчувствиях души, господствовавшее до тех пор на земле, — исполнилась и завершилась. С появлением нашего бессмертного учителя закладывается основа нового времени; с него начинается история откровения Бога Духа Святого, или чисто духовного познания Бога. Когда **Спиноза** созрел как мыслитель, он снова объединил, подобно своим предкам **Адаму** и **Иисусу**, противоречия своего века в своей божественной душе в живое целое. И он снова видел больше, чем его предшественники, и проникал взором глубже, чем его современники, ибо он познал Бога, Который есть жизнь. Но Бог открылся ему не только в **смутных**

¹ Неизвестно, из какого произведения И. Мюллера автор заимствовал эту цитату. — *Прим. ред.*

предчувствиях души, но и в ярком свете рассудка. Кто проникся этим духом, тот освободился от необходимости вести вековечный спор о слове Евангелия, ибо он воспринял Бога чисто духовно и чтит Его посредством истины. — Первые просвещенные были чистыми людьми, ревнующими лишь об истине и человеческом благе. Но когда просвещение распространилось, возникли его разные течения, которые придерживались иных воззрений. Ибо старый мир вновь погибал, и по мере того как в нем распространялось новое учение, в растленных душах произрастали чудовищные плоды. История этого времени еще свежа в памяти наших братьев. После того, как христианство раскололось и перестало быть душой Европы, его место заняла бездушная тлетворная политика. Ибо оно утратило цельность, силу и жизненность, в умирающую же Европу не вдохнули еще новую душу. Отдельные группы открыто заявляли о своей принадлежности к различным христианским церквям, и поэтому не стало больше единой религии. Это было время перехода от одной эпохи к другой, и росток нового времени был посажен в тот момент, когда началось умирание старого века. Но росток был еще незрим, не пробился наружу, не оказывал воздействия на игру сил в мировом масштабе. — Хотя Вестфальский договор и принес мир этой части света, но мир лишь внешний, не внутренний, не душевный покой. Взаимная терпимость явилась следствием не внутреннего убеждения, а отсутствия силы, достаточной, чтобы уничтожить противника. Это была не истинная терпимость, признающая за другими такое же право на мирную жизнь без посягательства на их индивидуальность, как за собой. — Место божественной души заняла основывающаяся на эгоизме система "качелей" или неустойчивого равновесия. В дряхлеющей Европе происходит то же, что в дряхлеющем Риме, после того, как он лишился своей добродетели, где император и преторианцы властвовали над обезличенными гражданами, рабами и марионетками. "Священники лишились власти; в мире, более не приводимом в

движение идеями, хозяйничали солдаты. Ни в какое другое время не ощущалось такого недостатка в эмоциональной или духовной движущей силе. Не осталось и следа от воли, от самостоятельной жизни народов. Любое движение исходит от дворов, которые используют в качестве рычагов интриги, деньги и оружие" (фон Роттек)¹.

Но в недрах времени пустил буйный побег некий дух, стремящийся творить новые формы, как только низвергались старые. Это был **священный** дух истины, справедливости и любви. Во второй половине этого века он возвестил о своей жизни двигаясь в материнском чреве; симптомы того, что он появится на свет, были уже совершенно очевидными. В то время царила истинная страсть к просвещению: каждый, кто воспламенялся идеями нового времени, со всем пылом стремился воодушевить ими других. И неуловимая искра жизни бежала вперед вопреки всей испорченности, вопреки всему рабству. Ибо Господь пробудил снова великих борцов за пришествие нового века и направил сердца повелителей. Священная наука буйно расцвела в народе и на тронах; ей предавались с доселе неведомым жаром, с доселе неслыханным размахом. — В тот же период иезуиты, эти призраки старины, бегущие света, были покинуты своими покровителями, изгнавшими их. **Истина**, однако, как некогда **Христово учение**, чудесным образом сберегалась и развивалась посреди всей порочности и рабства. Тогда, как и при Иисусе, уходящее время в предсмертных судорогах еще раз подняло голову. Папа предпринял свою последнюю поездку, подал последнее ходатайство о поми-

¹ C. von Rotteck. Allgemeine Geschichte von Anfang der historischen Kenntniss bis auf unsere Zeiten, Freiburg, 1830, т. VIII, стр. 36.

ловании императору **Иосифу** и должен был возвратиться с пустыми руками. Новое время уже орудовало ножом критики и начало вырезать пораженные болезнью куски прошлого, дабы предупредить гангрену. — По ту сторону океана, где в начале этого периода были организованы **свободные** общины, как в Римской империи в начале христианской эры **христианские**, — оно одержало свою первую победу. На первый взгляд могло показаться — для того, чтобы предусмотрительно обеспечить себе тыл на случай, если и в Европе оно потерпит поражение, на самом же деле потому, что таило в себе огромные, просящиеся наружу силы и естественно устремилось прежде всего туда, где могло встретить меньше препятствий. — После того, однако, как культура стала распространяться с Юго-Востока на Северо-Запад, новое время вернулось проторенным путем назад. В Старом Свете назревала страшная революция, по своим возможным последствиям сродни тем, что разразились после **Адама и Иисуса**, по своей природе, однако, более благородная, ибо она носила чисто человеческий, или духовный, характер. Благодаря истории Откровения Бога Духа Святого, можно вновь услышать глас Господа, возвещающий начало Страшного Суда "לא ידון רוחי" (Бытие 6:3: "Не вечно Духу Моему быть пренебрегаемому человеками"). И когда истек срок, положенный старому миру, враждебные силы вступили в единоборство.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

БУДУЩЕЕ КАК СЛЕДСТВИЕ ТОГО, ЧТО ПРОИЗОШЛО

Богу не надо возвещать нам заранее, в чем состоит Его воля: мы уже видим ее приметы! Мы должны лишь наблюдать за обычным развитием природы и за неуклонным ходом мировых событий. Я знаю — и для этого я не должен услышать глас Творца, — что и светила будут вращаться по орбите, которую укажет им Его перст.

Токвиль¹

Глава первая

ЕСТЕСТВЕННАЯ ТЕНДЕНЦИЯ НАШЕГО ВРЕМЕНИ ИЛИ ОСНОВА СВЯЩЕННОГО ЦАРСТВА

*Смерть служителям обмана,
Слава праведным делам.*

Шиллер²

1

Если священная традиция не обманщица, если мировая история не лгуня, но непреложная истина, не знающая внутреннего противоречия, истина, которая была, есть и будет, значит, мы живем в эпоху, подобную эпохе потопа и переселения народов. Эта аналогия существенна: она показывает нам характер нашего времени, его всемирно-историческое значение с определенностью, которой невозможно было достигнуть, придерживаясь прежних принципов исторического

¹ Alexis de Tocqueville. De la Democratie en Amerique, Bruxelles, Louis Hauman, 1835, т. I, стр. 12.

² F. Schiller. An die Freude, Weimar, т. I, стр. 172.

исследования. — Так как мы чувствуем себя призванными только к тому, чтобы провозглашать волю Господню в той степени, в какой познание ее определяет наши обязанности, мы попытаемся осветить то, что относится к нашему ближайшему будущему, остальное же, чтобы не создать искаженной картины мировой истории, лишь наметить в общих чертах и осуществление его предоставить будущему.

2

Нам представляется наиболее существенным стремление основать новые государства, стремление, которое мы обнаружили и в двух первых эпохах также после **обновления** и которое поэтому, если бы мы не нашли ему достаточного обоснования в современности, вытекало бы из сопоставления этих двух известных эпох. Но чтобы более точно определить эту тенденцию, мы должны ее сопоставить с чем-то другим. Мы должны сначала установить, в чем состоит общая **цель** всякого преходящего стремления и какой характер принимает эта цель в зависимости от общественного строя людей. Затем следует доказать на основании исторических фактов, каким это стремление предстает, в частности, в наше время, которое еще не достигло **конечной цели** развития общества, а находится лишь на **пути** к ней. Последнее особенно важно, ибо нам будет мало пользы от знания того, в чем состоит назначение человечества — философы уже неоднократно просвещали нас на этот счет, — если не освещен путь к этой цели, — какой смысл показывать нам свет вдали, если наша поступь неуверенна из-за мглы, окутывающей нас? Кроме того, ночью невозможно правильно определить расстояние, и нередко случается, что свет, к которому стремятся, кажется близким, тогда как в действительности до него много миль пути. Только мировая история может преподать нам урок, не мировая история как она понималась до сих пор, но миро-

вая история в ее единстве, целостности и закономерности. — Приступим же к анализу, имея в виду эту задачу.

3

Что касается общей цели всякого преходящего стремления, то она состоит в вечной истине, единой жизни, или **Боге**, — к которому возвращается любая частная, односторонняя, обособленная жизнь, ибо Бог — источник ее. — Всякое отдельное стремление является лишь известным и определенным **видом** этого всеобщего стремления, поэтому мы находим во всем преходящем триединую жизнь, которую мы обозначаем как росток, дерево и плод. Этот закон, справедливый как для отдельного человека, так и для всей природы и заключающийся в том, что росток — исходный пункт развития — совершает круговорот и возвращается к себе, облагороженный и осознанный, в виде плода, — мы открыли в человеческом обществе, в жизни всего человечества, рассматриваемого как одно целое. В Священной истории человечества росток общественного строя или единства человечества предстает перед нами в образе неосознанной, цельной жизни. Эта жизнь начинается в невидимом пласте, с Адама, он и есть росток, вовне — с Авраама, — видимого корня, **родоначальника** нации, в законодательстве которой с очевидностью раскрылась единая жизнь, или Бог. Ибо в Ветхом Завете все сводится к тому, чтобы создать и сохранить **единство** и **равенство** в народе, образовать союз, внутренняя сущность которого — единство, или Бог, а не идол, внешняя форма — равенство, или свобода, а не какой-либо род **деспотии**. Поэтому закон поначалу равномерно распределял имущество и стоял на страже того, чтобы равенство, насколько позволяли обстоятельства времени, сохранилось, не говоря уже о многих других предписаниях, преследовавших лишь одну цель: обеспечить единство и равенство.

Но нация сознавала тогда меньше, чем в наше время, сущность и цель Божественного Закона и потому растеряла дар, которым наделило ее Провидение. Она еще не показала себя достойной этого дара, который следовало заслужить духовной деятельностью и познанием. Она еще не осознала **ценности** Божественного Закона, потому что **познать** благо можно лишь **утратив** его. Народ вел себя **пассивно**, принимая закон от Моисея, как человек получает свою первую жизнь, не прилагая к тому никаких стараний. — Когда, наконец, материализовавшись в результате множества бедствий, Бог явился в образе Иисуса, когда Божественный закон, единая жизнь сначала открылись в Сыне Человеческом, когда человек смутно, но пламенно почувствовал, что справедливо, а что нет, тогда богочеловек, или Человек-Бог, раздвинул узкие рамки национальности, подобно тому как юноша порывает с семейными узами, и устремился от низкой земли к высшей цели своего назначения, — к всеобщности и вечности. — **Ветхий Завет** был ростком общественной жизни, плодом ее должен был стать **Новый Завет** человечества. Иегова, поскольку он был Богом или единством **нации**, должен был уступить свое место Богу **человечества**, как **монотеизм**, представляющий себе Бога в образе, должен был уступить место идеалистическому **пантеизму**.

Но как все, рожденное во времени, общественная жизнь, или священный завет человечества, требует времени для своего развития. **Христианство** — это общественная жизнь в ее развитии, в **формировании**. В ходе этого процесса должно было исчезнуть прежнее единство, невинность детства. Если бы человечество возникло сразу высокоразвитым, ему незачем было

бы развиваться. Но противоречие, проявившееся между духом и материей, дающим и принимающим, нанесло смертельный удар по всякому остатку равенства, ибо теперь, в отличие от периода развития ростка, прорастания, в конфликте оказались не **природа** с человеком, а **человек** с человеком. — С одной стороны, человек был творцом, даятелем, духом, с другой — творением, принимающим, природой. — Могущество и господство могли проявиться в период роста и развития лишь односторонне. Мы говорим не только о развитии познания Бога, о **внутреннем** стремлении человечества, но и о стремлении внешнем, о стремлении юного, могучего племени, которое уцелело после всех бедствий, чтобы в отроческом возрасте вырваться наружу, словно дремавшая доселе **тайная сила**. — Уже признано, что внешняя жизнь всегда идет рука об руку с внутренней жизнью. Однако тот факт, что человечество представляет из себя органически связанное **целое, индивидуум**, хотя мы еще и не во всем познали эту связь, осознан пока в меньшей степени. Великое событие, происшедшее после **Иисуса**, — **переселение народов**, — служит неопровержимым свидетельством этого для всякого зрячего, равно как потоп после **Адама** убеждает каждого, кто не считает это сказкой, что жизнь человечества теснейшим образом связана с жизнью земли.

6

Если мы ранее утверждали, что в отличие от эпохи, наступившей после **Адама**, после **Иисуса** не природа вступила в единоборство с человеком, а человек с человеком, то не подразумевали исключительно внутреннего человека, или исключительно внешнего, но и того и другого. Восхождение общественной жизни от низин национальных объединений к высотам человечества представляло собой, как любое восхождение, — кризис, становление. **Бытие** Ветхого Священного Завета, равно как бытие всех древних государств, кото-

рые группировались вокруг него, должно было **истлеть**, если суждено было возникнуть высшему бытию. Блага, — дабы вернуться к понятиям общественной жизни, — блага, под которыми мы понимаем не только внешние, материальные, первоначально не могли быть распределены равномерно, потому что не было принимающих, их еще следовало отыскать. По той же причине не могло быть священного Закона, чтобы оберегать единство и равенство... Мы видели, как **христианство** завершило свой благородный цикл, как наконец из него пробился росток **священного духа**. Мы узнали, что человечество — уже как плод — вновь начало внутренне и внешне возвращаться к ростку. Культура вернулась, как мы видели, с Северо-Запада на Юго-Восток, тогда как ранее она распространялась в обратном направлении. И человечество стало вновь уходить в себя самое и обретать единство, как прежде оно стремилось ввысь, преступая границы Закона. — Мы познали всеобщность современной тенденции человечества, указав на историческую роль человека, который знаменует собой наступление нового времени, установили, наконец, **период и место**, где и когда открылся впервые священный дух. — После того, как мы постигли Спинозу и **Северную Америку** в их всемирно-историческом значении, у нас больше не осталось сомнений относительно того, к каким общим целям стремится и что осуществит наше время... Но мы также видели, как росток священного духа, внутреннее развитие, прорастание которого происходило в течение двух столетий в Европе, а внешнее, идущее из Америки, распространилось над нашей частью света, — пробился наружу. — Мы познаем таким образом **закономерность** нашего стремления и роста не в меньшей степени, чем **природу** этого стремления. — Чтобы определить точнее эту природу, мы намереваемся более внимательно приглядеться к ростку современности. Ибо чем тщательнее ознакомимся мы с ростком, тем основательнее познаем плод, который представляет из себя не что иное, как росток, пробившийся наружу.

Сущность всякого спасения, согласно доктрине учителя, состоит в познании Бога, в постижении жизни в ее единстве. — **Добро**, следовательно, есть то, что способствует росту этого божественного сознания, зло, напротив, — то, что препятствует этому сознанию или затемняет его. И так как для человека во всей природе нет ничего, что более содействовало бы его назначению — познанию Бога — чем общество собратьев, одушевленных тем же стремлением, то, следовательно, хорошо также, что люди объединяются, живут в обществе. — Так учил Спиноза. — Он учил не тому, что должно быть, но тому, что есть. Он лишь доводил до сознания то, что существует в вечности. Но если согласно этому откровению у нас есть причина, побуждающая нас жить в обществе, если открылось нам ясное сознание вечной жизни как центра круга, в пределах которого разворачивается вся наша деятельность, если мы однажды осознали цель наших стремлений, то мы не выпустим эту цель из поля своего зрения, вступая в общественный союз, мы утверждаем, что люди, которые осознали свое стремление к **истине**, направят, вступая в общественный союз или обновляя его, свою деятельность таким образом, чтобы, наслаждаясь истинной жизнью, принести себе пользу, а не вред, такие люди не станут больше смешивать средство с целью. Так как люди поддерживают друг друга только в том случае, если они одушевлены **одним и тем же** стремлением, то общественные институты тех, кто осознал гуманистическую цель, направлены прежде всего на то, чтобы сохранить **единство** и **равенство** своих стремлений.

8

Внутреннему единству душ могут соответствовать только гармоничные совместные действия. Гармония внешних стремлений служит необходимой опорой и

стимулом для гармонии внутренних стремлений и наоборот. Чем в большей мере деятельность каждого отдельного члена сообщества способствует общему благу и чем в большей мере, в свою очередь, богатство целого идет на пользу каждому отдельному члену сообщества, тем органичнее узы, связывающие частное с целым и целое с частным. Все отдельные особи образуют **Одну** Сущность, если существование одного немыслимо без существования другого. Поэтому единство и равенство возникают только тогда, когда все переплетается, одно процветает и созревает благодаря другому. Уже из **Ветхого Завета** мы могли понять, что внутренняя и внешняя гармония служит первым условием существования человеческого общества, — ведь мы признали его **корнем** великого союза людей. Достаточно, однако, постичь эту мысль в учении учителя, ибо мы воспринимаем это учение тоже в его всемирно-историческом значении. Установив, что внешнее и внутреннее равенство является целью наших стремлений, мы должны теперь установить также **степень** равенства, которое возможно в наш век. Ибо природа не терпит неподвижности, равно как и скачков.

9

Глубокомысленные люди уже много рассуждали об изначальном равенстве людей, но это не привело нас к отчетливому осознанию наших стремлений, ибо они не взяли в советчицы историю. Наконец, было высказано утверждение, что **общность имущества** является целью нашей социальной жизни, но и это объяснение ненамного продвинуло нас вперед. Правдой является то, что мы миновали поворотный пункт в истории человечества. что неравенство достигло предела и что общество исполнинскими шагами движется в долину, где достаточно места для всех людей. Признаём заслугу тех, кто произнес знаменательное слово об общности имущества, — они обратили наше внимание на конечную цель соци-

альной жизни. Справедливость требует упомянуть о тех, кто превозносил идею общности имущества. Мы придерживаемся того мнения, что формула **общность имущества** точнее и отчетливее всего обозначает понятие **равенства**. Только в том случае, если всеми благами — как внутренними, так и внешними — владеют сообща, если сокровищница общества открыта для всякого и ни один человек не владеет никаким другим имуществом, кроме единоличной собственности, лишь в том случае царит полное равенство. — Хотя впоследствии мы покажем, что наши стремления в настоящее время еще довольно далеки от этого **идеала равенства**, мы не принадлежим, однако, к тем, кто пугается четкого определения, предпочитая ему благозвучные, но бессодержательные слова; мы не принадлежим к тем, кто боится истинного **равенства** не меньше физической **смерти**, потому что и равенство и смерть уничтожают призрак, кроме которого для них ничего не существует, который олицетворяет для них их телесную и духовную жизнь. Ибо бесспорно, что, как наша плоть зародилась во времени и погибнет вновь, так всякое неравенство, зародившееся во времени, — следовательно, и неравенство общественное, — со временем отомрет.

10

Однако все это еще скрыто от нашего взора в густом тумане будущего, и чем меньше люди в состоянии разглядеть сквозь туман реальные контуры этого будущего, тем более дерзкие гипотезы они выдвигают; эти гипотезы беспочвенны именно потому, что авторы их слишком далеко заглядывают, забывая о реальности. Наше время стремится к **равенству**, но разве это означает, что оно стремится непосредственно к **общности имущества**? Пусть эта общность будет установлена в отдаленнейшем будущем, пусть она будет последней целью состарившегося человечества;

мы уже отмечали, что знание **цели** нам мало поможет, если мы не знаем, какой **путь** к ней ведет. Мы хотим понять наше **современное** состояние: поскольку мы заинтересованы в нашем **ближайшем** будущем. И языки, развившиеся некогда из одного общего языка и отпавшие от него, воссоединяются вновь. Несомненно, что государства, обособленные по принципу языка, но объединенные узами высшего порядка, могут жить в **гармонии**; несомненно также, что **внешняя** общность имущества не может установиться, пока не станут вновь едиными **души**, хотя во владении имуществом, как мы сейчас докажем, **гармония** возможна и осуществима.

11

На основании исторического опыта мы утверждаем, что желание сразу, без соответствующих предпосылок отменить всякий вид неравенства является чем-то неестественным, чудовищным. Неравенство возникло еще до **Авраама**, в ту пору, когда люди стали утрачивать свое единство и рассеиваться, и, подобно тому, как в душе их возник разлад, так и во внешней жизни они стали различать между своим и чужим. **Вершина** неравенства была достигнута в результате принятия человечеством **исторического права**. Это право уходит своими корнями во времена Авраама. Тогда заслуги стали передаваться **по наследству**! Ибо потомки Авраама, как повествует священная история, пользовались его заслугами — ничем не отличившиеся сыновья унаследовали большое имущество отцов. И как **евреи** унаследовали внутреннее достояние, познание Бога, не показав себя достойными этого, так среди **других народов** того времени внешние блага начали передавать по наследству — от доблестных отцов выродившимся сыновьям. — Когда же основывались государства, первые из тех, кто выступил среди бедствий и хаоса того времени как их **основатели**, обязательно должны были

отличаться добродетелью. Напротив, их **потомки**, которые могли спокойно пользоваться своим достоянием и незаслуженно наслаждаться благами жизни, не знали цены своему наследию, ибо не ведали, как оно добывалось, — понятно, что они вырождались и промотали эти блага. — Истина истории всей преходящей жизни, — триединое бытие, которое мы наблюдаем и в частном и в целом, должно было проявиться и в общественной жизни, в истории человечества. — Историческое право привело к неравенству среди людей, потому что с момента его возникновения человечество начало развиваться неравномерно. Право наследования принесло с собой раскол человечества на мужчин и женщин, на начинающих и рождающих, появился принцип мужской и принцип женский. Евреи, у которых познание Бога передавалось по наследству, представляли мужской принцип, **язычники**, поклонявшиеся идолам, — женский.

12

Раскол человечества достиг наибольшей **остроты** в эпоху христианства. Этот период во всех отношениях был **периодом цветения**, отроческим возрастом человечества. Противоположности выступили в это время с особой резкостью, чтобы соединиться навеки вновь; в том числе противоположность мужского начала женскому, спиритуализма — материализму. В христианскую эру осуществляются первые совокупления этих двух начал. (Сравни с эпохой крестовых походов). Была **полночь**, и солнце миновало надир, однако по существу уже занялся день, хотя было еще совсем темно. — Прежде чем наступить **полудню**, прежде чем изгладиться всякому различию между светом и тьмой, мужской и женщиной, духом и материей, Моим и Твоим, надо было пройти еще длительный, богатый событиями путь. Предстояло еще пережить юношеский период, — **утренние сумерки**, — сменяющиеся прекрасным **веком**

зрелости, в который мы только вступаем. Лишь в **старчестве**, как и в детстве, может снова исчезнуть всякое различие между Моим и Твоим. Мы же хотим еще наслаждаться тем, что достигнуто нами ныне, — мы еще не стремимся к общности имущества, наша кровь еще слишком горяча, чтобы жить бездеятельной жизнью. Мы хотим свободно действовать, хотим неограниченного простора для своих сил. Мы хотим и должны заслужить покой старческого возраста лишь своей деятельностью. Мы должны открыть зимние закрома в тот момент, когда наступит наша осень. Разве мы собрали уже осеннюю жатву?..

13

Естественно, что сначала должно быть отменено **историческое право**, а затем можно будет восстановить первоначальное равенство людей. Оно, это первоначальное равенство, должно быть осуществлено в результате отмены наследственного права, ибо в этом праве неравенство проявилось с наибольшей силой. Самое полное равенство не может, как полагают **сен-симонисты**, непосредственно проистекать из христианства, которое есть величайшее неравенство. Тенденция нашего времени состоит в упразднении права наследования. Оно уже приступило к работе. Но ему еще предстоит завершить свой труд, мы еще только ожидаем прихода тех, кто действительно начнет **штурмовать небо**. **Аристократия** еще не приняла своего последнего помазания... Чтобы точнее выразить то, что мы хотим сказать, следует обратиться мыслью в глубь веков, понять дух той исторической эпохи.

14

Вначале в человеческом обществе царило естественное равенство. Люди были едины, потому что они были

невинны и невежественны, и знали только такие потребности, которые каждый легко мог удовлетворить без содействия остальных. Между ними еще не могло возникнуть раздоров и конфликтов, потому что их стремления были просты, единообразны, не сталкивались друг с другом как враждебные силы. Правда, в их стремлениях не было гармонии, но было равенство, первоначальное, естественное равенство. Враги, с которыми они должны были бороться, были не внутренними врагами, а с внешними цельные люди могли справиться. Это был настоящий росток общества, это были от природы цельные люди. — Когда же с течением времени потребности стали возрастать вместе с познанием окружающего мира, когда одиночка лишился способности приобретать вещи без содействия своих братьев-единомышленников, когда представления, традиции, языки, нравы стали разнообразны, когда внутренний враг — человек — выступил против другого человека, — тогда возникли всевозможные искусственные объединения. Люди отделились друг от друга, разделились на племена, нации, царства. Право наследования возникло вместе с правом собственности; искусственные объединения людей, весьма далекие от совершенства, были лишь первыми попытками членения общества. Ни всеобщее средство уравнивания — деньги, — ни народное хозяйство вообще еще не развились настолько, чтобы гарантировать собственность подданных государства, не санкционируя права наследования имущества. Свободной торговли и промышленности еще почти не было, преобладало земледелие, человек еще был привязан к своему земельному наделу. Кроме того, санкционирование исторического права отвечало духу времени. Непосредственный переход от чисто **семейной жизни** первых людей к чисто **государственной конституции**, не делающей никакого различия между нациями и между традициями, а рассматривающей людей как таковых, означал бы огромный скачок вперед. Первые конституции должны были по своей природе быть **патриархальными**, потому что

были очень близки к уставу семейной жизни; кругозор людей — это зеркало, отражающее лишь находящиеся перед ним картины. Свободный гуманный дух еще не развился, ибо человек был еще не муж, а дитя, и должен был склоняться перед авторитетом стариков.

15

Чем дальше вперед шагала история, тем быстрее исчезало первоначальное равенство людей — не потому что утвердилось **право собственности**, а потому что этому праву сопутствовало **историческое право**. Если бы наследственное право не должно было быть связанным с правом собственности, если бы были возможны объединения, в которых после смерти их членов собственность умерших передавалась не их сыновьям и прочим **родственникам**, а государству как **универсальному наследнику**, которое, со своей стороны, выделяло бы каждому своему подданному по достижении им совершеннолетия равную долю из своей казны, тогда вопреки праву собственности неравенство все больше сглаживалось бы. В действительности, однако, было иначе: с течением времени государство все больше приближалось к своему концу, ибо всякий зародыш неравенства перерастал **во внутренний раздор** и завершал, наконец, свой путь **смертью**. — По этой причине и в древности одно государство поглощало другое, а именно, более молодое — более старое, а самое молодое — все предыдущие. И с внутренними благами происходило то же, что с внешними. Когда духовный мир людей перестал быть единым, одновременно с различными государствами возникли различные **религии**. И так как познание Бога передавалось согласно традиции по наследству, что приводило к тому, что различное понимание Бога сводилось в рамках того или иного народа к единому, то все резче обозначалось различие между религией священной и религией языческой, пока не дошло до противоречия, которое

демонстрирует нам своим чудовишно возвышенным обликом обратившийся к вере **Рим**. Земля распалась тогда на две части: вовне **Северо-Запад** отделился от **Юго-Востока**, внутри — дух отделился от **плоти**, спиритуализм — от материализма.

16

Тогда исчезла свобода и жизнь; пройдя через смерть, она преобразовалась в жизнь более высокую. — Таков был вечный замысел Провидения, это было сообразно природе. Осознанная, основанная на гуманистических принципах свобода должна была быть достигнута в результате утраты первоначальной, неосознанной свободы. Человечество должно было сначала познать, в чем первопричина всех его бесчисленных расколов, всех его внутренних усобиц, в чем первопричина любого вида рабства, любого домогательства, любой несправедливости, которые лежали на нем тяжким бременем с начала собственно истории, с возникновением исторического права, и по сей день. Оно должно было сначала обнаружить источник грехопадения, должно было сначала осознать, что любое объединение, любое общественное учреждение несут в себе зародыш своего распада, до тех пор, пока наследование заслуг — этот медленно действующий яд — проникает в его кровеносные сосуды. Оно должно было понять, что стремление создать здоровую общественную конституцию тщетно, пока не будет ликвидирован **источник неравенства**. Ибо только тогда оно окажется способным обрести свою первоначальную, по легкомыслию упущенную свободу и равенство без опасности лишиться их вновь из-за старого наследственного греха. Долгую-долгую школу несчастья должно было пройти оно, чтобы достигнуть познания этой простой истины. Но оно должно было получить и великий, серьезный урок того, как можно заковать в кандалы мир и свободу, заковать в кандалы высочай-

шее блаженство! Этот урок не мог быть преподан извне, он мог быть усвоен лишь на собственном опыте. Лишь живая история могла научить этому. Да, история — великая наставница людей: это уже часто говорили, но, быть может, не столь часто усваивали. История учит нас не тому, что нам надлежит делать, но тому, чего нам следует **избегать**: как нам надлежит поступать, этому учит нас святой творческий дух. — Не-обозримое кладбище неудачных попыток простирается перед нами; различнейшие виды конституций были испробованы в ходе истории человечества: как природа должна была сначала то с одной, то с другой стороны продвигаться к своей высочайшей формации, прежде чем смогла создать свой шедевр — человека, — так и **люди** стремились всеми возможными путями к лучшей конституции, прежде чем смогли достичь идеала священного государства. За нами оставлено право познать принципы совершенного священного государства. История и философия в один голос призывают к нам: нет никакого ручательства для внешней гармонии жизни, кроме внутреннего ручательства, никакого ручательства для внутренней гармонии жизни, кроме внешнего. Внутренняя жизнь всегда идет рука об руку с внешней жизнью, как дух и плоть, как свобода и равенство, как мужское начало и начало женское. — Никогда одно не может **возвыситься** за счет другого, не приближая своей собственной **гибели**. — Но наше время, которое осознало эту истину, не пустит снова по ветру свое достояние, к обретению которого оно сознательно стремится. Оно получит его в недалеком будущем. В наше время не будут больше гнаться за химерами. Стремление к материальным благам, на которые столь многие с фанатичным энтузиазмом незрелого юноши смотрят пренебрежительно, сверху вниз, само по себе есть признак не умирающего, а укрепившегося духа. Мы утверждаем: то, что наше время стремится к материальным благам, **само по себе** еще не зло, но если оно не стремится ни к чему другому, если это стремление к тому же проявляется как **эгоистическое**, односторон-

нее, значит ему недостает еще благодати **общественной пользы**. Однако этот эгоизм, остаточное явление неравенства, станет причиной собственной гибели и скоро будет похоронен.

17

Гармония — это **основа** священного царства, цель, к которой прежде всего стремится наш век, гармония — не только внешняя основа, что расценивается как недостаток ее, не только внутренняя основа, какой ее хотели бы представить, но и то и другое. Задача нашего века состоит в том, чтобы упразднить **передачу заслуг по наследству** и, не устраняя пока противоречия между отдельными индивидуумами и между целыми народами, но неустанно сглаживая его, привести всеобщую жизнь к вечному согласию. Ибо мы придем к выводу, что развитие всеобщей жизни неизбежно приостановится там, где имеется **аристократия**, которая способствует концентрации сил общества на одной стороне, пятая **другую** позором и унижением. — Мы подразумеваем при этом не ту аристократию, чья мощь уже сломлена, не **наследственную, дворянскую аристократию**, которая первой попала под огонь, потому что была первой преградой на пути. Мы имеем в виду **денежную аристократию**.

18

Часто люди, замечает **Лерминье**¹, стремясь придать большую силу праву, подчеркивали его **давность**, чем только доказывали, что оно доживает свои **последние дни**. — Автор *Contrât social* объясняет нам причину этого странного заблуждения. "Почему же испытывают такое почтение к старым законам?" — спрашивает прямодушный Жан Жак, придя в принципе к тому же

¹ Жан Луи Эжен Лерминье (1803–1857), французский публицист, правовед. — *Прим. ред.*

выводу, что и Лерминье. И отвечает: "Потому что общество впало бы в анархию, если бы случилось обратное, пока не существует **новой** законодательной власти, которая могла бы сменить **старую**"¹. Поистине так! До тех пор, пока не созданы **новые** законы, надо чтить **старые**, или, как гласит поговорка: не выливай **грязной** воды, пока не набрал **чистой**. — Однако это разумное правило не делает старые законы лучше; правильное будет утверждать, что старая вода становится все более грязной, зацветшей, протухшей, чем дольше она стоит. — Если мы хотим добыть свежую воду жизни, то должны усердно искать новое...

19

Со времен патриархов господствовала вера в то, что индивидуум после смерти возвращается не к Творцу **всего сущего**, Богу, а к **своим** предкам. Фантазия, смешивая вечное и преходящее, представляла себе вечное с атрибутами конечного и конечное — с атрибутами бесконечного. — Это смешение придало **системе наследования** и всем обусловленным ею последствиям религиозное освящение. "Я во всяком случае не могу согласиться с предрассудком, который проистекает из абсурдного смешения идей и побуждает прийти к выводу, что, так как человек при жизни может располагать своим имуществом по своему усмотрению, то он должен сохранить эту привилегию и после своей смерти. Ибо между правом живого человека и правом покойника имеется столь же существенное различие, как между жизнью и смертью"². Мы полностью разде-

¹ J.-J. Rousseau. Du contrât social, Oeuvres complètes, Basle Thourneisen, 1795, т. II, стр. 125 и далее.

² Не найдено точного соответствия в книге H. L. Bulwer. Frankreich in sozialer, literarischer und politischer Beziehung, 3 тт., Aachen/Leipzig. Mayer, 1835. — Прим. ред.

ляем это мнение, которое встретили недавно у английского автора Бульвера. Мы хотим, однако, не ограничивая, как этот англичанин, сферу применения этой истины лишь древней привилегией **наследования имущества первенцем**, распространить ее на все старинные привилегии наследования имущества **семьями**, равно как всеми побочными родственниками, а также всем **человечеством**. — Привилегии, которые в эпоху **патриархов** и в государствах, имеющих патриархальные конституции — ибо они примыкали к той эпохе, — отвечали духу времени, в **наше** время, столь же далекое от чистой патриархальности, как близкое к чистой государственности, представляются **нелепыми**. Наш век осознал, что лишь Вечному Богу, — Великому Единству — подобает обладать вечным правом собственности, но что от отдельных индивидуумов и народов ничего нельзя обрести навеки, ибо они смертны, ограничены.

20

Где имеется целое, там все части гармонично взаимодействуют ради этого целого, а не эгоистически ради себя. В сформировавшемся индивидууме не развивается односторонне какая-либо одна, отдельная сила. — Время наследования — это время роста и формирования сил. С наступлением зрелости прекращается рост и передача по наследству. Из-за права наследования возникает все одностороннее и в обществе и в природе: однако в природе смерть сглаживает все различия. — Почему же не в человеческом обществе? Разве, достигнув совершеннолетия, каждый гражданин не исповедует веры в **государство**, как каждый индивидуум с момента рождения верует во **вселенную**? Если вселенная после смерти **индивидуума** требует возврата капитала, ссуженного тому в рост на определенный срок, то почему бы и государству не потребовать назад капитала, являющегося в сущности его собственностью,

после смерти своих **граждан**? — Уже в Ветхом Завете мы находим аналогичное юридическое правило: закон предписывал по истечении пятидесяти лет возвращать все имущество первоначальному владельцу (которому оно принадлежало при первоначальном, справедливом распределении имущества). Ибо священный законодатель рассматривал страну как собственность незримого **национального Бога**. "Землю не должно продавать навсегда, — говорит Моисей от имени Всевышнего, — ибо Моя земля; вы пришельцы и поселенцы у Меня" (Левит 25:23). Правда, та самая истина, что служит установлению **гармонии** в государственной жизни в эпоху преобладания свободной торговли и индустрии, в эпоху, когда земледелие еще служило главным источником средств к существованию, могла породить лишь определенное **единообразие**. Правда, во всей истории мы не находим другого примера, который мог бы явиться достойным образцом **Царства Божьего**, ибо человечество до наших дней еще не сформировалось. **История** показывает нам, как мы уже отмечали, ограниченность и расточительство нашего детского и отроческого возраста. Лишь в **природе** видим мы достойный лик зрелой мужественности, у нее должны мы учиться. **Земля сформировалась**; она не столь молода, чтобы расточительствовать, не столь стара, чтобы стать застывшей, неподвижной и немощной; она в расцвете своих дней. Мы должны строить свою жизнь по ее подобию, ибо для нас также начинаются лучшие годы. — Равенству, общности владения имуществом она не учит; горы, деревья, цветы, животные, люди, все многообразие жизни открывается взору наблюдателя, — но она учит гармонии: особи высшей организации после своей смерти должны служить низшим, а те в пору своей жизни более высоким. Смерть животного царства означает жизнь для растительного, а растительная жизнь в свой черед есть источник жизни для животного царства. Так, гибель одаренной духовными и материальными благами части общества послужит для жизни неимущей части, и неимущий опять-та-

ки, как прежде, должен будет поддерживать одаренного, при жизни служить ему. — Пусть не говорят, что человеческое общество не сможет взять за образец божественное заведение. Почему бы и нет, если оно на свой лад достигло уровня своей великой наставницы и родительницы? Тот самый Бог, что царит на земле, в **природе**, действует также в человеческом обществе, в **истории**, там — как универсальная, **бессознательная** сила, здесь — как индивидуальная, **сознательная**. Разве финансовая система не столь хитроумна, чтобы, опираясь на нее, нельзя было построить **искусственное** хозяйство, не уступающее по своему совершенству экономике **природы**? Разве финансовые калькуляции не могут быть использованы в простом благотворительном начинании, точно так же, как в сложнейших пагубнейших махинациях? — Нам хорошо известно, что у некоторых людей есть возражения против божественного устройства, но мы не призваны отвечать на их возражения — Колесо истории пройдет по муравейникам, пренебрегши незначительным вредом, который причинит этим. — Пусть те, кто печется лишь о своей выгоде, со всей сввоей свитой трусов и близоруких вопят о гибели старого социального порядка и не устают уверять нас, что за этим последует век варварства и анархии, как после **Иисуса**. — **Истинная государственная жизнь**, утверждаем мы, наступит после отмены исторического права. Лишь тогда человечество устремится к вершине земного счастья. — У каждого возраста свои радости, если соблюдено согласие с природой, но нет ничего чудеснее полноты счастья в **зрелом возрасте**, и недаром эти годы называют лучшими. — Поясним, однако, свою мысль.

Сын наследует отцу, когда тот отходит в иной мир; дочь получает приданое, покидая родительский кров с мужчиной, который берет ее в жены, чтобы создать

свою собственную семью. — Так было до сих пор и так продолжает быть всюду, когда люди выходят из естественного состояния, чтобы добровольно, объединившись в союз, приблизиться к своему человеческому призванию: познанию Бога. Так было, говорим мы, с тех пор как люди объединяются, чтобы служить друг другу опорой; так происходит повсюду, — от северного полюса до южного, от американской демократии до китайской деспотии. — Так было и так есть, повторяем мы, всегда и везде. Но где бы это ни происходило, в прошлом и в настоящем, везде имеется для этого основательная причина... В будущем этого больше не случится с нами, потому что исчезла причина, делающая это необходимым. Но там, где нет причины, невозможно и следствие: дом, покоящийся на взрыхленной почве без опоры, обрушится со страшным грохотом, если под него своевременно не подведут прочного фундамента.

22

Со времен Иисуса подорвана старая основа общественного порядка, но в то же время люди стремились заложить новую основу: когда исчез принцип **национальности**, появился принцип **гуманности**. Эпоха христианства, средние века, явилась, как мы знаем, переходным этапом от старого социального порядка к новому — христианство жило, надеясь на пришествие грядущего царства правды, на новый Иерусалим. Надежды, которые лелеяло христианство, близки к своему осуществлению, отчасти они уже сбылись. Мы уже однажды указывали на боязливых, стремящихся вернуться к прежнему примитивному, приземленному состоянию, потому что их взор не может проникнуть в будущее. Те, кто не полагается на Бога, потому что им неведомы Его пути, боятся всякого истинного прогресса. Любая реформа, любой новый камень, который они должны заложить в фундамент общественного здания

взамен старого, источенного временем, повергает их в трепет. Ибо они опасаются того, что дом обрушится им на голову. Труссы! Они отлично понимают, что положение не может оставаться неизменным, хорошо знают, что старый долг велик, превышает всякую меру и удваивается с каждым мгновением, но они хотят поддержать авторитет и честь дома с помощью своих жалких полумер. Почему не думают они о будущем, почему не думают о растущем разложении, которое, если не сегодня, то завтра, неизбежно приведет к крушению? Почему громоздят они долг на долг, вместо того, чтобы помыслить однажды о расплате? — Но их слепит страсть, и подобно животному они могут думать лишь о настоящем. — Мы обращаемся не к этим спесивым трусам, которые не способны образумиться и предпочитают бахвалиться вместо того, чтобы открыто и честно оценить свое положение. Они могут продолжать вводить в заблуждение себя и других, история вынесет свой приговор.

23

Наши институты стали беспочвенными. Ибо зиждились на **ограниченном человеческом духе**, который не был в состоянии оградить личную собственность и одновременно воздать по справедливости за личные заслуги; сохранить порядок целого, не ущемляя свободы индивидуального; освятить послушание, не внушая слепой веры в авторитет; упрочить брачный союз, не налагая рабских цепей супружества; стимулировать деятельность мужчины, не используя в качестве движущей силы низменный эгоизм; воодушевить героя, не подстегивая его честолюбия; обожествить самопожертвование, не вселяя надежды на вознаграждение в потустороннем мире; дать представление о вечности духовное, а не чувственное, и распространить познание Бога, не используя для этого состоящей на содержании священнической касты. — Но все эти блага, без кото-

рых не может существовать ни одно общество, не будут содержать, как это им было свойственно ранее, примеси яда. Да, без него личное имущество будет оберегаться надежнее, чем прежде, соблюдение общественного порядка встретит меньше помех, закон будет чтиться более свято, узы общества упрочатся, доля совершеннолетнего в наследстве увеличится, пределы деятельности мужчины расширятся, герой станет решительнее в своей доблести, жертвы ради общественного блага будут приноситься чаще, вера в бессмертие станет более живой и слава Божья вознесется выше!!! И все это произойдет потому, что пришло **царство истины**, ибо **народился священный дух**. Этому духу будет легко сотворить то, что представляется нам еще чудом; ибо его незримая сила много деятельнее, чем шумные чудотворные силы седой старины.

Глава третья

НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

А затем конец, когда Он предаст Царство Богу и Отцу, когда упразднит всякое начальство и всякую власть и силу.

І послание к Коринфянам 15:24

42

Когда завершилась эпоха Ветхого Завета, в основе которой лежит Первое Откровение, человечество освободилось от старого закона посредством Второго Божественного Откровения. Древние государства управлялись патриархальной конституцией, **человек** оставался еще на заднем плане, лишь **соотечественник** или **соплеменник** принимались во внимание законом. Их кругозор был узок, ибо не восстал еще **Иисус**, чтобы объять своим божественным духом человечество: **Рим** представлял собой переходное общество между древними государствами и новым великим союзом

народов — мы имеем в виду внешние формы государственности, **Иисус** осуществил несколько позже на фундаменте, заложенном Римом, тот же переход в области духа. — Возникнув из **иудаизма**, познавшего единство Бога, **христианство** представляло собой мужское начало, которое развилось и отделилось от женского начала, чтобы вновь объединиться с ним. Эпоха христианства, средневековье, служила переходным этапом от **детского** возраста к зрелости человечества. В эту эпоху отделилась **религия**, духовный мужской принцип, от **политики**, пространственного, женского принципа. Ибо, если старая жизнь, старое единство должны перерасти в новую жизнь, в более высокое единство, то они сначала должны раздвоиться. Старому бытию суждено было истлеть, церковь должна была отделиться от государства. В этот великий **переходный период** невозможно было помыслить ни о каком божественном законе, ни о какой религиозной политике, ни о какой политической религии, так как закон находился в процессе становления.

43

Иудаизм, рассматриваемый как таковой, был единой, абсолютной сущностью, хотя рядом с язычеством он казался спиритуалистическим учением, а рядом с христианством — материалистическим. Моисеев закон распространял свое действие как на духовную жизнь человека, так и на его поведение в обществе. Религия и политика, церковь и государство слились в органическое единство, имели Один Корень, приносили Один Плод. Евреи не знали различия между заповедями религии и заповедями политики, между обязанностями в отношении Бога и обязанностями в отношении кесаря. Противоречия исчезли перед лицом закона, который ревновал не только о плоти и не только о душе, но о первой и второй. — Евангелие, напротив, имеет отношение лишь к духовному миру человека; в **христианстве**

религия была отделена от политики. У христиан не было общественного строя, который нашел бы свою опору в Боге, не было священного государства, не было Божественного Закона. Иисус, однако, предвидел в своем божественном сердце вторжение анархии и проповедовал безропотное смирение перед волей Божьей. Богочеловек предчувствовал, что продолжительное **великое бедствие** принесет высшее благо человечеству, советовал потому благочестиво предаться воле Провидения и искать утешения в надежде на пришествие **святого духа**. — Иисус сам подал наглядный пример смирения, которому он учил, пример, что ярче всех слов сияет в веках и позволяет понять всемирно-историческое значение самого Иисуса. **Смерть Иисуса** — величайшее чудо, бесспорнейшее знамение его божественной миссии. **Иисус** был светочем, сиявшим в средневековой мгле. Он освободил Провидение от тяжкого долга, существовавшего в глазах слабых людей. Именно он пал первой жертвой **судебного убийства** в священном государстве, жертвой, не возроптавшей на Бога, ибо он предчувствовал, как из гибели низкой, земной, призрачной жизни рождается более высокая вечная жизнь. Он был духовным предтечей того действительно необходимого переходного периода, который наступил после его смерти. **Страсти Господни** олицетворяли страдания человечества — в них открылось более высокое назначение Иисуса. Иисус в той мере страдал за человечество, в какой служил ему **божественным примером** даже под топором палача, даже неся крест, чтобы спасти человечество посредством Веры, Любви и Надежды. **Святой дух** бессмертен. До тех пор, пока насилию или хитрости дано безнаказанно убивать добродетель, религия Иисуса, сила его учения и его примера будут восприниматься как живые. Иисус — это средоточие истории, **сердце** человечества; **кровь** Иисуса будет пульсировать в жилах человечества, пока оно живет. Вера в Иисуса никогда не умрет, ибо доколе стоит мир, отдельные события, определенные эпохи и те или другие территориальные

образования будут вновь и вновь подтверждать истинность этой веры. — Но не всегда и не везде будут преобладать эти печальные примеры: грубая сила и лицемерие не всегда будут торжествовать победу. Во **Втором Откровении** растворился Древний Закон, третье — принесет им Новый Закон. Близится время, когда **единство** снова восстановится, когда **государство** снова освятится, когда взойдет **Царство Божье**. Ибо из смерти старого рождается жизнь нового. **Старый закон**, в той степени, в какой он носил внешний, временный и пространственный характер, распят вместе с Иисусом, но его священное содержание, его бессмертный дух продолжали жить, завоевали мир, попрали смерть. Этот дух восторжествовал. Истолкован старый закон, плоть которого погребена с Иисусом, но воскресла в Спинозе. Зародыш нового священного Завета содержится в учении учителя о спасении. Как у древних имела священная государственная конституция, так мы обретем конституцию **Царства Божьего**, ибо Иисус победил!..

44

Все государственные конституции, основывающиеся не на принципе **познания** Бога, должны распасться; ибо всякое заблуждение должно в конце концов рассеяться и только истина бессмертна. — Лишь там жизнь, где господствует **истина**; где истина подавляется, где царит **ложь**, — там смерть. Пусть даже распавшаяся жизнь продлится еще некоторое время, но **Бог** не будет более ее сущностью. — История дает нам **два** великих предостерегающих примера правильности этого суждения. Оба они вселяют в нас ужас, словно ночные привидения, и мы в страхе отвращаем от них свой взор.

В действительности это призраки давно умерших народов: один принимает образ гонимого ветром тумана, другой предстает как окоченелый труп. Мы име-

ем в виду **еврейский** народ — дух без плоти — и **китайский** — плоть без духа!

45

Трещина, образовавшаяся после гибели еврейского государства и разделившая человечество, не будет существовать вечно. Религия и политика вновь составят единство, церковь и государство, тесно связанные друг с другом, будут дополнять одна другое. Но **живое познание** заменит **отмершие верования**, единая **религия духа** заменит распадающиеся изнутри **внешние культы**. Как прежде слепая **вера в авторитет** была фундаментом общества, так в будущем светлая **наука** станет его основой. Не оплакиваем же мы зерно, что переходит в тлен, если в результате оно приносит плоды. Не утверждаем же мы, что раз оно дано Богом, значит должно жить вечно. Поистине, если бы то, что некогда жило во времени, жило бы вечно, то закон евреев должен был бы обладать вечной силой. Кто верит в **Иисуса** животворной верой, уверует также в **Царство Истины**.

46

Суть истинной религии, познание Господа, открытое в священной истории, есть единственный фундамент государств, основной закон, из которого выводятся все остальные. Так как своим высочайшим достоянием люди владеют сообща, и оно не связано с какой-либо личностью, так как человеку для достижения его высочайшего блага ничто не может быть более полезным, чем его ближний, — то люди объединяются, образуют великий союз, чтобы как братья, как **равные существа** поддерживать друг друга в своих устремлениях. Чем меньше люди осознают свое высочайшее благо, тем более слаб, преходящ, лишен святости их

союз. Он тем сильнее, прочнее и священнее, чем в большей степени они осознали свое вечное благо. Наш век, осознавший Бога, объединяется не ради земной, проходящей цели, но ради своего высочайшего блага, — познания Бога. Любая **священная конституция** исходит из идеи **единства сознания** общества, на которое она до тех пор оказывает обратное влияние, пока не проникнет во все его поры и по этой причине перестанет действовать как **внешний** закон. Таким образом закон выполнил свое назначение, завершил свой цикл, и государство, в котором он имел силу, обновляется, переходит к более высокой жизни, которая предстает как отделенная от этого закона в пространстве и времени. — Конституция, исходящая не из идеи единства сознания общества, не из суммы наук и традиций, не священна и не отвечает своему назначению.

47

История человечества предлагает нам Один живой Пример конституции, которая не потеряла влияния на народ. Правда, другие народы в некоторых своих стремлениях достигли большего, и поэтому принесли бóльшую пользу человечеству. Но этот народ из всех народов стал священным посредником, и в нем открылись единство, сущность Бога, и именно поэтому он не проявил себя во внешних, определенных **формах**. Он находится в таком же соотношении ко многим другим народам, как человек, абсолютная форма, к многообразным земным организациям. Мы имеем в виду то древнее, священное народное государство, уже давно погибшее, но продолжающее жить и поныне в сердцах своих рассеянных по свету граждан. Среди **евреев**, в этом отверженном, но верно хранящем свои древние заветы народе, пробудившемся после долгой спячки к высшему сознанию, народе, который наконец начал завершать свое неустанное странствие, на которое обрек его Господь, пока тот снова не узрит Его

лика, — среди **евреев**, утверждаем мы, возрождается их древний Закон, и Закон этот дает более живое свидетельство их святости, нежели какой бы то ни было исторический памятник, более верное, нежели их священные книги, более убедительное, нежели все уцелевшие летописи древности. Этот народ с момента своего появления был призван завоевать мир не как языческий Рим силой своей **руки**, но внутренней добродетелью своего **духа**. Он сам бродил словно дух по миру, который он завоевывал, и враги его не могли его уничтожить, потому что дух неуловим. Этот дух уже проник в мир, мир уже алчет конституции, достойной той древней. Она появится, эта новая священная конституция, древний Закон воспрянет преображенный. Из старого мира, пребывающего в хаосе, взойдет, как из некоего потока, приведенного в движение духом Божиим, гений **человечества**. Появится Закон, который являя собой **единство сознания человечества**, окажет обратное влияние на общество, проникнет во все его поры и замкнет круг.

48

И в отдаленнейшем будущем, когда это произойдет, не появится никакой новый закон, но человечество достигнет внутреннего единства и внешнего равенства. Закон Божий будет жить во всяком члене общества и безоговорочно соблюдаться. Ибо лишь до тех пор, пока люди испытывают потребность обретать богатства извне, необходимы внешние законы. — Но как было время, когда человек, еще дитя, не знал иных потребностей, кроме тех, которые удовлетворяла **природа**, так вновь наступит час, когда человек, состарившись, не будет иметь иных желаний, кроме тех, которые приносит с собой ему его **художественная деятельность**.

Конец священной истории человечества

ЕВРОПЕЙСКАЯ ТРИАРХИЯ

*Я был опять, как вижу, с толку сбит:
"В начале было дело" — стих гласит.*

Гете¹

¹ Гете. Фауст, ч. I, перевод Б. Пастернака.

“Европейское возрождение”¹ можно рассматривать как дальнейшее развитие философии истории, а именно “Священной истории человечества”². Поэтому необходимо предпослать некоторые замечания о философии истории вообще и о ранее написанном нами труде в частности. В нем мировой дух, история в ее всеобщности изображались как реальность. Теперь мы понимаем, что этот способ изображать результат, не прибегая к дедукции, был недостаточно убедительным для современников и мог послужить поводом для недоразумений. Еще не пришли к осознанию того, что история человечества священна не только в период, который охватывается Библией, но и во все другие эпохи. Такое понимание только формируется. Поэтому нельзя исходить из того, что историю человечества познают как священную и признают священной лишь потому, что историк наглядно продемонстрировал то сокровенное в ней, что скрыто от поверхностного наблюдателя. Для постижения священной истории человечества необходимо прежде всего более точно определить понятие, сущность священной истории вообще. В своей сущности она свободна, нравственна, провиденциальна. События, совершающиеся в ходе священной истории, представляются не как случайные, а как предопределенные, как творения священного духа, как свободные деяния, и именно по этой причине до определенного периода как чудеса. — В священной истории фигурирует не покорная природа, а свободный дух, из которого все возникает. Мы уже показали, чем мировой

¹ Первоначально М. Гесс намеревался озаглавить эту работу “Европейское возрождение”. — *Прим. ред.*

² Речь идет о работе М. Гесса “Священная история человечества в изложении ученика Спинозы”. — *Прим. ред.*

дух отличается от природы. То, что история — это творение мирового духа, отражается в священной истории. В этом сущность священной истории. Но в древности дух еще непосредственен, и лишь с Иисуса и благодаря ему начинается опосредствование духа в природе. Пока же этот процесс еще не завершился, мы продолжаем встречаться с чудесами: ибо, если человек **верит** лишь в то, что дух все создает и все направляет, но в глазах его опосредствование Сыном Человеческим духа и природы представляется еще тайной, то, следовательно, он должен предположить непосредственное вмешательство духа в природу, то есть чудо. Но это несущественная черта священной истории, поэтому разница между периодом дохристианским и послехристианским остается лишь формальной. В сущности послехристианская история гораздо более священна по своей природе, нежели дохристианская, поскольку, как уже упоминалось, для священной истории характерно то, что она представляется свободным деянием духа. Такой она была прежде, такой является и ныне, с той лишь оговоркой, что до опосредствования будущее предопределялось путем пророчества, а после него — путем спекуляции, умозрительно. Непосредственное созерцание — это **пророчество**, опосредствованное — **спекуляция**. Там творец — **сокрытый** дух, а непросветленный и гармоничный человек лишь слепое орудие, здесь же **раскрывшийся** дух, просветленный и гармоничный человек — сам творец своей истории. — Хотя между началом и концом опосредствования, в продолжение его, человек также уже творец, но творец еще в мистическом смысле, вследствие чего теперь он, Иисус, как прежде Яхве, предстает как чудотворец. Священное, находящееся в процессе **опосредствования** — это **мистическое**. С завершением же этого опосредствования и чудес история, однако, не становится мирской, напротив, только с того момента она и проявляет себя как в полном смысле священная. Ее святость усиливается, поскольку сознание, которое предшествует свободному, нравственному, всеобщему, свя-

щенному деянию, не только не носит более творческого или мистического характера, но также является спекулятивным. В результате именно такого развития раздвигается арена священной истории и святость ее расширяется. Но так как пророчество и мистика еще не образуют всей сущности духа, ибо его третьим элементом необходимо является спекуляция, то эти два первых вида духовной деятельности не могут осмыслить человека как такового, объять все человечество, они могут охватить лишь ту или другую часть его, определенные народности, в которых определенно преобладает тот или иной аспект духа. Так иудейское племя было народом, избранным Богом Отцом, и арена священной истории ограничивалась в древности **Палестиной**, тогда как в средние века этой ареной стала римско-германская **Европа**, потому что именно этот мир был восприимчив к мистике, как еврейский к пророчеству, и поэтому Бог Сын отметил его избранностью. Ныне, однако, когда к этим двум родам духовной деятельности прибавился третий и последний, когда больше не только та или другая народность, но человечество как таковое может быть охвачено деянием духа, — ныне священная история совпадает с **мировой историей**.

Рассматривая всю историю как священную, приписывая при этом истории будущего больше святости, чем истории прошлого, задача спекулятивного исследования истории представляется нам более возвышенной, нежели та, которую мы ставили перед собой, изучая немецкую философию. Считалось, что в основе истории, как и в основе природы, должен лежать один и тот же закон и что открытие этого закона составляет задачу философии истории. Вся наша задача сводилась бы в таком случае к тому, чтобы нести в своем сознании природу и историю. И действительно, немецкая философия не идет дальше этой жизни в себе, осмысления данного, не прорывается к творчеству. Так, например, для того, чтобы сотворить дерево, недостаточно, чтобы представление о дереве жило в нас: так и геге-

левская философия не в состоянии осуществить историческое деяние. То, что Гегель называет "философией объективного духа", — это лишь осознанное существование в настоящем или прошлом, а не исторический объект, который надо отобразить. "Объективный дух" Гегеля лишь формально отличается от его "субъективного духа". По сути своей они, как первый, так и второй, пользуясь выражением самого Гегеля, лишь "Голгофа мирового духа"¹. Философия действия представляет собой жизнеспособный зародыш будущего, тогда как гегелевский "объективный" дух есть чистая идея и останется ею. Наполеон был прав, когда он бранил немецких "идеологов". Философия истории, если она, как гегелевская, пытается признать разумным лишь прошлое, лишь сущее, только наполовину осознала свою задачу. Существенным элементом познания истории является выведение из прошлого и настоящего, из существовавшего и сущего, из этих двух известных величин, неизвестной третьей — будущего, возникающего. Разрешив эту задачу, философия истории превращается в философию действия, а сама история проникается провиденциальным смыслом, нравственностью, святостью, — не потому, что мы видим в духе творца чудес, напротив, — потому, что мы признаем в чуде деяние духа.

Для Гегеля все сущее оправдано, и его философия истории больше история, чем философия. Мы находим в ней лишь сухое сообщение о том, что произошло, как в его философии только понятие того, что есть. Как можно было увидеть в этой философии истории, не обладающей внутренней устойчивостью, перескакивающей с пятого на десятое, свободное деяние духа, понять трудно. Философия истории — самая слабая сторона Гегеля. В ней невозможно обнаружить даже следов энтузиазма, ибо Гегель вообще был антиподом энтузиаста. Он совершенно правильно определял энтузиазм как вооду-

¹ G. W. F. Hegel. Die Phänomenologie des Geistes, Bamberg/Würzburg, 1807, т. II, стр. 612.

шевление, вызванное абстрактной идеей, не имеющей никакого отношения к действительности и совершенно не принимающей ее во внимание. Противоположность энтузиазма — индифферентизм, который из-за нескончаемых расчетов и опасений не может совершить свободного деяния. — Между обеими этими разновидностями помещается истинное воодушевление, заключающее в себе в равной мере любовь и логику. Только интеллектуальная любовь создает доброе и полезное в философии, как и в искусстве, в духе, как и в жизни. Но до сего дня философия была свободна от любви, и потому оставалась бесплодной. Если бы философия была проникнута любовью, она не остановилась бы на себе самой, но пожертвовала бы собой и перешла к действию. Ей мало поможет эгоистическое нежелание осознать свою ограниченность. То, чего немецкая философия не совершила свободно, ей пришлось сделать по необходимости. Так как немецкая философия неверно поняла свою задачу в области истории, обратившись лишь к прошлому, то в новейшее время она стала своей противоположностью. Мы уже указывали на то, что тенденцию "левого крыла" гегелевской школы можно расценивать лишь как переходный этап к философии действия. Но этот переход, каким бы значительным прогрессом он ни являлся, имеет тем не менее одну темную сторону, без освещения которой он сам в определенном смысле может быть воспринят как регресс. Мы имеем в виду не вообще характерное для него пристрастие к полемике, мешающее ему двигаться вперед в позитивном направлении. Мы подразумеваем другое: вместо того, чтобы осознавать всю человеческую историю как священную, это направление стремится изо всех сил лишить и прошлое его святости — и это приводит к только что упомянутому превращению немецкой философии в свою противоположность. Эта философия, достигнув своей вершины, вновь взяла под защиту прошлое против критических и рационалистических тенденций XVIII века. Гегель хотел восстановить прошлое в его

правах, но именно поэтому, что он держал в поле своего зрения только прошлое, ему это не удалось. Он мог оправдать историю вообще, — прошлую и современную, религиозную и политическую, священную и мирскую, — лишь как закономерный, объективный процесс, но никак не как сознательный и творческий. Он бесспорно внес в историю дух, но этот дух на самом деле был чем-то искусственным для истории, совершенно внешним ее придатком. Гегелевское понятие следует за фактами истории, но ни в каком смысле — ни в пророческом, ни в мистическом, ни в спекулятивном — не лежит в ее основе. Разум согласно Гегелю также является элементом истории, но только разум неосознанный. Однако если разум неосознан, лежит в основе истории не как дух, а только как природа, как же можно обнаружить в истории священное деяние духа? Так как Гегель вообще не познал сущности свободного деяния, он не мог при всем желании отнести это деяние к какому-нибудь периоду прошлого. Тем не менее он хотел это сделать, и мучительно наблюдать за тем, какие огромные усилия он предпринимает, чтобы спасти святость одного периода истории и как в конце концов он терпит полное крушение! "Только один человек понял меня, да и тот тоже не понимал!"¹ Действительно ли эта фраза принадлежит Гегелю или нет, во всяком случае она весьма характерна. На самом деле Гегеля можно понять, лишь понимая его превратно, так как то, чего он желал, диаметрально противоположно тому, что он осуществил, и его читатель должен либо принять первое, отказавшись от второго, или поступить наоборот. — Учитель никогда не сознавал этого противоречия и до конца своих дней верил, что его система несет в себе зародыш примирения. Ученикам, однако, в результате полемики, существование этого противоречия стало ясным. С тех пор те, кто никогда всерьез не принимал идеи опосредствования,

¹ Н. Heine. Zur Geschichte der Religion und Philosophie in Deutschland, Leipzig–Wien, 1893, т. IV, стр. 262.

снова бросились в объятия непосредственной веры. Видя в священной истории лишь чудеса, они возвращаются к точке зрения супернатурализма. Они упорнее придерживаются этой точки зрения, чем их предшественники, как те в свою очередь гораздо более цепко держатся за нее, чем наделенные исконной и непосредственной верой. Если непримиренная **рефлексия** породила супернатурализм, противостоящий рационализму, то, напротив, новейший супернатурализм, противостоящий левому крылу гегельянства, является продуктом неудовлетворенной **спекуляции**. — Если верующие непосредственной верой могли с помощью рефлексии, а рефлексивно верующие с помощью спекуляции прийти к познанию, то напротив, самоновейшие супернатуралисты **заколотили двери в обоих концах коридора, ведущего к познанию**. — На другой стороне стоят неустрашимые, которые усвоили результаты критики, но не преодолев гегелевской дефиниции, не смогли перейти к действию. Как самоновейшие супернатуралисты самые стойкие — в своей вере, так эти самоновейшие рационалисты, образующие левое крыло гегелевской школы, самые непримиримые в своей критике. Воспринимая священную историю как миф, они в сущности утверждают следующее: сознание не предшествовало священной истории, а следовало за ней, из-за чего священное деяние низводится до уровня заурядного события. Если бы их единственной целью было доказать, что то, что прежде считалось чудом, в сущности было не чудом, а свободным деянием духа, благодаря чему мировой дух отождествлялся в мистике опосредствования с конечным субъектом, в непосредственности же с силой природы, — это было бы совершенно понятно и достойно нашей эпохи. Но к такому выводу левые гегельянцы никогда не придут. Они заядлые рационалисты и они замуровали для себя выход, как их антиподы заколотили двери коридора.

С точки зрения рационализма весьма сомнительно, чтобы в условиях духовной свободы могло возник-

нута что-либо положительное, а с точки зрения супернатурализма невозможно ожидать какого-либо прогресса в условиях духовного рабства. При этом совершенно безразлично, на какой стадии развития находятся эти противоположные направления: ступенью ниже, на стадии рефлексии, или ступенью выше, на стадии спекуляции. — Чтобы стать положительной, свобода духа не должна останавливаться на себе самой, ибо первое условие духовной свободы — отрицание какого бы то ни было духовного авторитета, отрицание всякого догматизма, — и там, где царит догматизм, не может быть достигнуто ничего положительного, как бы к тому ни стремились. Этим объясняется также то, что люди, озабоченные спасением своей души, отчаявшись увидеть свои критические труды увенчанными позитивным результатом, часто вновь жертвуют достоинством, добытым ценой больших усилий, — свободой духа, — и добровольно надевают на себя ярмо духовного рабства (в рефлексии — это вульгарный супернатурализм или даже в спекуляции — спекулятивный супернатурализм). Лишь органически сросшись с действительной и реальной свободой, свобода духа становится положительной. Свобода вообще всегда только негативна, если она проявляется односторонне, будь то в трансцендентно абстрактном смысле или в безудержной воле или, наконец, в дурной действительности, отделенной от духа и души. Правда, свобода духа, если она сама хочет проявиться как спекулятивный догматизм, обретает **видимость** позитивности. Эта иллюзия, однако, недолговечна. Так как все позитивное, как, например, позитивное право, позитивно лишь благодаря своему **проявлению**, то не может больше возникнуть позитивный догматизм, если исчезла слепая вера в авторитет. Спекуляция и рефлексия, поскольку они основываются на свободной деятельности духа, имеют целью, равно как и своей отправной точкой, отрицание любого духовного авторитета. В этом отношении католицизм более проницателен, чем протестантство и современная наука: он запрещает мысль, потому что

мысль подрывает его догмы; вот это называется быть последовательным! Гегель, напротив, полагал, что ему удастся посредством спекулятивной философии основать учение и школу, которые не только несли бы в себе позитивное, но и смогли бы принять в свое широкое лоно все, что до настоящего времени снискало догматическую ценность, новейшее время, однако, дало блестящий пример того, что оно не терпит никакого догматизма. Иллюзии гегелевской философии быстро развеялись. — Спекуляция ныне переживает такие же разнообразные и острые конфликты, как ранее рефлексия и протестантство (свободомыслие) вообще. Великий раскол между христианской верой и современной наукой обозначился вновь, и притом резче, чем когда бы то ни было в прошлом. Помимо того, в спекуляции, как и в рефлексии, пришли к тому, что стали поощрять так называемую "разумную веру". Но это намерение банального (рефлексивного) рационализма создать догмы для "разумно верующих" так же противно разуму, как подобное стремление последователей умозрительного рационализма. Одной из характернейших примет нового времени является **исчезновение** догматизма. Ждали догматизма от Штрауса. Догматизм появился и породил то, что должен был породить: ожидавшие плохо знали взгляды Штрауса. Это "вероучение"¹ крупнейшего теолога нашего века в той же степени является догматизмом, как его "Жизнь Иисуса"² — священной историей. Автор упомянутого труда не обязан своей славой подобным ожиданиям, он и не притязает вовсе на такую славу. Он возложил на себя задачу рассчитаться с прошлым и

¹ D.F. Strauss. Die christliche Glaubenslehre in ihrer geschichtlichen Entwicklung und im Kampfe mit der modernen Wissenschaft, 2 тт., Tübingen/Stuttgart, 1840.

² D.F. Strauss. Das Leben Jesu, kritisch bearbeitet, 2 тт., Tübingen, 1835.

выполнил эту работу с усердием и честностью, и поэтому ему нельзя ставить в вину чисто негативные результаты его усилий, результаты, которые рано или поздно, если не он, то другие должны были сформулировать. — Да, творец "христианского вероучения" снискал себе этим ученым трудом новую славу, и лишь грядущим поколениям, которые через отрицание вновь придут к позитивному, предстоит по достоинству оценить его высокое значение. — Кто же полагает, что догматизм Штрауса создал нечто позитивное, весьма заблуждается. Штраус не мог внести ничего положительного, основываясь на своей точке зрения. То позитивное, что может быть создано современной наукой, не лежит больше в сфере собственно философии или в сфере мысли вообще, даже если оно и проявляется в догматической форме. Позитивное следует теперь искать в другой сфере, не в сфере *Θεωρία*¹. Свободная мысль не уживается с догматизмом. — Но если философия не может возвратиться больше к догматизму, то она должна ради достижения позитивных результатов, преодолев себя, перейти к действию.

Философия действия отличается от ранее существовавшей философии истории тем, что она вовлекает в сферу спекулятивного рассмотрения не только прошлое и настоящее, но, наряду с этими двумя факторами и, исходя из них, также и будущее. С появлением этого нового фактора вся история обретает другой вид, чем прежде, и мы должны обрисовать ее в главных чертах. Ибо "европейское возрождение" как звено мировой истории внутренне срослось с ней, и хотя связи эти в рассматриваемый период ограничены, однако, для понимания предмета как целого необходимо предпослать нашим рассуждениям хотя бы самое общее введение. — Существовавшая до сих пор философия истории, как мы видели, слишком несовершен-

¹ *Θεωρία* (греч.) — теория.

на, и наша "священная история человечества" по ранее упомянутым причинам еще слишком мало вошла в сознание общества, чтобы мы могли без всяких оговорок ссылаться на ту или на другую. Автор "Прологомен"¹ в известной мере сделал эту подготовительную работу излишней, но и ему недостает многого, чтобы создать законченную универсальную систему истории. Древнюю священную историю он, по-видимому, совершенно игнорирует или не принимает в расчет. Но эта часть истории человечества представляет огромную ценность, поскольку показывает, как с самых первоисточков истории развивается то, что автор "Прологомен" с правом относит к высочайшему и конечному: свободное деяние духа. Если это деяние лишь теперь обретает всемирно-историческое значение, то не менее важно именно поэтому проследить ретроспективно за процессом его возникновения. Поразительно, как автор "Прологомен", который весьма близок к тому, чтобы познать дух истории, смог упустить столь многое в прошлом, что, цитируя, вынужден был изуродовать прекрасный гетевский стих, избранный нами в качестве эпиграфа: "Я был опять, как вижу, с толку сбит: "В начале было дело" — стих гласит". (У автора "Прологомен" — эпиграф к третьей главе звучит: "Я был опять, как вижу, с толку сбит: в конце было Дело — стих гласит"). Ветхозаветное "В начале сотворил Бог" апостол Иисуса перевел как "В начале было Слово", и апостол нового времени, в свою очередь, как "В начале было Дело". — Это Священное Писание, в нем ничего не допускается менять! — Для Гегеля, которому вообще еще не раскрылась сущность деяния, мы полагаем совершенно естественным, даже характерным, что ему древний мир раскрылся в язычестве, а современный в Германии! Первый был слишком реален, второй слишком идеален, чтобы они, исходя лишь из своего

¹ A. von Cieszkowski. Prolegomena zur Historiosophie, Berlin, Veit u. Comp., 1838.

учения, могли перейти к духовному деянию: точно так же, как автор "Феноменологии" не мог преодолеть этой противоположности между фактом и понятием, как он ни старался. От автора "Пролегомен", который принадлежал к первым, кому открылась сущность деяния, можно было ожидать, что он проследит развитие идеи священного духовного деяния на протяжении всей истории.

Как ни противился этому XVIII век, Библия все же осталась "древнейшей летописью человечества". Нынешнее столетие со своим большим критическим аппаратом придет к тому же выводу. Традиция "избранного народа" в действительности самая достоверная, и достоверность его ранней истории внутренне связана с ее, истории, святостью. Сознание народа Библии уходит дальше всего в прошлое, дальше всего в будущее. — История, средоточием которой был Иордан, ведет назад к берегам Ганга, у истоков которого предки библейского народа тешились в райском неведении. И та же самая история, — то же самое древо духа, которое проросло у Ганга и нежные побеги которого достигли Иордана, где ему впервые удалось пустить корни, — через многие, многие годы расцвело на Тибре, и только теперь и здесь, у нас наступает его время возродиться и приносить плоды. — Величественна и священна эта история, и да будет позволено здесь обрисовать в общих чертах наше представление о ней. Мировой дух проходит в своем развитии через три главных стадии, которым соответствуют три откровения: Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа! Первый главный период начинается с **потопа** и завершается **переселением народов**, после чего наступает второй период, а после **Французской революции**, следовательно, в наше время, — третий. **Адам**, — дитя природы, — прототип древности, **Иисус**, Богочеловек, — прототип средневековья, **Спиноза**, просто человек, — прототип нового времени. Поэтому, в сущности, уже с Адама, Иисуса и Спинозы начинается закат старого мира и восход нового, хотя это обнаруживается и принимает всемирно-историче-

ский масштаб позже, после трех великих революций. Если придерживаться лишь неоспоримых исторических фактов, то мы приходим к выводу, что уже со времени явления Иисуса, которое не только хронологически совпадает с периодом распада еврейского государства, битвой при Акциуме¹ и битвой Арминия в Тевтобургском лесу², — что уже с тех пор организации древности, все его народы и все учреждения превращаются в *tabula rasa*³. Рим поглощает все и сам поглощается своими императорами. Любой римский император, правивший в эпоху от Иисуса до переселения народов, мог с таким же основанием, как какой-либо французский король XVII или XVIII века сказать: *l'état c'est moi*⁴. — Точно такие же приметы времени мы наблюдаем уже при появлении Спинозы, и то, что происходило тогда в Германии, Франции и Англии — Тридцатилетняя война, правление Ришелье, Кромвель, — не уступает по значению тому, что происходило во времена Иисуса в Иудее, Риме и Германии.

Если мы обратим большее вниманис на внутреннее, чем на абсолютное, то первый главный период мирового духа покажется нам откровением духа природы, второй — откровением сердца и третий — манифестацией спекулятивного разума. Еще и поныне довольно широко распространено ложное мнение, будто пророки древности были мудрыми, высокопоставленными людьми, которые благодаря правильной оценке положения в мире могли предвидеть будущее или даже вместе с жрецами водили за нос народ, веривший пред-

¹ Битва при Акциуме — 2 сентября 31 г. до н.э. римский император Октавиан одержал в морском сражении победу над флотом Марка Антония и Клеопатры.

² Арминий, вождь племени херусков, в 9 г. н.э. разбил римлян в битве в Тевтобургском лесу.

³ Буквально — “чистая доска”; здесь — пустое место.

⁴ “Государство — это я” — слова, принадлежащие французскому королю Людовику XIV (1638–1715).

сказаниям оракулов. Так как ныне в результате развития спекулятивного разума утрачен дар непосредственного видения, мы лишились непосредственной веры в пророков. Но способность непосредственного видения, обнаруживающаяся иногда у отдельных людей, могла бы побудить нас понять свое заблуждение. Помимо того, если мы подвергнем анализу язык тех прославленных мужей древности, то у нас не возникнет никаких сомнений по поводу того, что он собой представлял. Пророчество — это поэзия, но поэзия первозданная, и она столь же далека от современной поэзии, как рефлексивная вера супернатуралистов далека от непосредственной веры. — Уже Спиноза¹ обращает внимание на то, что современное рационалистическое толкование сущности пророчества неверно, так как пророки были в большинстве своем необразованными крестьянами. — Дар непосредственного видения исчез с Иисусом; затем возникает мистика, которую следует характеризовать как преобладание жизни чувства. Мистику понимали столь же превратно, как и пророчество, ибо этот дар душевного порыва, как и дар непосредственного духовного созерцания, переоценивали или недооценивали, относя ее к сфере спекуляции или считая бесплодным мечтательством. Когда преобладает эмоциональная сторона жизни, то возникает спекуляция, внутренняя жизнь мысли, но эта первичная спекуляция отличается от законченной спекуляции, как процесс движения от состояния покоя. Именно в том и состоит суть мистики, что дух еще **единоборствует** с природой. Лишь завершенная мистика — спекуляция. Первый истинно спекулятивный дух, законченный мистик — Спиноза. Достигнув зрелости, дух вновь начинает, как в древности, объективироваться. Спекулятивный дух столь же поэтичен, как и философичен, столь же реален, как идеален, его можно считать пророческим в такой же мере, как мистическим. С

¹ Spinoza. Tractatus Theologico-Politicus, гл. II de Prophetis, стр. 172 и далее.

Иисуса **начинается** опосредствование идеального и реального, духа и природы. Спиноза **завершает** это опосредствование.

Внешнее развивается одновременно с внутренним, и три истории откровения, выступающие как история духа природы, история мира чувства и история мира разума, вновь находят свое отражение во внешнем. У нас нет возможности в рамках изложения основной темы дать также общее представление о религиозных, нравственных и правовых отношениях социальной жизни в каждый из этих главных периодов истории, поэтому ограничимся тем, что выделим из этого реального самое реальное, как мы уже указали, самое сокровенное во внутренней жизни. Сопоставим наше замечание с отрывком из "Политики" Аристотеля, и нам сразу станет ясным различие в представлениях о реальной свободе духа в трех главных периодах его истории. В третьей главе первой книги "Политики" этот великий эллин, который, как известно, рассматривает рабство как естественное, равно как и необходимое социальное учреждение, высказывается следующим образом: "Разумеется, если бы инструменты художника лишь по его приказу или по собственному разумению того, что надлежит делать, совершали бы свою работу; если бы они были подобны произведениям искусства Дедала или треногам, изготовленным Вулканом, которые по словам поэта сами отправились в священное собрание; если бы таким же образом ткацкий челнок сам мог бы сновать между основой и утком или плектр при игре на цитре сам бы касался верных струн, тогда для работы не требовались бы человеческие руки и т.п."¹. Из этого Аристотель делает вывод, что в хорошо устроенном человеческом обществе должны иметься люди, которые были бы просто механизмами, то есть рабами. И, действительно, чем несовершеннее мертвые орудия, тем больше жи-

¹ Aristoteles. Die Politik, Breslau: G. Korn, 1799, т. I, кн. 1, гл. 3, стр. 16 и далее.

вые и разумные существа, животные и люди, должны низводиться до уровня орудий, рабов. К реальным преимуществам нового времени, однако, относится то, что эта эпоха довела мертвые орудия до невероятного совершенства. Да, у нас имеются уже орудия, подобные "треногам, изготовленным Вулканом", у нас имеются уже "ткацкие челноки, снующие между основой и утком", и, если у нас еще чего-то в этом смысле недостает, то видимо, мы обзаведемся этим в будущем. Но если Аристотель прав, и действительно тем необходимее — живые и разумные люди, чем несовершеннее мертвые орудия, то столь же справедливо, что живые, разумные создания должны тем меньше низводиться до уровня слепых орудий, машин, чем совершеннее мертвые. И эта истина в той же степени подтверждается новым временем, как сформулированная Аристотелем подтверждается древностью. Уже давно исчезли рабы, и в отношении господствующего класса к прислуживающему классу вообще происходит метаморфоза всемирно-исторического значения. В социальной жизни теория и опыт, так же, как идея и действие, оказались в результате этой метаморфозы в полной гармонии. Правда, мы встречаемся еще с несоответствиями, поскольку процесс перехода к новой эпохе еще не закончен. Однако сущность гармонии, как она должна проявиться после завершения этого переходного этапа, несомненно, отличается, на что уже указывалось, от существовавшей в древности в том, что касается реальной свободы. Это отличие, следовательно, должно расценивать как реальность развития мирового духа. Итак, три главных периода мировой истории следует рассматривать как период абсолютного **неравенства**, **переходный** период и период абсолютного **равенства**. Древность, когда человек был низведен до уровня слепого орудия, была эпохой абсолютного неравенства. Переход от нее к абсолютному равенству — это период средневековья. Наконец, наступает период абсолютного равенства, когда, как в новое время, прежнее соотношение между мертвыми и живыми орудиями стано-

вится обратным, мертвое орудие возвышается до живого, как в древности живое орудие низводилось до мертвого. — Более подробно точка зрения на действительную, а также абсолютную и духовную свободу будет изложена в другом месте. Здесь же, стремясь дать более полную картину исторического развития, мы коснемся лишь географического аспекта.

Только **римско-германская Европа** является собственно исторической частью света. Азия, пожалуй, страна начала, но не дальнейшего развития. Только Запад имеет историю, у Востока ее нет вообще. Восток, как мы уже отмечали, представляет из себя лишь историческое начало, и поэтому не может целиком отождествляться с доисторической, доначальной эпохой, но это начало не вышло за свои пределы и потому не способствует дальнейшему развитию; движение Востока совершается по кругу, это бесконечный круговорот по той же орбите.

Лишь один народ в Азии — народ иудейский — оказал влияние на ход мировой истории по той единственной причине, что, как можно понять из его имени, — он переселился из Азии на Запад и послужил посредником между Западом и Востоком. — Америка же, напротив, потому не имеет никакой истории, что она олицетворяет только мирную цель, конец, но не саму борьбу. Америка — прибежище тех, кто устал от борьбы. — Наконец, Африка со своими чернокожими жителями в большей своей части остается закрытой страной и выпадает из какой бы то ни было истории. Мы назвали Азию континентом начала, Африка же не достигла даже начала. Это предначальная, доисторическая часть света. Одна Европа — континент собственно истории. Во все три главные периода истории, их всемирно-историческое значение проявляется в Европе. Мир классический, как и романтический, находит благоприятную почву в этой части света, и нынешнее возрождение, которое ведет к третьему главному периоду истории, снова исходит от Европы.

Такова в общих чертах философия истории. Дальнейшее рассмотрение этой темы здесь неуместно, в частности, потому, что мы по мере возможности хотели бы избежать повторений. Ограничимся общими замечаниями, долженствующими обратить внимание читателя на то, в чем мы расходимся с философией истории Гегеля и "Прологоменами к историософии" Цешковского. Тем, кто проявляет к этой теме не поверхностный интерес и хочет более основательно познакомиться с ней, мы предлагаем заняться ее изучением самостоятельно, в частности отсылаем их к многократно упоминавшимся "Прологоменам", к "Священной истории" и, наконец, к самой "Европейской триархии".

Глава третья

ГЕРМАНИЯ

НАШЕ ПРОШЛОЕ ИЛИ СВОБОДА ДУХА

*Из кубка царства призраков вскипает пеной
Навстречу Богу Его собственная бесконечность.*
Гегель¹

До сих пор люди довольствовались отрицанием ложной государственной религии, не продвигаясь к истинной религии. Прежде чем религия могла быть постигнута в своем органическом, закономерном единстве с жизнью, миром, государством, необходимо было отвергнуть случайные или внешние виды единства между государством и церковью. Эти случайные, относительные виды единства проявились на протяжении истории в двух главных направлениях, и в конце концов исто-

¹ Эти слова, которыми Гегель заключает свою "Феноменологию духа", — измененная им цитата из стихотворения Шиллера "Дружба".

рия отвергла их, заменив одностороннее единство единством абсолютным. — Односторонним и случайным было единство религии и жизни до возникновения христианской церкви; сознание жизни и Бога было лишь в той мере единым, в какой вообще едино непосредственное, естественное сознание. — То, что последовало за первоначальным неведением или райской невинностью, было **естественным** сознанием жизни и Бога. Своим возникновением это сознание обязано первому конфликту внешнего мира, своим развитием и наконец своим исчезновением — постоянно множющимся и усиливающимся коллизиям этого мира. Священная история рассказывает о первой человеческой чете, у которой только тогда открылись глаза, когда она согрешила. Как безыскусственно-истинно, как возвышенно-прекрасно это повествование! До вкушения от "древа познания" еще не были утрачены перво-данная цельность, полнейшая неразделенность, ясность, общность в жизни и в сознании первых людей, не было еще места сомнениям или раздору. Первое противоречие в жизни — чувственное, первое "грехопадение", по выражению Священного Писания, породило первое раздвоение и первое осознанное единство, первое единое сознание. Естественный конфликт — как результат естественного сознания — перерос однако из конфликта полов в мировой разлад. — История откровения Бога Отца есть история развития естественного сознания, начиная от **Адама** и кончая **Иисусом**: когда все оказалось запутанным в противоречиях или грехе, когда **природа** не могла преодолеть в себе раздвоенности, тогда окончилось естественное состояние. Внешний мир, пребывая в абсолютном разладе с самим собой, уходит в себя, направляется на внутреннюю жизнь, на дух. Но это **духовное** сознание Бога, поскольку оно является противоположностью естественного сознания, само по себе также односторонне. Односторонним и случайным было и единство религии и жизни в христианской церкви: в средние века Бог и жизнь сознавались как единство лишь по той причине,

что сознание и Бога и жизни основывалось на полном отрицании внешнего мира. История откровения Бога Сына — это история борьбы внутреннего мира с миром внешним, истины с заблуждением, вечного с преходящим. Эта борьба, принявшая всемирно-исторический размах, начавшаяся в эпоху переселения народов и окончившаяся с французской революцией, завершилась потому, что противостояние внутреннего мира миру внешнему, истины заблуждению, вечного конечному было окончательно снято; было восстановлено **абсолютное** единство, не неосознанное, как в райской невинности естественной жизни, а единство осознанное. Теперь, как и при сотворении мира, начинает вновь развертываться собственно новая история. Но это новое развитие, как и его начало, осознает себя. **Древняя** история была историей естественного, непосредственного деяния духа, **средневековая** — историей опосредствования духа и природы, а **новая** история есть история опосредствованного, осознавшего себя деяния духа.

Мир и сознание Бога, государство и церковь в течение первых двух главных периодов священной истории в древности и в средние века, никогда не были столь различны, как считают в наше плоское новое время с его обмельчавшим рефлектирующим разумом — они были живым единством. С незапамятных времен с сознанием Бога отождествлялась не некая философская абстракция, но конкретная жизнь. В нашу эпоху изобретали названия и полагали, что с их помощью верно обозначают древнюю и средневековую веру в откровение, восприятие жизни и Бога язычниками, иудеями и христианами. Однако эти имена обозначают только рассудочные абстракции древнего римского и нового римско-германского переходного периода, а не органическую жизнь античного и средневекового мира. Христиане и евреи были в столь же малой мере теистами, как язычники атеистами. Если же вы никак не можете обойтись без определений, то назовите первых идеалистическими, а вторых материалистическими

пантеистами. — Противоречия же между **теизмом** и **атеизмом** — это мертворожденные дети злополучных поколений. Во времена, от которых отступился Бог, покинутые люди должны искать божественное и вечное либо вне и по ту сторону текущей жизни, либо вовсе не верить в них. Это духовное направление не обладало, однако, способностью сохранить общественный союз и того менее создать новый. Абстрактный теизм, как и его близнец — абстрактный атеизм, может только разрушать! Никогда не существовало общественного союза теистов, так же как атеистов! — Иудаизм и христианство, если эти две всемирно-исторические религии воспринимать не такими, какими они являются в наш переходный век, нагими и мелкими, лишенными жизни и творческой силы, — если обнаруживать их гений там, где он раскрылся в жизни, — суть два первых проявления божественной жизни в истории мирового духа или развивающегося западного общества. — Древние иудеи не забывали ни на мгновение Бога, так же как и средневековые христиане, которые чувствовали, что Бог — это все во всем, и подобно нам познали это. — Но Бог Авраама, Исаака и Иакова, Бог отцов, был лишь национальным Богом, тогда как Бог христиан Богом всего человечества или человека. Гегель утверждал, что с иудаизма началась религия **духовной индивидуальности** и что это начало — религия **вознесения**. Но таким образом иудаизм превращался в христианство. Весь древний мир еще не достиг духовной индивидуальности. Иудаизм занимает промежуточное положение между восточным и классическим миром; сущность его составляют созерцательное единство восточного пантеизма и индивидуальное начало классического политеизма. Благодаря этому он обретает **видимость** духовной индивидуальности; в действительности, однако, он является, как и вся эпоха древности, элементом естественной жизни. Ибо единство восточного мира и индивидуализм классического мира еще исполнены непосредственности и естественности, и именно этим иудаизм, как и весь

древний мир, отличается от современного мира. Иудаизм сохранил в себе все моменты древнего, как христианство все противоречия современного сознания Бога. Поэтому иудаизм подобно христианству следует рассматривать в конечном счете как главный принцип исторического движения. Евреи должны присутствовать, как жало, в теле западного общества. Как китайская стена призвана блюсти неподвижность Востока, так евреи — фермент западной цивилизации, — с самого начала призваны придать этой цивилизации ее основную особенность — подвижность.

Когда исполнились сроки, евреи бросили в человечество свою закваску. — Им поставили в вину то, что в массе своей они со времен Иисуса помышляли только о восстановлении своего небольшого государства и не смогли возвыситься до великой идеи своего Иисуса. Но при этом упускали из виду, что носители старинного принципа неспособны воспринять новый принцип; ибо принципы срастаются, окостеневают и устаревают вместе со своими носителями. До того времени евреи жили непосредственной жизнью настоящего. Затем явился гений, который учит пренебрегать настоящим, дурным существованием, приносить его в жертву лучшему будущему. Мы не должны удивляться неспособности народа постигнуть в ту эпоху возвышенную идею, — большинство понимает ее ложно даже в наши дни. — Не взирайте с таким презрением на "вечного жида". Не забывайте, что с Вашей надеждой на пришествие Господа *mutatis mutandis*¹ приключилось то же самое, что с еврейской идеей пришествия Мессии. — Правда, что евреи после того как отдались идее своего будущего и отвергли Иисуса, продолжали существовать как бездушные мумии. С тех пор проклятие неизменности тяготело над детьми Израиля и подобно призраку они блуждали с той поры по живому миру, движимому духом Божиим, не в силах ни умереть, ни воскреснуть.

¹ *Mutatis mutandis* (лат.) — внося необходимые изменения.

Померк обновляющий принцип иудаизма — мессианская вера, — и их надежда на избавление, после того как они не поняли идеи истинного избавления, превратилась в голую абстракцию. — Но разве иначе обстояло дело у христиан с их надеждой на победу Иисуса? Эта надежда вдохновляла их на протяжении всего средневековья. Но после того как Иисус действительно восторжествовал, христиане, которые не могли постигнуть смысла нового времени, тоже переместили свою надежду с земли на небеса. Обновляющий принцип христианской веры также померк, надежда на победу и воскрешение Господа приняла в христианской церкви такой же характер, как вера в Мессию в иудаизме, характер лишнего придатка, которым склонны пренебречь или который предпочитают отодвинуть в туманную даль. Лютер был последним христианином, сохранившим живой эту надежду и не сомневающимся в ее осуществимости. Он возвестил о том, что она скоро сбудется, в следующих знаменательных словах: "Все прошло и исполнилось, подступает конец Священной Римской державе, Турция достигла расцвета, опадает великолепие папства и все страны света в болезнях, словно мир рушится и гибнет. Ибо хотя теперь римская держава под нашим кесарем Каролусом приподнялась и сил у нее прибавилось, мнится мне, что она испускает последний дух, и, ей-право, схожа она со свечой или соломинкой, что будто догорает и гаснет, но вдруг вспыхивает пламенем, точно только собирается разгореться. Так же поступает ныне христианский мир с пресветлым Евангелием"¹.

Это предсказание германского мужа сбылось слово в слово. С победой Иисуса завершилась миссия христианской церкви. Но многим снова было слишком трудно усвоить совершенно иной образ мыслей,

¹ M. Luther. Zuschrift an den Herzog Johann Friedrich zu Sachsen zur Danielübersetzung. Dr. Marthin Luthers samtliche Werke, Erlangen, C. Heyder, 1847, т. 41, стр. 233.

или, вернее, толпа слишком мало прониклась духовностью, чтобы идти вперед с лучшими людьми века, чтобы стать носительницей нового принципа. — Ибо не дух, а плоть, бездуховность подвластны закону косности и стабильности. — Если слепоту евреев во времена Иисуса можно объяснить их филистерским жизнелюбием, то совершенно очевидно, что для такого истолкования аналогичного феномена у христиан в период становления церкви нет достаточных оснований. Ибо церковная жизнь была не от "мира сего", и, в противоположность временам Иисуса, именно теперь должны были исчезнуть презрение к посюстороннему миру и принесение его в жертву, потому что это бытие из дурного превратилось в гармоничное. Что могло, следовательно, удержать толпу от того, чтобы от противоположности между "посюсторонней" и "потусторонней" жизнью прийти к единой жизни, если не отсутствие священного духа?

Идея Спинозы об **абсолютном единстве** всего сущего, мысль, которая все больше превращается в реальность, — третья сила, способствующая сглаживанию противоречия между государством и церковью, конечным и вечным, и завершающая борьбу между этими двумя началами. Эта идея абсолютного единства — продукт священной истории. Она пробилась наружу в распадающейся Священной Римской империи в конце Тридцатилетней войны так же, как идея христианской церкви возникла в распадающемся священном еврейском государстве в конце его существования. — Средоточие и центр тяжести этой идеи — это то осознание Бога, две стороны которого составляют содержание двух историй откровений. В ней воссоединены все моменты двух первых откровений Бога. Наш современник, сознающий присутствие Бога, превосходит язычника, еврея, католика и протестанта, ибо он вобрал в себя все моменты духа, которые те представляют, как Адам все моменты природы, и как Адам — олицетворение единства различных проявлений земли — заслу-

жил почетное имя человека, **ПТК**, так и тому, кто вобрал в себя различные моменты **человечества**, причитается почетное имя **"человек"**. — Абсолютный человек — совершенный организм — преодолел не только **пространство**, как Адам, но в качестве совершенного духа он преодолел и **время** и возвышается над всеми историческими откровениями и над всеми существами, созданными природой. Он не отрицает наличия различных проявлений природы и духа, более того, он признает необходимость этих явлений в природе и истории, считая их ступенями, которые надлежит пройти, прежде чем удастся достичь совершенства. Но он убежден в той истине, что все эти ступени, которые обособленно следуют во времени одна за другой и расходятся в пространстве, должны **воссоединиться** в совершенной, всеобщей жизни. — Государство, однако, остается областью, где те элементы или ступени духовной жизни, которые в совершенной жизни воссоединены, выступают обособленными в различных подданных, объединенных верховной государственной властью, если она действительно верховная. — Согласно самому всеобщему закону жизни, закону самосохранения, верховная государственная власть должна естественно стремиться к объединению различных моментов, тогда как подданные в силу того же закона — к обособленному существованию.

Мы вновь здесь возвращаемся к тому, что верховная государственная власть по своей природе воплощает в себе все право — не потому, что она обладает материальной силой, которая скорее на стороне управляемой массы, не потому, что ей формально или фактически переданы подданными все права, ведь такая передача прав сама по себе ничего не гарантирует, но благодаря духу, предначертавшему человечеству его тропу, его историю. То, что здесь уже писалось по этому поводу, может быть понято полностью после того, как мы познакомились с ходом мировой истории в общих и существенных чертах. Теперь мы знаем, что в человеческом обществе, если бы оно и

поныне жило согласно естественному праву, если бы не было высшей силы, которой она подчиняется, каждый из элементов истории утверждал бы себя за счет других и таким образом происходила бы борьба всех против всех. — Мы знаем также, что нечто подобное этой борьбе действительно имело место в истории, но эта борьба происходила таким образом, что расходящиеся моменты никогда не противостояли друг другу все сразу, а, восходя от чувственного разлада к мировому и духовному, всегда преодолевались относительно более высокими силами и, наконец, абсолютной высшей силой, идеей абсолютного единства всего сущего. — Всегда имелась, как мы видели, относительно более высокая сила, но она, в зависимости от того, в какое время господствовала, вначале была лишь односторонней, затем становилась все более многосторонней и, наконец, стала всесторонней. Естественное право никогда не господствовало в том смысле, что каждый из моментов человечества там, где были уже развиты многие, мог проявить себя "свободно", не принимая в расчет остальные; разве только в революциях, которые носили тем более острый характер, чем шире осуществлялось в них это ложно понятое естественное право. Без верховной силы, воссоединяющей в себе все моменты человеческого общества, ни одно общество существовать не может. Именно по этой причине менее возможен всеобщий возврат к прошлому состоянию анархии, чем незначительное отступление время от времени к прежним, уже преодоленным ступеням; чем незначительнее это отступление, тем менее вероятно, что из-за этого люди возмутятся против верховной власти, игнорирующей их точку зрения, ибо революция, даже если она преследует цель вознести верховную власть на подобающую ей высоту, может осуществить свой замысел лишь вызвав огромную опасность немедленного развала государственной власти. — Но согласно природе вещей, даже самый незначительный регресс не может длиться долго, так как государственная власть ради своей собственной

выгоды должна стремиться к тому, чтобы идти в ногу с продвигающимся вперед, восходящим духом времени. Верховная власть не может находиться продолжительное время в руках какой бы то ни было, даже весьма крупной, партии, ибо та, если она не совсем ослеплена, должна понять, что навлечет на себя величайшие бедствия, причина которых в том, что она является лишь партийной руководящей силой, а не действительно высшей государственной властью. Коллизии, вызываемые этим положением, слишком остры, часто чреватые слишком опасными последствиями, чтобы они не побудили вновь вступить на правильный путь, устремиться к истине, после того как испытан ложный путь. Партия, обладающая верховной властью, если она не столкнется с оппозицией, скорее будет пренебрегать интересами государства, нежели своими собственными. Но в государстве, которое стоит на уровне своего века, не может не быть такой оппозиции. В той мере, в какой государственный ум возвышается над государственной властью, последняя неизбежно оказывается низведенной до уровня бессильной партии, а государственный ум должен обрести силу как оппозиция. Но к чему сохранять столь трудное и опасное положение, — если, с другой стороны, задача, стоящая перед верховной властью, отнюдь не такая уж трудная! Присущий ей гений времени делает суверенную государственную власть столь же искусной в управлении, сколь достойной управлять. Истинно высочайшее проявит везде свою сущность, и что чтят величайшие умы, чтит весь народ.

История, однако, что следует из сказанного, рассудила в пользу допустимости государственной религии. Религия не может быть отделена от жизни, церковь от государства, как они и никогда не были отделены друг от друга в великие эпохи мировой истории. — Но суверенная власть должна так же возвышаться над различными вероисповеданиями, подвластными ей, как Бог над своими творениями! Эта власть должна посредничать между ними, не отдавая, однако, предпочтения ни

одному из них. Она должна действительно вмещиваться в духовную жизнь, не стесняя вместе с тем свободного развития умов. Она должна придать гибкость вероисповеданиям, но не стремиться к уничтожению одного ради другого. Она должна укреплять и поощрять сознание Бога, но не возмущать совесть. Там, где государственная власть не **абсолютно** религиозная, но католическая, лютеранская или евангелическая, одним словом, если она носит лишь конфессиональный, **церковно-религиозный** характер, там понятно возникновение критики государственной религии. Но там, где государственная власть ревнует не о догматическом, но только о практическом христианстве, она, опираясь на лучших, сумеет мудро посредничать в любом конфликте. Государственная религия в **этом** смысле нашла бы, бесспорно своих последователей, своих защитников, среди всех вероисповеданий — и поистине это были бы немалые силы. В особенности в Германии к такой религии обратились бы лучшие, ибо здесь, где всегда питали столь большой интерес к духовной жизни, в результате великих всемирно-исторических битв сгладилась острота сектантской непримиримости, хотя это и не вызвало отхода сил от религии. — Обвинение, которое обычно выдвигают против практического христианства, обвинение в том, что оно не носит позитивного и исторического характера и граничит с религиозным индифферентизмом, германский народ опроверг. Современная религиозная Германия опирается, несмотря на свою приверженность к возвышенному идеалу, даже именно поэтому, на более позитивную и более историческую основу, чем во все прежние столетия. Ее сознание Бога возвышеннее и стало таким благодаря **истории**. Это сознание сильнее, чем во все прежние эпохи, ибо оно является спелым плодом этих эпох. Его противники — то многочисленное, уродливое поколение пигмеев, которое не росло вместе со своим временем; но когда долготерпение сознающих Бога истощится и проснется их гнев, их исполинская десница без малейших усилий повергнет всех карликов в

прах. Тогда раздадутся стенания и жалобы, словно наступает конец мира. — И это действительно конец того мира, у которого уже недостает силы для открытого боя и хитрость которого притупилась!

Это та пора, когда должно прекратиться противоестественное отделение религии от жизни. Но истинное единство, в котором различные духовные интересы, равно как материальные, составляют моменты верховной власти, столь же далеко от чудовищного образования, несправедливо названного государственной религией, — ибо его истинное назначение состоит в том, чтобы принести победу не религии, а одному вероисповеданию, — как и от насильственного отделения религиозной жизни от государственной посредством революции, в результате чего в первой убивается душа, во второй тело, что ведет к уничтожению той и другой. Правда, эта тенденция к разделению вызывалась тем, что противоположная тенденция, к единству, выражалась в чудовищной форме. Но нельзя упускать из виду, что дурное единство религии и жизни, против которого справедливо восстает оппозиция, не хуже, а всегда лучше, чем абсолютное отрицание всякого единства. К абсолютному отрицанию, к уничтожению всякой религии, как и всякой государственности, стремятся, как уже отмечалось, сами того не ведая и не желая, те, кто протестуя против какого бы то ни было единства религии и государственности, утверждают, что государство должно принять во внимание лишь то, что **проявляет себя**, религию же как нечто **внутреннее** следует оставить совершенно неприкосновенной. Это или весьма тривиальное утверждение, которое никто не оспаривает и не может оспаривать, — а именно, что сила, проявляющаяся в абстрактной форме, не оказывает никакого влияния на абстрактную внутреннюю жизнь, — или, поскольку подразумевается нечто не общепринятое, — что разделение, существующее между внутренней и внешней жизнью, должно сохраняться, дабы "святая" церковь пребывала в состоянии полнейшего безразличия к делам "светского" государства. — Но

эта нечестивая политика и бессильная религия привели государство и церковь на край пропасти, сделали всю нашу современную жизнь столь жалко-эгоистической, что мы, не испытывая какого-либо энтузиазма, вызываемого великой религиозной и политической целью, должны в равной мере испытывать стыд перед средневековьем и перед древностью! — Если **государство**, каким оно должно быть в соответствии с всемирно-исторической необходимостью, станет, осознав Бога, священным государством, если **абсолютная** религия станет душой всякой жизнедеятельности общества, тогда осуществляются всемирно-исторические деяния, более значительные и величественные, чем те, что известны из времен **относительного** единства государства и церкви. — Цельный человек почувствует тогда своим свободным сознанием, что он проникнут идеей абсолютного единства социальной жизни, и эта идея возвышает его.

Глава четвертая

ГЕРМАНИЯ И ФРАНЦИЯ

НАШЕ НАСТОЯЩЕЕ ИЛИ СВОБОДНОЕ ДЕЯНИЕ

Voluntas et intellectus unum et idem sunt

Spinoza¹

Значение Французской революции для свободы духа, внутреннюю взаимосвязь между эмансипацией нравов и эмансипацией духа необходимо осветить и с другой стороны. Лишь со времени Французской революции требование "эмансипации евреев" становится общим и настоятельным. Едва ли нужно разъяснять здесь это требование XIX века. "Эмансипация евреев" — существенный момент эмансипации духа. — Хо-

¹"Воля и разум едины и тождественны" (Спиноза).

тя эмансипация духа началась уже с немецкой Реформации, однако фактически до Французской революции не могло идти речи о полной эмансипации евреев. Ибо у евреев будет отсутствовать существенное, мы бы сказали, существеннейшее условие достижения равноправия, если наряду с правом гражданства им не будет дана также возможность посредством гражданского брака выйти из состояния своей обособленности в обществе. — Что за толк был бы им от эмансипации, если в жизни они, как и ранее, продолжали бы подвергаться медленной пытке ненавистью и презрением, которая является закономерным следствием их обособленности и будет длиться до тех пор, пока это состояние не изменится? — Но вместо того, чтобы помочь евреям выйти из этого состояния, люди в ослеплении духа обвиняют их самих в этом положении, хотя в нем виновно христианское законодательство! — Еще сегодня можно услышать, как многие рассуждают о еврейской "национальности" как о помехе, стоящей на пути к эмансипации. — Но скажите мне, что может сделать образованный еврей, чтобы выйти из своей "национальности"? Вы утверждаете, что он должен креститься, но это не то решение, которое совместимо с свободой духа! — Было бы совершенно излишне, после того как в этом сочинении развивается идея эмансипации духа, возвращаться еще раз к так называемой "системе крещения". Но мы хотим здесь отметить один факт. К чему привела система крещения? — Тысячи образованных евреев, которых в Германии благодаря ее культуре, представленной всеми вероисповеданиями, наверно, больше, чем во всей остальной Европе, без малейших колебаний вступят в брак с иноверцами и будут воспитывать в чужой вере своих детей; в случае сохранения ныне существующих условий они не позволят своим детям вступать в брак ценой выхода из христианства и возвращения к еврейству. — Этот факт легко можно объяснить. Еврею в любой части Германии еще запрещается государством вступать в брак с иноверцами, разве что он сначала сам

перейдет в христианство или (по крайней мере!) возьмет на себя обязательство воспитывать своих детей, родившихся в смешанном браке, в христианской вере. — Итак, свободомыслящее государство требует того же, что и католическое вероисповедание, и даже более того; и это вызывает особое возмущение протестантской Германии. — Кто может поставить в вину образованному еврею то, что всю болтовню о свободе мысли он воспринимает как фарс, предпочитая исповедывать религию, к которой принадлежит по рождению, а не переходить в другую? Разве церковное христианство в Германии когда-либо становилось практической религией любви? Ведь оно в отличие от Франции и Северной Америки не отказывалось от своей точки зрения! То, что в германских государствах протестанты и католики пользуются равными правами, не следует считать большим достижением. Разумеется, в отношении какой-либо **христианской** церкви ни одно германское государство открыто не проявит больше нетерпимости, — вызвать новую Тридцатилетнюю войну вовсе не хотят! Служит ли это, однако, свидетельством истинной, внутренней терпимости? Чтобы узнать, что показывает барометр **духовной свободы**, нужно рассмотреть, как относится государство к своим еврейским подданным. Государство ничем не рискует, как бы оно ни относилось к евреям. Напротив, обнаруживая к ним нетерпимость, оно может снискать популярность у христиан, точнее, у христианской черни. Ибо близорукие воображают, что государство может равно благосклонно опекать все религии, за исключением иудейской, более того, благодаря этому оно покажет себя истинно христианским государством. Так судит чернь — мы судим иначе. Государство, которое отвергает иудейское вероисповедание, отвергает и христианское, если последнее не признается государственной религией или если переменчивые государственные соображения не побуждают громогласно объявить об обратном: государство же, отвергающее какое бы то ни было христианское исповедание, не может быть

ни истинно, ни мнимо христианским, но только католическим или лютеранским, кальвинистским или евангелическим, англиканским или Бог весть каким, но никак не христианским!

Если бы было правдой, что христианство неизменно должно выступать в союзе с духовным рабством, то как же оказалось возможным, что самая религиозная в мире страна, Германия, рассматривает свободу духа как свое драгоценнейшее достояние? — Германия обрела свою свободу в христианстве. Начав бороться против духовного рабства, Германия нашла свою опору еще в самой христианско-католической церкви. — Лишь после того, как папа выступил в качестве непримиримого врага свободы духа, Германия отказалась от этой опоры, — и только теперь, когда нам стало ясно, что всякий догматизм, всякое вероисповедание, всякая церковь несовместимы со свободой духа, мы отказываемся от любого догматического христианства и переходим к христианству практическому! Но поистине, наша практическая жизнь, даже если она и устроена в соответствии с нашим понятием и свободна от всякого чуждого авторитета, не обязана на этом основании своим возникновением какой-либо причине нерелигиозного или светского характера точно так же, как наше отложение от католической церкви не вызвано духом атеизма! — Религия вошла в плоть и кровь немецкого народа, и ее самое органичное, свободное творение, германское государство, может быть только религиозным. — Если, однако, кто-либо рискнет утверждать на этом основании, что только в Германии, только на почве истинной свободы духа может также расцвести истинная нравственная свобода, он будет неправ. Столь же несправедливо и обратное утверждение, что только во Франции, где свободой проникнуты и нравы, может укорениться истинная свобода духа, — Германия и Франция должны дополнять друг друга. Германия, — созидательница реформации, олицетворяет восточный тип созерцательного покоя и внутренней жизни, — Франция, — страна революции, — западный

тип движения и внешней жизни. Единство двух этих начал достигнуто в Англии, потому именно в ней мы и должны искать свое будущее. Но теперь мы хотим говорить о сегодняшнем дне, поэтому оставим Англию и Россию в стороне, равно как Америку и Азию, эти потенциальные факторы будущего.

В нашу эпоху различнейшие силы едины в своем стремлении преодолеть старинный раздор между спиритуализмом и материализмом. Два народа, однако, стоят на авансцене и призваны стать поборниками этой тенденции. — Нам, немцам, дано добиться примирения этих двух начал, основываясь на духовной спекулятивной точке зрения; и точно так же, как у другой стороны меньшинство денежной аристократии не в состоянии выманить хитростью нечто завоеванное в области **реального**, так и масса духовной черни не может поколебать достигнутое нами в области **идеального**. — Германия — одна рука Провидения, которая вобрала в себя сокровеннейшую сущность, дух, и способствует его развитию, Франция — другая рука, вторгающаяся во внешние формы, чтобы преобразовать их соответственно времени. — В мире нет более различных по своему типу стран, чем эти две страны, которые с точки зрения своего географического положения и исторического развития являются средоточием и душой культурного мира. Здесь, как и везде, где должна зародиться более высокая жизнь, крайности сходятся. — В идеальной сфере царит немец-созерцатель, в реальной действует энергичный француз. В Германии все еще преобладает древнегерманский, во Франции — древнеримский элемент. Германия преследует на протяжении всего средневековья одну цель и расточает кровь и силы ради названия "Священной Римской Империи", тогда как Франция складывается в весьма земную, но реальную империю. В то время, как Германия в ходе Тридцатилетней войны приносит жертвы ради расширения духовного горизонта человечества, Франция занята расширением своих границ. Наконец, Франция

несет свободу в реальную жизнь, и пока она исходит кровью в борьбе и одерживает победы ради реального достояния, величайшие мужи Германии, от Канта и Шиллера до Гете и Гегеля, сидят в своих кабинетах и ведут такую же борьбу, празднуя такую же победу — в духе.

Вечный, закономерный жизненный процесс, в силу которого внутренняя жизнь рвется наружу, раскрывается, осуществляется, а затем возвращается в себя самое, — причина того еще не окончательно преодоленного разлада в современном обществе, который словно шаловливый кобальд предстает то в одном, то в другом обличье, подстрекает нас на новые действия, хотя мы не успели еще прийти в себя после завершения борьбы. — Древние века олицетворяли стремление человеческой жизни преодолеть первоначальное единство и жизнь в себе, они отличались великим многообразием прекрасных, естественных индивидуальностей. — Но человеческая жизнь должна была вернуться в себя самое. Ради этой цели изначально сохранялись поколения, которые, когда исполнились сроки, выходили из своего укрытия, чтобы усвоить древность. Суть средневековья — перенесение человеческого элемента из римского внешнего бытия в германское внутреннее бытие; этот процесс начался с переселения народов. Поразительное явление это находит свое объяснение в упомянутом жизненном процессе; осознав его, мы сможем разобраться в сущности нашей социальной жизни, в ее географической и исторической структуре, познакомиться с жизнедеятельностью этого организма социальной жизни, о котором мы упоминали в начале книги, в его наиболее общей форме. Восток — колыбель рода человеческого, но человечество, вначале единое, разросшись, умножившись, должно было разделиться. Те, в ком преобладал дух неуспокоенности, отрицания, направились на Запад, и только спокойные, обращенные в себя созерцательные натуры остались на Востоке. Этими переселениями с Востока открывается история; лишь Запад имеет историю, лишь запад-

ный мир подвижен. — Этим объясняется то, что западной цивилизации навсегда придан ее тип — движение, — в противоположность созерцательному покою восточной цивилизации, и что обусловленный самой жизнью старинный разрыв между внутренним и внешним бытием отражается не только во времени, но и в пространстве. — Однако это пространственное противоречие между Востоком и Западом не носит застывшего и неподвижного характера, оно подобно противоречию во времени и по природе своей подвижно, изменчиво. В древности, когда последней границей Запада была Европа, эта часть света олицетворяла Запад. В новое время обстоятельства сложились иначе. После отказа от первоизданной внешней и естественной жизни, после проявления первого противоречия между Востоком и Западом в период, продолжавшийся от переселения народов до крестовых походов, представительницей Запада стала Америка, Европа же превратилась в посредницу между Западом и Востоком. С открытия Америки начинается новая история, собственно мировая история, история возрожденного духом естественного бытия.

После этого краткого отступления, предпринятого с тем, чтобы ярче осветить наш предмет, — противоречие между спиритуализмом и материализмом, или внутренней и внешней формой, — вернемся к теме нашего разговора. В средние века, когда восточный тип, внутренняя форма, преобладали, главную роль играет Германия, германский элемент. В наше время, однако, ни одна из сторон не должна иметь перевеса, обе они должны развиваться одновременно. Сначала, правда, Запад ставил перед собою задачу вновь подняться после своего длительного унижения. На первых порах все способствовало тому, чтобы восстановить Запад в его правах. В возрождении античности участвовали князья и ученые. Запад собирал все больше сил, все больше союзников; все народы он обратил в союзников, и, когда почувствовал себя достаточно окрепшим, он обрушился, вспомнив бывшее величие и многове-

ковой позор, на своего врага. Запад мнил уже, что ему удалось в корне изжить средневековье и что ему удастся отомстить за судьбу, напоминающую судьбу Востока, — но тут собрался с силами, заявил о себе Восток. Запад должен отстаивать свое право, а не мстить. Если некогда античность и в ней Запад были уничтожены, то с другой стороны, Запад довольно долго пользовался своей властью, попирая внутреннюю жизнь и единство. Он снова вошел в жизнь, но не как в древние времена, не за счет противной стороны. Он должен был рукой Наполеона рассыпать свою цветочную пыльцу над Востоком, дабы оплодотворить его, а не лишать навеки независимости. Но так как он все же захотел поработить Восток, Восток, когда пришло его время, стряхнул с себя чужеземное иго! Еще недавно все были в заговоре против Востока, ныне же со всех сторон — из Англии и из России — пришли ему помощь и поддержка. Но прежде всего древний Рим, олицетворенный **Францией**, был возвращен восторженным немецким народом в свои границы.

Освободительной войной против Наполеона завершается первый период нового времени. Со времени окончания Тридцатилетней войны до наших дней, до завершения Французской революции, с 1648 года до 1815, начиная с Вестфальского мира и кончая Венским миром, в истории на первый план выступала внешняя жизнь, материализм. Но затем в нашей истории воцаряется единство спиритуализма и материализма, Востока и Запада, средневековья и античности, духа и природы.

Резкая противоположность духа и природы, вечного и конечного, Бога и мира, этот застывший дуализм устраняется в наше время, и независимо от того, какая сторона преобладает в жизни, идеальная или реальная, всюду исчезли ребяческая грубость древности, равно как экзальтация средневековья, характерная для отроческого возраста человечества, уступив место мужской самостоятельности. Как уже отмечалось в начале этой главы, только цельное истин-

но свободно или самостоятельно. Самостоятельный человек знает, что в качестве индивидуума он выступает как элемент высшей жизни некоего большего целого, и именно потому, что он сознательно и по своей воле подчиняется высшей воле, воспринимая ее как свою собственную, — он должен повиноваться только самому себе. Напротив, человек, который мнит себя как индивидуум свободным, однако также является элементом, подчиненным более высокому единству, но лишь отрицает, что высшая воля направляет его произвольное поведение. Такой человек вынужден именно по этой причине повиноваться другому господину, внешнему Богу. Продолжительное время рационализм противился приятию некоего вечного, необходимого закона жизни и защищал дурную свободу, произвол — противился до тех пор, пока снова не породил своей противоположности. Назначение рационализма действительно заключалось в том, чтобы отрицать голую веру в некое Провидение и этим подготовить ясное понимание божественного миропорядка. Если, однако, ныне, когда это понимание достигнуто, он все еще поднимает свой слабый голос и кричит о фатализме, о подрыве морали и об исчезновении всякой свободы и энергии в человеческих деяниях, — то с ним можно быстро и легко справиться. Воля, в силу которой действует истинно свободный человек, это не пигмейская воля обособленного индивидуума, который не может ни воспрепятствовать, ни оказать содействие ходу мировой истории, — это Божья воля. Энергия, способность действовать и стремление действовать у того, кто признает Божью волю — признания, которые отнюдь не сковывают его действия — усиливаются, превращаются в творческую гениальность; с одной стороны, мы можем повторить вслед за Гегелем, что в мире ничто великое не совершается без страсти, с другой, напротив, с той же достоверностью можем утверждать, что не происходило ни одного великого исторического события, когда не существовало

бы, по крайней мере, предчувствия, веры в то, что оно происходит по воле Бога. — Но человечество должно обрести нечто большее, чем только веру в божественное Провидение. — Различие между старым фаталистическим миропониманием и более высоким миропониманием нашего века французские последователи Сен-Симона, учение которого у нас не оценено по достоинству, сформулировали следующим образом: под властью слепого рока, как представляли себе исторические судьбы древние, человек являлся лишь безучастным зрителем великих исторических событий и, не проявляя собственной воли, был вовлечен в них. Он ничего не в силах был желать, ничего не в силах предвидеть. — Но под властью Провидения, как понимаем Его мы, человек господствует над обстоятельствами и направляет их силой своего духа и сердца. Смутно предчувствует он свою судьбу, и после того как с помощью своего духа убеждается в истинности и святости своего предчувствия, он по своей воле вторгается в ход мировых событий и творит свое будущее.

Если у Гегеля, как у немцев вообще, преобладает духовный аспект, то аспект реальный нашел своего представителя среди французов. Сопоставление немцев и французов, о котором мы писали раньше, вновь находит свое подтверждение при сравнении воззрений истинных сынов этих двух народов — Гегеля и Сен-Симона.

Сен-Симон предчувствовал будущее, был одержим страстью к действию, обладал пламенным красноречием и неугомонным сердцем. Гегель постиг прошлое, был одержим страстью к познанию и обладал даром убеждения, свойственным невозмутимому логическому уму. Оба они исходят из одной и той же идеи, из одного и того же ростка, который незрим, — ибо чем выше назначение жизни, тем неприметнее, замкнутее в себе, глубже ее начало, — но если силу нашего века не расточать попусту, то он должен вернуться к своему истоку, к своему ростку, к Спинозе. Гегель

сам отвел Спинозе это место: быть началом того сознания Бога, которое он, Гегель (в определенном направлении) развивал дальше. Но, как нам кажется, Гегель не сумел по достоинству оценить высокое значение того положения, которое, по его собственному мнению, причитается Спинозе; это можно объяснить односторонностью гегелевской идеи. Система Спинозы, замкнутая в самой себе и законченная, чужда односторонности. Охватывая современность в ее целостности, Спиноза стоял у конца одной переменчивой эпохи и у начала другой. — Идея абсолютного единства всего сущего родилась в начале нового времени в голове Спинозы, и он столь бесхитростно возвестил ее, не раскрывая существеннейших последствий, вытекавших из нее для будущей социальной жизни, что можно предположить, что он еще не знал, какое здание поднимется на заложенном им фундаменте. В действительности же зачинатель нового времени, как мы думаем, ничего не знал о развитии своей идеи, ибо всякое основание вещи — вообще вещь в себе, а не вещь для себя. Основание — это общее, которое безразлично к своему богатому содержанию, таит в себе долженствование, идеал, будущее, равно как бытие, реальность, прошлое. Примером может служить Спиноза, рассматривающий в своей "Этике" истину и действительность — самое общее, содержащее в себе все, но именно потому ничего определенного. После него возникли две тенденции, внешне противоречащие друг другу, в действительности же неантагонистические, которые, даже расходясь, часто совпадали. — Это противоречие раскрывается нам уже в самой немецкой философии как философия природы и философия духа. Мы обнаруживаем его вновь в жизни народов. — Это направление возникло в **Германии**. Предметом его было лишь прошлое, а так как наше прошлое — идеалистическое средневековье, то им стал **идеализм**. Гегелевская философия была высшей точкой, достигнутой этим направлением. Оно служило оправданием сущего, концом прошлого, которое он довел до завершения,

но не началом будущего. Так как предметом изысканий Гегеля было только сущее, то он не смог понять Спинозу, как не понимали его и его противники. Учение этого великого мыслителя часто истолковывали ложно. Пройдем мимо обвинения в атеизме, выдвигавшегося против него материалистическим веком. Мы намереваемся рассмотреть лишь обвинение, которое выдвинул против него идеализм или его представитель Гегель, обвинение в акосмизме. Гегель утверждал, и многие вторили ему, что у Спинозы мир растворился в Боге, разнообразие в единстве, субъект в субстанции, — Гегель особенно подчеркивал, что Спиноза умер от чахотки. — Что же, мы не будем протестовать, если вы пожелаете выводить свойства духа Спинозы, исходя из свойств его тела. Однако вы должны в этом случае принять во внимание не только то, как плоть влияет на дух, но и как дух преобразовывал плоть. Признано, что сила духа Спинозы сотворила чудо, удлинив срок его жизни. — Но шутки в сторону, вы ведь упомянули о чахотке не совсем всерьез! Вы хотите только сказать, что Спиноза постигает субъект как конечный, исчезающий; вы надеетесь вычитать в спинозовой "Этике" презрение к миру и жизни, усмотреть в ней доказательство того, что субстанция — все, а субъект ничто. Но последняя (пятая) глава "Этики" состоит почти исключительно из тезисов, в которых дедуцируется божественная природа и бессмертие субъекта, лица, или, как вы предпочитаете выражаться, "личности Бога". И, наконец, объясните мне, как согласуются с вашим пониманием спинозовой "Этики" те ее тезисы, в которых придается весьма высокое значение сохранению жизни, например, такое утверждение: "В нашем духе не может содержаться идея, которая исключает существование нашего тела, ибо такая идея противоречила бы нашему духу"¹, — положение, которое определяет "саморастворение в Боге", иначе, акосмизм, как форму безумия? Однако это положение совершенно закономерно

¹Spinoza. Ethica, ч. III, параграф X, стр. 141.

вытекает из принципов "Этики". Ибо согласно этим принципам не субстанция образует истинную жизнь человека, как вы очевидно полагаете, не Бог вообще. Сущность **нашего** бытия образует Бог, поскольку Он живет в нас. Спиноза утверждает обратное тому, что думаете вы: что мы не причастны к божественной жизни в такой степени, в какой Бог есть субстанция и вездесущ; мы причастны к ней лишь поскольку Он субъект и живет в нас. В своей "Метафизике" Спиноза признает только **субстанцию**, в своей "Этике" только **субъект**. — Очевидно, наши идеалисты в этом случае, как всегда, изучали метафизику, пренебрегая этикой.

Если в Германии возникла тенденция, обращенная в прошлое, если здесь оправдывается только бытие, то во **Франции**, напротив, существует тяга лишь к тому, что должно быть, лишь тенденция, направленная в будущее. Эта тенденция также была односторонней, но не более односторонней, чем немецкая. — Стремясь достигнуть своей цели, Франция избрала путь противоположный нашему. Исходные точки были разными, но цель вновь объединяет нас. Мы будем несправедливы к французам XIX столетия, если все еще станем относить их к закоренелым материалистам XVIII века. Отрадно отметить, что спинозизм, который толкуется ныне расширительно, снова начинает копить силы. — Стремление быть связующим звеном между двумя типами народов, в качестве представителей которых мы называли здесь немцев и французов, невозможно больше игнорировать. Уже в предисловии мы доказали, что Гегелю не удалось четко сформулировать понятие прошлого именно потому, что он исключил из сферы своего исследования понятие будущего. С другой стороны, можно также доказать, что, занимаясь лишь будущим, Сен-Симон не мог осуществить истинно практического свободного этического деяния.

Впрочем, мы не можем и не хотим опережать историю. Чтобы полностью осуществить свободу, необходимо еще посредством эмансипации законов успешно завершить дело нового времени. Согласно уже вы-

сказанному нами суждению, Англия призвана к тому, чтобы полностью реализовать свободу. Пока этого не произойдет, всякая деятельность будет несовершенной. Немцы и французы при всем своем желании не могут без своего связующего звена, Англии, достигнуть цели. Столь же сомнительно, чтобы и Англия сама по себе могла осуществить это, не найдя опоры в двух этих нациях с их духовными и общественными устремлениями. Религия, мораль, законы должны быть выработаны нашими объединенными усилиями. Притом всему свое место: для Германии социально-духовная свобода, потому что здесь преобладает власть духа, для Франции социально-нравственная свобода, потому что эта страна сильна своей волей, для Англии социально-политическая свобода, потому что в ней сильнее всего развит здравый смысл. Но, чтобы работа была успешной, немцы, французы и англичане должны действовать сообща. Германия должна примкнуть к Франции, а та к Англии, иначе корень останется без цвета, а цвет без плода, — и, напротив, Англия должна опираться на Францию, а та на Германию, ибо цветочная почка не завязывается, если нет корня, и ни один плод не созревает, если нет цветочной почки. — Как цвет религии — добродетель, а плод добродетели — блаженство, точно также и наоборот, — истинная религия — единственная основа добрых нравов и только из них рождаются разумные законы. — **Триархия** Германии, Франции и Англии поэтому скорее заслуживает названия **европейской** и внимания историка и политика, нежели **пентархия**, к которой недавно некий русский софист привлек взоры мира¹.

¹ Намек на статью, опубликованную анонимом в Лейпциге в 1839 г. Ее автор, Карл Эдуард Гольдман, состоял на службе у Меттерниха, а затем у русского правительства.

О СУЩНОСТИ ДЕНЕГ

Торгашеский мир — это мир видимости и мир лжи, **каким он выступает в практической жизни.** Под видом абсолютной независимости — полнейшее убожество, под видом оживленнейшего общения — убийственнейшее отчуждение человека от своих ближних, под видом гарантированной всем индивидуумам неприкосновенной собственности в действительности полная утрата всякого имущества, под видом всеобщей свободы — всеобщее рабство. Не удивительно, что в этом призрачном мире, где ложь выступает как **реальность**, обман — норма, а честность — проступок; что подлость достигает всех почестей, а уделом честного человека становятся нищета и позор; что ханжество празднует победу, а правда слывет непристойной; что половинчатость мало-помалу начинает преобладать, а решительность решительно остается в меньшинстве; что, наконец, самый свободный ум становится **самым разрушительным**, а самый ограниченный рабский ум, напротив, **самым консервативным** элементом!

Изолированный и потому отмирающий индивидуум, оторванный от корня своей жизни, от своего жизненного элемента, словно гнилой плод, отделившийся от древа жизни, может избежать гниения или **сохраниться** лишь с помощью **искусственных** средств. Живое существо не сохраняет себя, оно **действует, вновь воссоздает себя** каждое мгновение. Но чтобы действительно **жить**, то есть действовать или создавать себе подобных, различные отдельные члены одного и того же большого органического тела должны быть неразрывно связаны друг с другом, равно как и со своими общими жизненными элементами или материей жизни; они и их тело, атмосфера их жизни не должны быть **отделены друг от друга.** Эта разъединенность, обособленность, разорванность индивидуумов характерны для животного мира, для **эгоизма**, и этот **животный** характер чело-

вечество сохранило потому, что оно еще находилось в стадии **становления**; ибо сам животный мир не что иное как человечество, находящееся в стадии **становления**. Человечество имело как бы двойную историю: одна — первая история становления — это история становления его еще несознательного или **физического** бытия, и мы наблюдаем ее в **естественном** животном мире; другая — его вторая история становления, она вытекает из первой и следует за ней; лишь пройдя этот второй этап становления, человечество принимает свою законченную, полную, совершенную форму, — мы определяем ее как историю становления его сознательного духовного или **общественного** бытия, и наблюдаем в **социальном** животном мире. Мы достигли теперь вершины, **кульминационной точки** социального животного мира; поэтому мы теперь **социальные** хищные животные, законченные, сознательные **эгоисты**, которые санкционируют, провозгласив **свободную конкуренцию**, войну всех против всех, декларируя так называемые **человеческие права** — права обособленных индивидуумов, частных лиц, "абсолютной личности", — объявив свободу предпринимательства — взаимную эксплуатацию, жажду **обогащения**, которая есть не что иное как **кроважность социального хищника**. Мы уже не **травоядные животные**, как наши добродушные предки, которые, хотя и были социальными животными, но не были социальными хищниками и в своем подавляющем большинстве, подобно безобидным домашним тварям, давали **кормить** себя. — Мы **пиявки**, **сосущие кровь друг друга**. Как животное, питаясь кровью, лишь поглощает этим свою собственную жизнь, так и человек поедает в деньгах свою собственную жизнь **зверским, каннибальским образом**. **Деньги** — социальная кровь, но **кровь отчужденная, пролитая**. — **Евреи, всемирно-историческая миссия** которых лежит в сфере естественной истории социального животного мира и состоит в том, чтобы превратить человечество в **хищное животное**, — завершили наконец **работу**, к которой они

были **предназначены**. Таинство еврейства и христианства раскрылось в **иудео-христианском торгашеском мире**. Таинство **крови Христовой**, как и культ крови у **древних иудеев**, обнаруживается здесь, наконец, совершенно неприкрыто как **таинство хищного зверя**. — В **древнем иудаизме** культ крови существовал лишь в виде прообраза, в **средневековом христианстве** он осуществился **теоретически, идеалистически, логически**, то есть люди действительно поедали отчужденную, **пролитую кровь человечества**, но лишь в воображении, **кровь богочеловека**. В современном иудео-христианском торгашеском мире это стремление общественно-го животного мира проявляется наконец не **символически** или **мистически**, но совершенно **прозаически**. В **религии** социальных хищников еще содержалась поэзия. Если и не поэзия Олимпа, то по крайней мере поэзия Блоксберга¹. — Обыденным и прозаическим становился торгашеский мир только тогда, когда природа снова заявляла о своих правах, и обособленный человек, этот жалкий раб древности и крепостной средневековья, не хотел больше довольствоваться небесной пищей; когда он начал бороться не за духовные, но за материальные блага и пожелал свою отчужденную жизнь, свою пролитую кровь обратить на пользу не своему незримому желудку, но своему зримому карману. Тогда священный кунштшюк стал светским, небесное надувательство земным, поэтическое единоборство богов и чертей прозаической схваткой животных, мистическая **теофагия** явной **антропофагией**. Святая церковь, небесный склеп, в котором поп, эта гиена социального животного мира, справлял свою фантастическую тризну, превратилась в царство чистогана, в земное поле битвы, где **равноправные хищники** высасывают друг у друга кровь. В царстве чистогана, в государстве свободной конкуренции

¹Блоксберг-Брокен — самая высокая вершина в горах Гарца. По преданию, в Вальпургиеву ночь там собирались на шабаш ведьмы.

отменяются все привилегии, все сословные различия; здесь господствует, как уже упоминалось, лишенная поэзии свобода хищника, основанная на **равенстве** перед лицом **смерти**. При господстве денег **цари** утрачивают право на завоевания, основанное на том, что они львы звероподобных людей, равно как невежественный поп не вправе больше смаковать трупный запах, на том основании, что он гиена. Скорее они, подобно остальным человекозверям, сохранили в какой-то мере это право в силу своего **всеобщего естественного права**, в силу своего **общего качества** хищных зверей, пиявок, евреев, охотников за золотом.

Деньги — это принявшее застывшую форму мертвой буквы, убивающее жизнь средство общения, как **буква** — это принявшее застывшую форму мертвых денег, убивающее дух средство общения. Изобретение денег и алфавита приписывается финикийцам, тому же народу, что придумал **еврейского Бога**. Потому некий пописывающий шутник полагал, что он изрек нечто остроумное, возражая **против** отмены денег, когда в одной из своих статей под названием "Движение производства" он сравнивал **духовный** капитал, которым мы обладаем в произведениях (в особенности его), с **материальным** капиталом, которым мы обладаем в **деньгах**, и затем заключил: "Упразднение денег имело бы такое же значение, как упразднение письменности: это был бы приказ мировой истории вернуться в материнское чрево"¹. Прежде всего г-н Шульц **не заметил** различия, существующего между материальным капиталом, которым мы обладаем в форме денег, и духовным капиталом, который мы можем обрести путем знакомства с литературой. Это столь же существенное различие, как и то, что наблюдается между собственностью **мнимой** и собственностью **действительной**.

¹ W. Schulz. Die Bewegung der Production. Eine geschichtlich-statistische Abhandlung zur Grundlegung einer neuen Wissenschaft des Staates und der Gesellschaft, Zürich und Winterthur, Literarisches Comptoir, 1843, стр. 79.

Правда, я могу почерпнуть в литературе духовные сокровища. Но ни одному человеку не придет на ум обозначать сокровище, которым мы овладеваем посредством слова и письма, как **частную собственность индивидуумов**, которую затем они смогли бы передать своим **частным наследникам**. Разумеется, я могу унаследовать и приобрести **библиотеку**, так называемое **собрание книг**: я могу также воспринять так называемые **откровения** посредством **священных писмен**: но чем ближе это приобретение становится к **наживанию денег**, чем более внешним, случайным, чем более подчиненным законам **прибыли и убытков**, — тем более **обесцененным**, более **обездуховленным** становится мое "духовное" достояние. Или г-н Шульц полагает, что вместе с буквой и **книгами** я воспринял **дух**? — **Язык** — **живое**, умное средство общения, но важны не **мертвые буквы**. **Духовный** капитал имеет ценность лишь в том случае, если он **органически** сросся с человеком. **Язык**, представляя из себя органическое, состоящее из литых звеньев целое, **может** поэтому составлять органическое единство с человеком. **Деньги** не могут составлять такого единства с человеком, как было уже ранее показано. Поэтому деньги подобны не письмам в форме **живого языка**, но письмам в форме **мертвой буквы**. **Алфавит**, что весьма примечательно, видимо, как и деньги, придумали изобретатели **Молоха**. **Язык**, однако, **придуман** не ими и не другими. — Когда отпадает необходимость в каком-либо изобретении, когда оно даже стало приносить вред, тогда **им больше не пользуются**, но по этой причине оно не должно возвращаться в "материнское чрево". То, что изобретение алфавита и монет было "полезным" открытием, даже "необходимым", — бесспорно. Можно оспаривать лишь то, что оно и в **будущем** останется "полезным" и "необходимым". — Совершенно верно, что при существующей **изолированности** людей, при их **взаимной отчужденности** следовало изобрести внешний **символ**, который воплощал бы обмен духовными и материальными продуктами. Посредством этого **абст-**

рагирования от действительного духовного и жизненного общения возросла **способность, производительная сила** людей в период их **отчужденности**; именно в этом **абстрактном** средстве связи они обрели сущность, **ведущую** к их собственному отчуждению; из-за того, что **сами** они были **нелюди**, то есть **не были объединены**, они должны были искать объединяющее начало **вне себя**, то есть в некоей **нечеловеческой, сверхчеловеческой** сущности. — Без этого **нечеловеческого** средства связи они **вовсе не** смогли бы вступить в общение. Но как только люди **объединяются**, как только между ними может установиться **непосредственное** общение, нечеловеческое, внешнее, мертвящее средство общения с необходимостью должно исчезнуть. Это мертвое и умерщвляющее средство связи будет упразднено **не произвольно**; упразднение его происходит не по "приказу", как не по приказу оно возникло. Как **потребность** во внешнем объединяющем начале во время внутренней разрозненности человеческого рода породила духовных и материальных божков, так **потребность** в непосредственном, внутреннем объединении людей снова убьет этих божков. Любовь, ищущая прибежища в небесах, ибо она не могла еще объять землю, найдет свой приют там, где она родилась и взлелеяна — в человеческой груди. Мы не будем больше бесцельно искать свою жизнь вне себя или над собой. Ни одна чуждая сущность, ни одно **третье срединное** не протиснется больше между нами, чтобы объединить нас внешней и прозрачной связью, чтобы "посредничать", неся с собой на самом деле внутренний и действительный разлад и раздвоенность. — С торговыми спекуляциями исчезнут философские и теологические спекуляции, с политикой — религия. — Побуждаемые внутренней потребностью своей природы и неотвратимыми внешними обстоятельствами, мы покончим раз и навсегда со всей бессмыслицей и ханжеской ветошью наших философов, ученых, попов и манипуляторов от политики, которые живут в столь чудесной гармонии с бесчело-

вечностью и гнусностью нашего буржуазного общества, покончим, объединившись в одно целое, и удалим как нечто чужеродное все внешние средства общения, все эти **занозы в нашем теле**.

16

Органическая общность, образования которой мы ожидаем, может возникнуть лишь как следствие высочайшего развития всех наших сил, болезненно подстегиваемых нуждой и злыми страстями. Органическая общность, — спелый плод человеческого развития — не могла возникнуть, пока мы еще не достигли высокой степени развития, а мы не могли ее достигнуть, не вступая в общение друг с другом. Но это общение развивалось в то время, когда мы еще боролись друг с другом как одиночные и обособленные личности. Мы боролись друг с другом за свои духовные и материальные средства общения, потому что как отдельные личности мы испытывали в них потребность, чтобы иметь возможность жить. Мы испытывали потребность в них, потому что еще не были объединены, **объединение же и взаимодействие** наших сил составляют суть нашей **жизни**. Следовательно, мы должны искать свою собственную жизнь **еще** вне себя, должны были завоевать ее в **взаимоборстве**. Но в этой борьбе мы завоевали нечто совсем иное, чем то, что стремились и надеялись завоевать. Мы надеялись добиться **внешнего** блага, но при этом мы лишь развили **самих себя**. Это безумие, однако, было благотворным и полезным для нас лишь в той мере, в какой оно действительно способствовало развитию наших сил и способностей. Когда же те разовьются в полной мере, мы только погубим друг друга, если не перейдем к коммунизму. Борьба не служит более развитию наших сил, хотя бы потому, что они уже достаточно развиты. Мы, однако, каждый день наблюдаем, что, с одной стороны, мы лишь **бесплодно** растрачиваем свои силы, а с другой стороны, что

в результате избытка производительных сил они вообще не могут развиваться.

Если либеральные буржуа все еще тешат нас болтовней о том, что прогресс достигается посредством конкурентной борьбы, то это происходит лишь по той причине, что они мыслят категориями прошлого или ослеплены эгоизмом и не способны постигнуть истин, очевидных для каждого, кто смотрит на мир открытыми глазами. Если мы не объединимся в любви, то на той ступени развития, которой мы достигли, нам остается только сильнее эксплуатировать и яростнее пожирать друг друга. Не потребуется столетий, как полагают безмозглые либералы, и даже десятилетий, и стократно возросшие производительные силы ввергнут подавляющее большинство тех, кто должен жить трудом своих рук, в глубочайшую нищету, ибо их труд обесценился; немногие накопители капиталов будут утопать в роскоши и погружаться в омерзительный разврат, если ранее не склонят своего слуха к голосу любви и разума или не уступят силе.

17

История становления общества завершилась; вскоре пробьет последний час социального животного мира. Кончился завод у денежной машины, и тщетно пытаются наши манипуляторы от политики, воображающие, что вершат судьбами прогресса и регресса, поддерживать ее в движении.

СТРАШНЫЙ СУД

Гнева день, этот день обращает царства в тлен.

Из средневекового церковного гимна.

1. Мы живем в одну из тех исторических эпох, которые служат вехами для целых поколений. Такие эпохи — не надо заблуждаться на этот счет — эпохи борьбы. Дело создания нового мира — не мирный труд. В обществе, как и во вселенной, возникновению всякой новой организации предшествует распад элементов, составлявших старый организм, и борьба между ними. И в нравственном, и в физическом мире всякое новое творение, согласимся с этим словом, — **катастрофа**, но катастрофа, подготовленная старыми партиями, партиями старого мира.

Действительно, какое зрелище открывается ныне нашему взору? Старые партии снова оспаривают друг у друга лохмотья некоего общества, которое рушится под бременем материальной, интеллектуальной и моральной нищеты. В последний раз они готовят нам катастрофу, которая в конце концов сведет их всех в одну общую могилу. Но катастрофа, которую они готовят нам сегодня, не явится — не сомневайтесь в этом — февральской революцией. Она будет похожа на то, что обозначается в Евангелии как Страшный Суд. Пусть будет начеку передовой отряд социальной демократии, французский народ! Мы живем в канун этого последнего боя, который решит судьбу мира.

Какой будет, какой должна быть в этой всемирной борьбе двух принципов, разделяющих сегодня мир на друзей и врагов демократии, роль Франции по отношению к другим народам?

После Февраля попадались еще демократы и даже социалисты, которые хотя и признавали, что большинство членов временного правительства стремится лишь к тому, чтобы парализовать демократическое движение, и были согласны с тем, что эти люди, поставленные суверенным народом во главе фран-

цузской республики, были предателями дела революции, находили тем не менее нечто положительное в слащавой, лицемерной и лживой внешней политике. В то время нетрудно было впасть в заблуждение. Это была эпоха иллюзий. Революция не нашла никого ни среди своих друзей, ни среди своих врагов, кто был бы подготовлен к ней. Враги поддались чувству страха, друзья переоценили энтузиазм, охвативший людей в момент революции. Сегодня положение существенным образом изменилось, и никому больше не позволено обманываться! Исконные враги народа и человечества вновь обнажили оружие, которое страх недавно выбил из их рук и которое народ в свое время не отобрал у него из великодушия. Вскоре, быть может уже завтра, вероломные короли нанесут свой последний удар по демократии. Давно уже затевавшийся заговор близок к своему осуществлению. — Так тому и быть! Если враги Франции собираются объявить войну республике, она должна быть готовой на нечто большее, чем ламартиновский Манифест¹...

3. Мы хотим доказать, что материальные условия, от которых до сих пор зависело развитие человеческого общества и социальный прогресс, настолько противоречат условиям существования современного общества, что одно исключает другое; что вследствие этого сосуществование этих двух социальных миров в одну и ту же историческую эпоху материально невозможно и именно по этой причине сегодня в социальной организации человечества, как прежде в физической организации нашей земли, должна раз-

¹ Намек на "Манифест к европейским державам", в котором Ламартин в качестве министра иностранных дел временного правительства 1848 г. уведомил европейские страны, что республика намерена вмешиваться во внутренние дела других народов, ведя республиканскую пропаганду за пределами Франции.

разиться последняя катастрофа, которая разделит две великие эпохи, следующие одна за другой и обуславливающие одна другую, — эпоху, где господствуют противоречия, и эпоху гармонии.

Прежде чем перейти к самому предмету, да будет мне позволено высказать свое суждение об идее прогресса, этой не имеющей четкого определения идее, о которой всякий судит, как о чем-то само собой разумеющемся, и которую я быть может понимаю иначе, чем все остальные.

Прогресс — это жизнь. Всякое существо, которое еще не находится в состоянии упадка, начиная от растения и кончая человеком с его божественным духом, находится в процессе развития. Все, что деятельно и продуктивно, движется вперед. Имеются, однако, два совершенно различных вида активной, продуктивной и прогрессирующей жизни, два вида прогресса. Развитие от цветка к плоду носит совершенно иной характер, чем развитие зрелого плода, который может стать ростком целого растения. — Точно так же следует различать развитие эмбриона, осуществляющееся благодаря активной и продуктивной жизни матери, и развитие новорожденного, происходящее независимо от матери; собственными жизненными силами он питает свою индивидуальную жизнь.

Чем отличаются эти два вида прогресса друг от друга?

Различие понять нетрудно. Это различие между жизнью незрелой и жизнью зрелой, между зависимостью и независимостью, между организмом, принимающим участие в жизни лишь несовершенным и негармоничным образом, и организмом, все части которого развиты, — между развитием путем борьбы противоположностей и гармоничным прогрессом.

Взгляните на природу. Вы наталкиваетесь в ней повсюду на различие между гармоничным прогрессом и развитием путем борьбы противоположностей.

Организм животного отличается от организма человека именно тем, что первый остановился на про-

тиворечии, тогда как второй развился до гармонии; именно потому, что человеческий организм — зрелый, законченный, гармоничный и совершенно развитый¹, он обладает в свою очередь способностью вступить в социальную жизнь, которая известна нам лишь на своем первом антагонистическом этапе.

До сих пор человек принимал участие в социальном прогрессе лишь несовершенным и негармоничным образом. Общество сделало лишь несколько отдельных шагов вперед, оно развивалось лишь в результате антагонизма, существующего между его членами. До сих пор оно было организмом, еще не окончательно сформировавшимся и по этой причине не развернувшим вполне своей деятельности. Оно было зародышем, находящимся в процессе развития, эмбрионом, еще не обладавшим возможностью вести независимый и свободный образ жизни. — Чтобы обрести эту возможность, различные партии и члены человеческого общества эксплуатировали друг друга, обманывали, обкрадывали, порабощали и боролись друг с другом. История общества вплоть до нашего времени — это история открытого или завуалированного рабства. Чтобы одни могли развить свои способности, другие были вынуждены обеспечивать их средствами к существованию. Это великое разделение труда, — прибегая к термину современной политической экономии, — или, вернее, это разделение общества на два лагеря, на две принципиально антагонистические партии, на партию господ и партию рабов, из которых одни должны обеспечить других средствами к существованию и постепенному развитию человеческих способностей, — это разделение до нашего времени было источником социального прогресса. До нашего

¹ Путем сопоставления различных форм, через которые человеческий организм проходит в утробе матери во время своего развития от зародыша до рождения, с основными разновидностями животных, нашли, что человек последовательно представляет все организмы животного мира.

времени, как мы докажем, человеческое общество развивалось именно в результате антагонизма между классами и между индивидуумами. Следует подчеркнуть, что этот антагонизм, в котором и посредством которого человеческое общество развивалось до нашего времени, не был продуктом злой воли одних и глупости других, случайной ошибкой, которую люди могли исправить, вооружившись большим мужеством или мудростью, но совершенно неизбежным следствием скудости средств существования, неразвитости производительных сил и почти полного отсутствия широких средств коммуникации. — Однако сегодня, когда производство материальных и интеллектуальных благ, благодаря этому антагонизму, толкнувшему человечество на путь социального прогресса, достигло уровня, при котором, если мы этого захотим, то сможем осуществлять гармоничное развитие общества, — сегодня, когда эти успехи уже превратили человека-варвара в социального человека и во всех классах цивилизованного общества распространились свет и культура, когда еще существующее в мире неприкрытое или завуалированное рабство возмущает все умы, — сегодня, утверждаем мы, просвещенные люди не так неправы, объясняя сохранение этого антагонизма злой волей кучки привилегированных. Да, сегодня достаточно лишь устранить привилегии, чтобы осуществить важные реформы, в результате которых антагонистический прогресс сменится гармоническим прогрессом; ибо сегодня мы обладаем средствами, необходимыми для существования, для развития всех наших способностей и способностей всех людей, не прибегая к какой-либо другой форме эксплуатации, кроме эксплуатации орудий труда, уже созданных в ходе антагонистического развития. Отныне, что бы ни утверждали ученые-экономисты, будь они социалисты или неосоциалисты, антагонизм классов и индивидуумов несколько не способствует развитию производства материальных и духовных благ; более того, мы докажем, что этот антагонизм и индивидуа-

лизм превратились в путы, сдерживающие социальный прогресс.

Но если верно то, что отныне невозможен какой-либо прогресс вне ассоциации на основе обобществленного хозяйства, то не менее верно и то, что до последнего времени был невозможен какой-либо прогресс без антагонизма.

4. Мы живем в эпоху, которая не следует никакому образцу и подобной которой не знала история человечества. Если хотят обнаружить что-либо, что соответствует революции нашего века, то придется вернуться к самому сотворению мира. Чтобы понять движение, происходящее сегодня в обществе, надо знать великий закон природы, согласно которому развитие органической жизни, организма в целом, всякой организации проходит два этапа — антагонистический и гармонический, разделяемые актом рождения, возникновения.

Мы подошли к концу мира, мы присутствуем при родах нового мира.

Да, мы подошли к концу мира — к концу того мира, в котором человечество развивалось с праисторических времен, к концу истории, развития, прогресса как результата борьбы противоречий.

Это не означает, что будущее общество остановится в своем поступательном движении; напротив, оно должно в соответствии с законом творения начать новую, деятельную жизнь, продвигаться вперед. Но так как гармоничный прогресс противоположен антагонистическому прогрессу, то и условия жизни в будущем должны принципиально отличаться от условий жизни в прошлом.

Законы социальной экономии подтверждают то, о чем свидетельствуют законы природы. Природа учит нас посредством фактов, соответствующих фактам нашей социальной жизни; политическая и социальная экономия дает этим фактам научное обоснование. Природа открывает нам в своих законах тайны буду-

щего, социальная наука обнажает перед нами будущее. Природа дает нам познать все значение революционного вопроса нашего времени, экономическая наука указывает, как этот вопрос решить.

Между тем социалистические ученые, основательно исследовавшие экономическую сторону социальной науки, но рассматривавшие революционный вопрос в очень узком разрезе, странным образом обманулись в природе нашей революции. Те самые люди, которые по сей день упорно противятся принципу братского вознаграждения по потребностям и воображают, что смогут воздвигнуть здание нового общества на основе старой формулы "От каждого по способностям, каждому по труду", — сделали великое открытие, — другие же повторили за ними; они утверждали, что существенное различие между социальной жизнью прошлого и будущего заключается в том, что в будущем целью организованного труда явится прогресс, что подразумевает, что в прошлом имело место обратное. Утверждать, что труд до наших дней был организован не ради прогресса, значит игнорировать развитие общественного производства, не осознавать, что происходит процесс постепенного совершенствования, непрерывный рост продукции и производительных сил; это значит отрицать поступательный ход истории и низводить все человечество до уровня тех деградировавших народов, которые больше не имеют истории, потому что у них ничего не осталось от жизненной силы, сопротивляющейся смерти, ничего от энергии, восстающей против угнетения, ничего от Божьего дыхания, отличающего человека от животного. На самом деле человек всегда шел вперед, вопреки всякому гнету он одержал победу над рабством. Антагонизм между членами общества послужил развитию человечества. Все народы, игравшие какую-либо роль в истории человечества, восставали против своих угнетателей, как скоро угнетение преграждало им путь, предначертанный историей. Во все времена социальные революции разражались в тот момент, когда прогресс

труда сдерживался господствующими классами, и эти классы становились только тогда реакционными, когда их интересы вступали в противоречие с прогрессом общественного производства. Труд всегда был организован во имя прогресса, всегда прогресс труда приводил к увеличению объема и совершенствованию производительных сил, и великие революции всегда происходили с целью поднятия способа производства на уровень производительных сил, с целью организации труда ради прогресса.

В чем же состоит, следовательно, различие между социальными революциями современности и социальными революциями прошлого, между старым обществом и обществом будущего? — Характер современной революции определен различными условиями существования, различными условиями производства и прогресса в старом и новом мире.

Централизация производительных сил была и останется навсегда единственным средством организации труда ради прогресса. Будучи раздробленными, производительные силы человечества никогда не смогли бы развиваться — ни в прошлом, ни в будущем. Но в прошлом централизация производительных сил могла осуществляться лишь в результате их сосредоточения в руках немногих привилегированных, всегда составлявших господствующие классы: в прошлом накопление было единственной возможной формой централизации. Скудость производительных сил, почти полное отсутствие разветвленных коммуникаций, всеобщее невежество, являющееся следствием этих факторов, сделали невозможным в материальном и моральном смысле организовать, то есть централизовать, производство и обмен продуктами ради общего блага посредством ассоциации. Производители могли из-за неразвитости производительных сил и средств сообщения выступать лишь как индивидуальные производители, обмен продуктами из-за обособленности производителей мог совершаться лишь в индивидуальном порядке, и поэтому накопление было необходимо

в интересах централизации производительных сил, интенсификации труда и обмена продуктами — короче говоря, для достижения материального и интеллектуального прогресса труда. Революции могли освободить народы от ставших реакционными классов, но были не в состоянии реорганизовать труд на благо всех, потому что не в их власти было создать ассоциацию всех производителей. Они могли только проложить путь для других, более отвечающих прогрессу, господствующих классов, то есть для новой формы накопления и производства, которая находилась бы в большем соответствии с существующими производительными силами.

Все более интенсивное, все более значительное накопление общественного капитала в руках немногих привилегированных — таков был закон прогресса и социальная цель революций в прошлом. Наконец, нашли также формулу этого закона прогресса: от каждого по способностям, каждому по труду!

Простого сравнения старого общества с современным достаточно, чтобы показать нам закон прогресса в будущем, социальную цель современной революции.

Бедность и обособленность были социальной болезнью прошлого; недуг современности таится, напротив, в богатстве и накоплении капитала. В прошлом потребление было скудным, потому что неразвитым было производство, и бедность производства была следствием слабого развития производительных сил. Сегодня производство находится на низком уровне, потому что на низком уровне находится потребление, но причина этого — не бедность, а избыток производительных сил, что вызывает кризисы, банкротства и всеобщую бедность. В прошлом недостаток продуктов питания был причиной антагонизма, сегодня, напротив, только антагонизм между классами — единственная причина того, что массы испытывают недостаток в продуктах питания. В прошлом для удовлетворения простых и умеренных общественных потребностей немногочисленного населения надо было привести в

действие все имевшиеся производительные силы; сегодня с помощью наших производительных сил можно было бы удовлетворить бесконечно разнообразные общественные потребности весьма многочисленного населения, если бы не злосчастное противоречие между рабочими, не имеющими средств для приобретения продуктов своего труда, с одной стороны, и хозяевами накопленного труда, не способными потребить все богатства, которыми они владеют, с другой; нет необходимости использовать сегодня эти производительные силы постоянно, они требуются в весьма ограниченном объеме. В прошлом производительные силы человечества развивались на основе их сосредоточения в руках одного класса; сегодня такая концентрация производительных сил, напротив, служит препятствием для их развития. В прошлом накопление было единственной возможной формой централизации; сегодня единственным видом накопления, соответствующим уровню развития наших производительных сил, согласующимся с нашими материальными и интеллектуальными средствами, с нашими способностями и идеями, является концентрация всех производительных сил в форме **ассоциации всех для пользы всех**. Это коммунистическое объединение, которое в прошлом было невозможным и в материальном, и в моральном отношении, стало ныне неотвратимой необходимостью. В прошлом целью революций было свержение какого-либо класса, превратившегося в реакционный, и замена его классом, который более способствует прогрессу; сегодня нет класса, нет больше прогрессивной партии, которая не стала бы реакционной, если придя к власти, она не устранил классового противоречия.

Сегодня бой часов, возвещающий смертный час господствующему классу, возвещает также смертный час старому, основанному на антагонизме социальному миру, конец антагонистической эры в истории человечества, рождение нового мира, закон прогресса которого исчерпывается формулой: от каждого по способностям, каждому по потребностям.

8. Если доказано, что свободы можно добиться лишь установив равенство, а равенство может быть плодотворным лишь на основе братства, если доказано, что ни один другой класс общества так не склонен к равенству, как рабочие, и что ни одна нация цивилизованного мира, кроме французской, не обладает гением братства, — то из этого следует, что право и долг французского народа — продиктовать в интересах всеобщей свободы законы своей революции всем тем, у кого недостает сил без его вмешательства повергнуть в прах врагов свободы.

Да завершит французский народ своим вмешательством в дела Европы революцию, которую он начал с таким героизмом и самопожертвованием и которая поставила его во главе европейских наций!

Горе Франции, горе всей Европе, если французский народ забудет о своем долге и добровольно откажется от своих прав!

В каком ослеплении пребывают те, кто разглагольствует сегодня, в канун катастрофы, которая решит судьбу Европы, о децентрализации, о федерализме и не видит ловушки, таящейся в этой превозносимой подозрительными субъектами идее **прямого правления** республиканцев. Еще большие слепцы или еще большие предатели те, кто в отношениях Франции с Европой хотел бы возобновить политику Ламартина!

Ибо в сфере этих отношений можно избрать один из двух путей: или Европа будет возрождена новым и более гуманным поколением, могущественнейший представитель которого — французский народ, или Франция будет оккупирована северными державами и их сподручными, которые уже не варвары, как прежде, но рабы.

Приближающаяся катастрофа погубит нас, если мы не сможем проявить столько же, если не больше, энергии и революционности, как наши отцы, герои великой эпохи.

Знаменитое пророчество сильного человека этой героической эпохи начинает сбываться в наши дни: в

наши дни Европа станет республиканской или казацкой.

Наше общество, движущая сила которого животный эгоизм, а фундамент — рабский труд, общество, конечным следствием которого является всеобщая эксплуатация человека человеком, наше европейское общество исчерпало свои жизненные силы, у нас нет больше возможностей для прогресса; оно одряхлело и должно умереть.

Социальные институты, развитие которых задерживается той силой, на которой они зиждутся — эгоизмом; производство, где принципом, позволившим ему существовать и прогрессировать была аккумуляция капитала, сегодня превратившаяся в помеху; социальное устройство, основывающееся на рабстве в его различных формах, в конечном счете на подневольном труде пролетария, и больше не обеспечивающее своим рабам средств к существованию и работы; цивилизация, избравшая своим девизом **прогресс** и не способная сделать ни одного шага вперед, не оставив позади себя развалин и трупов, — поистине, такие институты и такая цивилизация обречены на смерть.

Гибель наших европейских институтов неотвратима, неизбежна. Но от нас, народов старой Европы, и, прежде всего, от французского народа, будет зависеть, станет ли эта гибель физической или моральной, временной или вечной, будет ли это только гибель наших институтов или гибель наших народов.

Если социальный антагонизм, если индивидуализм, если дуализм, в условиях которого мы жили по сей день, не умертвили нашей души, нашей человеческой сущности, если социальный антагонизм не раздвоил того, что неделимо в жизни человечества, — его сознательной воли, если имеются народы, которые еще не настолько деградировали, чтобы не иметь никакой иной воли, кроме материального и духовного эгоизма, если вопреки несовершенству нашего общества, которое, с одной стороны, судит, руководствуясь холодной рефлексией и пренебрегая благородными порывами

души, а с другой порождает темные силы в сердце, пренебрегая ясной, сознательной рефлексией, если вопреки всему этому в старом мире остался народ, единственный народ, чей счастливый темперамент сумел сохранить гармонию человеческих склонностей, то этот народ, не сомневайтесь в том, спасет Европу, вызвав к жизни новые социальные установления в дни, когда на старое общество обрушиваются смертельные удары Страшного Суда.

Если бы мы настолько срослись со своими институтами, что нашим единственным побудительным мотивом остался эгоизм, если сегодня народы, люди, творцы всех общественных институтов в Европе пали бы столь же низко, как их дело, если бы душа нашего общественного организма — европейское человечество — одряхлело так же, как его тело, — то смерть Европы, бесспорно, была бы нравственной смертью, смертью без воскрешения.

Гораздо страшнее физической гибели — нравственная гибель. Нравственная гибель народов — это рабство.

История донесла до нас два ужасных примера злополучных народов, которые были наказаны в назидание другим за то, что они отождествляли себя со своими мертвыми установлениями, народов, которые в последний час своей социальной жизни цеплялись за свои институты, несмотря на то, что предпосылки для существования и дальнейшего развития последних были исчерпаны.

Один из этих несчастных народов, словно тело, утратившее душу, был обречен влачить неподвижное, мертвенное существование, — справедливое возмездие за отвратительный материализм!

Другой народ, — душа, утратившая тело, — должен был столетиями странствовать словно призрак — справедливая кара за его спиритуалистические заблуждения!

Неподвижное, мертвенное существование вы видите в **Китае**. Призрак вечно блуждающего **еврея** вы видите повсюду.

Человечество бессмертно, народы же умирают!

К счастью, ни германские патриоты, ни патриоты других стран, ни даже республиканцы и социалисты не в силах по своему желанию устанавливать те или иные отношения Франции с Европой. Сила фактов, воля наций, священный дух истории, все еще приводящий в движение европейские народы, побудят все народы вопреки их сознанию и их эгоистической воле осуществить верховный закон последней социальной революции, которая поставит французский народ во главе европейских наций.

РИМ И ИЕРУСАЛИМ

ПОСЛЕДНИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Благородным борцам всех древних исторических народов, стремящихся к национальному возрождению.

ПРЕДИСЛОВИЕ

С того дня, как Иннокентий III¹ осуществил свой дьявольский план и обрек евреев, несших в то время светоч испанской культуры в христианство, на моральную смерть, предписав им прикрепить знак позора к своим одеждам, и до бесстыдного похищения еврейского ребенка из родительского дома в правление кардинала Антонелли², папский Рим был для евреев постоянным ядовитым болотом, с осушением которого наши христианско-германские юдофобы окажутся на мели и, лишившись пищи, начнут вымирать.

Отказавшись от своей ненависти к культуре, христианство избудет также свою ненависть к еврейству: освобождение вечного города на берегах Тибра положило начало освобождению вечного города на склонах Мории, с воскрешения Италии начинается воскрешение Иудеи. — Осиротевшие дети Иерусалима смогут также принять участие в великом движении возрождения народов, в пробуждении от мертвящей зимней спячки средневековья с его ночными кошмарами.

Весна народов началась с Французской революции,

¹Иннокентий III, папа Римский с 1198 по 1216 год, по его инициативе Четвертый Латеранский собор принял решение, обязывающее евреев носить особый знак на одежде. — *Прим. ред.*

²В 1858 г. из семьи римского еврея Мортары был похищен ребенок и против воли родителей обращен в христианство (впоследствии стал миссионером). — *Прим. ред.*

1789 год — это год весеннего равноденствия древних народов. Нет ничего странного в воскрешении мертвых в эпоху, когда пробуждаются вновь Греция и Рим, вновь свободно вздохнула Польша, Венгрия готовится к последнему бою, и зреет всеобщее восстание всех угнетенных племен, которые, став объектом жестокого обращения, злоупотребления и эксплуатации со стороны азиатского варварства и европейской цивилизации, тупого фанатизма и хитроумного расчета, вступили во имя высшего права в борьбу за свободное существование с варварским и цивилизованным высокомерием владычествующих рас.

К народам, считавшимся мертвыми, к тем, кто, сознавая свое историческое предназначение, смеют заявить о своих национальных правах, бесспорно принадлежит и еврейский народ. Не случайно на протяжении двух тысячелетий он вопреки бурям мировой истории в любом краю земли, куда бы ни занес его поток событий, неизменно обращал и обращает свой взор к Иерусалиму. Этот народ, ведомый безошибочным расовым инстинктом, указывающим ему на его культурно-историческое призвание — объединить и сочетать братским союзом вселенную и человека во имя своего вечного, единого Творца, — сохранил свою национальность в своей религии, связав их нерасторжимыми узами с неотчуждаемой страной отцов. — Ни один современный народ, стремящийся обрести отечество, не может отказать евреям в том же праве, если он не хочет оказаться раздираемым губительным противоречием, потерять веру и уважение к себе, совершить моральное самоубийство.

Но в той же мере, в какой еврейский национальный вопрос представляется злободневным непредвзятому наблюдателю, он должен казаться неактуальным культурному еврею в Германии, — в стране, где юдофоб либерального, равно как и реакционного толка, стремясь приукрасить свою ненависть к евреям, указывает на различие, существующее между семитской и германской расами; в стране, где на еврейскую националь-

ность ссылаются в качестве последнего довода, чтобы отказать евреям в политических и гражданских правах, предоставление которых не ставится в зависимость от выполнения гражданских и политических обязанностей; в стране, где евреи, начиная с Мендельсона¹, вопреки их деятельному участию в немецких культурных и моральных начинаниях, вопреки отказу от своего национального культа, вопреки всем попыткам германизироваться, тщетно претендуют на политическое и социальное равноправие со своими немецкими братьями!

Чего не мог получить брат от брата, человек от человека, получает народ от народа, нация от нации. — Ни одному народу не может быть безразлично, будет ли ему какой-нибудь другой народ другом или врагом в последней европейской освободительной войне.

Голоса, призывающие со всех концов земли к национальному возрождению Израиля, находят оправдание прежде всего в еврейском культе, национальном характере иудаизма, а также во всеобщей истории человечества и ее продукте — современном международном положении.

В письмах, которые последуют за этим введением, главное внимание уделяется первому, **внутреннему** аспекту. Автор счел своим долгом высказаться против иллюзий приверженцев рационализма и филантропии, которые недооценивают национальное значение еврейского культа или, исходя из материальных соображений, далеких от существа дела, отрицают его; автор находит столь же нужным выступить против фанатичных догматиков, которые, оказавшись не в состоянии поднять нашу **историческую религию** до уровня современной науки, в отчаянии ищут прибежища в невежестве, этом единственном источнике

¹Мозес Мендельсон (1729—1786), крупнейший философ-рационалист, просветитель, друг Лессинга. Перевел на немецкий язык Пятикнижие. Оказал огромное влияние на духовную жизнь XIX в. — *Прим. ред.*

благодати, и сознательно коснеют в отрицании достижений духа и критики. Сделав эту оговорку, автор может теперь вступить на проторенную тропу, ведущую к миру, ибо с каждым днем мир отвоевываемые новые позиции у необходимой, хоть и мало приятной войны, что ведется между реформой и ортодоксией.

Благодаря современным трудам еврейских ученых, а также увлекательным описаниям еврейской жизни одаренными романистами и поэтами, наш национально-гуманитарный исторический культ обрел в последнее время приверженцев даже среди тех, для кого до недавней поры просвещение и выход из еврейства были синонимами. В области современной еврейской критики так называемое реформационное направление, равно как и противостоящее ему реакционное направление, не выдвинуло ни одного сколько-нибудь значительного представителя. Внутренние мотивы, которые объясняют в предлагаемых письмах необходимость национального возрождения Израиля, следует искать в сегодняшнем состоянии еврейской науки.

"История послеталмудического периода, — пишет виднейший современный еврейский историк, — все еще носит **национальный** характер; это не только история религии или церкви".

"В качестве истории одного племени, — продолжает наш историк, — еврейская история весьма далека от того, чтобы быть просто историей литературы или церкви, как ее трактует летопись и односторонность; но литература и религиозное развитие, равно как и исполненный высокого трагизма мартиролог, начертанный этим племенем или этой общностью, являются лишь одним из эпизодов его истории, но отнюдь не его сущностью"¹.

Историческая критика заняла место критики рационалистической со стороны тех "реформаторов", которые хотели отделить в иудаизме политическое

¹ Heinrich Graetz. Geschichte der Juden (т. 5, стр. 3).

от религиозного или в такой мере игнорировали древнееврейскую библейскую литературу, этот бездонный кладезь национальной жизни, что в этом органическом творчестве увидели лишь совершенно внешний момент приспособления к постоянно меняющимся условиям времени.

Но если среди деятельных людей, давно переросших застывшие догмы, проникновение в глубины национальной сущности иудаизма сменило тот плоский рационализм, который мог привести лишь к индифферентности и отходу от еврейства, а не содействовать возрождению его творческого духа, который вновь возложит на себя великую всемирно-историческую задачу, то, с другой стороны, раввины, какими я имел счастье узнать их уже во времена моей молодости, не отставали от своих нынешних собратьев в учености и гуманитарной эрудиции. — Новые раввинские училища, основанные ныне по примеру бреславльского училища или коренным образом преобразованные, должны перебросить мост через пропасть, на одной стороне которой — нигилизм ничему не научившихся реформаторов, на другой — отчаявшаяся, ничего не забывшая реакция. Примиряющее дыхание жизни уже веет там, где еще несколько десятилетий назад ледяная кора ортодоксии грозила все заморозить, а революционный самум — все сжечь и обратить в ничто.

Затем в предлагаемых письмах будут рассмотрены всеобщая история развития социальной жизни и ее последствия — современное национальное движение — для того, чтобы осветить еще не завершенную историческую миссию иудаизма, чтобы показать, каким образом современное международное положение может способствовать основанию еврейских колоний на Суэцком канале и на берегах Иордана в недалеком будущем, чтобы, наконец, подчеркнуть обстоятельство, на которое ранее не обращали достаточного внимания: за национальными и освободительными устремлениями, движущими сегодня миром, стоит более глубокий расовый вопрос, его невозможно разрешить с по-

мощью общих фраз о пользе благотворительности; этот вопрос столь же стар, как и история, и должен быть разрешен, прежде чем можно будет приступить к решению политических и социальных проблем.

Что же до опасений, которые могут вызывать у неоправданной, нарушающей современное международное право немецкой спеси и отставшей от современной философии и науки еврейской мудрости мое мировоззрение вообще и мое отношение к иудаизму в частности, то мне кажется уместным подвести в эпилоге итог всему тому, что в письмах упоминалось вскользь и фрагментарно. Эпилог может также рассматриваться как **введение** к письмам. Кроме того, здесь, как и в примечаниях, уместно дать более обстоятельный философский разбор и более детальное научное обоснование многих, лишь поверхностно затронутых в письмах принципов и основополагающих фактов.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Возвращение домой. — Еврейские женщины. — Источник еврейской исторической религии. — Семейственность. — *Mater dolorosa*¹.

После двадцатилетнего отчуждения я вновь среди своего народа и разделяю с ним его праздники и дни траура, его воспоминания и надежды, участвую в его духовных битвах, ведомых в его собственном доме и против цивилизованных народов, среди которых он живет, но с которыми, несмотря на два тысячелетия совместной жизни и общность устремлений, он не смог образовать органического целого.

Мысль, которую, как я надеялся, я навсегда задушил в своей груди, вновь живо встает предо мной: мысль о моей национальности, неотделимая от наследственной доли моих отцов, от святой страны и вечного

¹ *Mater dolorosa* (лат.) — скорбящая Богоматерь. — *Прим. ред.*

города, этой колыбели веры в божественное единство жизни и в грядущий братский союз всех людей.

Уже в течение многих лет бьется эта заживо погребенная в моей груди мысль, стремясь вырваться на волю. Но мне недоставало энергии, чтобы перейти со столь далеко лежащей от еврейства стези, какой была моя стезя, на ту новую стезю, что мерещилась мне смутно и неопределенно в туманной дали.

Случайно ли, что всякий раз, когда я стою перед большой переменной в своей жизни, словно вовлеченный в заколдованный круг, несчастное женское создание появляется на моем жизненном пути, вселяя в меня мужество и силу, чтобы пойти неведомыми тропами?

О, как заблуждаются те, кто считает, что невелико влияние женщины на развитие иудаизма и истории евреев! Ведь это о нем говорится: нравственной чистоте своих жен вы обязаны своим первым освобождением, и ей будете вы обязаны своим последним освобождением.

Лишь когда я увидел Вас в Вашем горе, отверзлась моя грудь и приподнялась крышка гроба, где лежали погребенными мои мысли о моем народе, ибо я открыл источник, из которого происходит Ваша вера в вечность Бога.

Мое решение способствовать национальному возрождению моего народа созрело при виде того, с какой душевной болью восприняли Вы весть о смерти дорогого существа. На такую любовь, которая подобно материнской любви живет в крови и все же непорочна словно дух Божий, способно только еврейское сердце. И эта любовь — естественный родник той интеллектуальной любви к Богу, которая согласно Спинозе есть высшее достижение духа. Из неиссякаемого источника еврейской любви к семье восстают освободители рода человеческого.

"И благословятся в тебе, — глаголет в своем самооткровении божественный гений еврейской семьи, — все племена земные".

Каждый еврей сотворен из материала, из которого сделан Мессия, каждая еврейка — из материала, из которого сделана *mater dolorosa*.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Идея смерти и воскрешения. — Родные могилы. — Родственные души. — Еврейские и индийские святы. — Шопенгауэр. — Конец дней. — Суббота истории.

Боль заразительна, как радость. Вы, друг мой, заразили меня своей идеей смерти и воскрешения. Раньше я никогда не навещал могил, ныне меня влечет к ним. Впервые после преждевременной кончины моей матери я посетил кладбище, где покоятся ее останки и где вслед за ней, во время моего долгого отсутствия, был погребен прах моего отца. Я позабыл молитву, которую читают на могилах родных, и в своем неведении нашел прибежище во втором из восемнадцати благословений: "Могуществен Ты, Вечный, пробуждающий мертвых..." Вдруг я заметил одиноко растущий цветок на соседней могиле. Машинально я сорвал его, и, придя домой, осторожно положил между своими бумагами. Лишь впоследствии я узнал, чьи бранные останки покоились в этой свежерытой могиле. Теперь я знал, что сокровище, как Вы назвали скромный цветок, предназначается для Вас.

Таинственные узы связывают умерших и живых, хотя узы эти и останутся навсегда загадкой. Парки, обрывающие нити жизни, не властны разорвать духовные нити, на веки вечные соединяющие родственные души. Еще больше, чем Ваши чудесные сновидения, переживания моей яви свидетельствуют о влиянии дорогих усопших на судьбу живых.

Отлетевшие души,
Они продолжают жить в сердцах.

Поэтому я также полюбил смерть. — Не то, чтобы я ненавидел жизнь, нет, мне мила и жизнь, но лишь так, как она была мила величайшему уму всех времен — Спинозе. — Чем человечнее, чем священнее, чем божественнее жизнь, тем больше кажется, что жизнь и смерть равноценны, равнозначны.

Только евреи могли вознестись на эту высоту, на которой жизнь и смерть равно значительны, и при этом не отрешиться от жизни. Уже восемнадцать веков тому назад еврей, которого язычники чествовали и обожествляли как своего искупителя, нашел точку опоры вне мира, благодаря чему он смог перевернуть мир.

Великие учителя познания Бога были всегда евреями. Наш народ не только создал в древности возвышеннейшую религию, которой назначено было стать достоянием всего цивилизованного человечества; он также постоянно совершенствовал ее по мере развития человеческого общества, по мере облагораживания духа и сердца. И эта миссия будет лежать на нем до скончания дней, то есть до того времени, когда познание Бога, согласно предсказанию наших пророков, заполнит мир. Ибо конец дней, который иудаизм не уставал предсказывать с начала священной истории, в свои добрые и злые дни, — не конец, как это ложно понимали другие народы, но завершающий этап в истории развития и воспитания рода человеческого.

Мы живем в канун субботы истории и должны подготавливаться к своей последней миссии, постигая свою историческую религию.

Ни одно слово наших священных писаний невозможно истолковать верно, пока не будет усвоена точка зрения, исходя из которой эти писания создал еврейский гений. — Нет ничего более чуждого духу иудаизма, чем эгоистическое спасение души обособленным индивидуумом, что составляет суть религии согласно современным представлениям. — Иудаизм никогда не отделяет индивидуума от семьи, семью от народа, народ от человечества, человечество от органического и космического творений и эти тво-

рения от Творца. В иудаизме нет какой-либо догмы, кроме этого учения о единстве. Но это не застывшая, не привнесенная извне и потому бесплодная догма, не мертвая вера, но постоянно воссоздаваемое из духа иудаизма животворное, творческое познание, коренящееся в любви к семье, приносящее свои цветы в патриотизме и свои зрелые плоды в современном возрождающемся человеческом обществе. — Иудаизм разделил бы судьбу религий, порожденных им, застыл бы в догмах, омертвел бы и погиб в конфликте с современной наукой, если бы он сам не был творцом своего возвышенного познания Бога, если бы его религиозное учение не было продуктом его жизни. — Иудаизм — не пассивная религия, но активное познание, органически сросшееся с еврейской национальностью. — Иудаизм — это прежде всего нация, история которой, пережив тысячелетия, шествует рука об руку с историей человечества, нация, которая уже была некогда органом духовного возрождения социальной жизни и которая сегодня, после того, как назревает процесс омоложения всемирно-исторических культурных народов, приближается к своему завершению, празднует с возрождением их свое собственное воскрешение.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Бессмертие. — Рабби Иоханан. — Нахманид. — Родовые схватки мессианства. — Отче наш. — Солидарность. Призыв Франции и шум, поднятый реакционерами.

Вас удивляет то, что в Ветхом Завете не содержится учения о бессмертии в его современном виде. То, что современные толкователи Аггады и еврейские и христианские экзегеты новейшего времени могли вычитать из Ветхого Завета или, вернее, приписать ему в отношении веры в бессмертие, очевидно, мало удовлетворяет Вас, и не без основания. — Если бы

Моисей и пророки верили в потустороннюю жизнь в христианском смысле слова или хотя бы думали о ней, то они, подобно авторам Нового Завета, высказались бы по этому поводу и не ограничились бы наградой и наказанием одним этим миром. Я не отрицаю того факта, что в Ветхом Завете ничего не говорится о таком бессмертии. Но если Вы усматриваете недостаток наших священных книг в том, что они обходят молчанием столь важный по всей видимости вопрос, то это потому, что Вы снова забываете о точке зрения, послужившей исходным пунктом для создания этих писаний еврейским гением, о **генетической** точке зрения, согласно которой индивидуум никогда не отделяется от своего племени, нация от человечества и творение от Творца. Вы упускаете из виду, что та часть наших священных книг, в которых ни одним словом не упоминается бессмертие, возникла в период, когда еврейский народ еще не погиб, и потому не могли зародиться мысли о его бессмертии. — Еврейская концепция бессмертия неотделима от национально-гуманитарной веры в пришествие Мессии. Лишь с приходом Мессии и началом его Царства, утверждает **рабби Иоханан**, творение выполняет свое назначение. Все пророки, добавляет он, в своих откровениях провидели наступление мессианского царства: то же, какой характер примет искупление в грядущей жизни, ведомо одному Богу. — Даже в позднейшем раввинистическом иудаизме идея грядущей жизни, хотя раввины никогда не отказывались от нее, не принимала отчетливой формы, отличной от идеи мессианского царства. **Нахманид**¹ в своем споре с

¹Нахманид (аббр. Рамбан; рабби Моше бен-Нахман Геронди, 1194—ок. 1270), выдающийся талмудист и законоучитель, философ, каббалист и врач. Представитель консервативного направления в споре с последователями философского учения Маймонида. — *Прим. ред.*

Маймонидом¹ даже пытался решительно защищать принцип тождества этих двух представлений о будущем. Иудаизм не испытывал потребности в том, чтобы особенно выделять идею бессмертия духа, — ведь он как историческое явление был воплощением этой идеи. Лишь с того момента, когда в еврействе зарождается предчувствие своего первого крушения как нации, в нем возникает, наряду с концепцией его национальной смерти и воскрешения, концепция бессмертия. Уже пророк Исайя указывает на различие между народами, обреченными вечной смерти, и Израилем, призванным воскреснуть, народом духа, чья смерть суть лишь родовые муки, возвещающие наступление мессианского царства (Исайя 26:14–19).

Даже в основе первичного христианства, пока его творцы не порвали еще окончательно с иудаизмом и еврейским национальным историческим культом, лежала еврейская идея, согласно которой понятия воскрешения мертвых, установления Небесного Царства и грядущего мира совпадали с понятиями наступления мессианской эпохи, возрождения Израиля, наступления Божьего Царства или царства духа. О наступлении этого времени возвещают еще евангелия, в частности, истинно еврейская молитва "Отче наш".

Последнее откровение еврейского духа относительно жизни и смерти, то, чему учил Спиноза, не имеет ничего общего с тем тлетворным, атомистическим бессмертием, которое превращает единую жизнь то спиритуалистическим, то материалистическим путем в атомную пыль и возводит эгоистическое правило "каждый за себя" в высший религиозный и нравственный принцип. Нет ни одного другого народа, которому это было бы менее свойственно, чем еврейскому.

¹Маймонид (аббр. Рамбам; Моше бен-Маймон, 1135–1204), известный кодификатор Галахи, философ, оставил огромное литературное наследие. Главные труды: "Мишне-Тора" и "Наставник колеблющихся". Стремился установить новые формы религиозной и общественной жизни. — *Прим. ред.*

У евреев закон взаимной ответственности всегда сохранял полную силу¹. В Поучениях Отцов даже правило буржуазной морали "chacun pour soi" ("каждый за себя") подвергается резкой критике как распространенный порок².

У Спинозы, как у всех еврейских праведников, индивидуальное не противостоит как нечто обособленное общественному. Согласно его учению, бессмертие начинается не только после нашей смерти: оно, как и Бог, существует всегда.

Лишь немногие приобщились к духу, постоянно воодушевлявшему еврейских праведников. Каждый хотел бы своей долей бессмертия располагать только ради себя самого. Конец дней, когда познание Бога заполнит всю землю, еще далек от нас. Однако когда-нибудь святой дух нашего народа станет общим достоянием человечества. Когда-нибудь вся земля станет обителью Божьего духа. Поэтому в Библии царство духа возвещается как грядущее царство. На протяжении длительного времени это пророческое возвещение относилось к некоему потустороннему миру,

¹ Эта солидарность простирается даже до понятия "Ха-Шем" (Имени Бога). Закон еврейской солидарности "все евреи отвечают друг за друга", как известно, выражается также в "Киддуш ха-Шем" ("Освящении Божьего Имени").

² Ср. Примечание V, в конце которого более подробно рассматриваются четыре взгляда на "мое" и "твое".

Об обычном буржуазном принципе "каждый за себя" говорится: "Корысть людская бывает четырех видов: "Мое мне, твое тебе", — это посредственность, или, как некоторые определяют, содомское правило". Другое наставление рабби Ионатана в Поучениях Отцов (4), которое у рабби Натана превратилось в свою противоположность, гласит: "Не будьте как рабы, служащие господину при условии получения платы; но будьте как слуги, не имеющие в виду награды; и да будет вам присущ страх Божий". Эта концепция не имеет отношения к еврейской концепции бессмертия (ср. Эпилог, 3).

который, как утверждалось, не имел ничего общего с земной жизнью. — Спиноза первый определил царство духа как нечто сущее. Следовательно, пришествие этого царства началось со Спинозы. Но вначале это царство предстает как зародыш духовного света. Над превращением этого зародыша в социальные творения трудятся наряду с еврейским народом другие современные нации, которые способны и призваны создавать духовные, моральные и материальные ценности. Это народы Германии, Франции и Англии. — Путь для философии, более широкую колею социально-политического преобразования, осуществляющегося одновременно с умеренным прогрессом точной науки, проложила Германия; этот путь с момента своей великой революции указали всем народам земли французы. Подобно немцам, англичане идут своим собственным путем, который медленно, но неуклонно ведет к цели: страной наиболее интенсивного развития интеллектуального труда является Германия, а страной наиболее интенсивного развития промышленного труда — Англия.

Евреи уже с давних пор чувствовали, что борьба народов, которые вместе с Францией борются за свое национальное возрождение, — это их борьба, и они повсюду добровольно, с энтузиазмом и самоотверженностью примыкали к социально-политическим движениям. — Настало время, призывает их французский демократ, подумать о самих себе и начать действовать ради своего собственного возрождения¹. Впрочем, одно не исключает другого. Если я действую ради возрождения своего собственного народа, это не означает, что я отказываюсь из-за этого от своих гуманитарных стремлений. Современное национальное движение — это лишь новый шаг на пути, которым пошла французская революция с момента своего возникновения. Французский народ, начиная

¹Ср. статью "Новый восточный вопрос", которая приводится в Письме одиннадцатом.

с эпохи своей великой революции в прошлом столетии, призвал на помощь все народы. Но в большинстве случаев не доходил этот зов издалека; они слышали только шум, поднятый своими собственными реакционерами. Ныне этот шум оглушает народ, который обманным путем заставили относиться с каким-то диким восторгом к своим "военачальникам", лишь в некоторых германских землях. Остальным народам внятен зов Франции, и он доходит до них. И до нашего древнего народа донесся этот зов, и я хочу слить свой голос с голосом француза, чтобы, по крайней мере, уберечь своих соплеменников в Германии от действия реакционной шумихи¹.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Немецкое юдофобство. — Патриотствующие романтики и философствующие книготорговцы. — Отто Виганд. — Бертольд Ауэрбах. — Молешотт. — Доктор Галлавардэн. — Реформа еврейских носов. — Некий фотографический портрет. — Молитва на древнееврейском языке. — Патриотизм. — Мой дедушка. — Праматерь Рахиль. — Национальный траур. — Черная суббота.

Немецкое образование; по всей видимости, не в ладах с еврейским национализмом. Если бы я не жил во Франции, мне едва ли пришлось бы на ум интересоваться вопросом восстановления нашей национальности: столь сильна зависимость наших воззрений и стремлений от окружающей нас среды. Всякий жизнеспособный народ, как всякий жизнеспособный индивидуум, имеет свое особое поле деятельности. Всякий народ, всякий элемент исторических народов является политическим или, как мы выражаемся в наше время,

¹Ср. Эпилог, 6.

социальным животным, но в рамках социального мира каждый обладает уже от природы особым призванием, и немец, как бы он ни противился этому, в своей лучшей части слишком философ, принадлежит к слишком универсальному духовному направлению, чтобы он мог отнестись с истинным энтузиазмом к национальным устремлениям, не прибегая к аффектации.

"Эта тенденция в целом, — писал мне мой прежний издатель **Отто Виганд**, когда я познакомил его в общих чертах со своими взглядами на еврейское национальное движение, — противоречит моей чисто человеческой природе".

"Чисто человеческая природа" немца — это природа чисто германской расы, которая лишь посредством мысли, теоретически, может подняться до общечеловеческих идей, в практической же жизни она еще не преодолела своих органических симпатий и антипатий. Отвращение, питаемое ею к нашим еврейским национальным устремлениям, вызвано двоякой причиной: прежде всего, двойственность сущности человека, его духовная и природная, его теоретическая и практическая стороны ни в одном другом народе не выступают в такой непримиримой противоречивости, как в немецком народе. — Национальные устремления вообще не согласуются с теоретическими гуманитарными устремлениями немца. К **еврейским** же национальным устремлениям немец, помимо того, питает расовую антипатию, от которой у нас не могут освободиться даже наиболее благородные натуры и возвышенные умы. Тот самый немец, чья "чисто человеческая природа" не может скрыть отвращения к сочинениям, **защищающим** еврейскую национальность, печатает без всякого отвращения сочинения **против** еврейства, истинный мотив которых по понятным причинам прямо противоположен "чисто человеческой природе", ибо это прирожденный расовый антагонизм. Немец, однако, не отдает себе полного отчета в своих расовых предрассудках. Он видит в своих природных, как и в своих духовных

устремлениях не немецкие, истинно германские тенденции, а тенденции "гуманистические", он не знает, что последние он почитает только в теории, тогда как первым рьяно следует на практике.

У образованных немецких евреев также имеются основательные резоны "с отвращением" отвергать еврейские национальные устремления. — Мой старый любимый друг **Бертольд Ауэрбах** так же возмущен мною, как мой старый издатель, хотя по совершенно иной причине, чем "чисто человеческая природа". Он горько сетует по поводу моего национализма: "Кто поставил тебя начальником и судьей над нами?"¹ Немецкий еврей, испытывая на каждом шагу ненависть антисемитов, всегда склонен вытравить в себе все еврейское и даже отречься от своей расы. Нет такой реформы еврейского культа, которая показалась бы образованному немецкому еврею достаточно радикальной. Даже крещение не избавляет его от кошмара немецкого юдофобства. Немцы ненавидят евреев не столько за их религию, сколько за расу, не столько за своеобразие их веры, сколько за форму их носов. — Ни реформа, ни крещение, ни образование, ни эмансипация не открывают до конца немецким евреям дорогу к общественной жизни. Поэтому они пытаются отрицать свое происхождение. — Мошотт рассказывает в своей "Книге психологических эскизов" (стр. 257) о сыне одного крещеного еврея, которого по утрам нельзя было оторвать от зеркала, он упорно пытался выпрямить гребенкой свои вьющиеся волосы. Но сколь мало "радикальная" реформа, по праву названная так, потому что она подрубала

¹Исход 2:14. Приведя этот библейский стих на языке оригинала, — "מי שמך לאיש שר ושופט עלינו?" — Ауэрбах доставил мне истинное удовольствие. Он, однако, видит в моих еврейских симпатиях проявление личного настроения, которое было в недавнем прошлом не чуждо и ему самому. Он только не хотел бы, чтобы эти симпатии выражались публично. Это "подстрекательство", утверждает он.

корни иудаизма, его национальный исторический культ, сколь мало, утверждаю я, эта реформа достигла своей цели, столь же мало достигают своей цели евреи, стремящиеся отречься от своего происхождения. Еврейские носы не поддаются реформе, и черные вьющиеся волосы вследствие крещения не выпрямляются с помощью гребенки. Еврейская раса — одна из первичных человеческих рас, и вопреки климатическим влияниям она воссоздает себя в своей целостности. Еврейский тип на протяжении столетий оставался неизменным.

”На западном склоне горы, на которой расположен египетский город Фивы, в частности так называемый Город Мертвых, можно увидеть надгробный памятник управляющему строительными работами. На этом памятнике изображаются различные работы, производившиеся под его руководством. Это — воздвижение обелисков, высечение сфинксов, строительство дворцов и осуществление всех необходимых для этого крупных и мелких работ. Белые азиатские рабы изготовляют черепицу, некоторые подносят глину, другие уносят готовые кирпичи. В стороне стоит надсмотрщик, угрожающе занесший над ними палку. Судя по надписям, памятник воздвигнут во времена Моисея, и в азиатских рабах можно опознать евреев”¹. На египетских памятниках более позднего времени также изображаются евреи, сходство которых с нашими современными соплеменниками поразительно.

Еврейское племя, которое уже в древности теснили и почти совершенно истребили другие народности, пребывая в рассеянии среди других народов, вынуждено часто выбирать между отступничеством и смертью. Оно уже давно растворилось бы в безбрежном океане индогерманских народов, если бы постоянно не воспроизводило свой тип во всей его целостности. — Если иудаизм обязан своим бессмертием плодотворности своего религиозного гения, то этот гений

¹ Из кн.: F.A. Strauss. “Sinai und Golgotha”, стр. 69.

обязан своим бессмертием плодотворности и неистощимости жизненных сил еврейского племени. То, что писалось уже в Библии об Израиле в египетском пленении, сохранило силу и в третьем изгнании. "Но чем более изнуряли его, тем более он умножался, и тем более возрастал, так что опасались сынов Израилевых" (Исход 1:12).

Я могу привести пример из собственного опыта, свидетельствующий о жизнестойкости еврейской расы, проявляющейся в смешанных браках с представителями индогерманских народов. Известно, что при браках представителей индогерманской расы с монголами преобладающим становится монгольский тип: русская знать, в чьих жилах течет не так уж много монгольской крови, тем не менее сохраняет монгольский тип. В числе моих единомышленников есть русский аристократ, который, как все истинно русские дворяне, обнаруживает свое монгольское происхождение фигурой, свое же индогерманское происхождение — тонким умом. Этот человек женился на польской еврейке; от их брака родилось много детей, и все без исключения выглядят как евреи.

Как видите, дорогой друг, усилия еврейских мужчин и женщин избыть свои еврейские родовые черты посредством крещения и погружения в море индогерманских и монгольских племен тщетны. Еврейский тип неистребим.

Еврейский тип лица невозможно также спутать ни с каким другим. На еврейском лице, пусть самом благородном, весьма близком к древнегреческому типу, и даже превосходящем его своеобразным отражением духовной и нравственной силы, знаток всегда различит неизгладимую печать, которую оставила на нем древнейшая знать всемирно-исторических народов. — Поэтому я не был удивлен, когда, находясь проездом в Антверпене, показал небезызвестную Вам фотографию одному знатоку искусства, который не мог налюбоваться совершенным образом, способным сделать честь руке великого Фидия, и, наконец,

громко воскликнул, словно его внезапно осенило: "Держу пари, это еврейка!"

Еврейская раса, рассеянная по всему свету, в большей мере, чем какая-либо другая, обладает способностью акклиматизироваться на всех широтах. Как родина евреев, Палестина, производит на свет плоды южной и северной природы, так и народ, обитающий в этом умеренном климате, процветает во всех климатических поясах. — Французский врач доктор Галлардэн установил этот физиологический феномен с помощью статистики в своем труде "Положение евреев в мире".

Так же, как у меня не может быть предубеждения против своей собственной расы, сыгравшей величайшую роль в мировой истории и призванной сыграть еще большую в будущем, нет у меня его и в отношении священного языка наших предков; следствием такого предубеждения является то, что древнееврейский язык желают вытеснить из всей еврейской жизни и, наконец, заменить его даже на еврейском кладбище немецкими надписями на надгробьях. — Мне всегда доставляло радость чтение молитв на древнееврейском языке. Они доносят до меня эхо голосов тысячи поколений, рвущихся каждый день из удрученных сердец к небесам. Редко эти трогательные молитвы не действуют на тех, кто понимает их.

Самое трогательное в еврейских молитвах то, что все они коллективные молитвы, возносимые во здравие всего еврейского племени. Благочестивый еврей прежде всего еврейский патриот. "Прогрессивный" еврей, который отвергает еврейскую национальность, не только отступник, отщепенец в религиозном понимании, но и предатель в отношении своего народа, своей семьи. — Если бы было правдой, что эмансипация евреев в изгнании несовместима с еврейским национализмом, то еврей должен был бы принести эмансипацию в жертву еврейскому национализму. Этот вопрос, возможно, нуждается в более основательном рассмотрении, чем то, которому он был

подвергнут ранее. Но то, что еврей прежде всего должен быть еврейским патриотом, не требует доказательства для того, кто получил только еврейское образование. — Еврейский патриотизм — это не германское туманное умозрение, к которому можно подойти с меркой сущности и видимости, реализма и идеализма. Это реальное чувство, которое настолько первично и просто, что не нуждается в доказательствах и не может быть обращено в свою противоположность.

Мой дедушка показал мне однажды маслины и финики. "Эти плоды, — наставлял он меня с сияющим лицом, — произрастают в Эрец Исраэль" (в Палестине). Ко всему, что напоминает о Палестине, ортодоксальные евреи относятся с таким же чувством любви и обожания, как к воспоминаниям об отчем доме. Известно, что в могилу каждого еврея, умершего в изгнании, кладут мешочек земли из страны предков, так как полагают, что умерший должен странствовать под землей, пока он не доберется до священной страны, чтобы обрести покой и воскреснуть. — Этот обычай, равно как использование в ритуале этрога и пальмовых ветвей, с большими затратами доставляемых из Палестины, объясняется гораздо более существенной причиной, нежели требованиями религии или только предрассудками. Все праздники и посты евреев, благоговение, с которым они соблюдают свои традиции и которое достигает своего апофеоза в употреблении древнееврейского языка, весь еврейский культ и его всепроникающее влияние на семейную жизнь евреев, все это находит свое обоснование в патриотизме еврейского народа. Еврейские "реформаторы", "эмансипировавшиеся" от еврейской национальности, очень хорошо знают это. Они также весьма остерегаются прямо высказать свое истинное мнение. Они полагают более удобным для себя укрыться за дуалистической ложью, которая во всяком естественном, простом чувстве, в частности в патриотизме, усматривает двойственную сущность, идеальную и реальную, принимая

в зависимости от обстоятельств сторону той или другой.

Эта ложь является, впрочем, новейшим германским продуктом, и для ее разоблачения нет необходимости в основательной критике. — Еще **Спиноза** воспринимает еврейство как национальность и полагает (сравните конец третьей главы его "Богословско-политического трактата"), что восстановление еврейского царства зависит лишь от мужества еврейского народа. — Даже **Мендельсон**, при всем его рационализме, не говорит еще ничего о космополитическом еврействе. — Лишь в новейшее время сочли необходимым, исходя из соображений эмансипации, отрицать еврейскую национальность, и при этом люди настолько утратили чувство реальности, что вообразили, будто отрицание сокровеннейшей сущности иудаизма не является угрозой для дальнейшего существования евреев как народа.

Да, дорогой друг, какие бы доводы ни приводили против этого наши германские реформаторы, желающие уподобиться христианам, еврейская религия — это, прежде всего, еврейский патриотизм. — Я всегда вспоминаю с глубоким волнением о том, что происходило в доме моего благочестивого дедушки в Бонне, когда приближался день 9 Ава. В первые девять дней этого месяца траур, который начинался за три недели до наступления рокового дня, принимал осязаемую форму. Даже суббота утрачивает в эти дни глубочайшей национальной скорби свой радостный праздничный характер и очень метко обозначается как "черная суббота".

Мой правоверный дедушка принадлежал к тем почтенным знатокам Писания, которые, не делая из своего знания ремесла, тем не менее обладали саном и знаниями раввина. В продолжение всего года, по завершении дневных трудов, дед до полуночи изучал Талмуд с его многочисленными комментариями. Его занятия прерывались лишь на "девять дней". В эти дни он читал со своими внуками, которые должны были бодрствовать вместе с ним до полу-

ночи, предания об изгнании евреев из Иерусалима. Белоснежная борода сурового старца во время этого чтения орошалась слезами, и мы, дети, тоже не могли сдержать рыданий. В особенности запал мне в память отрывок, который неизменно вызывал слезы у деда и внука.

”Когда воины Навуходоносора, — гласит это предание о Вавилонском пленении евреев, — уводили детей Израиля, закованных в цепи, в Вавилон, путь их лежал мимо могилы праматери Рахили. Приблизившись к могиле, слышали пленники плач и горькое рыдание. Это был голос Рахили, восставшей из гроба и безутешно оплакивавшей судьбу своих несчастных детей” (см. Иеремия 31:15).

Основываясь на этом отрывке, Вы можете обнаружить источник еврейской веры в бессмертие: эта вера есть продукт нашей любви к семье. Она уходит своими корнями в далекое прошлое, в патриархальные времена, и достигает того будущего, когда наступит мессианское царство. — Из еврейской семьи органически произросла животворная вера в непрерывность духовной жизни в истории.

Этот цвет иудаизма, корни которого — еврейское чадолюбие, а ствол — еврейский патриотизм, — этот прекраснейший цветок нашего национального исторического культа, — превратился в жалкую веру в атомистически распыленное бессмертие обособленной души, и засыхает, словно увядшая листва, оторванная от своего корня и ствола. Лишь в еврейской семье живет еще эта вера. И когда современный дуализм материи и духа, посредством которого, вследствие отпадения христианства от иудаизма, убивалось единство всего живого, в учении последнего христианского философа Картезиуса достиг своей классической завершенности, из иудаизма вновь восстала во всей своей первозданной мощи вера в бессмертие в природе и истории, образуя оплот против всякого спиритуалистического себялюбия и материалистического индивидуализма.

Как в теории христианский дуализм окончательно

был преодолен уже Спинозой, так в жизни древний еврейский народ, продолжающий существовать среди современного мира, благодаря своему здоровому, образцовому семейному укладу сопротивляется практически этому недугу раздвоенности. — Уже сегодня заметно целительное действие еврейской семьи в литературе, искусстве и науке. Каким же оно станет, когда мы вновь будем обладать своей народной и национальной литературой, когда вновь от Сиона выйдет Закон и слово Господне — из Иерусалима!¹

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Взгляд в прошлое. — Дамасские события. — Крик боли. — Мамзербилбул. — Хеп-Хеп². — Бегство во Францию. — Арнольд Руге. — Наполеон. — Немецкий протак. — Тевтономаны. — Джефферсон. — Стражи отечества и отцы отечества. — *Ubi bene ibi patria*³. — Еврейское инкогнито. — Религия смерти. — Взымай свой стяг высоко, народ мой.

Думаю ли я серьезно об освобождении из изгнания? — Вы задаете этот вопрос и добавляете, что уже в своих первых двух сочинениях, в "Священной истории человечества" и в "Европейской триархии", я выразил уверенность в том, что сбудется еврейская надежда на

¹Миха 4:1; Исайя 2:3. "И будет в последние дни...от Сиона выйдет закон и слово Господне — из Иерусалима". Это старейшее пророчество, которое у различных пророков встречается почти в одном и том же виде и проходит через всю нашу историческую религию.

²Аббревиатура, составленная из первых букв слов "Иерусалим погиб", лозунг антисемитов, получивший широкое распространение. — *Прим. ред.*

³Родина там, где хорошо. — *Прим. ред.*

пришествие Мессии. — Вы заводите речь издалека, почтеннейшая, и напоминаете мне о том, что как писатель я должен нести ответственность не только за свои позднейшие, но и за ранние идеи. Вы правы. Я тоже хочу взять на себя эту ответственность. Я бы только хотел не нарушать логического развития идеи и не отклоняться слишком далеко от мысли, которая ныне близка моему сердцу. Поэтому я приведу попутно лишь несколько характерных эпизодов из своего прошлого, которые могут разъяснить мое нынешнее мировоззрение.

Двадцать лет тому назад, когда из Дамаска до нас, европейцев, дошел абсурдный навет¹ и грубость и легковерие азиатской и европейской черни, которая сегодня, как и две тысячи лет назад, охотно верит любой клевете, если только она направлена против евреев, заставили все еврейские сердца сжаться от горькой и естественной обиды, тогда, в разгар моего увлечения социализмом, мне в первый раз довольно бесцеремонно напомнили, что я принадлежу к несчастному, оклеветанному, покинутому всем светом, расеянному по всем странам, но не умерщвленному народу; тогда, хотя я и был уже далек от еврейства, я пожелал излить чувства своего еврейского патриотизма в крике боли, который, однако, вскоре вновь был заглушен в моей груди еще большей болью, пробужденной положением европейского пролетариата.

У других народов споры ведутся лишь между партиями: немцы не могут сговориться даже тогда, когда они принадлежат к одной и той же партии. Мои собственные единомышленники внушили мне отвращение к моим германским чаяниям и заранее сделали для

¹ Речь идет об обвинении евреев в ритуальном убийстве, получившем известность как Дамасское дело 1840 г. В результате давления, оказанного некоторыми представителями еврейской общественности (Монтефиоре, Кремье и др.) и вмешательства правительства Англии и Франции обвиняемые были освобождены. — *Прим. ред.*

меня сносным изгнание, которое лишь несколько лет спустя вследствие победы реакции, должно было превратиться из добровольного в принудительное. — Вскоре после февральской революции я отправился во Францию. Здесь я ближе познакомился с народом, который в наш век идет в авангарде всех социальных движений. Если этот народ подчиняется сегодня железной диктатуре империи, то так будет происходить лишь до тех пор, пока император¹ не только на словах останется верным своему революционному происхождению. Империя погибнет в то мгновение, когда династические интересы вступят в конфликт с устремлениями французского народа.

После государственного переворота² я отошел от политики и посвятил себя исключительно естественным наукам. — В глазах старого младогегельянца доктора Руге³, который не мог простить уже "коммунистическому рабби Моисею" его "отречения" от "идеи", этот "материализм" был совершенной мерзостью. Он недвусмысленно дал понять в "Германском Музее", что такой естественно-научный материализм является, собственно говоря, империализмом, и не германского, барбароссовского⁴, но романского, бонапартовского толка. — Старина Руге не объяснил, какая связь имеется между изучением естественных наук и бонапартизмом. Между тем я начал обнаружи-

¹ Императором Франции в это время был Наполеон III, племянник Наполеона I. — *Прим. ред.*

² Имеется в виду разгром Пруссией в 1849 г. революции в Германии. — *Прим. ред.*

³ Младогегельянцы, одним из вождей которых был А. Руге, представляли революционное крыло последователей Гегеля. — *Прим. ред.*

⁴ Фридрих I Барбаросса, с 1152 по 1190 год император Германии, блестящий политик и полководец, герой многочисленных народных легенд. — *Прим. ред.*

вать со времени итальянской кампании¹ действительную связь, существующую между моими исследованиями расы и теми современными национальными движениями, которые с момента начала войны приняли огромный размах. При случае я сообщу Вам о некоторых результатах этих исследований. Здесь же достаточно заметить, что они привели меня к выводу о неизбежности заката всякого расового господства и неизбежности возрождения народов. Прежде всего, мой народ, еврейский народ, начал все сильнее приковывать мое внимание. Духи моих несчастных соплеменников, которые витали надо мной в молодости, появились вновь, и долго подавляемые чувства стали неотступно преследовать меня. Боль, которая во время дамасских событий то появлялась, то исчезала, стала преобладающим и устойчивым душевным состоянием. Я не пытался больше заглушить голос своей еврейской совести; напротив, я ревностно прислушивался к нему и был немало поражен тем, что в своих старых рукописях нашел утверждения, предвосхищающие мои позднейшие еврейские устремления.

В 1840 г. я писал следующее об уже упоминавшихся событиях в Дамаске. "То, как это преследование евреев воспринимается в Европе и даже в просвещенной Германии, должно привести к перелому в иудаизме. Это свидетельствует со всей непреложностью о том, что, вопреки всей образованности западных евреев, между ними и европейскими народами все еще существует столь же неодолимая преграда, как во времена самого исступленного религиозного фанатизма. Наши соплеменники, которые из соображений эмансипации хотели бы убедить себя и других в том, что современные евреи не обладают больше национальным чувством, поистине не ведают, на каком они свете².

¹ Имеется в виду итало-австрийская война 1859 г. — *Прим. ред.*

² "Die Allgemeine Zeitung des Judentums" сетовала в то время: "Европа никогда не избавляла последователей иудей-

Наивные люди не понимают, как это возможно, что в Европе в XIX веке хотя бы на мгновение можно поверить в средневековую легенду, которая — увы! — хорошо была известна нашим истерзанным предкам как *мамзербилбул*¹. — Для наших образованных немецких евреев причина окружающей евреев ненависти всегда оставалась загадкой. Разве немецкие евреи не стремились со времен Мендельсона только к тому, чтобы быть немцами, мыслить и чувствовать по-немецки? Разве не пытались они искоренить всякое воспоминание о своей древней нации? Разве не участвовали они в "освободительной войне"? Разве не были "истинными германцами" и французодами? — Не распевали ли мы еще вчера вместе с **Николаусом Беккером**²: "Они его не получают, свободный немецкий Рейн"? Разве я сам не совершил непростительную глупость, отослав музыкальную композицию этой "немецкой марсельезы" автору?

И все же со мной случилось то же, что и с немецкими евреями как народом после периода их патриоти-

ской религии ни от одного страдания, ни от одной слезы, ни от одного оскорбления. Если бы евреи подобно любому другому народу представляли только вероисповедание, было бы, разумеется, удивительным, что Европа, усвоив по крайней мере в той же степени, что и евреи, европейское образование, и в частности Германия, где евреи принимали наиболее деятельное участие в развитии культуры, никогда не избавляла последователей иудаизма от всех этих бед". Разгадка этой тайны кроется как раз в том, что евреи являются не только последователями какой-либо религии, — они образуют племенную общность, народ, нацию, к сожалению, слишком часто оставляемую и отвергаемую своими собственными детьми, нацию, над которой всякий уличный мальчишка считает своим долгом глумиться безнаказанно, потому что, не имея родины, она странствует по всему свету.

¹ Необоснованная и неопровержимая клевета (идиш). — *Прим. ред.*

² Николаус Беккер (1810—1845), поэт, автор националистической "Рейнской песни". — *Прим. ред.*

ческого воодушевления: мне также довелось узнать не только ледяной тон, которым немецкий муж ответил на мое обращение, проникнутое пылким патриотизмом, но и то, что он, превзойдя всякую меру, надписал на обратной стороне конверта искаженным почерком: "Ты жид". — Я позабыл, что после своей освободительной войны немцы не только отталкивали евреев, сражавшихся на их стороне против Франции, но и преследовали их криками "Хеп-Хеп". Я воспринял "Хеп-Хеп" Беккера как личное оскорбление и написал ему отнюдь не искаженным почерком несколько любезностей, которые этот малый, вероятно устыдившись своей невоспитанности, молча проглотил. — Сегодня я близок к тому, чтобы просить прощения у немецкого барда; оскорбление явно не носило личного характера. Невозможно быть одновременно тевтономаном и юдофилом, как невозможно одновременно любить немецкий военный мундир и свободу германского народа. Истинные тевтономаны Арндт¹ и Ян² навсегда останутся реакционными простаками. Истинный немец любит в своем отечестве не государство, а расовое господство. Как он может признать суверенное равенство других рас, живущих рядом с ним, равенство, которое и для широких народных масс Германии продолжает быть утопией!

Симпатический француз ассимилирует с неодолимой силой притяжения любой элемент чужой расы. Еврей во Франции также француз. — Впрочем, уже Джефферсон³ сказал во время американской осво-

¹ Эрнст Мориц Арндт (1769–1860), писатель, один из руководителей движения за единую Германию. — *Прим. ред.*

² Фридрих Людвиг Ян (1778–1852), активный участник борьбы против Наполеона, основатель немецкого патриотического спортивного движения. — *Прим. ред.*

³ Томас Джефферсон (1743–1826), автор "Декларации о независимости США". С 1800 по 1808 — президент США. — *Прим. ред.*

бодительной войны: "У каждого человека две родины — прежде всего его собственная, а затем Франция". Немец, напротив, хотел бы владеть один всеми своими отечествами и отцами отечества. У него отсутствует главное условие, необходимое для всякой химической ассимиляции: теплота.

Пока еврей переносил любое оскорбление и любое преследование как кару Божью, надеясь на грядущее восстановление своей нации, его гордость невозможно было ранить. Его единственное призвание заключалось в том, чтобы сохранить себя и свое племя ради будущего, которое должно было вознаградить его за все перенесенные невзгоды, отомстить за все оскорбления, воздать за его верность. Но этой веры и этой надежды больше нет у наших просвещенных евреев. Для них всякое ложное обвинение является вместе с тем покушением на их гражданский статус и умалением их чести. Какая польза им от эмансипации, какой толк от нее, даже если какой-нибудь еврей время от времени и становится муниципальным советником или депутатом, тогда как одно слово "еврей" воспринимается как позорное клеймо, и любой чванливый бурш, любой невежественный газетный писака, любой глупый малый может с успехом воспользоваться этим?

Пока еврей отказывается от своей национальности, потому что у него не хватает самоотверженности признать себя частью несчастного, преследуемого и осмеиваемого народа, его ложное положение с каждым днем будет становиться невыносимее. — К чему обманывать себя? — Европейские народы всегда считали пребывание евреев в своей среде противоестественным явлением. Мы всегда будем чужими среди народов, которые, возможно, и эмансипируют нас во имя гуманности и справедливости, но ни при каких обстоятельствах не будут уважать нас до тех пор, пока мы считаем *ubi bene ibi patria* своим главным принципом и догматом веры, пренебрегши своими собственными великими национальными воспомина-

ниями. — Пусть даже в цивилизованных странах религиозный фанатизм не преследует наших просвещенных соплеменников своей ненавистью. Несмотря на просвещение и эмансипацию, еврей в изгнании, отрекающийся от своей национальности, не обретает уважения народов, в среде которых он успешно натурализуется как гражданин, ибо он не освобождается от долга солидаризоваться со своим народом. — Не старый благочестивый еврей, который скорее даст себе вырвать язык, чем кощунственно отречется от своего народа, а современный еврей вызывает презрение, тот, кто подобно немецкому люмпену за границей отрывается от своего народа, потому что над тем тяготеет тяжелая десница рока. — Прекрасные фразы о человечности и просвещении, столь щедро расточаемые им, чтобы прикрыть свое предательство, свою боязнь солидаризоваться со своими несчастными соплеменниками, не защитят его от строгого приговора общественного мнения. Тщетно предъявляет он общественному мнению свое географическое и философское алиби. — Надевайте тысячу масок, меняйте имена, религию и обычаи и крадитесь инкогнито по миру, чтобы не заметили, что вы еврей: всякое оскорбление еврейского имени больнее заденет вас, нежели честного человека, признающего свою общность со своей семьей и заступающегося за ее честь”.

Так, друг мой, думал я в разгар своей деятельности, направленной на благо европейского пролетариата. Моя вера в Мессию была тем же, чем она остается сегодня: верой в возрождение всемирно-исторических народов посредством поднятия опустившегося до уровня стоящего выше. Сегодня, как и тогда, когда я издавал свои первые сочинения, я продолжаю верить в то, что христианство было большим шагом вперед на пути к той возвышенной цели, которую пророки рисовали как мессианское время. Я верю сегодня, как и тогда, что эта великая всемирно-историческая эпоха начала вырисовываться в умах

людей благодаря Спинозе. Но я никогда не полагал и никогда не утверждал, что христианство было последним словом в священной истории человечества или что Спиноза завершил эту историю. — Бесспорно, — и я никогда в этом не сомневался, — что мы сегодня томимся по гораздо большему избавлению, чем то, что когда-либо предлагало или могло предложить христианство. — Христианство было ночным созвездием, которое возшло после заката солнца античной жизни, чтобы служить утешением и надеждой для народов. Оно светило над могилами уничтоженных древних племен. Религия смерти — христианство — завершила свою миссию в то мгновение, когда народы вновь пробудились к жизни. История последних трех столетий дает на каждой своей странице, вплоть до сегодняшней, множество примеров того; ограничусь лишь тем, что обращаю Ваше внимание на процессы, происходящие в нынешней Италии. На развалинах христианского Рима восстает возрожденный итальянский народ. — И христианство и мусульманство учили только смирению; Австрия относится к Италии так же, как Турция к Палестине. — Христианство и мусульманство — это надписи на могильных плитах, которые варварское иго обрушило на могилы народов. Пока австрийцы господствовали в Италии, а турки в священной стране наших отцов, итальянский и еврейский народы не могли пробудиться к новой жизни. Однако солдаты современной цивилизации, французы, свергают господство варваров, сбрасывают своими геркулесовыми руками могильные камни с гробов уснувших, и народы пробуждаются.

В странах, отделяющих Запад от Востока — в России, Польше, Пруссии, Австрии и Турции — живут миллионы наших соплеменников, которые денно и нощно возносят самые жаркие молитвы Богу своих отцов о восстановлении еврейского государства. Они с большей верностью хранили животворное зерно иудаизма, то есть еврейскую национальность, чем наши западные братья, которые хотели бы все оживить в ве-

ре наших отцов, только не надежду, породившую эту веру и сберегшую ей жизнь, вопреки всем бурям времен, — надежду на восстановление нашей национальности. — Я хотел бы прийти к этим миллионам верных братьев и крикнуть им: "Вздымай свой стяг высоко, народ мой! В тебе сохранилось зерно жизни, которое, подобно зернам злаков в египетских саркофагах, дремало тысячелетиями, но не утратило способности прорасти, и которое даст плоды как только затвердевшая оболочка, сковывающая его, прорвется, как только оно попадет в возделанную почву современности, где свет и воздух и небесная роса окажут на него свое живительное действие".

Застывшие формы ортодоксального иудаизма, которые до возрождения иудаизма были абсолютно оправданы, взорвутся лишь изнутри, естественным путем, силой, которую несет в себе животворная идея еврейской национальности и ее исторический культ. Лишь в национальном возрождении религиозный гений евреев обретет вновь священный дух пророков, подобно великану, который, коснувшись материнской земли, черпает из нее новые силы.

До настоящего времени ни одному пропагандисту культуры, даже такому мастеру, как Мендельсон, не было дано пробить извне ту скорлупу, которой словно панцирем окружена раввинистика, и дать проникнуть в нее свету, не умерщвляя при этом сокровеннейшей сущности иудаизма, его национального исторического культа и не убивая его священной жизни.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Благородные представители германского духа. — Патриотические соплеменники. — Историк Грец. — "Essai sur la littérature juive"¹ Мерсье. — Осеннее и весеннее равноденствие мировой истории и его штормы. — Саббатай Цви. — Хасиды. — Естественная и историческая религия. — Еврейская мать. — Виктор Гюго. — Берне, Барух, Ицик.

Вы полагаете, что хотя мое мнение об отношении наших немецких соотечественников к евреям, равно как об отношении образованных немецких евреев к немцам как народу, не совсем лишено основания, тем не менее слишком категорично. — Среди немцев, утверждаете Вы, имеются истинно гуманные умы, способные преодолеть расовые предрассудки, руководствуясь глубоким чувством справедливости. А что касается наших образованных евреев, то в своем большинстве они, по Вашему мнению, вопреки видному положению, завоеванному ими в обществе в результате успехов, достигнутых ими в области промышленности, науки или искусства, обладают достаточной самоотверженностью, чтобы постоять за свою религиозную или племенную общность.

Я охотно признаю, что следует, как Вы справедливо пишете, внести некоторые поправки в мои слишком общие суждения, которые сложились под влиянием печальных событий в Дамаске, суждения, под которыми сегодня можно подписаться лишь с большими оговорками. Сегодня мне и в голову не придет отказать германской расе и в особенности немецкому народу, ибо я ставлю его очень высоко, в способности возвыситься с помощью гуманитарного образования над природными расовыми предрассудками, противоречащими всему гуманному, человеческому. Немецкий дух представлен совершенно иными людьми, чем

¹Очерк еврейской литературы.

патриотствующие романтики и философствующие книготорговцы. Народ, породивший таких исполинов, как **Лессинг, Гердер, Шиллер, Гегель, Гумбольдт** и многих других героев гуманизма, должен обладать способностью подняться на самую высокую ступень цивилизации.

Я вспомнил интересный пример, характеризующий торжество немецкого духа над немецкими предрассудками, о котором мне рассказал **Людвиг Виль**¹.

Вы, конечно, слышали о **Геккере**², который в сороковые годы и еще в начале славного революционного 1848 года играл столь значительную роль в Бадене. Геккер, германец чистейшей воды, вскоре после событий в Дамаске обратил на себя внимание своими либеральными речами. Но знаете ли Вы, против какого "исконного врага" отправился в поход сей рыцарь немецкого либерализма? Против **французов**, скажете Вы. Нет, **этого** исконного врага при Гизо и Луи-Филиппе нечего было опасаться. Против **русских**? Тоже нет. Исконный враг, в борьбе против которого Геккер заслужил признание, был не кто иной как страшный народ **иудейский**. Геккер опубликовал во "**Франкфуртском журнале**" ряд анонимных статей против **эмансипации евреев**!

Между тем несколько лет спустя тот же самый Геккер обратился в Бадене с адресом к Берлинскому объединенному ландтагу в пользу эмансипации евреев. Когда от него потребовали объяснений по поводу его прежних юдофобских высказываний, он публично признал, что долгое время не мог преодолеть своей

¹ Людвиг Виль (1807–1882), участник революции 1848 г. Был приговорен к заключению в крепости, бежал во Францию. Автор поэмы "Западно-восточные ласточки" ("Westöstliche Schwalben"). – *Прим. ред.*

² Фридрих Геккер (1811–1881), участник революции в Бадене, после поражения которой бежал в Швейцарию, затем переселился в Америку. – *Прим. ред.*

антипатии к евреям, но принципы права и гуманности наконец восторжествовали.

Впрочем, демократы 1848 года показали, как далеко они оставили позади себя демагогов "освободительной войны", романтических буршей **Яна, Арндта и Ко**. Однако я полагаю, что имею право утверждать на основании своего многолетнего опыта, что Германия как целое, несмотря на всю свою ученость, в области практической социальной жизни все еще серьезно отстает от других народов Европы. Очевидно, последняя битва против расовых предрассудков еще впереди, только в будущем гуманитарное образование войдет в плоть и кровь немцев, как оно вошло в плоть и кровь романских народов, которые в результате длительного исторического процесса преодолели расовый антагонизм.

Еще в большей мере, чем в вопросе о немецком антисемитизме, я согласен с Вашими возражениями по поводу наших образованных евреев на Западе и в особенности в Германии. В последнее время в иудаизме также наступила благодетельная реакция против той космополитической филантропии, которая, как однажды верно заметил **Жан Жак Руссо**, лишь затем в такой туманной дали любит человека, чтобы освободиться от любви к своему ближнему. Я вижу повсюду более естественные и более здоровые чувства, служащие приметам этой перемены к лучшему: в Америке, где каждый год основываются новые еврейские общины и открываются синагоги, во Франции, где была предпринята попытка создать "Всемирный еврейский союз" ("Alliance israelite universelle" — организован в 1860 году с целью "содействовать повсеместно эмансипации и моральному прогрессу евреев") — попытка, которая может иметь большое значение, если в этой организации возобладает истинно еврейский национальный дух; в немецкой и французской литературе, где такие писатели, как **Комперт¹, Штраубен,**

¹ Леопольд Комперт, (1822—1866), немецко-австрийский писатель из Богемии. — *Прим. ред.*

Вейль¹, **Бернштейн**² с успехом начали реалистически и увлекательно рисовать еврейский быт; прежде же всего в научной литературе по иудаизму, где со времени эпохальной "**Истории евреев**" **Греца**, сумевшего привлечь симпатии нашего народа к своим героям и мученикам, зародились тенденции, которые в близком будущем восторжествуют над поверхностным христианствующим спиритуализмом.

У представителя образованных кругов немецкого еврейства **Риссера**³ хватило мужества поставить слово "еврей" в качестве заглавия журнала, посвященного защите наших политических и гражданских прав. Доктор **Людвиг Филиппсон**⁴ также не побоялся громко заговорить о еврейских интересах. Лирический поэт **Людвиг Виль** неизменно посвящает свою музу великим воспоминаниям нашей бессмертной нации.

Собственно, то обстоятельство, что "Западно-восточные ласточки" **Людвига Вилья**, пятнадцать лет назад пролетевшие над Германией, почти не оставив следа, ныне переводятся французом и снабжаются предисловием, привлечшим внимание французской прессы, на мой взгляд, знамение времени, и я должен несколько подробнее остановиться на этом.

Пьер Мерсье, французский переводчик "Ласточек", в своем "Очерке еврейской литературы" высказывает мнение об этой литературе, с которым я никак не могу безоговорочно согласиться. В частности, как

¹ Александр Авраам Вейль (1811–1899), французский писатель. — *Прим. ред.*

² Аарон Бернштейн (1812–1884), писатель и революционер. — *Прим. ред.*

³ Габриэль Риссер (1806–1863), юрист, деятель эмансипации и редактор журнала "Jude" ("Еврей"). — *Прим. ред.*

⁴ Людвиг Филиппсон (1811–1889), реформистский раввин, издатель "Allgemeine Zeitung des Judentums". — *Прим. ред.*

христианин он рассматривает иудаизм в слишком односторонне спиритуалистическом разрезе. Однако при всех обстоятельствах, его суждения о духе, которым проникнута Тора, свидетельствует о более зрелом понимании истории, о более глубоком постижении еврейского гения, чем то, что обнаруживают немецкие исторические писатели, которые в своем юдофобстве доходят до критики Библии.

Достоин внимания его мнение о новой еврейской литературе, в которой он увидел противоядие против расслабляющего действия современных романов. Однако он снова впадает в заблуждение, определяя как спиритуалистический тот здоровый источник, из которого возникла эта новая еврейская литература. Еврейская жизнь никогда не была по своей природе спиритуалистической. Даже ессеизм, расцвет которого падает на период зарождения христианства в иудаизме, ессеизм, которому христианская религия прежде всего обязана своим существованием, не было в сущности спиритуалистической сектой, как не были проникнуты духом спиритуализма первые христиане. Когда эта секта стала спиритуалистической в христианстве, она порвала с иудаизмом. С того момента от нее не остается следов в иудаизме¹. Всякий раз, как только происходит перелом в истории развития всемирно-исторических народов, возникает могучее движение в том народе, который является носителем исторической религии. Переход от древности к средним векам, это осеннее равноденствие человечества, возвещает о себе великими штормами в иудаизме, который породил христианство и в своих собственных рамках секты, вновь бесследно исчезнувшие, когда кризис миновал. Также и ныне, во время весеннего

¹О еврейских сектах ср. Graetz, *Geschichte der Juden*, т. III, прим. 10. В своем комментарии к Второзаконию (6:5) Луццатто также утверждает, что спиритуализм и аскетизм были совершенно чужды духу иудаизма.

равноденствия человечества, великое будущее — предмет наших устремлений, возвещают движения в иудаизме, привлечшие к себе еще слабое внимание мира, что, однако, не мешает им иметь не меньшее значение, чем те движения, которые возникли в иудаизме в период перехода от древности к средним векам. Уже с наступлением нового времени мессианское движение, не знающее подобного себе с эпохи падения еврейского государства, со времен **Бар-Кохбы**, охватило евреев Востока и Запада, лжепророком которых был **Саббатай Цви**¹, а истинным пророком **Спиноза**. Современные саддукеи, фарисеи и ессеи, — я имею в виду реформистов, раввинистов и хасидов, — тоже исчезнут без следа, после того как завершится наша критическая эпоха, знаменующая собой последний кризис в мировой истории, и народы, обязанные иудаизму своей исторической религией, и с ними сам еврейский народ, восстанут к новой жизни. Иудаизм не допускает возникновения в своей среде сект спиритуалистического и материалистического характера. Еврейская жизнь едина, как и ее божественный идеал, и именно это ее единство является тем, что противодействует современному материализму, представляющему из себя лишь обратную сторону христианского спиритуализма. Я имею в виду не философские системы или религиозные догмы, не мировоззрение, а жизнь, лишь вторичным продуктом которой является это мировоззрение. Жизнь — непосредственный продукт расы, которая придает своим социальным институтам форму, соответствующую ее природным предрасположениям и склонностям. Из этого первоначального образования возникает мировосприятие, которое оказывает обратное влияние на жизнь, но влияние модифицирующее, а не творческое и не способное никогда существенно изменить первоначальный тип, неизменно воспроизводящий свои особенности.

¹ Саббатай Цви (1626–1675), каббалист из Смирны, выдавал себя за Мессию. — *Прим. ред.*

Германская раса навязала христианскому миру свою спиритуалистическую и материалистическую двойственность. Автор "Очерка еврейской литературы" поэтому совершенно прав, считая, что на христианство возлагают слишком тяжкое бремя ответственности за модную в наше время любовную мечтательность; скорее средневековое рыцарство должно быть в ответе за это. Во всяком случае, романтическое головокружение вызвано не просто христианством, но христианством в сочетании с свойственными германским расам качествами. Без этих северных народностей, которые сделали христианство тем, чем оно стало в истории, без этих галантных авантюристов, которые неизменно становились жертвами раздвоенности, разрываясь между грубейшей чувственностью и самым неистовым мистицизмом, христианский дуализм не обозначился бы с той резкостью, которая характеризует всю современную жизнь. Итак, не учение, а раса сообщает форму жизни. И не учение породило библейско-патриархальную семейную жизнь. Напротив, патриархальная жизнь родоначальников еврейства — источник еврейского культа — служит творческой основой для библейской религии, неизменно представляющей из себя национальный исторический культ, развивающийся из семейной традиции:

До выхода германских народов на авансцену мировой истории имелись только две разновидности культа: культ природы и культ истории. Первый нашел свое классическое выражение в Греции, второй в Иудее. Как греческий культ сделал предметом изображения совершенную природу, так иудаизм раскрыл закон Бога в истории. После появления на арене германских племен исчез культ природы и культ истории. Они уступили место апофеозу обособленной личности. Христианство нашло в северных расах в качестве органической склонности то, что в нем самом явилось лишь следствием упадка древних национальностей, проявлением их смерти: я имею в виду такое мировоззрение, которое не обнаруживает ни в природе, ни в

истории объединяющих уз божественной жизни, но повсюду лишь обособленные жизни.

Пока в Европе господствовали германские расы, никакая национальная жизнь не могла развиваться. "Религия любви" вне связи с естественной и исторической жизнью рассчитана только на индивидуальное **спасение души**. Апофеоз индивидуума выродился в итоге в непомерно раздутый культ женщины, который и поныне внушает романтическим еврейским синим чулкам столь сильные симпатии к христианству.

"Любовь, — утверждает Мерсье, — превозносилась во всех облициях и изображалась как высшая, благороднейшая цель жизни. Добродетель женщины и даже ее пороки обретали необычайную важность. Женщина приучалась думать, что ее верность или неверность должна привести в смятение весь мир. Она разделяла судьбу всех сил, которым поклоняются сверх всякой меры, ее испортили лестью. Поэтому любовь поглотила все социальные силы, всякую семейственность и в результате притупилась.

Только у евреев достало здравого смысла подчинить женскую любовь материнской любви. **Александр Вейль** вкладывает в уста еврейской матери слова: "Может ли честная еврейская мать заниматься любовью? Любовь — порочное идолопоклонство. Еврейка может любить только Бога, своих родителей и своих детей..." Старая Бабеле у **Комперта** говорит: "Бог не мог быть вездесущим, поэтому Он сотворил мать..." Материнская любовь — основа всей семейной жизни, ее страсть, ее таинство. Этот же тип еврейской женщины встречается во всех еврейских романах. Я вижу перед собой образ этой еврейской женщины. Ее лик светел, но бледен, меланхолическая улыбка играет на ее устах, кажется, что ее глубокий взор проникает в отдаленное будущее".

Читая эти строки Мерсье, Вы, несомненно, вспоминаете свою собственную мать, изобразить которую удачнее невозможно. Также и мне при чтении этого верного описания еврейской матери представляется

моя мать. Я ее еще довольно хорошо помню, хотя потерял ее мальчиком четырнадцати лет; она до недавнего времени почти каждую ночь являлась мне во сне. Словно это было вчера, в ушах моих звучат слова, произнесенные ею во время поездки в Бонн. Мне было тогда семь лет. Мы были уже в постели, и я только что кончил читать вечернюю молитву. Тут она сказала взволнованно: "Послушай, дитя мое, обещай мне, что ты будешь всегда усердно учиться. Не забывай, что Мо-хари¹ один из моих предков и что тебе выпало счастье учить Тору у твоего деда. Говорят, что, когда дед и внук учат Тору вместе, Закон Божий не покидает семьи и передается из поколения в поколение".

Слова матери запали мне в душу, я их помню по сей день, хотя с тех пор мне никогда не доводилось слышать или читать что-либо, что напоминало бы это предание о деде и внуке².

Да, дети тот центр, к которому тяготеют все житейские помыслы, вся любовь еврея. Любовь в сердце его слишком сильна, слишком огромна, чтобы ограничиться одним поколением и не распространиться на будущие поколения. Среди евреев было такое множество святых ясновидцев именно по той причине, что взор их любви проникает далеко в будущее.

Бездетный брак, действительно, нигде не воспринимается так болезненно, как у евреев. Наши раввины учат, что человека, не имеющего потомства, следует оплакивать как покойника. Только евреи с полным правом могут присоединиться к молитве величайшего французского лирика **Виктора Гюго**:

מ'והרר , аббр. имени религиозного писателя, который бежал из Польши в Германию, чтобы оградить свою жену от домогательств некоего шляхтича. — *Прим. ред.*

² Как я узнал задним числом, моя мать имела в виду талмудическое речение: (Бава Мециа 85а), являющееся толкованием библейского стиха "והחוט המשולש לא במהרה ינתק" "И нитка, втрое скрученная, не скоро порвется" (Екклесиаст 4:12).

*Господи, убереги меня, убереги любимых мной,
Родителей, братьев, друзей и даже врагов моих,
От того, чтобы они когда-нибудь увидели, Господи,
Лето без ярких цветов, клетку без птиц, улей без пчел,
Дом без детей...*

Этими строками я хотел бы завершить рассмотрение данной темы и, если я остановился на ней слишком пространно, то лишь потому, что в интересах возрождения нашей нации она заслуживает особого внимания. Отраднo уже то, что вдохновенные поэты и писатели отстаивают дело нашего народа; это может оказаться тем более счастливым обстоятельством, если такие патриотические тенденции не останутся неизвестными народу, с помощью которого угнетенные нации пробуждаются к новой жизни. Что должен был бы подумать о нас этот народ — я подразумеваю французов, — если бы во время великой весны народов, начавшейся с солнцем первой Французской революции, до него не донесся бы ни один звук из среды нашей нации? Благодаря французскому переводчику "Ласточек" французы убедились в нашем пробуждении. Хотя ни Виль, ни другие еврейские народные писатели и поэты не выступили с требованием нашего реального политического возрождения, они все же показали миру, что и в просвещенном еврействе еще живы патриотические воспоминания и что требуется лишь внешний толчок, чтобы облечь этот поэтический и идеальный патриотизм в плоть и кровь и сообщить ему способность действовать. — Я не сомневаюсь также, что отныне просвещенные евреи будут способствовать делу политического возрождения нашего народа с таким же самозабвением, как другие евреи в другое время способствовали делу эмансипации евреев в изгнании.

Весна народов, близящаяся к плодоносному лету, не может не оказать воздействия на наших западных братьев. И здесь в тиши будут наливаться соками весенние почки, и вдруг, когда исполнится срок, распустятся цветы, и поразят взоры всего мира. Молодое

поколение евреев, восприимчивое ко всему возвышенному и священному, с энтузиазмом примкнет к национальному еврейскому движению, и, если когда-нибудь подрастающее поколение обратит свою энергию на достижение этой цели, то даже иссохшее дерево украсится листвою и цветами Израиля. Но пока, дорогой друг, в западном еврействе — не будем вводить себя в заблуждение — мы видим повсюду лишь сухое дерево поверхностного просвещения. Большинство немецких евреев начинают стыдиться своей религии и своего происхождения, как только они вступают в соприкосновение с европейским образованием. Немцы так долго и так основательно доказывали нам, что наша национальность является препятствием для "внутренней" эмансипации, что в конце концов мы сами поверили в это и приложили все усилия, чтобы ценой отречения от своего происхождения показать себя достойными расы светловолосых германцев. Но за исключением некоторых знатоков арифметики, продавших свое еврейство за государственную должность, все наши еврейские тевтономаны позорно просчитались. **Мейерберу** не помогло то, что он всегда трусливо избегал писать музыку к операм на еврейские темы: это не спасло его от немецкого юдофобства. Славная "Аугсбургер Альгемейне" редко упоминает его имя без того, чтобы не добавить в скобках: собственно, Якоб Мейер Липпман Бэр! Немецкому патриоту Берне также несколько не помогло то, что он переменил свою фамилию Барух. Он признает это сам: "Как только мои противники терпят крушение, наткнувшись на Берне, — замечает он в одной из своих статей, — они хватаются за свое спасение — Баруха". Мой собственный опыт свидетельствует о том, что при всяком личном споре не только с противниками, но и с единомышленниками, и те и другие прибегают к оружию "Хеп", которое в Германии почти всегда действует безотказно. Я решил сделать удобное для них оружие еще более удобным, я приму свое ветхозаветное имя Моше и сожалею только о том, что меня не зовут Ишиком.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Надувательская реформа и некритичная реакция. — Лютер и Мендельсон. -- Рационалистические двойники. — Ключ к религии будущего. — Три фазы развития еврейского духа. — Восстановление еврейского государства.

Вопрос, с которым Вы обращаетесь ко мне и который, признаюсь, представляет одну из величайших и сложнейших проблем для еврейства XIX столетия, доказывает, что Вы начинаете интересоваться иудаизмом. Итак, Вы ничего не имеете против того, чтобы наша нация была вновь введена "в колею мировой истории". Однако эта надежда, полагаете Вы, все еще остается лишь благочестивым пожеланием; сегодня, как и на всем протяжении двух последних тысячелетий, еврейство представлено только рассеянными семьями. Религиозные связи, которые до нынешнего времени объединяли рассеянных, теперь то и дело рвутся в результате участия евреев в современной культурной жизни. Хотя реформа и пыталась кое-как восстановить эти связи, на деле она лишь ухудшила положение.

Неизбежным следствием этого с Вашей точки зрения являются индифферентность и отпадение от иудаизма. Винить в этом некого. Не человеческая злая воля, а сила обстоятельств привели к распаду ортодоксального иудаизма. К какой общине, к какой синагоге, спрашиваете Вы, должно ныне примкнуть вашей семье? Или, быть может, зло спрашиваете Вы, образованные еврейские учителя заслуживают упрека за то, что принесли нам свет науки взамен "пробитой извне" твердой скорлупы раввинизма?

Нет, дорогой друг, мы ни на кого не хотим возлагать ответственность за этот, хотя и опасный, но в итоге целительный кризис, ибо он был необходим, и предотвратить его никто не в силах. К тому же самые опасные

симптомы этого кризиса уже исчезли и едва ли повторятся. Иудаизм, грозивший распасться при первом соприкосновении с современным образованием, иудаизм — мы можем ныне сказать об этом, не опасаясь того, что история изобличит нас во лжи — успешно преодолел также эту последнюю опасность, возможно самую большую, которая когда-либо угрожала его существованию! У него нет противников ни в науке, ни в жизни; самая большая опасность грозит ему со стороны тех, кто предлагает себя в качестве представителей и посредников науки, не имея к тому основания.

Я хочу подчеркнуть, что далек от того, чтобы недооценивать значение неусыпных трудов тех еврейских ученых и законоучителей, которым наше поколение обязано всем — образованием и благосостоянием, своим общественным положением и своим нравственным и духовным прогрессом — и в заслугу которым — им одним — можно поставить то, что в эпоху распада всех общественных связей еврейская семья продолжает оставаться образцом сплоченности. Именно эти ученые и учителя — достойные преемники наших старых раввинов, являвшихся в продолжение двух тысяч лет изгнания столпами иудаизма и не образовавших тем не менее замкнутой касты жрецов или ученых. Если же они, — в большинстве случаев уподобляясь нашим еврейским поэтам, — слишком увлечены потоком нивелирующих тенденций и не задумываются о восстановлении нашей национальности, то для них, как и для поэтов, достаточно внешнего толчка, чтобы выступить в качестве еврейских патриотов, какими они и являются в глубине своего сердца. Опасность угрожала еврейству лишь со стороны тех, — к счастью, уже почти вымерших, — религиозных реформаторов, которые с их новоизобретенными церемониями и избитыми разглагольствованиями высосали из иудаизма все живые соки и оставили от этого великолепнейшего явления мировой истории лишь обглоданный скелет. Стремиться поднять еврейское учение на уровень современной науки и удовлетворить потребность в более упорядоченной

и более эстетичной форме нашего древнееврейского культа, этого оказалось для них недостаточно. Они носились с совершенно несвоевременной, подслушанной у чужого вероисповедания, мертворожденной идеей религиозной реформы, которая ни в современном мире вообще, ни тем более в национальном в своей основе иудаизме не имеет под собой никакой почвы. Я не отрицаю правомерности религиозной реформы во времена **Лютера** в христианском мире, равно как реформы скорее эстетической, нежели религиозной и научной, во времена **Мендельсона** в еврейском мире. Этим реформаторам не могла даже прийти на ум мысль посягнуть на историческую основу какого-либо культа, который не может быть произвольно заменен новым. Наши современные реформаторы, напротив, хотели преобразовать саму эту основу: их реформа преследовала лишь неблагоприятную цель, — если у нее вообще была какая-либо цель — констатировать **неверие** в национальные основы нашей религии. Неудивительно, что она способствовала лишь индифферентности и отпадению от иудаизма. Иудаизм, подобно христианству, должен был действительно распасться в результате торжества просвещения, если бы он был не более, чем догматической религией, если бы он не был национальным культом. Еврейские реформаторы, продолжающие разыгрывать свои театральные представления в некоторых немецких общинах, столь мало умеют ценить этот аспект иудаизма, что изо всех сил стремятся удалить из учения и культа все, что напоминает о еврейской национальности. Им кажется, что составленные ими самими молитвенник или сборник религиозных гимнов, в котором философский теизм облачен в рифмы и переложен на музыку, гораздо больше возвышает душу, чем трогательные молитвы на древнееврейском языке, в каждом слове которых сквозит боль по утраченному еврейскому отечеству: молитвы, создававшие и поддерживавшие единство нашего культа на протяжении тысячелетий и поныне служащие узами, связывающими всех евреев на всем

земном шаре¹. Усилия наших немецких религиозных реформаторов направлены на то, чтобы превратить национальный и гуманный иудаизм в новое христианство, перекроив его на рационалистический манер, создать некий двойник, тем более излишний, что сам образец уже давно находится в безнадежном состоянии. Христианство, выросшее на могилах древних народов, должно было абстрагироваться от национальной жизни. Именно поэтому оно до тех пор будет страдать от непримиренного противоречия между разобщенностью и единением, материальностью и духовностью, пока народы, пробудившиеся к новой жизни, не заменят его национальным, историческим культом, тайна и ключ к которому известны одному иудаизму. "Религия будущего" — мечта некоторых философов прошлого столетия и их современных подражателей, не будет ни пародией на языческий культ природы, ни тенью новохристианского и новоеврейского скелета, восстающей словно призрак в воображении наших религиозных реформаторов. Всякая нация должна иметь свой собственный исторический культ, каждый народ должен подобно еврейскому стать народом Бога. Национальные и гуманитарные движения нашего времени, времени, которое возвращает нас к действительной, реальной сущности еврейства, не вступают в конфликт с основами еврейской религии, как это происходит с христианством. Заблуждением, перенятым современным миром от христианства, является убеждение, что утвер-

¹ Если им не удавалось заменить наши молитвы религиозными гимнами, то они довольствовались меньшим. Д-р Гирш, раввин из Люксембурга, изменил в восемнадцати благодарениях выражение "Кто возобновил свое Божественное присутствие в Сионе" на "Кому одному служим мы в благоговении". Другие реформаторы ограничились тем, что изъяли чудесный гимн שְׁמַח מִלְכֵּךְ, потому что в нем нашла свое выражение вера в пришествие Мессии. Словно эта вера проявляется лишь в этих отдельных молитвах и гимнах, а не пронизывает весь культ!

дившаяся догма может заключать в себе целое мировоззрение. Я не повторяю вслед за Мендельсоном, что иудаизм не знает догмы, но я утверждаю, что еврейское учение о Боге никогда не представляло из себя чего-то завершенного и застывшего, что оно постоянно развивалось на типической основе священного единства жизни и духа еврейского народа и всего человечества. Для еврея свободный процесс познания Бога посредством усердного учения и добросовестного исследования — святейший религиозный долг. По этой причине иудаизм никогда не исключал философской мысли и не провозглашал ее ересью, чем, в частности, объясняется то, что ни одному истинному еврею никогда не приходило на ум "реформировать" иудаизм на основе какого-либо философского мировоззрения. Этим объясняется отсутствие настоящих сект в иудаизме. Хотя в новое и в новейшее время и в иудаизме было достаточно ортодоксальных и еретических ревнителей догм, но секты в нем не возникали, ибо догматические основы иудаизма представляют широчайший простор для любого духовного творчества. Среди евреев всегда существовали разногласия в метафизических вопросах, но только вероотступники порывали — притом сами — с иудаизмом. "И даже они не порывали", — заметил один ученый раввин, в присутствии которого я высказал эту мысль.

Действительно, еврейство как национальность покоится на природном фундаменте, который не может, как вероисповедание, быть заменен другим. Еврей в силу своего происхождения всегда связан с иудаизмом, даже если он или его предки были отступниками. Согласно современным религиозным критериям это может показаться парадоксом. На практике я, по крайней мере, удостоверился в истинности этого взгляда. Даже крещеный еврей остается евреем, как бы он ни противился этому. Сегодня уже почти невозможно заметить разницу между просвещенными и крещеными евреями. Мой друг Арман Л., у кото-

рого уже дедушка и бабушка крестились, испытывает более живой интерес к своим соплеменникам с их радостями и горестями, чем иной обрезанный еврей, и он с большим постоянством хранит веру в свою еврейскую национальность, чем наши просвещенные раввины.

Еврею предписывается не верить, но пытаться познать Бога. Это вопрос свободы совести, и человек никому не должен, да и не может, давать в этом отчета, кроме как самому себе. Плоскому рационализму, разумеется, столь же легко, как и слепой народной вере, в избитых выражениях изложить свое кредо. Напротив, познание, которое вырастает из сокровеннейшей духовной и психологической жизни, развивается вместе с индивидуумом и человечеством; оно не может раз и навсегда определяться в "артикуле" веры. На глубокой догматической основе иудаизма могли развиваться различнейшие миропонимания. В развитии творческого иудаизма все эти воззрения представляют из себя лишь преходящие моменты, которые меняются в зависимости от внутренних и внешних событий, превращаясь, как нередко кажется, в свою противоположность, однако, несмотря на все многообразие развития, они не отрицают первичного типа, послужившего для них основой, и, в конце концов, воспроизводят его — спелый плод дерева жизни.

Великие мыслители и благородные души также никогда не ставили под сомнение эту сущность еврейской исторической религии. Они не видели во всякой модификации миропонимания новую религию и не тешили себя иллюзией, что можно реформировать историческую основу нашего культа. **Саадия¹** и **Маймонид**, **Спиноза** и **Мендельсон**, несмотря на то, что в своих взглядах были далеко впереди своих современников, не стали отступниками, хотя в их

¹ Саадия Гаон (892–942), виднейший вождь вавилонского еврейства, основоположник рационалистической еврейской религиозной философии. — *Прим. ред.*

эпоху было достаточно догматиков — охотников за еретиками, стремившихся отлучить или действительно отлучивших их от синагоги. Наши современные догматики от рационализма также не преминули бы отлучить от синагоги евреев, принявших сторону Спинозы, если бы имели силу протрубить в рог, который произвел когда-то в Израиле совершенно иное действие, чем шумовая труба некоего франкфуртского раввина в одном франкфуртском иудаистическом журнале.

Понимая недостатки реформы и отвергая охотников за еретиками из ортодоксального и неортодоксального лагерей, Вы спрашиваете, к какому религиозному содружеству должен примкнуть человек и его семья. Я знаю только одно еврейское содружество — древнюю синагогу, которая, к счастью, еще существует и, будем надеяться, будет существовать до тех пор, пока не завершится национальное возрождение иудаизма. Я сам, если бы имел семью, несмотря на свою догматическую ересь, не только присоединился бы к публичной жизни какой-либо благочестивой еврейской общины, но и отмечал бы все печальные и радостные даты в согласии с Законом в своем доме, дабы сберечь в своем сердце и в сердцах своих потомков еврейские народные традиции. Бесспорно, обладая я влиянием на синагогу, я постарался бы придать большую красоту еврейскому культу и прежде всего позаботился бы о еврейских учителях и проповедниках, стоящих на уровне современной науки и обладающих талантом и призванием для отправления своей должности. Я, если Вам угодно прибегнуть к такому выражению, протянул бы руку **реформам**, но, разумеется, совсем другим, не плоско-нивелирующим, популярным среди наших религиозных реформаторов! Ни один старинный обычай, почитаемый искони, я не позволил бы отменить, ни одну молитву на древнееврейском языке исказить или читать только в немецком переводе, ни одну субботу, ни один праздник сократить или даже совместить с христианскими

праздниками. Кантор и хор не были бы у меня бездушными орудиями, я бы строго придерживался того, чтобы молитвы и гимны, которые удовлетворяли бы требованиям не только искусства, но и религии, распевались благочестивыми мужами и детьми. Молельный дом не театр, и проповедники и канторы должны быть чем-то иным, нежели искусными комедиантами. Что идет не от сердца, не может тронуть другие сердца. Молитвы, гимны и проповеди тех, кто считает наш священный национальный культ устаревшим установлением, не могут воодушевлять, они всегда возбуждают во мне непреодолимое отвращение. Словом, я бы благожелательно отнесся ко всему, что могло бы послужить воодушевлению и наставлению общины, не подрывая вместе с тем основ нашего старинного культа. В кругу своей собственной семьи я бы тщательно следил за тем, чтобы соблюдались наши обычаи, хотя я не дам ни одному фанатику христианского толка право навязать мне его установления или принципы веры.

Такой образ действия сослужил бы гораздо лучшую службу делу мира в еврейских общинах и удовлетворил бы тягу к религии у всякого еврея, какого бы мировоззрения он ни придерживался, нежели реформы, которые каждый духовный дилетант кроит по своему собственному образцу и которые в результате ведут к бессодержательнейшему нигилизму и безудержной анархии, следствием чего является лишь опустошение во всех еврейских душах и все большее отчуждение наших молодых поколений от иудаизма.

Впрочем, определяя реформу как свободное духовное направление в более высоком смысле слова, ей оказывают незаслуженную честь. Правда, что касается отрицания, то рационалистическая критика может быть обозначена как свободное направление, так как отрицание отмершего является первым шагом на пути к свободе. Но позитивная свобода связана с самостоятельным развитием, и рационалистическая реформа, отрицающая сущность иудаизма, его национальный

характер, не может быть творческой и по этой причине свободной в более высоком смысле слова. К тому же реформаторы ничтожно мало сделали в области критики отмирающего. Большой частью достижений в этой сфере, как Вы верно подметили, мы обязаны условиям революционной эпохи; в этих достижениях неповинны плетущиеся в хвосте событий рационалисты, высокопарно именующие себя реформаторами, будь то в иудаизме или в христианстве. Современное общество, порожденное революцией, — это общество восстанавливающееся, образующееся стихийно. Оно не реформирует старое и не ставит на нем заплаты, но творит новое. Однако в основе всякого творческого процесса должно что-то лежать: из ничего ничего не возникает. Национально-гуманитарная сущность еврейской исторической религии служит тем зародышем, из которого разовьются будущие социальные формы. До тех пор, пока евреи игнорировали эту сущность нового времени, с самого начала составлявшую их собственную сущность, их против их собственной воли уносил поток современной истории. Нет необходимости в какой-либо рационалистической реформе, как это явственное всего видно на примере стран, где, как у нас на Рейне и во Франции, современное течение сильнее всего, но религиозно-рационалистическая реформа не получила сколько-нибудь широкого распространения. В этих странах был осуществлен идеал наших реформаторов — религиозный индифферентизм — без реформаторов. Впрочем, сама ортодоксия во всей современной Европе была увлечена потоком современного движения, не претерпев каких-либо изменений, ибо наиболее крупная и значительная часть раввинизма — право — утонула в потоке современности. Никому не оказалось до этого дела, ни ортодоксам, ни романтикам. Реформа не сделала ничего, кроме как возвела в принцип само по себе беспочвенное отрицание или, как я уже говорил, констатировала неверие. Ей можно было бы оставить эту славу, если бы она не прикинулась, что у нее есть в запасе что-то позитивное, если бы,

подражая христианским реформаторам прежних времен, она не противопоставляла бы в качестве позитивной нормы возрожденного еврейства Библию Талмуду и не выставляла бы себя на посмеище, прибегая к этому устаревшему способу, который к тому же является продуктом чуждых иудаизму духовных тенденций. В основе своей это гораздо более ограниченная точка зрения, чем даже ортодоксальная. Суть ее сводится к тому, что дальнейшее живое развитие еврейского Закона, как он передается из уст в уста и зафиксирован в Талмуде в относительно поздний период, отвергается как "человеческое установление", и только Закон Священного Писания признается священным. Эта точка зрения к тому же совершенно неисторична. Все говорит за то, что до вавилонского изгнания или, вернее, до восстановления еврейского царства усилиями *софрим* Письменный и Устный законы еще не были обособлены друг от друга, как они обособлены в наше время. Лишь в эпоху *софрим* было осуществлено это разграничение. До той поры закон не передавался ни в исключительно письменной, ни в исключительно устной форме. Правда, исторической критикой еще не установлено, каким образом проводилось это разграничение во времена восстановления государства, но бесспорно, что мужи Великого Собора¹ руководствовались в ту эпоху тем же свободным, священным и патриотическим духом, что Моисей и пророки. Высвобождение в какой бы то ни было форме из социального и политического рабства является вместе с тем духовным освобождением и оплодотворяет национальный гений. Еврей-

¹ Великий Собор — религиозно-законодательная институция, существовавшая в Иудее в период после вавилонского пленения. Предполагается, что мужи Великого Собора ввели деление Устного закона на Мидраш, Галаху и Аггаду. Занимались также вопросами библейского канона, в который включили книги Иехезкеля, Даниэля, Эсфирь и двенадцати малых пророков. — *Прим. ред.*

ское законодательство создавалось главным образом в две эпохи: в эпоху, последовавшую за освобождением из египетского пленения, и в эпоху, последовавшую за освобождением из вавилонского пленения. Третья эпоха наступит после освобождения из третьего изгнания. Реформаторы, не имеющие ни малейшего представления о творческом гении нашего народа, не придают должного значения второй эпохе развития законодательства в отличие от раввинов, которые чтят законодателей этого периода столь же высоко, как и Моисея. Раввины утверждают, что Эзра был бы достоин того, чтобы Израиль получил от него Тору, если бы его не опередил Моисей. В той форме, в какой мы ныне обладаем ею, Тора дошла до нас непосредственно из второй эпохи. Те же самые люди в то же самое время, руководствуясь тем же самым духом и теми же самыми традициями, собрали воедино, исследовали и оставили нам в наследие Письменное и Устное учение. Нет никакого основания приписывать Письменному учению более священное происхождение, чем Устному. Напротив, с наступлением эпохи еврейского возрождения животворное развитие закона, передаваемого из уст в уста, считалось более священным, чем следование букве Письменного закона. Причину этого можно легко понять. Национальный гений законодательства давно угас бы, если бы не происходило постоянного животворного развития закона. Этому творчеству еврейство обязано своим национальным возрождением после вавилонского пленения и вместе с тем своим дальнейшим существованием в рассеянии. Ему оно было впоследствии обязано появлением героических воителей против греческих и римских врагов нации, ему обязано оно, наконец, после падения Второго Царства своим сохранением на протяжении почти двух тысяч лет изгнания. Ему будет оно также обязано своим грядущим национальным возрождением.

Евреи с полным правом длительное время противились тому, чтобы зафиксировать устное толкование Закона в его дальнейшем развитии. Если бы Устный

закон развивался дальше лишь в школах, то еврейству никогда не грозила бы опасность утратить свой законодательный гений. Но евреи должны были зафиксировать в письменности Устное учение, чтобы избежать еще большей опасности: полного забвения Закона в рассеянии. Ныне такой опасности больше не существует. Но другой опасности мы избежим только в том случае, если вновь пробудим в себе дух критики в отношении застывшего формализма, разлагающего истинную веру рационализма, — священный, патриотический дух, неизменно окрылявший наших законодателей, пророков и знатоков Писания. Мы снова должны заняться историей своего народа, изучением которой пренебрегали рационалисты, и пробудить среди нашей молодежи желание обратиться к этому первоисточнику, из которого и знатоки нашего права и наши пророки черпали свою мудрость и свое вдохновение. Если мы вновь обратимся к этому первоисточнику иудаизма, то наши мудрецы вновь обретут авторитет в еврейском народе, утраченный ими по собственной вине в тот момент, когда они отошли от духа иудаизма и решили реформировать еврейский закон, руководствуясь отнюдь не патриотическими побуждениями. Мы вновь тогда причастимся к святому духу, обладающему способностью развивать дальше священный закон и видоизменять его сообразно нуждам еврейского народа. И когда наступит конец третьего изгнания, то дело восстановления еврейского государства застанет нас надлежащим образом подготовленными.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Расцвет новой литературы на древнееврейском языке. — Луццатто, Рапопорт, Франкель, Крохмал. — Закс и Гейне о Иехуде Галеви. — Мендельсон и поклонники новой моды. — Шор. — Сектанты без сект. — Сальвадор. — Ассимиляторы и масоны. — Гирш. — Мнимое призвание евреев в изгнании.

Вы заблуждаетесь, милый друг, полагая, что только наши так называемые просвещенные евреи познакомились с современной культурой и наукой и что среди благочестивых евреев, напротив, еще царит крошечная египетская, которая оказывает, по крайней мере, столь же вредное влияние на дело возрождения нашего народа, как и современный индифферентизм. — С тех пор как я посвятил себя делу своего народа, я ознакомился отчасти в результате личного общения, отчасти благодаря их сочинениям, с верующими евреями, с молодым и со старым поколениями, в особенности с молодым, которое не уступает в образованности никакому просвещенному еврею и притом умеет больше ценить национальное прошлое и будущее нашего народа, нежели те просвещенные умы, которым неведомы философский дух и понимание истории.

Ортодоксальное еврейство выдвинуло в Англии, Франции, Италии, Германии, Венгрии, Польше и Богемии своих представителей на поприще литературы и науки. Газеты, журналы и ученые философские труды нередко издаются нашими благочестивыми соплеменниками на свяшенном языке наших отцов и проникнуты духом истинного гуманизма, как проникнут им народ, к которому они принадлежат. Литература на древнееврейском языке в наш век национального возрождения благодаря превосходным трудам **Луццатто, Рапопорта**¹,

¹ Шломо Иехуда Рапопорт (1790—1867), ученый, последователь Маймонида, автор монографий о выдающихся еврейских ученых. — *Прим. ред.*

Франкеля¹, Крохмала² и др. вновь пробудилась к жизни, и немецкие раввины в большинстве случаев пользуются в своей переписке древнееврейским языком. Ведь даже покойный Гольдхейм³ не отвергал с презрением священного языка при написании своей лебединой песни, и Шор⁴, такой же непримиримый враг ортодоксии, как Гольдхейм, выпускает в свет свой журнал на этом языке. Каким влиянием должно уже сегодня пользоваться ортодоксальное еврейство, если даже его противники, желая, чтобы приняли их вызов, вынуждены пользоваться его языком!

Прочтите-ка "Религиозную поэзию евреев Испании" д-ра Закса. Этот труд написан в благороднейшей манере и убедит Вас в том, что образованные и притом благочестивые евреи оказывают гораздо более благотворное воздействие на иудаизм, чем те реформаторы, которые лишь отражают холодный, сокрытый свет некоей уже отмершей, нивелирующей эпохи на развалинах застывшей ортодоксии, не неся в себе ни света, ни тепла новой жизни.

Быть может, Вы знаете уже из "Романсеро" Гейне о трагическом конце нашего еврейского патриота и свя-

¹ Захария Франкель (1801–1875), основатель новейшей талмудической науки, главный раввин Лейпцига и Дрездена. Боролся за равноправие евреев в Саксонии, автор многочисленных работ по исследованию Талмуда. – *Прим. ред.*

² Нахман Крохмал (1785–1840), философ, последователь Маймонида, пионер Просвещения, противник ортодоксов-фанатиков. – *Прим. ред.*

³ Самуэль Гольдхейм (1806–1860), крупный деятель реформистского движения. – *Прим. ред.*

⁴ Иехошуа-Гешель Шор (1814–1895) – крупный деятель реформистского движения, редактор журнала "Хе-халуц", автор научных исследований и политических статей. Главная работа "Ха-Горот" о взаимоотношениях между иудаизмом и учением Зороастра. – *Прим. ред.*

щенного песнопевца **рабби Иехуды Галеви**¹, который, как гласит предание, нашел свою могилу на развалинах Иерусалимского Храма, куда его привела тоска по стране предков. — Быть может, Вам будет интересно узнать что-нибудь о жизни и характере этого благочестивого поэта, обогатившего наш молитвенник великолепными стихами.

”Тот, кто не в состоянии, — пишет доктор Закс, — теоретически разрешить проблему, каким образом рассеянный народ может обрести свою национальность, а бездомный — отечество, найдет в лице этого певца ее практическое решение”.

Не могу не заметить, что эпоха испано-еврейской культуры решила еще одну проблему: как человек может оставаться национально мыслящим, патристическим евреем в строжайшем и полнейшем смысле слова и вместе с тем принимать столь деятельное участие в культурной и государственной жизни страны, гражданином которой он является, что эта страна становится его второй родиной.

”Страстное ожидание часа искупления, — продолжает Закс, — бесспорно характерно для всех испанских поэтов. Правда, у многих из них эти желания породило суровое, гнетущее время, в которое им довелось жить. Напротив, у рабби Иехуды это ясное, чистое, исполненное любви стремление, проявляющееся то с ребяческим простодушием, то со всем жаром всепоглощающей страсти. Энергия и жизненная сила, с которой он высказывает уверенность в будущем искуплении своего народа, волнует нас тем сильнее, что в его стихах меньше всего ощущается присутствие гнетущего настоящего, и эта надежда не выглядит как отчаянное бегство из мрачной действительности в светозарные

¹ Иехуда Галеви (род. в Испании между 1080—1086 гг. — ум. ок. 1142), великий еврейский поэт. Известен также как автор философских трудов и врач. Оказал огромное влияние на еврейскую литературу и национальное самосознание. — *Прим. ред.*

дали. Он уверен в своей правоте, и эта радость веры служит для него источником вдохновения”.

Эта убежденность в правоте и жизнерадостность, почерпнутые из его веры, побуждают меня вспомнить о моем благочестивом дедушке. Если его посвящали в какие-либо планы на будущее, он неизменно их отвергал, замечая, что мы находимся в изгнании, и у нас не должно быть никаких планов, потому что нам предстоит искупление. — Дедушка не был ни поэтом, ни пророком. Он был коммерсантом и должен был днем заниматься своими обычными делами, чтобы содержать семью, и лишь ночами, как я уже писал Вам в одном из своих писем, мог отдаваться ревностному изучению священных книг. — Такое изучение в рассеянии, как Вы можете прочесть у того же Закса, стало существенной частью национального культа евреев. ”Дом учения, — утверждает Закс, — стал *агудá*, единственным средоточием самостоятельной жизни, и учителя превратились в носителей того, что ”можно определить как нечто специфическое и характерное, как **национальность**”. Синагога была школой в той же мере, что и домом молитвы. И поныне немецкие евреи называют ее *шул*¹. — Своеобразный национальный культ, заключающийся в ”учении” и в соблюдении великого множества мельчайших предписаний, которыми огораживалось и опутывалось еврейство, чтобы оно могло сохраниться, как некогда при столкновении с эллинизмом; эти правовые и религиозные предписания, которые пронизывают всю жизнь евреев, подверглись осмеянию со стороны пустоголовых горе-философов, не имеющих ни малейшего представления о глубоком **патриотическом** значении этих предписаний и считающих себя просвещенными людьми потому, что они отвернулись от народных традиций. Это все то же убожество, которое обнаружилось сразу после появления Мендельсона и достаточно часто болезненно задевало его самого, ибо уже при его жиз-

¹ *Шул* (идиш), от немецкого слова ”Schule“ — школа.

ни на поверхность всплыли те поклонники "новой моды", которые измеряют уровень своей образованности степенью отпадения от иудаизма и в конце концов принимают свидетельство о крещении в качестве аттестата зрелости, позволяющего им занять государственную должность. К этим первым годам еврейского просвещения относится одна история, ярко характеризующая его сущность. Один еврей пришел к Мендельсону и хвалил ему способности своего сына. На вопрос берлинского философа, в чем заключаются достижения молодого человека, счастливый отец ответил, что уже несколько месяцев как сын не налагает тфиллин!

Как Вам известно, согласно заповеди Моисея, филактерии налагаются на лоб и руку. В частности в Пятикнижии предписывается всегда думать о божественном учении, писать цитаты из Писания в качестве напоминания на каждом косяке дверей наших домов; символом Учения являются также кисточки на одеянии, знак на руке и налобная повязка между глазами. Действительно, на древнейших египетских памятниках (ср. Бругша) можно увидеть покрывало с кисточками — бесспорное доказательство того, что эти обычаи весьма стары. Но если даже предположить вместе с Шором, что налагание филактерий (тфиллин) является не столь древним обычаем, как ношение одеяния с кисточками, то ведь результат шоровских изысканий не мог быть известен просвещенному сыну и счастливому отцу, как и берлинскому философу, который, как известно, сам весьма добросовестно налагал ежедневно тфиллин и вообще почитал своим долгом верно следовать всем еврейским обычаям. Просвещенные эпигоны никогда не могли уразуметь причины этой добросовестности и приверженности Мендельсона нашим древним традициям. Такое отношение берлинского философа к ортодоксальному иудаизму было, вопреки тому, что он хотел сам себе внушить, отнюдь не логическим следствием его рационалистического образа мыслей, а естественным выражением его еврейского чувства. Его тонкое чутье верно указало

ему, что, отворачиваясь от еврейских традиций, еврей порывает с самим иудаизмом, с его национальной сущностью. Одно дело вернуть эти традиции с помощью свободной от предрассудков критики к их первоисточникам, другое — из-за индифферентизма и подражания моде отвергнуть их или даже осмеять. — Вы, те, кто объявляет глупостью поучения и наставления наших мудрецов, скажите, что случилось бы с иудаизмом и евреями, если бы они вплоть до дня национального воскрешения не оплели себя, словно гусеница, талмудической эрудицией, чтобы после завершения своего духовного возрождения устремиться вольной бабочкой, вместе с другими освободившимися народами, навстречу солнцу? Разве они смогли бы сохранить себя в продолжение восемнадцати веков и внести свою лепту в развитие христианской и мусульманской цивилизаций, разве они давно не исчезли бы как нация с лица земли, если бы сами своими собственными жизненными силами не создавали повсюду священную землю после изгнания их из священной страны отцов?

Правда, для того, у кого отсутствует понимание истории, существование или гибель одной нации — вещь незначительная. Великое органическое творение еврейской литературы, с логической закономерностью выросшее из национальной сущности иудаизма, представляется нашим рационалистическим пигмейским душонкам буйно разросшимся сорняком, который ныне, по их разумению, недостаточно быстро и недостаточно основательно выкорчевывается. Эти пигмей-эпигоны великого времени не знают, что само их существование — анахронизм. У предтеч французской революции, в век появления "Критики чистого разума", рационализм был оправдан. Ныне же, когда уже давно сломаны преграды догматизма, мы испытываем гораздо большую потребность творить из освободившегося духа и с этой целью вступить в общение с творческими умами всех времен, нежели продолжить дело чисто негативной критики, утратившей для нас какое бы то ни было значение. — Правда, потребность в новых

творениях ощущают и те, кто не способен постигнуть творческое начало в откровениях еврейского духа и продолжить развитие на этой основе. Но в своей духовной беспомощности они прибегают к внешним, искусственным средствам, позаимствованным не из глубинного источника жизни нашего народа.

В еврействе, как во всем современном мире, наблюдаются две основные тенденции, которые, несмотря на их диаметрально противоположную направленность, возникли из потребности в объективно действительных нормах и из неспособности выработать эти нормы. — Вследствие этого одни вынуждены вернуться к старой, некритичной вере, утратившей, однако, свой наивный, согласующийся с истиной характер. — Отчаявшись в возможности освободиться от нигилизма, они коснеют в сознательном отрицании разума. Эта порожденная отчаянием реакция, выражающаяся в отказе от достижений критики и революции, известна в христианском мире под названием супернатурализма. В еврейском мире она представлена Гиршем из Франкфурта-на-Майне и другими менее одаренными умами, также как совершенными невеждами и ханжами, чьи имена Вам не обязательно знать. — Для борьбы с этой реакцией еще оправданно в качестве специфического противоядия существование негативных реформистских тенденций, даже если отвлеченный ум и не может возвести их в норму. Для этого негативного духовного направления, которое тщетно стремится придать своему миропониманию универсальное значение, характерна индивидуалистическая распыленность. — Современные религиозные реформаторы и фабриканты религии — это сектанты без сект. Каждый из наших еврейских протестантов имеет свой собственный кодекс. Из этого хаоса мнений несомненно восстанет новая жизнь. Но эта новая жизнь, которая уже начинает развиваться в юном поколении наших еврейских ученых, приведет к совершенно иным результатам, чем те, которых до последнего времени ожидали в кругах немецких образованных евреев.

Французское еврейство не знает и впредь не узнает раскола на сторонников реформы и ортодоксов. Тем не менее оно также не избежало влияния этой тенденции слияния различных исторических культов, стремящейся достичь своей цели, абстрагируясь от всего исторического и характерного, что составляет истинное содержание культа. — Вы, конечно, уже слышали о Жозефе Сальвадоре, авторе **"Истории установлений Моисея и еврейского народа"**. Недавно он издал труд под названием **"Париж, Рим, Иерусалим"**, из которого Вы, замечу попутно, можете узнать, что даже среди наших просвещенных братьев уже встречаются люди, мечтающие о восстановлении Иерусалима и Храма. Однако это восстановление Храма они связывают с условиями, с которыми не могут согласиться ни благочестивые евреи, ни просвещенные евреи, ни христиане. Если я правильно понял автора, он мыслит свой новый Иерусалим как столицу ассимиляторов. Помимо того, кажется, что Сальвадор тешит себя той странной мыслью, что евреи должны сначала обратиться в христианство, чтобы затем обратить христиан в иудаизм: работа, начатая уже восемнадцать столетий тому назад, т.е. не такая уж новая, как полагает Сальвадор. Иудаизм же, который имел в виду Сальвадор, столь же нов, как и его христианство.

Гораздо более актуальны устремления тех ассимиляторов, которые, как мой друг **Гирш** из Люксембурга, хотели бы использовать франкмасонство, чтобы слить воедино различные исторические культы. Раввин Люксембурга, антипод своего франкфуртского тезки, в превосходных докладах, прочитанных им в Люксембургской масонской ложе и изданных под названием **"Гуманизм как религия"**, так основательно развил идею слияния культов, что можно рассматривать его труд как наиболее полное и завершенное выражение этого направления. Еврейским священникам остается теперь только закрыть на замок свой реформистский храм и повести своих еврейских прихожан в храм франкмасонов. — Таковы действительные последствия

реформы для тех, кто уже давно принимал всерьез проповеди еврейских священников, вопреки их истинным намерениям, что Вам как жительнице Франкфурта превосходно известно. Тщетны были их попытки украсить проповеди, посвященные слиянию культов, талмудическими цветами красноречия. Они занялись этим слишком поздно и должны были примириться с тем, что проповедовали в пустом зале.

Наши еврейские рационалисты, у которых было столь же мало оснований оставаться верующими евреями, как у христианских рационалистов — верующими христианами, проявили такую же изобретательность, как христианские, в поисках причин, оправдывающих необходимость религии, хотя фактически та в их глазах не имела более права на существование. По их логике назначение иудаизма состояло в рассеянии евреев по всему свету. — Чего только ни должны были проделать евреи в рассеянии, согласно взглядам наших еврейских друзей прогресса! Прежде всего, они должны были представлять, в отличие от христиан, чистый теизм. Далее "толерантный" иудаизм должен был преподавать урок гуманности нетолерантному христианству. Помимо того, иудаизм в рассеянии должен был позаботиться о том, чтобы учение и жизнь, которые в христианстве существуют раздельно, вновь стали единством. — И это все? Нет, евреи должны также своей деятельностью в области промышленности и торговли сделаться необходимыми для народов, среди которых они живут в рассеянии, и в качестве "духовной закваски" стать незаменимым элементом дальнейшего прогресса этих народов. Да, я уже слышал совершенно серьезно высказанное мнение: еврейская раса должна улучшить индогерманскую.

Но заметьте прежде всего, что из всех благодеяний, мнимых или действительных, которые евреи в результате своего рассеяния оказали цивилизованному миру, ни одно невозможно было бы у них отнять после восстановления еврейского государства. Ибо уже во время возвращения из вавилонского пленения не все

евреи словно по волшебству перенеслись в Палестину и обосновались в этой стране. Напротив, большая часть их, вопреки восстановлению еврейского государства, осталась в тех странах, в которых они поселились после падения Израиля и Иудеи. В столь же малой мере мы смеем надеяться на то, что при новом восстановлении государства свершится такое чудо¹. Кроме того, как мне кажется, утверждение о том, что евреи якобы осыпали мир благодеяниями, является преувеличением, которого требует дело. Было бы анахронизмом возлагать на евреев миссии, которые они выполняли в древности, точнее, в конце этой эпохи, и отчасти в эпоху средневековья, но исполнения которых больше от них не требуется. — Единство же жизни и теории достижимо только для нации, обладающей политической организацией; только такая нация может осуществить это единство на практике, реализовав его в своих социальных установлениях. И, наконец, у каких евреев в рассеянии современные христиане должны учиться терпимости и человечности? — Если евреям приписывают миссию освобождения мира от суеверия и фанатизма, то имеют в виду просвещенное еврейство. Но не вправе ли просвещенный христианин возразить просвещенному еврею теми же словами, какие Лессинг в своем "Натане" вкладывает в уста просвещенного христианина, ведущего спор с просвещенным евреем:

*В чем я кажусь вам христианином,
В том самом Вы мне кажетесь евреем!*

Или, наоборот, если просвещенный еврей может сказать ортодоксальному христианину: — Твоя вера — суеверие, твоя религия — фанатизм, — разве просве-

¹С тех пор как я написал эти строки, мнение, согласно которому восстановление еврейского государства должно произойти естественным путем, неоднократно высказывалось даже самыми благочестивыми евреями и христианами. (Ср. Примечание X).

щенный христианин не может с равным правом сказать нечто подобное, выступив с защитой **своей** религии против правоверных евреев? — Наши просвещенные образованные евреи, обвиняющие христиан в мании преследования, рассуждают почти так же, как **Бетман-Гольвег**¹, который укоряет в этом евреев. Такие заявления не изменяют ход истории и не помешают ее дальнейшему прогрессу.

Если рассуждать с точки зрения **просвещения**, то я столь же сомневаюсь в возможности дальнейшего существования иудаизма, как и христианства. — Еврей, который не верит в дело национального возрождения своего народа, может, подобно просвещенному христианину, лишь способствовать **распаду** своей религии. Я понимаю, что можно придерживаться такого взгляда. Труднее понять, как можно мечтать одновременно о просвещении и о выполнении еврейством "его миссии в рассеянии", то есть одновременно о распаде и о дальнейшем существовании еврейства.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Дилемма. — Священная история человечества. — Наши союзники. — Единство человеческого рода. — Расы и типы народов. Организм человечества. — Орган любви.

Вы предлагаете дилемму: видеть вместе с **Люксембургским** Гиршем цель и сущность иудаизма в гуманизме — тогда надо стремиться к достижению не национальной, но гуманистической цели, как она выступает в масонстве и в движении за реформы, тогда иудаизм, как любое церковное или государственное содружество, призван к тому, чтобы быть поглощенным общечеловеческим, либо вместе с **Франкфуртским** Гиршем искать спасения лишь в иудаизме — тогда вступаешь

¹ Мориц Август Бетман-Гольвег (1795–1877), прусский министр вероисповеданий и просвещения. — *Прим. ред.*

в противоречие с современными гуманистическими тенденциями; не следует, как это делает православная церковь, апеллировать к общественному мнению нашего столетия, так как оно восприняло бы подобное обращение с теми же чувствами, с какими воспринимает китайскую прокламацию и папскую иеремиаду.

Мне казалось, дорогой друг, что взгляды, которые я теперь излагаю Вам, не имеют ничего общего ни с тем, ни с другим: речь идет об идеях совершенно иного порядка. Я считаю, что национальная сущность иудаизма не только не исключает, но с необходимостью приводит в результате ее развития к гуманизму и цивилизации. Если же я все-таки подчеркиваю в иудаизме его национальные корни более, чем его гуманистические цветы, то причина этого в том, что в наше время людям слишком по нраву собирать красивые цветы истории культуры, дабы украшать себя ими, вместо того, чтобы ухаживать за ними и той почвой, на которой они произрастают. Из иудаизма выросло все наше современное гуманистическое мировоззрение. В христианской этике, в схоластической философии средневековья¹, в современной филантропии и,

¹Мунк указывал на влияние Авицеброна на схоластов уже в своих "Melanges de philosophie juive et arabe" (Париж, 1859, стр. 291–301). "Мекор хаим" (Fons vitae – источник жизни) Шломо бен Исхуды ибн Габирола (Авицеброна) в середине XII столетия был переведен Домиником Гундисальви с помощью крещеного еврея Иоанна Авендеатса на латинский язык и играл с тех пор немаловажную роль в спорах между последователями Фомы Аквинского и Скотта. Даже Джордано Бруно прибегал к "Источнику жизни" еврейского философа Авицеброна. Намного большее влияние, однако, чем неоплатоник Авицеброн, оказал на схоластическую философию рабби Моше бен Маймон (Маймонид), "Наставник" которого, как уже доказывал и намеревается доказать с еще большей обстоятельностью преподаватель Бреславльской семинарии д-р М. Иоэль, использовали широко Альберт Магнус и Фома Аквинский. Согласно Иоэлю, влияние философии Моше бен Маймона можно проследить до Лейбница, который, как в недавнем прошлом

если обратиться к последнему проявлению иудаизма, в учении Спинозы, а также в современной философии не содержалось ничего, что не уходило бы своими корнями в иудаизм. До Французской революции еврейский народ был единственным народом мира, исповедовавшим в одно и то же время национальный и гуманистический культ. Благодаря иудаизму история человечества стала священной историей, — если иметь в виду единый органический процесс развития, берущий свое начало в любви к семье, — она завершится не раньше, чем все человечество станет единой семьей, члены которой объединятся в братский союз священного духа, творческого гения истории, как объединены различные органы живого тела столь же священной творческой силой природы. До той поры, пока ни один другой народ, кроме еврейского, не обладал этим национально-гуманистическим культом, лишь евреи были народом Бога. Со времени великой революции, которая началась во Франции, мы обрели во французском народе, равно как и в народах, примкнувших к французской нации, благородных соперников и верных союзников. С конечной победой этих народов над средневековой реакцией возобладают гуманистические тенденции, правомерность которых я безоговорочно признаю, при условии, что это не лицемерные цветы красноречия, но истинные цветы и плоды. Антинациональные тенденции "гуманистов", однако, столь же бесплодны, как антигуманистические национальные тенденции средневековой реакции. В антинациональных теоретических, гуманистических стремлениях я вижу, мягко выражаясь, больше идеализма, чем реальных перспектив. Нам

доказал Фушер де Карель, был усердным читателем и поклонником "Наставника колеблющихся". Даже в философии Канта, замечает д-р Иоэль, мы иногда ощущаем дух Маймонида (ср. статью Франкеля в "Monatsschrift für Geschichte und Wissenschaft des Judentums", 1860, стр. 205—217 и "Geschichte der Juden" Греца, т. 6, стр. 31—49 и 377).

пришлось вдохнуть такую большую дозу спиритуалистического любовного аромата и гуманистического хлороформа, что мы совсем опьянели и стали невосприимчивыми к боли, которую вызывает антагонизм, еще существующий в реальной жизни большой человеческой семьи. Елейными проповедями устранить этот антагонизм невозможно. Для этого необходимо, чтобы история разворачивалась сообразно тем же железным законам, что и законы природы. Как природа не создает цветов и плодов, животных и растений **вообще**, но лишь определенные виды животных и растений, так Творец создает в истории только **типы народов**. В человечестве должно найти свое завершение развитие растительного и животного мира. Но человечество как независимая сфера жизни, как сфера **социальной** жизни находится еще в состоянии развития. Мы встречаем в нем первичное разнообразие национальных типов, которые, как и в растительном мире, лишь сосуществуют, а затем в соответствии с назначением животного мира борются друг с другом, чтобы, наконец, вновь обрести свободу и мирно жить рядом друг с другом и друг для друга, не теряя при этом своих типических различий. Законы всемирной истории — я имею в виду законы **истории мира**, законы истории развития космической, органической и социальной жизни, — познаны еще недостаточно. Хотя имеются отдельные науки, нет науки о мироздании, нам еще не известна взаимосвязь всего сущего. Пока можно лишь утверждать, что в результате слияния культов, которое в какой-то мере осуществляется уже на протяжении тысячелетий — ибо оно началось с Рима — истинный мир в человеческом обществе не установлен, как не установлена и вера в единообразие всех людей, пропагандируемая с недавнего времени при помощи филантропии. Смешивают сплоченную организацию социальной жизни, которая будет создана лишь в результате длительной и трудной работы в ходе исторического развития, с неким заранее данным неорганическим равенством,

когда равноправие всех людей хотят обосновать, ссылаясь на первоначальное единообразие рас и типов; чем больше мы углубляемся в историю, тем меньше единообразия мы можем там обнаружить.

Примирение рас происходит сообразно законам природы, которые мы не властны ввести или отменить по своей воле. Слияние культов — уже пройденная ступень в развитии социальной жизни. Оно было характерно для периода всечеловеческой религии, обязанной своим существованием гибели древних наций. Теперь речь идет о том, чтобы предоставить возможность различным типам народов вновь свободно проявлять себя и развиваться. Опасность того, что различные национальности совершенно замкнутся в себе или будут игнорировать друг друга, сегодня столь же маловероятна, как и опасность того, что они вступят в борьбу, стремясь превратить друг друга в рабов. Современное национальное движение отнюдь не исключает гуманизма. Напротив, оно предполагает гуманизм, ибо является здоровой реакцией не на сами гуманитарные устремления, но на их крайности и уродства, на нивелирующие тенденции современной индустрии и цивилизации, грозящие убить всякий стихийный жизненный импульс с помощью неодушевленного механизма. Разумеется, пока эти тенденции направлены против отживших институтов минувшего исторического периода, они вполне оправданы. К тому же никакая реакция не сможет повредить до тех пор, пока они способствуют установлению более тесных отношений и связей между различными народами земли. Но в жизни, как и в науке, люди зашли так далеко, что отрицают творческое, типичное, в результате чего современность обволакивается, с одной стороны, идеалистическим туманом, с другой, — атомной пылью, которая подобно милдью¹ ложится на любое зерно и душит всякую жизнь в зародыше. Лишь

¹ Милдью — болезнь растений.

против такого посягательства на святая святых творческой жизни выступают национальные движения нашего времени и только во имя борьбы с ними взываю я к стихийной народной силе в иудаизме.

Человечество подобно универсальной, космической жизни, находящей лишь в нем свое завершение, и подобно индивидуальной, микрокосмической жизни, в которой только и начинают расцветать все цветы и плоды духа, оно представляет собой жизнеспособный организм, органы и члены которого — первичные расы и племена. Те или другие части организма, опережавшие остальные в эмбриональный период развития, могут вновь стать второстепенными и даже исчезнуть, когда организм близок к тому, чтобы принять свою окончательную форму. Другие же органы, игравшие прежде самую незначительную роль, развиваются по-настоящему лишь тогда, когда организм достигает зрелости.

К этим последним, собственно творческим органам человечества, очевидно, принадлежит и еврейский народ. Почти не заметный в древности, когда он едва не был задушен могучими народами-завоевателями, дважды на пороге гибели — в египетском и вавилонском пленении, — дважды восставший к новой, более здоровой жизни и дольше всех сопротивлявшийся в сферах духа и политики могущественнейшим народам древности — грекам и римлянам — он духовно оплодотворил человечество в последних битвах античного мира, после которых он один сохранился как нация, с тем, чтобы в ходе духовного возрождения человечества омолодиться самому. Ныне, после того как процесс омоложения всемирно-исторических рас завершился и каждый народ снова должен выполнять свою специальную функцию в организме человечества, мы начинаем понимать значение этих различных органов человечества.

Если мы обнаруживаем в Англии нервную систему, приводящую в движение **систему питания** человечества, во Франции нервную силу, оказывающую влияние

на общечеловеческое (социальное) движение, если Германия подобна органу, вырабатывающему мысль, и Америка, быть может, служит той зародышевой жидкостью, в которой **ассимилируются** все элементы исторических народов, — если любой современный народ, любое современное общество, поскольку оно функционирует, обнаруживает свое специальное назначение в качестве органа человечества, значит теперь, как и прежде, на нас возложена обязанность определить ту роль, которую играет единственный древний народ, сохранивший нерастраченной свою силу и свою целостность.

Во всем организме человечества не сыскать двух народов, которые с большей силой притягивались бы друг к другу и отталкивались бы один от другого, чем немецкий народ и еврейский народ, как нет двух направлений более родственных и все же полярно противоположных друг другу, чем научно-философское направление и нравственно-религиозное. Религия в своей высшей форме — это духовное звено, связывающее Творца с творением, бесконечная нить, конец которой уходит в начало, мост, переброшенный от творения к творению, от жизни к смерти, от смерти к жизни, что дает человеку возможность не только теоретически познавать абсолют, но проникать и освящать всю свою жизнь духом вездесущего Бога. В религии, как и в любви, — если подобно еврейской религии она не носит ни односторонне материалистического, ни односторонне спиритуалистического характера, — дух растворяется в плоти, а плоть в духе. Величайшим и опаснейшим противником иудейской религии в древности была религия выродившейся в грубую чувственность **материалистической любви** семитов, — служение Ваалу; в средние века — религия **спиритуалистической любви** — христианство. Еврейский народ, который благодаря своим пророкам в древности и раввинам в средние века сберег свою чистоту, не допустив ни материалистического, ни спиритуалистического **искажения** своей религии, был и

остается поныне органом животворной силы в истории человечества, **органом цельной и священной любви**.

Этот орган родственен, но вместе с тем противоположен органу мышления. Оба они черпают свою энергию из одного и того же неиссякаемого источника жизни. Но в то время, как религиозный гений индивидуализирует бесконечное, философская и научная мысль абстрагируется от всех индивидуальных, субъективных форм живого. Объективная философия и наука не имеют никакой непосредственной связи с жизнью, тогда как религиозное учение идентично национальной, социальной и нравственно-религиозной жизни — в противном случае это не более, чем ханжество.

Но я замечаю, что сильно отклонился от темы. Я хотел только растолковать Вам, почему я не могу согласиться с теми тенденциями гуманизма, которые отрицают существование каких бы то ни было различий в организме человечества и с помощью некоторых превратно понятных понятий "свободы" и "прогресса" воздвигают алтари лишь произволу и невежеству, алтари, на которые наша легковоспламеняющаяся молодежь приносит в жертву свои лучшие силы.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

Другая дилемма. — Опытные науки, философия и религия. — Прогресс и движение по кругу. — Суббота. — *Genese comparée de la vie cosmique, organique et sociale*¹. — Нравственная необходимость или святость. -- Эпохи социального развития: палеонтологические периоды развития эмбриона, период родов и родовые муки, период зрелости.

В предыдущем письме Вы поставили меня перед дилеммой "человечество или национализм" и осуждали

¹Сравнительный генезис космической, органической и социальной жизни.

за то, что я солидарен с национальным движением, которое, как Вы считаете, находится в противоречии с гуманистическими тенденциями нашего века; теперь же Вы требуете от меня решения другой дилеммы. "Свобода или необходимость", восклицаете Вы. Вы полагаете, что видеть в человечестве лишь более развитый организм, а в истории народов проявление того же вечного закона, который управляет историей земли и космическими телами — чистый фатализм. Здесь, в космической и органической сфере, утверждаете Вы, действуют не нравственные силы, а только силы природы, и их действие можно заранее определить, рассчитывать. Другое дело социальная жизнь человечества. Хотя она также связана с естественными условиями, но назначение человека именно в том и состоит, считаете Вы, чтобы преодолеть фатализм природы посредством акта свободной воли, без чего невозможно достигнуть нравственности и прогресса в высшем смысле слова.

Меня радует то, что Вам так хорошо известны философские построения немецкой мысли. Я также согласен с Вами в том, что человек и человечество призваны к тому, чтобы осуществить "нравственную свободу". Но в моих глазах эта высшая цель гуманистических устремлений совпадает с познанием Бога, возведенным с самого начала истории иудаизмом. Обретению этого знания иудаизм сам неизменно содействовал и со времен Спинозы сделал его доступным для всех исторических народов. Это знание, достигнутое в истории первого и второго откровений, когда дух исторического человечества еще не созрел, полученное с помощью непосредственных чувственных впечатлений и внутреннего опыта, и не подвергнутое анализу и критике, это знание, казавшееся по этой причине общечеловеческой мудростью и озарением, должно в наши дни посредством уже свершившегося озарения и достигнутой мудрости совершенствоваться, чтобы превратиться в точную науку, которая, хоть и черпала бы материал лишь из опыта внутренней и внешней жизни, но относилась бы к этому опыту критически.

Так как, нападая на мое еврейское мировоззрение, Вы пользуетесь оружием, заимствованным в арсенале спекулятивной философии, то у меня не остается иного выхода, как показать Вам, что философская спекуляция не последнее слово духовного развития, подобно тому как спекуляция в промышленности и господство капитала не конечная цель материального развития. Точная наука, признающая лишь наблюдение и опыт, труд и исследование в качестве орудий обретения духовной и материальной собственности, видит в спекуляции лишь грандиозный обман и недоказанные гипотезы, точная наука — более высокая инстанция, к суждению которой я должен обратиться, чтобы показать Вам сначала, почему эта наука, знающая лишь железные законы природы, кажется находящейся в **противоречии** с философией, возвышающей дух над природой, и с религией, освящающей природу и дух, подчиняя их единой сущности. Но, как я постараюсь доказать Вам впоследствии, эта видимость противоречия неизбежно исчезает в ходе дальнейшего познания, воспринимающего закон природы и закон истории как одно и то же. Поэтому я должен в конце попытаться разъяснить Вам, что это кажущееся противоречие между наукой и философией и религией также оправданно, ибо оно было закономерным явлением в истории развития человечества¹.

И по сей день еще не состоялось примирение науки, философии и религии. Напротив, ныне, на заре новой эры, как и в критическую эпоху перехода от древности к средним векам, неустранный разлад между религией, философией и опытными науками осознается более остро, чем в эпоху расцвета античного и средневекового мира, почти не знавшего подобных противоречий. Причина этих противоречий в теории, как и противоречий в практике социальной жизни, заключается в

¹ Cp. M. Hess. Die genetische Weltanschauung, als Resultat der Philosophie und der Erfahrungswissenschaften, в журнале "Der Gedanke", т. III (1862), стр. 103, и Epilog 4.

неравномерности развития человечества, в отношении господствующих и прислуживающих рас и классов, в разделении физического и умственного труда и в успехах, достигнутых в результате этого разделения. Эта неравномерность развития, усиливающаяся по мере прогресса цивилизации, послужила причиной гибели всего античного общества. В материальной и духовной сферах, в особенности в духовной, эти противоречия, приведшие к гибели античной цивилизации, в наше время обозначились еще острее, чем на закате древней истории, когда разделение труда не достигло такого высокого уровня, как в нынешнюю переходную эпоху. Следствием этого явилось то, что сегодня религия не только находится в противоречии с философией, как это было в древнем мире, но и сама философия противоречит точным наукам. — Однако Вы согласитесь с тем моим общим положением, что истина в опытной науке может быть только та же, что истина в философии, а истина в философии та же, что истина в религии. Но так как еще не достигнуто примирение этих различных областей познания, то трудно разъяснить Вам в нескольких кратких строках, что опытные науки, философия и религия не исключают друг друга, что они в худшем случае некоторое время не будут признавать друг друга, но в конце концов должны стать друг для друга опорой и объединиться.

Сначала придем к единому мнению о ложно истолкованных понятиях "свободы" и "прогресса", к которым имеют обыкновение прибегать кстати и некстати.

Вера в разумный и поэтому познаваемый божественный закон как он раскрылся человечеству в иудаизме через учение и историю, вера в Божественный Промысел, в план творения — не фаталистическая слепая вера в непостижимую слепую судьбу, хотя эта вера и исключает произвол и беззаконие. Я не утверждаю вместе с материалистами, что органический и духовный миры подвержены воздействию того же закона, внешнего механизма, что и неорганический мир. Я утверждаю обратное: космические, механические феномены име-

ют одно и то же назначение, одну и ту же целесообразность, берут начало в той же священной жизни, что и явления органического и духовного развития. Природа и человечество подвластны одному и тому же божественному закону. Они отличаются прежде всего тем, что в природе этому закону следуют слепо, человек же, напротив, если он достиг полного развития, следует ему сознательно и по своей воле. Другое, для нас еще более существенное отличие, игнорирование которого ведет к ложному толкованию понятий "свободы" и "прогресса", состоит в том, что природные сферы жизни космического и органического миров, служащие фундаментом для нашей общественной, человеческой сферы жизни, уже завершили цикл своего развития и представляют из себя нечто замкнутое, тогда как человечество пребывает еще в процессе развития, формирования своей жизни. Пока человеческие общества еще находятся в стадии формирования своего организма, его творческая сила, человек, выступает как существо, на первый взгляд не стесненное внешними обстоятельствами, хотя он и подчиняется в своем творчестве не меньше, чем природа в своем, вечному божественному закону. Ложное представление о свободе как о произволе происходит лишь оттого, что мы не знаем еще закона развития социальной жизни, ее конечной цели, и мы не постигли этого закона опытным путем, поскольку мы находимся еще в стадии развития. Но если наука пока не говорит об этом законе, то наш религиозный гений уже давно возвестил его. Мы, евреи, еще на заре истории несли с собой веру в наступление мессианской эпохи. Эта вера нашла свое выражение в нашем историческом культе — в **празднике субботы**. В субботнем торжестве воплощается идея, всегда воодушевлявшая нас, идея, гласящая, что будущее с такой же бесспорностью принесет нам **субботу истории**, как прошлое принесло **субботу природы**, что развитие истории подобно развитию природы завершится гармонией. Библейская история сотворения мира была дана

только ради субботы. Она учит нас, что, когда сотворение мира природы увенчалось сотворением высочайшего органического создания на земле — человека, — и Творец отпраздновал субботу природы, только с того момента начались будни истории, началась история сотворения **социального** мира, которая отпразднует свою субботу по завершении всей всемирно-исторической работы в мессианскую эпоху. В этом заключается высокий смысл Моисеевой Книги Бытия, по которой тупоголовые натуралисты изучают естествознание. Как Вы видите, дорогой друг, закон субботы вселяет в нас уверенность в том, что в природе и в истории царит единый и вечный божественный закон. Только для тех, кто не понимает откровений религиозного гения евреев, историческое развитие человечества представляется в виде хаотического, неопределенного, бесконечного "процесса", в противоположность жизни природы, которая, — ибо она уже завершила историю своего развития — представляется замкнутым циклом, законы которого можно предугадать. Вы понимаете, что это кажущееся различие между законами природы и законами истории является результатом лишь субъективного восприятия, которое не может достигнуть уровня великого, божественного закона мира. Как в действительности свобода творческой сущности истории не есть произвол, неподвластный закону, так и прогресс этой сущности не бесконечен.

В естественном смысле свободно всякое существо, которое живет согласно своему назначению, своему внутреннему призванию или своей природе и может развиваться, не наталкиваясь на внешние ограничения. В нравственном отношении свободно только существо, живущее сознательно и по своей воле в соответствии со своим призванием, согласуя свою волю с законом или волей Бога. Любое другое проявление воли — произвол, который возникает не из священной, цельной божественной сущности желающего, но из односторонних его влечений. Этой способностью следовать своим прихотям и капризам, уводящим от пути разума и

нравственности, человек обладает лишь до тех пор, пока не сформировалась его сущность; и поистине у него нет причины гордиться этой способностью, которая не более, чем болезнь, **болезнь роста** человечества. Она ставит его не над животным, а ниже его, ибо жизнь животных, как и жизнь растений в нашу эпоху уже окончательно развилась и сформировалась.

”Кто ищет, вынужден блуждать,” — замечает Гете, но бесцельного блуждания не бывает. Цель человеческого стремления на протяжении всего исторического развития состоит в познании закона, которому подвластны все три сферы жизни: социальная сфера так же, как сфера органическая и космическая.

Всемирный закон — это закон возникновения и развития, или, пользуясь распространенным выражением, это закон ”прогресса”. Во всех трех сферах жизни этот закон еще не познан во всей его полноте. Для полного его познания недостает еще части объекта: завершающей стадии социального развития. Поэтому закон природы еще не может сегодня быть познанным научно: пути Провидения еще темны для нас. Но бесспорно то, что благодаря религиозному гению евреев и их божественным откровениям, эти пути — начиная с истоков, их истории, — сначала посредством пророчества, затем мистики и, наконец, философской спекуляции — становились все яснее человеческому духу. Остается лишь исследовать всемирный закон с помощью опытных наук.

В другой своей работе¹ я уже пытался показать, что мы знаем о законе развития космической, органической и социальной жизни при сегодняшнем уровне науки. С помощью естественнонаучных и исторических изысканий я пришел к выводу, что в основе всех явлений движения и жизни сфер в космосе, организмов на земле и народов в истории лежит один и тот же закон.

¹ Ср. ”Essai d’une genese de la vie comparée, organique et sociale” в издаваемом в Париже в 1855–56 гг. ”Revue philosophique et religieuse”.

Нет бесконечного, не поддающегося определению прогресса, как в социальном человеческом мире, так и в органическом мире растений и животных, вершина которого — естественный, еще неразвитый человек; нет бесконечного прогресса и в космической сфере жизни, арена которой — бесконечная вселенная. Все рождается и развивается, достигает цели своей жизни и умирает, чтобы вновь распасться и возродиться в качестве новой формы жизни в вечном коловращении бесконечной, универсальной, единой и божественной жизни.

То, что мы называем "прогрессом", — это развитие от эмбриональной стадии к зрелости. В стадии зрелости всякое создание достигает своего назначения.

Подобно тому, как многообразны существа — от атома до вселенной и от простейшей органической инфузории до высочайшего существа на земле — человека, так многообразны и типы развития, так многообразны формы их зрелости и, следовательно, их назначения. Но ничто сущее во времени и пространстве не остается неизменным в жизни, ничто не вечно, все рождается и умирает, выполнив свое назначение, чтобы возродиться как новая жизнь¹.

Крупные космические тела образуются и претерпевают изменения в мировом пространстве в сроки столь продолжительные, что у нас нет мерил, чтобы сравнить их с другими явлениями. Органическая жизнь, развивающаяся на этих планетах, требует для своего образования целой палеонтологической эпохи: наконец, человек, начинающий в период зрелости органической сферы свое духовное, гуманистическое и социальное развитие, достигает своего назначения лишь после завершения исторического развития человечества, которое еще не закончено, но все же отнюдь не безгранично, не бесконечно, не хаотично и не бескрайне.

¹См. Примечание VII.

Что рождено во времени, требует времени, чтобы развиться, но достигает полного развития в конечный определенный срок.

Мы знаем лишь единственное, вечное, абсолютное существо вне времени и пространства: мы познаем его посредством единственного, абсолютного закона, проявляющегося в жизни природы и в истории, божественные откровения которого являются только еврейству.

Из познания этого закона, познания, свободного от противоречий, неизбежно вытекает свободная от противоречий жизнь, согласующаяся с этим законом. Познание и действие, или учение и жизнь, нерасторжимы. Раздвоенность, борьба и торжество добродетели наблюдаются лишь в период исторического развития познания Бога. В ходе этого развития мы **можем** и **должны** стремиться к нравственности, после того как познание Бога или Его закона принимает завершенную форму, мы **должны** жить нравственной жизнью. Эта нравственная необходимость есть святость.

Иудаизм, который уже на заре своей истории открыл в природе и истории единство и святость божественного закона, выступает поэтому с самого начала с требованием святости, и все его пророчества указывают на пришествие эпохи абсолютного познания Бога¹.

Мы не должны мыслить о священной сущности Бога или о своей Богоподобной сущности в категориях времени и пространства. Абсолютное познание — это полное преодоление понятий времени и пространства, то есть исторического развития в космической, органической и социальной сферах жизни. Если мы представляем себе вечность как непрерывность во времени, то

¹Ср. кн. Левит (19:2); Иеремии (31:31; 33:45). Все описания пророками мессианского времени, которые христианство перенесло на себя, характеризуют лишь эпоху совершенного познания Бога или совершенного воспитания в духе святости.

такой взгляд свидетельствует лишь о неполноте нашего развития и незрелости нашего познания. Такие представления служат лишь доказательством того, что наше воспитание в духе святости еще не завершилось. Откровения святого духа в действительности указывают только на одно будущее: на будущее социального мира в эпоху зрелости. Этот век начинается согласно нашей исторической религии с пришествия Мессии. Это время, когда еврейская нация и все исторические народы возрождаются к новой жизни, время "воскрешения мертвых", "возвращения Господа", возникновения "Нового Иерусалима" и всевозможных событий, для обозначения которых могут употребляться различнейшие символы, исключаящие двойное толкование.

Мессианское время — это наша эпоха, зачинателем которой был **Спиноза**. С великой Французской революции эта эпоха вступила в фазу всемирно-исторического бытия¹. Эта революция знаменует собой начало возрождения народов, обязанных иудаизму своим национальным историческим культом.

Социальная сфера жизни развивается, подобно **космической** и **органической** сферам, в продолжение трех эпох, точно совпадающих в трех жизненных сферах.

Первая история Откровения, история древнего иудаизма и язычества, — **палеонтологическая** эпоха

¹Сущность этого мировоззрения была сформулирована мною уже в 1836 г. в моем первом труде (ср. "Священную историю человечества в изложении ученика Спинозы"): "Когда истек срок, положенный средневековому миру, раздался вновь голос, возвещающий Страшный Суд": לָא יִדּוֹן רוּחִי — (Не вечно Духу Моему быть пренебрегаему человеками)... После Спинозы хлынул не водный поток, как после Адама, не поток народов, как после Иисуса, но поток идей, словно рок, из лона времен, сметая все, что преграждало ему путь... С Французской революции началось третье и последнее рождение человечества, и процесс этот еще не завершился".

социальной жизни. Она соответствует **эмбриологии** организмов в истории земли, которая завершилась в третичный период возникновением ныне живых организмов; как в истории мировых тел она, с другой стороны, соответствует эмбриологии миров, веку комет и туманностей, продолжавшемуся до образования звездных миров.

Вторая история Откровения, история средневекового иудаизма, христианства и ислама, — это история рождения современного общества: в органическом мире она соответствует **эпохе** возникновения живущих ныне организмов, в космическом — **эпохе** образования светящихся космических тел.

Третья история Откровения, современная эра социальной жизненной сферы, соответствует эпохе сложившихся организмов в органической сфере жизни, а также веку сформировавшихся планетарных систем в космической сфере.

Это эпоха **зрелости**, которая здесь, в космической сфере, начинается с века небесных спутников и двойных звезд и завершается веком планет; в органической жизненной сфере она охватывает стадии образования доисторических и исторических человеческих рас, достигая в последних своего завершения: ныне в социальной сфере ведется последняя классовая и расовая борьба с целью примирения всех противоречий, установления соответствия между потреблением и производством и завершения круга жизни, всегда характеризующего эпоху зрелости.

Вы можете обнаружить мировоззрение, которое я Вам, дорогой друг, набросал здесь в главных, общих чертах, во всех моих работах: с момента моего первого выступления в качестве писателя у меня не было другого, оно — душа всех моих устремлений: развить и изложить это мировоззрение — задача моей жизни, и в подходящий момент, я надеюсь, мне удастся продолжить работу в этом направлении. Эпистолярная форма, избранная мною для изложения моих мыслей, не позволяет исчерпать эту тему.

Кроме того, я сейчас слишком занят судьбой своего народа, чтобы рассматривать вопрос, который, как бы тесно он ни был связан с еврейским вопросом, — второй на очереди после решения еврейского вопроса.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ

Возрожденное еврейство и культ жертвоприношения. — Две тысячи лет томления по свету Сиона. — Патриотические песни и молитвы. — Старинное предание. — Приметы времени. — *Le temps du retour approche*¹. — Восточный вопрос и евреи. — Восторженный призыв француза.

Вы возвращаете меня из "звездных миров" на землю Палестины. Вам по душе антитезы. Возвышенному историческому культу моего возрожденного еврейства Вы противопоставляете "кровавый культ жертвоприношения" древних израильтян и утверждаете, что ортодоксальные евреи никогда не станут принимать участие в восстановлении Храма без возобновления этого культа. При этом Вы исходите из той предпосылки, что моя любовь к своему народу не простирается так далеко, чтобы ради нее я согласился на возобновление культа жертвоприношения.

Не могу согласиться ни с Вашим мнимым *conditio sine qua non*² в отношении ортодоксальных евреев, ни с Вашим предположением о степени моего еврейского патриотизма. Что же касается моей несколько запоздалой и потому особенно глубокой любви к своему народу, то Вы, очевидно, забываете, что истинная, владеющая в равной мере душой и умом любовь всегда слепа, слепа потому, что она не отмечает философски или эстетически, если

¹ Время возвращения близится.

² Непременное условие.

Вам угодно, лишь "совершенства" любимого существа, но любит его таким, как оно есть, со всеми его достоинствами и недостатками, и не потому, что пытается приукрасить эти недостатки, но потому что любит в нем единую индивидуальность. Шрам на лице моей возлюбленной не только не умаляет моей любви, но столь же дорог мне — и кто знает? — быть может еще дороже, чем ее чудесные глаза, — чудесные глаза можно встретить и у других красавиц, тогда как именно этот шрам характерная черта моей любимой. Если бы культ жертвоприношения был действительно неотделим от еврейства, я принял бы его без всяких колебаний. Но пока меня не переубедили, и до тех пор, пока не переубедят, я убежден в противном. В нашем возвышенном историческом культе, развивающемся от одного источника света к другому, дышащем одной только любовью к человечеству и познанием Бога¹, культ жертвоприношения не может быть ничем существенным, ничем объединяющим.

Но несмотря на мое личное убеждение я не дерзну предвосхитить ход истории. Имеются вопросы, которые а priori, то есть до практической проверки, неразрешимы, но в ходе исторического развития решаются сами собой. Речь идет о культе вообще, и в особенности о возникновении определенных форм и норм богослужения в соответствии с нравственно-религиозным

¹Бунзен утверждает в своем труде о Библии, что Кн. Бытия развертывается от одного источника света к другому. Если уместно где-либо изречение "Он пророчествовал, и сам не ведал, что пророчествовал", — то именно здесь. Едва ли Бунзен имел в виду наши две тысячи лет томления по свету Сиона, томления, в основе которого лежал стих "Ему. Кто сотворил великие светила". Мы обращаемся ежедневно к Богу с этими словами, за которыми следуют слова "Засвети новый свет над Сионом, и да удостоимся мы все вскоре возрадоваться его сиянию". Эта молитва *ומש* — драгоценный камень в ожерелье наших молитв. Подобно перлу с оправой из чистого золота, *ומש* оправлен в гимны и молитвы, которые, как *הבבא רבא*, *הבבא רבא* дышат любовью и благодатью познания.

духом того народа, который в любую эпоху своей истории являлся собственным творцом своей религии.

Раввин **Закс**, из классического труда которого я уже приводил отрывки, рассматривая религиозные нормы, которые окостенели в галуте, и противопоставляя окостеневшим нормам их свободное историческое развитие на священной земле Палестины, приходит к следующему выводу: "Фундамент исторической действительности слишком широк, чтобы его можно было объять ранее сложившейся системой норм, и даже уже зафиксированные нормы не могут обладать достаточной прочностью, чтобы не поддаваться воздействию свободного потока жизни. Ее живое течение постепенно подтачивает встречающиеся на пути преграды и размывает берега, отмечая повороты и изгибы своего пути". Лишь с "угасанием народной жизни, которая в той же мере в свое время творила эти нормы, и определялась ими", религиозная норма превращалась в застывшую, окостенелую. Она вновь приобретет гибкость, когда затухающее народное движение снова вспыхнет, когда свободный поток национального исторического развития навяжет застывшим нормам свои "повороты и изгибы".

Святой дух, творческий гений, из которого возникли еврейская жизнь и еврейское учение, покинул Израиль с тех пор, как дети его стали стыдиться своей национальности. Но этот дух снова увлечет наш народ вперед, когда народ пробудится к новой жизни и создаст творения, о которых мы сегодня даже не имеем представления.

В какую форму выльется жизнь и каким будет дух возрождения народов, никому не дано заранее определить в деталях. Что же касается культа этих народов, и в особенности иудейского культа, то он, бесспорно, будет также отличаться от современного культа, как и от древнего. Сам по себе культ жертвоприношения, как он должен соблюдаться согласно Библии в избранном месте, не содержит в себе абсолютно ничего, что противоречило бы человечности. Напротив, при срав-

нении его с отвратительным принесением в жертву людей у народов, окружавших в древности Израиль, он являл собой прекрасную победу человечности¹.

Даже если рассматривать принесение в жертву животного как уступку, которую наша Тора должна была сделать язычеству, чтобы предотвратить возвращение к нему, или видеть в культе жертвоприношения некие символические действия, смысл которых нам сегодня неизвестен, то все же бесспорно: евреи вопреки своим "кровавым жертвоприношениям", на которые мы аристократически взираем сверху вниз, испытывали больший страх перед пролитием крови (ибо кровь есть жизнь) и употреблением ее в пищу, чем современные народы, поедающие кровь с мясом без совершения жертвоприношений и церемоний. Но несомненно, что уже восемнадцать столетий как культ жертвоприношения вышел из моды, и поэтому наши соотечественники стыдятся его и следуют новой моде. Тем не менее даже в наши дни он представляется естественным выражением наивного благочестия. Гете рассказывал, что в детстве он мог удовлетворить свое религиозное чувство только принося жертвы Всевышнему: он разводил огонь и бросал в него свои любимые игрушки. С другой стороны, пророки нашей древности и раввины в средние века никогда не придавали большой важности этому обряду в отличие от наших современных косных ортодоксов, считавших этот ритуал обязательным элементом процесса национального возрождения. Уже рабби Иоханан бен-Заккай, сославшись на пророческий стих из Хошеи 6:6, провозгласил, что жертвоприношение можно заменить добрыми делами, и новые раввинские авторитеты, не признающие за современными ариондами права совершать обряд жертвоприношения в качестве священнослужителей, тем не менее ратуют за восстановление еврейского государства². Поэтому вопрос о том, каков будет культ

¹ Примечание VIII.

² Примечание X.

в новом Иерусалиме, может и должен оставаться открытым. Не один день строился Рим; чтобы возвести такое огромное строение, как Новый Иерусалим, требуется также время. Ныне для восстановления еврейской нации мы должны прежде всего не дать умереть надежде на наше политическое возрождение и вновь пробудить надежду там, где она угасла. Если мировые события, назревающие на Востоке, позволят приступить к практическому восстановлению еврейского государства, то это начинание проявится в основании еврейских поселений в стране отцов, для чего Франция бесспорно предложит помощь. Вы знаете, какое участие приняли евреи в организации помощи жертвам сирийской резни. **Кремье** стал инициатором подписки, тот самый Кремье, который за двадцать лет до этого ездил с сэром Мозесом Монтефиоре в Сирию, чтобы защитить евреев от преследования христиан. В "Journal des Debats, обычно редко помещающем стихи, появилось во время сирийской экспедиции стихотворение **Леона Галеви**, быть может так же мало помышлявшего о национальном возрождении Израиля, как и Кремье. Однако эти прекрасные строфы могли быть написаны лишь в предчувствии этого возрождения. Если поэт "Ласточек" еще вопрошает, сетуя,

*Где тот герой, где тот мудрец,
Кто жизнь в тебя, народ, вдохнет,
Кто, как Спаситель, вновь вернет
Тебя на колею мировой истории?*

...то французский поэт отвечает с восторженной уверенностью:

*Вы воспрянете, города боязливые!
Дыхание безопасности
Остановится навеки на ваших валах,
Где развевались наши знамена!
Вновь прозвучи, Божий зов!
До свидания, не прощай!*

*Франция — все для того, кого она любит,
Будущее принадлежит Богу.*

Александр Вейль пел в то время:

*Есть народ жестоковыйный,
Рассеянный от Евфрата до Рейна,
Вся жизнь его таится в Книге,
Иногда бремя сгибает его, но он
Всегда выпрямляется,
Бросая вызов ненависти и презрению,
Он умирает, чтобы воскреснуть
Облагороженным.*

Франция, дорогой друг, Франция — та героиня и из-бавительница, которая вернет наш народ на колею мировой истории.

Позвольте мне вновь напомнить Вам легенду, которую Вы, быть может, знаете.

Один рыцарь, отправляясь на Восток освобождать Иерусалим, оставил у себя на родине друга. В то время, когда рыцарь отправлялся на войну, друг его был погружен в изучение Талмуда, ибо тот был благочестивым раввином.

Вернувшись из похода, рыцарь вошел среди ночи в кабинет своего друга, застал его погруженным в Талмуд и промолвил:

“Да благословит тебя Господь, старый друг! Я прибыл из Святой страны и принес тебе из нее залог нашей дружбы. Что я завоевал мечом, к тому стремишься ты духом, окрыляющим тебя. В конце наши пути совпадают”.

С этими словами рыцарь вручил раввину розу из Иерихона.

Рабби взял цветок и омочил его слезами. Увядшая роза вновь расцвела, и рабби сказал рыцарю:

“Не удивляйся, друг, тому, что увядшая роза вновь расцвела в моей руке. Она, как и наш народ, имеет свойство пробуждаться к жизни от горячего дыхания

любви, несмотря на то, что уже давно была вырвана из земли, в которой пустила корни, и засохла на чужбине. Израиль также вновь расцветет и омолодится, и священная искра, тлеющая ныне под пеплом, вновь вспыхнет ярким пламенем, если нам доведется когда-нибудь встретиться в этом мире”.

Пути раввина и рыцаря, дорогой друг, ныне пересекаются. Как рабби олицетворяет наш народ, так рыцарь — французский народ, пославший в наши дни, как и в средние века, своих воинов в Сирию и проложивший божьи тропы в пустыне. Разве Вы не читали слов пророка Исайи?

*“Утешайте, утешайте народ Мой, говорит Бог ваш.
Говорите к сердцу Иерусалима и возвещайте ему,
что исполнилось
время борьбы его, что за неправды его сделано
удовлетворение,
ибо он от руки Господней принял вдвое за все грехи
свои.*

*Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь
Господу,
Прямыми сделайте в степи стези Богу нашему,
Всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да
понижутся,
Кривизны выпрямятся, и неровные пути сделаются
гладкими;
И явится слава Господня, и узрит всякая плоть
спасение Божие;
Ибо уста Господа изрекли это”.*

(Исайя 40:1–5)

Не кажется ли Вам, что в этих словах, которыми Второисайя начинает свои предсказания, равно как и в других словах, которыми пророк Овадия завершает свои предсказания¹, Вы видите отражение нашего

¹Овадия 1:21 (“И придут спасители на гору Сион, чтобы судить гору Исава, — и будет Царство Господа” — “ועלו מושיעים בהר ציון לשפט את הר עשו והיתה ליהוה המלוכה”).

времени? Разве не была послана помощь в Сион, чтобы защитить и устроить диких жителей гор? Разве все не подготовлено здесь, не проложены дороги, не проложена магистраль цивилизации в Суэц, не построены железные дороги, соединяющие Европу с Азией? Разумеется, непосредственной целью не является восстановление нашей национальности. Но Вы ведь знаете поговорку: *L'homme propose, Dieu dispose*, то есть человек предполагает, а Бог располагает. Как некогда на Западе искали путь в Индию, а открыли Новый Свет, так на пути, который пролагается ныне на Востоке в Индию и Китай, евреи вновь обретут свое утраченное отечество. Или Вы продолжаете сомневаться в том, что Франция предложит евреям помощь в деле основания колоний, которые могли бы раскинуться от Суэца до Иерусалима и от берегов Иордана до побережья Средиземного моря? Если Вы сомневаетесь в этом, то прочитайте статью, выпущенную в свет вскоре после сирийской резни прославленным издателем Дантю **"Новый восточный вопрос"**. Едва ли автор действовал по поручению французского правительства, но он бесспорно руководствовался духом французского народа, когда не из каких-либо религиозных, но из чисто политических и гуманных соображений призывал наших соплеменников восстановить свое древнее государство.

Я порекомендовал бы нашим евреям, которые чванятся заимствованным у французов гуманизмом, обратить внимание на эту статью, написанную не еврейским, а французским патриотом, я привожу здесь в переводе отрывок из нее.

Из статьи Эрнеста Лаарана

Новый восточный вопрос

В дискуссии о новых изменениях на политической карте Востока мы оставили для Палестины свободное место, чтобы предложить миру вопрос: не может ли

древняя Иудея снова обрести свое место и свою славу под солнцем?

Этот вопрос сегодня затрагивается не в первый раз¹. Говорили о выкупе Палестины рассеянными по всему свету еврейскими банкирами или, что еще лучше, о более благородном и достойном пути, о выкупе посредством всеобщей подписки, в которой смогли бы участвовать все евреи. Почему же этот патриотический проект еще не начал осуществляться? Разумеется, не из-за безразличия к этому предложению — они приходят в волнение и на глаза их навертываются слезы при мысли о возвращении в Иерусалим². Легко понять причину, по которой этот проект до сих пор казался невыполнимым. Евреи не смели даже помыслить о том, чтобы завладеть землей своих отцов. Разве мы не отвечали на их устремления своим христианским вето? Разве не принялись бы мы неустанно докучать законному владельцу, если бы он завладел своею собствен-

¹ До меня дошли слухи о том, что несколько лет назад один американец также занялся этим вопросом с практической точки зрения. И англичане тоже неоднократно выступали за восстановление еврейского государства.

² Мой друг Арман Л., несколько лет тому назад объезжавший Дунайские княжества, рассказывал мне, что местные евреи были растроганы до слез, когда он словами "le temps du retour approche" объявил им о конце их страданий. Наши западные культурные евреи, живущие в роскоши, не знают, с какой тоской широкие еврейские народные массы Восточной Европы ждут окончательного освобождения из двухтысячелетнего изгнания, не знают, что ортодоксальный, патриотически настроенный еврей, распевая праздничные гимны, не в силах заглушить боль нескончаемого изгнания и что, в частности, ханукальный патриотический гимн завершается горестным призывом: "כי ארכה לנו הישועה ואין קץ לימי הרעה" ("Ибо спасение не близко и нет конца дням страдания"). Они спрашивали меня, продолжал свое повествование мой друг, по какой примете можно узнать, что близится конец изгнания. "По той, — отвечал я, — что рушится турецкое и палское господство".

ностью, и разве во имя своего фанатичного благочестия не давали бы ему постоянно чувствовать, что его предки со дня распятия Иисуса утратили право на свой удел? Одного нашего тупоголового ультрамонтанства было бы достаточно, чтобы воспрепятствовать делу возрождения Иудеи. Уже в XIX веке мы слушали бы проповедников, предсказывавших конец света и возвещавших пришествие Антихриста, если бы благородный и несчастный Иерусалим вновь был воздвигнут на еврейские деньги. Да, мы слышали бы это, в особенности в наши дни, когда ультрамонтанство находит свое последнее прибежище в бранчливой словоохотливости. В "святом" улье мы слышали бы немолчное жужжание пчел, предпочитающих приветствовать меч в руках варваров воскрешению народов под стягом свободной и великой идеи. Это, бесспорно, препятствует любой попытке Израиля стать хозяином своего собственного очага, вследствие чего он после двух тысяч лет скитания все еще не решается отрясти прах со своих ног. Легко можно предсказать, что бы произошло: непрестанные претензии к еврейским колонистам, нескончаемые издевательские и оскорбительные домашние обыски, которые вылились бы в преследования евреев, во имя чего объединились бы в братском союзе фанатичные христиане и мусульмане, и все это было бы гораздо хуже, чем турецкое владычество, и лишило бы евреев мужества, необходимого, чтобы вновь воздвигнуть Храм Соломона, свой дом и свой город.

Если этим объясняется нерешительность еврейских патриотов, то все же, с другой стороны, мы не можем оправдать постыдного безразличия современных евреев, проявляемого ими всякий раз, когда им представляется случай содействовать восстановлению еврейского государства, безразличия, сочетающегося с наивностью, не делающей чести ни их уму, ни их сердцу. Объяснения, которые они дают по этому поводу, недопустимы ни с нравственной, ни с политической точки зрения. Декларация, принятая во Франкфурте

прогрессивными евреями¹, содержит следующий пункт:

”Мы признаем своей родиной только ту страну, в которой мы родились. с которой мы связаны узами гражданства”.

Невозможно отказываться от своего совершенно бесспорного и непреходящего права, невозможно отречься от своего прошлого и своих родителей, тем более невозможно так поступать в тот момент, когда положение в Европе не только не ставит помех на пути восстановления еврейского государства, но настоятельно требует этого. Какая европейская держава стала бы в наше время возражать, чтобы евреи, объединенные неким конгрессом, совещались бы о том, как выкупить свою отчизну, и приняли бы необходимые решения? Кто стал бы возражать против того, чтобы они бросили дряхлой Турции кучу золота и сказали бы ей: верни мне мой собственный очаг и укрепи посредством этих денег то, что останется у тебя от твоей распадающейся империи.

Нет, ничего больше нельзя возразить против этого, и Иудея могла бы расширить свои границы от Суэца на Востоке до порта Смирны на Западе, присоединив на Севере западные склоны Ливанских гор. Ибо мы не хотим вечно враждовать. Должно наступить время, когда эта всеобщая бойня, эта пушечная пальба и грохот труб будут осуждены достаточно громко, чтобы те, кто ищет ссор, не осмелились бы открыто заявить об этом. Поэтому мы должны найти для мирных битв труда широкую арену. Европейская индустрия должна

¹ Я не знаю, какая декларация имеется в виду. Быть может, декларация съезда раввинов во Франкфурте в 1845 году, где добились не более того, чем впоследствии на другом немецком съезде в том же городе. Декларация во всяком случае составлена в духе наших немецких прогрессивных евреев. Среди них пока еще не раздалось ни одного голоса с требованием возродить еврейский народ, и если бы даже такой голос и прозвучал, то его восприняли бы не равнодушно, а с насмешками.

с каждым днем все более расширять рынок сбыта для своих продуктов. Мы не можем терять времени. Наступил момент вновь вызвать к жизни древние народы, дабы они широко открыли для нас магистрали и боковые тропы европейской цивилизации.

В другом месте автор пишет с таким энтузиазмом, любовью и восторгом о нас, что его слова оставляют в тени все, что вдохновение когда-либо внушало еврею сказать о своем народе:

Изменчивыми судьбами человечества правит некая постоянная таинственная сила. Если десница Бесконечного навеки стерла народ с лица земли, если его перст запечатал гроб нации, тогда этот народ необратимо обречен, тогда эта нация никогда не увидит света мира: она обречена вечному забвению.

Но если народ в младенчестве вырван из колыбели, если, изведав всю горечь изгнания, он вновь увидел страну отцов, дабы вновь вспомнить о ней, когда он блуждает, рассеянный по всему свету, если эта нация в своем рассеянии обрела силу вынести мученичество восемнадцати веков не дав погаснуть пламени патриотизма в своей груди, значит мы стоим перед огромной, беспримерной тайной в истории человечества.

В этих скупых словах заключена вся история Иудеи. Какой пример! Какое племя!

Вы, римские завоеватели, бросили свои легионы на Сион и изгнали детей Израиля из их страны. Европейские, азиатские и африканские варвары, вы склонили свой слух голосу суеверия и изрекли свое проклятие над этим народом. Вы, феодальные монархии, поместили позорным знаком тех, кто вопреки всем гонениям добывал для вас золото, чтобы вы выплачивали жалование своим ландскнехтам, и снабжал ваши скудные рынки товарами. Вы, великие инквизиторы, выискивали в рассеянном Израиле свои самые тучные жертвы, самые невинные головы, чтобы наполнить свои кассы и вскармливать ими ваши аутодафе. И вы, кто отменил Нантский эдикт и изгнал из страны ускользнувших от

опустошительного действия апостольского фанатизма. Наконец вы, современные народы, отказали в гражданских правах этим неутомимым труженикам и коммерсантам.

Сколько преследований, сколько слез, сколько крови за восемнадцать веков! Но вы, сыны Иудей, вопреки всему этому, вы еще живы! Вы перешагнули через несчетные препятствия, нагроможденные на Вашем пути ненавистью, презрением, фанатизмом и варварством, существующими столетия. Десница Всевышнего неизменно направляла вас.

Наконец, Франция сделала вас свободными. В канун великой эры Франция, разбив свои собственные окопы, призвала все народы и вас в их числе к свободе и равенству. Вы стали гражданами и сегодня вы наши братья. 1789 год был первой ступенью на пути к вашей реабилитации в деле, вызванном не бесчестьем, но несчастьем. Осуществляя свою освободительную миссию, Франция обращает свои взоры на все гонимые расы, всех париев мира, и она застала вас в ваших гетто и взорвала их ворота¹. Франция призвала вас в свои государственные органы. Вы разделили с ней ее триумфы, ее радости и горести. Вы пользовались правом голоса в день совета, рукоплескали, радуясь нашим победам, лили слезы, когда мы терпели поражения. Вы добрые граждане и верные братья. Франция

¹Старик Венедай, отец Якоба, который в 1842 г., во времена издания первой "Рейнской газеты", еще был жив и появлялся иногда в редакции, чтобы излить нам душу, рассказал однажды то, что мне, впрочем, давно уже было известно: как он по поручению Первой французской республики собственноручно разрубил топором ворота еврейского гетто в Бонне. Старик Венедай не в состоянии был понять, как его сын Якоб мог совмещать либерализм с франкофобством. Я утешал его, приводя в пример наших немецких прогрессивных евреев, которые всем, чего они достигли в разных землях Германии в области политической и гражданской свободы, в принципе обязаны французам, однако с радостью присоединяются к тем, кто поносит "исконного врага".

отныне станет вам спасительным маяком в противоборстве с вашими недругами, являющимися также врагами современных институтов, с гидрой фанатизма, изливающей свой яд на тех, кого она еще не отравила, с хулителями вашего народа, вашего народного характера и вашего культа. Вы могучие натуры и мы склоняемся перед вами. Вы были могучими во времена вашей древней истории, могучими после разрушения Иерусалима, могучими в средние века, когда не осталось ничего, кроме двух темных сил: инквизиции с крестом и пиратства с полумесяцем. Вы сберегли себя в рассеянии, разумеется, не без того, чтобы заплатить огромную дань восемнадцати векам преследования. Но остаток вашей нации еще достаточно жизнестоек, чтобы вновь воздвигнуть врата Иерусалима. Это ваша задача. Провидение не дало бы вам дожить до наших дней, если бы не завещало вам осуществить святейшую из всех миссий. Пробил час заселять берега Иордана. Исторические книги царственных пророков отныне могут быть продолжены только вами.

За вами сохраняется некое великое призвание. Словно животворная магистраль, соединяющая три части света, вы должны принести цивилизацию первобытным народностям и познакомить их с европейскими науками, которыми вы овладели во всем их богатстве. Вы должны стать посредниками между Европой и отдаленнейшей Азией, проложить пути, ведущие в Индию и Китай, в те неведомые страны, которые должны стать доступными для цивилизации. Вы вступите на землю своих отцов в мученическом венце и с рубцами своих многолетних страданий. Лишь там вы окончательно залечите свои раны. Вы снова с помощью своих капиталов возделаете эти неплодородные земли. Благодаря вашему труду и прилежанию вновь расцветет эта земля, которую пустыня занесла песками, — и мир воздаст дань восхищения древнейшему народу.

Ныне пробил для вас час вновь заявить свои притязания на родину, которую до сих пор попирает Тур-

ция, — будет ли это мирный способ выкупа земель или какой-либо иной.

Вы внесли свою немалую лепту в то, чтобы цивилизовать народы, вывести Европу на дорогу прогресса, готовить революции и оказывать им содействие. Отныне вы должны подумать о самих себе, о долинах Ливана, об обширных равнинах на берегах Генисаретского озера.

Вперед! Наши сердца будут вместе с вами, с вашей обновляющей работой, наши армии на вашей стороне, готовые прийти вам на помощь!

Вперед, евреи всех стран! Древняя родина зовет вас, и мы будем горды тем, что откроем вам ее ворота.

Вперед, сыны мучеников! Жатва испытаний, собранная вами в изгнании, вновь вернет вам великолепие времен Давида и вдохнет новую жизнь в историю, единственными свидетелями которой остаются монолиты Семирамиды.

Вперед, благородные сердца! День, когда еврейские племена вернутся на родину, начнет новую эпоху в истории человечества.

Как восторгнется Восток в день вашего пришествия! Труд и предприимчивость покончат с расслабленностью рас там, где тысячелетие господствовали похоть, безделье и разбой.

Вы станете нравственным средоточием Востока. Вы написали Книгу книг. Будьте же наставниками диких арабских орд и африканских племен. В вашей Библии собрана мудрость древнего Востока. Древние откровения книг Зенды, Веды и Царей, как и более поздние откровения Корана и Евангелия, очистившись от всех извращений суеверия, вновь провозгласят те же принципы свободы и человечности, мира и единства! Вы триумфальная арка грядущего века, под которой будет подписан перед свидетелями прошлой и грядущей истории великий союз человечества. Библейские традиции, вновь оживающие под звук ваших шагов, снова освятят наше западное общество и бесследно изгладят раковую болезнь современного материализма.

И, продвигаясь по этому пути, вспомните, сыны Израиля, вспомните современную Францию, которая с момента своего возрождения неизменно любила и не переставала защищать вас.

ПИСЬМО ДВЕНАДЦАТОЕ

Начало конца. — Еврейская солидарность. — Филантропические иллюзии. — Социальный животный мир. — Повитухи прогресса. — Верные стражи священной гробницы еврейского национализма. — Иерусалим. — Последняя катастрофа.

Памфлет француза, из которого я привел в письме к Вам несколько отрывков, кажется, вызвал у Вас новые сомнения. Христианские народы, полагаете Вы, имели бы тем меньше оснований возражать против восстановления еврейского государства, что они надеялись бы благодаря этому избавиться от чужестранцев, которые всегда были для них занозой в сердце, колючкой в глазу. — Не только французы, но и немцы и англичане уже не один раз высказывались за возвращение евреев в Палестину. Вы приводите слова одного англичанина, который находит в Библии доказательство неотвратимости этого возвращения и одновременного обращения всех евреев в христианство. Другой англичанин даже выводит происхождение ныне царствующей в Англии династии непосредственно от Давида, и камень, на котором покоилась голова нашего праотца Иакова, когда ему приснилась знаменитая лестница, служит главным элементом при коронации английских королей. Наконец, третий великодушно готов предоставить все английские суда в распоряжение тех евреев, которые пожелают возвратиться в Палестину. Но, с одной стороны, это может показаться более утонченной формой желания, прежде выражавшегося в более грубой форме, изгнать всех евреев, за что наши соплеменники не преминут высказать самую сердечную

благодарность. С другой стороны, эти предложения свидетельствуют о причудах, которые в конце концов можно объяснить религиозным или светским безумием, и поэтому они не должны приниматься в расчет. Более того, подобные желания, если они исходят от благочестивых христиан, восстанавливают против них всех евреев, если же их лелеют благочестивые евреи — всех христиан, ибо одни рекомендуют возвратиться в Палестину лишь при условии, что в новом Иерусалиме будет возрожден древний культ жертвоприношения, другие же готовы оказать содействие евреям лишь в том случае, если мы у "гроба Господнего" принесем в жертву христианской вере наш еврейский национальный культ. Об этот риф, полагаете Вы, разобьются все национальные устремления евреев.

Бесспорно, что если застывшая христианская догма и бескомпромиссная еврейская ортодоксия не будут омыты животворным потоком истории, то они окажутся плотиной, непреодолимой для наших патриотических тенденций. Поэтому мысль вновь получить отечество может вообще быть принята всерьез лишь в том случае, если будет пробита застывшая скорлупа. И ее, действительно, уже начинают разрушать не только просвещенные евреи, но и благочестивые евреи и христиане. Впрочем, уже Талмуд, на который опирается вся современная еврейская ортодоксия, считается с требованиями жизни. — Если еврейский национализм жив, то никакие опасения не отпугнут его от того, чтобы взяться за дело политического возрождения Израиля. Если еще не настало время, чтобы агнец мирно пасся с волком, то все же господствующее большинство утратило свой волчий аппетит, а угнетенное меньшинство — свое овечье долготерпение. Религиозная толерантность стала гораздо более распространенной, нежели какое-либо иное явление, кроме того, повторяю, я полагаю, что будущий культ всех возродившихся наций должен настолько отличаться от теперешних культов, перешедших к нам из тех времен, когда индивидуальности народов подавлялись, что в этих

культах, дни которых сочтены, я не могу усмотреть препятствий для нашего будущего национального культа. — Наконец, я должен вновь подчеркнуть это, — создание нашего будущего культа, подобно культам всех других народов, должно не предшествовать национальному возрождению, а являться его следствием. — Речь идет прежде всего о пробуждении патриотического чувства в сердцах образованных евреев и об освобождении еврейских народных масс от убивающего душу формализма с помощью именно этого возрожденного патриотизма. Если нам удастся осуществить это начинание, то множество трудностей, порожденных практической деятельностью, мы преодолеем в ходе самой практической деятельности. — Лишь если все еврейские сердца мертвы, лишь если евреи больше не способны на патриотическое воодушевление, — лишь в том случае мы должны будем отказаться от дела, которое, как всякое великое историческое предприятие, не может быть осуществлено без жестокой борьбы.

Евреи, вопреки ложно понятым идеям просвещения и ортодоксии, обладают достаточно развитым здравым смыслом, они не присоединяются к религиозным мечтам, лишенным в наше время почвы. Но именно этот реализм, который в столь большой степени присущ нашей расе, привлечет наших братьев, независимо от того, каких взглядов они придерживаются, — прогрессивных или ортодоксальных, — братьев, в чьей груди бьется еврейское сердце, к национальному делу, уходящему своими корнями в практическую почву действительности.

Возражения, выдвигаемые просвещенными евреями против восстановления еврейского государства, в итоге объясняются не духовным и нравственным воспитанием, что побуждает евреев никогда не отступать в страхе перед трудностями великого дела и не подсчитывать заранее жертв, которые могут потребоваться для осуществления этого дела, а моральной и интеллектуальной ограниченностью, неспособностью подняться до высокой человеческой точки зрения, лишь

исходя из которой можно обозреть всю огромность несчастья и найти средства для его окончательного устранения. — Действительно, еврейская религия на протяжении двух тысяч лет, как справедливо заметил Гейне и все его образованные современники, была скорее несчастьем, нежели религией. Однако напрасно образованные евреи внушали себе, что этого несчастья можно избежать с помощью просвещения и принятия христианства. Каждый еврей, хочет ли он того или нет, связан со всей своей нацией прочными узами, и только в том случае, если еврейский народ будет освобожден от бремени, которое он тысячелетиями нес с героической самоотверженностью на своей согбенной спине, оно будет также снято с плеч тех просвещенных евреев, которые всегда будут составлять лишь незначительное меньшинство народа. — Всем нам суждено нести עול מלכות שמים¹ до конца.

Современные идеи просвещения, словно первый хмель, ударивший в голову, могли побудить людей предаться той иллюзии, что в их силах лишить весь еврейский народ его национального культа посредством общих гуманитарных тенденций, в которых суждено, как им хотелось думать, раствориться еврейству со всей его особой жизнью. Сегодня даже самый поверхностный рационалист не разделяет больше этой филантропической иллюзии. Не в силах более глубоко проникнуть в жизнь природы и истории, представители исторического движения в современном иудаизме позаботились о том, чтобы открыть рационалистам глаза, ибо даже на Западе, где евреи множеством нитей тесно связаны с общей цивилизацией, просвещение не могло поколебать древний еврейский культ. Этот культ ныне еще чтит большинство западных евреев. Ни эмансипация, ни прозелитский гешефт христиан, спекулировавших на материальных выгодах и религиозном индифферентизме, не могли побудить подавляющее большинство евреев стать отступниками. Напротив, в

¹ Бремя Царства Небесного.

последнее время даже среди тех, кто ранее вступал на путь отступничества, видя в нем осуществление гуманистического идеала, обнаружились симпатии к старому укладу еврейской жизни, возрастающие день ото дня. — А нивелирующие тенденции не оказали и никогда не окажут какого-либо влияния на широкие массы еврейского народа. Массы никогда нельзя будет воодушевить идеями прогресса с помощью умозрительных построений, поскольку движущие силы этого прогресса у всех народов таятся гораздо глубже, нежели думают даже революционеры-социалисты. У евреев в гораздо большей степени, чем у других народов, которых угнетают на их собственной земле, борьба за национальную независимость должна предшествовать всякому социально-политическому прогрессу. Наличие общей родины служит для них первым условием возникновения более здоровых трудовых отношений. Общественный человек, подобно общественным растениям и животным, требует для своего процветания и прогресса широкой, свободной территории, без которой он низводится до уровня паразита, кормящегося только за счет чужого труда. Паразитический образ жизни, предполагающий поддержание своего существования посредством эксплуатации других людей, до нашего времени был широко распространен в истории развития человечества и отнюдь не был присущ одним евреям. Пока наука и промышленность оставались в младенческом состоянии, не хватало земли, которой некогда завладел народ, чтобы прокормить ее обитателей, и народы вынуждены были воевать друг против друга и обращать своих врагов в рабство; или разделиться на класс господствующий и класс прислуживающий. — Но социальный животный мир, который существовал благодаря эксплуатации человека человеком, приближается к своему концу с тех пор, как современная наука и промышленность господствуют над миром. Цивилизованные народы готовятся общими усилиями покорить природу с помощью труда, опирающегося на достижения науки, труда, который больше не нуждается

ся в посредничающих паразитах и поэтому исключает возможность их появления. Они готовятся к этой новой эре (не перепутайте эту эру с прусской) посредством завоевания свободной национальной территории, посредством упразднения всякого расового и классового господства извне и изнутри, посредством свободной ассоциации всех производительных сил, где исчезнет антагонистическое противоречие между капиталистической спекуляцией и производительным трудом, наряду с противоречием между философской спекуляцией и научным трудом. — Я уверен в том, что и в еврействе сильно ощущается потребность в здоровых трудовых отношениях, имеющих в основе своей стремление человека покорить природу; я знаю о великих усилиях, предпринимаемых в среде евреев с целью превращения нашего молодого поколения в полезных тружеников. Но я знаю и то, что евреи в изгнании, по крайней мере большинство их, никогда не смогут заняться подобными видами деятельности, потому что у них отсутствует первое условие для этого — отчая земля, — потому что они не могут смешаться с народами, среди которых живут в рассеянии, не изменяя своему национальному культу. Поэтому похвальные усилия, предпринимаемые евреями для развития более здоровых трудовых отношений, остаются в целом столь же безрезультатными, — по той причине, что они косвенным образом способствуют разрушению еврейского культа, -- как реформистские тенденции, непосредственно ведущие к тому же результату. В изгнании еврейство не может возродиться, оно может прийти с помощью реформ и филантропических тенденций единственно к отступничеству. А этой цели не удастся достигнуть ни одному реформатору и ни одному тирану. — Еврейские народные массы примут участие в великом историческом движении современного человечества в том случае, если обретут свое еврейское отечество. А до тех пор, пока они продолжают находиться в особом положении, относительно немногие евреи, предпринимающие все,

что в их силах, чтобы в индивидуальном порядке вырваться из этого ложного состояния, гораздо более болезненно ощущают свое бесправие, чем еврейские массы, чувствующие себя несчастными, но не обесчещенными. — Поэтому еврей, ортодоксальный или просвещенный, не может уклониться от решения национальной задачи — пробуждения всего еврейского народа. — Каждый еврей, даже крестившийся, ответственен вместе со всеми за возрождение Израиля.

Если только понять ту омерзительно трагическую роль, какую играет по сей день еврейский народ в истории, то можно найти единственное средство, способное коренным образом улучшить наше положение. — Это средство не столь недостижимо, как может показаться на первый взгляд; его следует искать как в симпатиях французского народа, так и в интересах французской политики. Это средство заключается в том, что Франция должна распространить свою задачу освобождения народов и на еврейский народ, — после того как ее победоносные войска низвергли современных Навуходоносов с высоты, откуда те могли издавать дерзкие декреты и указы, направленные против угнетенных народов. Для Франции должно быть важно, чтобы путь в Индию и Китай проходил по территории, населенной народами, готовыми пойти за ней на смерть, во имя выполнения исторической задачи, возложенной на эту страну со времен ее великой революции. Но какой народ больше подходит для этого, чем еврейский народ, который с праисторических времен предназначен для выполнения той же миссии?

“Французы и евреи!” — восклицаете Вы. — “Значит христианско-германская реакция была права!”

Да, дорогой друг, животный инстинкт, позволяющий издали учуять врага, всегда безошибочен; реакция повсюду узнавала своего смертельного врага, когда еще **повитухи прогресса**, находящиеся на перепутьи между революцией и реакцией помогали появиться на свет исполину, которому в недалеком бу-

душем суждено было перерасти их на голову, ибо закон органического и социального созидания таков. что тот, кто занимает промежуточное положение и чье существование ограничивается переходными эпохами, прокладывает путь от несовершенных к более совершенным, более высоким ступеням бытия.

Французы и евреи! Конечно же, они созданы друг для друга. При всем сходстве в своих человеческих и национальных устремлениях, они отличаются теми качествами, которые могут дополняться качествами другого народа, дополняться, но не сливаться в одном народе.

Французский народ превосходит еврейский народ легкостью, способностью ассимилировать свою гуманной, симпатической сущностью все элементы. Еврейскому народу присуща большая нравственная сосредоточенность, чем французам, и он скорее накладывает печать своей сущности на окружающую среду, чем позволяет чужим народам видоизменять его собственную. — Французский народ господствует над миром, потому что он вобрал в себя целый мир, еврейский же народ может быть господином лишь у своего очага, согревая и освещая священным огнем мир, который состоит из слишком разнородных элементов, чтобы не подвергнуться опасности вновь распасться на эти элементы и не погрузиться в хаотическую ночь естественной жизни, из которой иудаизм уже однажды спас его.

Щедрая помощь, оказываемая Францией цивилизованным народам с целью их национального возрождения, не найдет во всем мире более благодарного объекта, чем наш народ. Как легко мы придем к согласию с французским народом, проявляющим большую гуманность в делах культа, в том, что касается нашего культа в священной стране, с народом, который может служить образцом уважения свободы совести. — Но пока дело еще не дошло до этого. Еврейский народ должен еще показать себя достойным возрождения

своего всемирно-исторического культа, ощутить потребность в своем национальном возрождении, чтобы этого возрождения достигнуть. До тех пор мы должны думать не о строительстве Храма, а лишь о том, чтобы склонить сердца наших братьев к делу, которое принесет еврейской нации вечную славу, а всему человечеству спасение.

Для основания еврейских поселений вдоль будущего пути в Индию и Китай нет недостатка ни в еврейских рабочих, ни в еврейских талантах и капиталах; и если только под защитой европейских великих держав будет посажен слабый росток, то новое дерево жизни вырастет без внешней помощи и принесет плоды.

Однако моя вера в еврейский патриотизм вызывает у Вас сострадательную улыбку. Вы читали "Сцены из гетто" и хотите напомнить мне образ старого Менделя Вильны, одержимого идеей привлечь Ротшильдов к делу восстановления святого города и Храма. Ему удалось однако увлечь своей благочестивой мечтой лишь одного ребенка. Когда этот мальчик стал юношей и поступил в университет, он пришел к разумному выводу, что только младенцы и глупцы могли помышлять о восстановлении Иерусалима. Еврейский поэт, утверждает Вы, подразумевая дневник героя этой повести, считает, что патриотические чувства изображаемых им благочестивых евреев ничем не отличаются от христианских чувств, появляющихся лишь у малых детей и больших глупцов при виде рождественской елки. Все это, почтенный друг, в лучшем случае характеризует современного еврейского писателя, усвоившего "германскую культуру", который в отличие от рабби Йехуды Галеви не пишет, однако, кровью сердца свои еврейские стихи и, гонимый тоской по стране своих сновидений, не берется за страннический посох, чтобы найти в этой стране свою могилу. Это не характеризует еврейскую жизнь. — Вы знаете старинную пословицу: дети и глупцы говорят правду. — Идея, которой были одер-

жимы бедный безумец Мендель Вильна и маленький Мориц, когда его еще звали Мойшеле, — это главная идея всех благочестивых евреев со времени разрушения Иерусалима и по сей день. И такие евреи встречаются, да не прогневаются на нас господин Комперт, даже в роду богачей Ротшильдов.

Не забудьте, что **Комперт** вложил слова, отрицающие еврейскую национальность, в уста студента, взгляды которого — он подвергает сомнению религиозную идею о политическом возрождении нашего народа — находятся в полной гармонии со скептицизмом его эпохи. Какой образованный еврей еще несколько лет тому назад, к тому же в Германии, дерзнул бы высказаться в пользу нашего национального возрождения, не рискуя прослыть сумасшедшим? — К тому же Комперт, очевидно не без умысла, дал этому еврейскому студенту с его теоретическим безразличием и фактическим энтузиазмом в том, что касается его народа, в спутники юности богемского студента, который теоретически воодушевлен образами **Гуса**¹ и **Жижки**², но в действительности становится благополучным пастором, меняющим чашу и меч на рясу и кадильницу. — Поэтому в изображенном Компертом образе образованного еврея нет уже того жалкого индифферентизма, который, бесспорно, был до недавнего времени свойственен определенной части наших немецких евреев. Напротив, ныне их можно упрекнуть в этом лишь с большими оговорками. — Не забывайте, дорогой друг, что именно Вы возражали против моей

¹ Ян Гус (1371–1415), идеолог чешской Реформации. Резко выступал против развращенности клира; ратовал за реформу церкви по образцу раннехристианской; отлучен от церкви и сожжен на костре как еретик. — *Прим. ред.*

² Ян Жижка (ок. 1360–1424), крупнейший деятель гуситского движения (движения последователей Яна Гуса). Полководец, одержавший ряд побед над крестоносцами. — *Прим. ред.*

слишком суровой оценки образованных немецких евреев, и я должен был с ней согласиться. Я признал благотворительную реакцию еврейского патриотизма, преодолевающего индифферентизм, который был скорее модным предметом светской беседы, нежели убеждением ума и сердца. Тоска по стране предков и желание уготовить лучшую долю нашим верным братьям, не переставшим по сей день совершать паломничества в эту страну и желающим умереть именно там, охватили сердца и образованных евреев. Теперь не одни только ортодоксы путешествуют в Иерусалим, оказывают помощь нашим братьям, живущим в Палестине, основывают учебные заведения и благотворительные учреждения в этой стране. Эти серьезные и неустанные усилия свидетельствуют о том, что ныне среди всех классов и на разных культурных уровнях нет недостатка в доброй воле, направленной на улучшение положения наших братьев на Востоке. — Теперь остается внести только больше порядка и плана в это благочестивое и патриотическое дело.

В Иерусалиме, как и повсюду, наши еврейские филантропы наталкиваются на непреодолимые препятствия, когда хотят основать благотворительные учреждения, помочь в несчастье нашим братьям, влачащим жалкое существование, или способствовать их моральному и духовному прогрессу посредством теоретического образования, для введения которого на Востоке отсутствует всякая социальная основа. — Приобретение родной земли в национальное владение, разработка законоположений, под защитой которых мог бы процветать труд, учреждение еврейских обществ, способствующих развитию земледелия, промышленности и торговли на моисеевых, то есть социалистических принципах, — таковы основы, опираясь на которые еврейство снова поднимется на Востоке. Огонь, тлеющий под пеплом мертвящего формализма, огонь исконного еврейского патриотизма вновь вспыхнет, и весь еврейский народ вернется к новой жизни. На общей почве еврейского патриотизма ор-

тодоксы и просвещенные, бедные и богатые узнают в себе потомков тех героев, что вступили в борьбу с могущественнейшими и цивилизованнейшими народами древнего мира, египтянами и ассирийцами, греками и римлянами, и сражались с ними, пока не погиб этот мир, и они не оказались единственными, кто пережил его, — как дети того самого племени, которое как ни один другой народ в мировой истории стойко переносило мученичество двух тысяч лет и всегда высоко держало и свято хранило знамя своей национальности, свиток Завета, навлекшего на них преследования...

Я вынужден прервать мое письмо к Вам, — только что мне принесли статью одного ортодоксального еврейского ученого, на днях вышедшую в свет на древнееврейском языке. Он подробно рассматривает еврейский вопрос с точки зрения Талмуда и приходит к тем же выводам, что и француз-христианин в статье "Новый восточный вопрос", выводам, под каждым словом которых я готов подписаться.

Хочу изложить Вам в общих чертах в переводе на немецкий содержание этой работы, а также содержание статьи француза¹. Автор первой статьи заключает ее словами:

"Если даже еще не настало время милосердия — время подумать о средствах, с помощью которых мы сможем воздвигнуть Алтарь Господу на горе Сион, если даже далеко до получения разрешения на это от турецкого султана, то следующее предложение, мне кажется, отвечает нашему времени, когда с Божьей помощью обрели политическое влияние или власть благодаря своему золоту такие уважаемые люди, как Монтефиоре, Альберт Кон, Ротшильд и Фульд² —

¹ См. Примечание X.

² Ахилл Фульд (1800–1867), французский политический деятель и банкир. — *Прим. ред.*

истинные князья иудейские, которых не было со времени гибели Иудейского царства. Да хранит их Господь! Да создадут они общество для колонизации страны, "Хеврат Эрец ношавет"! Да объединятся с ними почтенные и состоятельные израильтяне во всех частях света, евреи, любящие священную страну. Деятельность их могла бы заключаться в следующем:

а) Собирать денежные пожертвования для приобретения безлюдных городов, полей и виноградников с тем, чтобы превратить пустыню в Ливан, груды развалин в плодоносную ниву и чтобы незаселенная пустынная страна расцвела вновь, как лилия, и приносила бы плоды как поле, что благословил Господь. Горы, доли, селения и безлюдные города мало-помалу перейдут во владение общества, которое смогло бы выпускать акции, и эти акции, конечно, не сразу, но по истечении некоторого времени несомненно бы окупались.

б) Многие евреи из России, Польши и Германии должны получать помощь от общества, к которому они присоединятся, и под руководством этого общества будут учиться полеводству (если ранее они им не занимались), получать в свое распоряжение участки земли, вначале безвозмездно, пока не окажутся в состоянии, после того как земля с помощью капитала общества будет возделана, трудиться на ней в качестве арендаторов.

в) Наши соплеменники, прошедшие военную подготовку, должны взять на себя обязанность отражать разбойничьи набеги бедуинов, выполнять полицейские функции, с тем чтобы обеспечить соблюдение законов и порядок в стране.

г) Необходимо основать сельскохозяйственную школу для подготовки еврейских мальчиков и юношей к работе в сельском хозяйстве в условиях Палестины. Эта школа, в которой могли бы преподаваться и другие науки и искусства, не противоречащие возвышенной цели нашей религии, могла бы существовать

в Палестине или за границей, но при всех обстоятельствах в такой стране, которая (как, например, Франция) производит вино и оливковое масло, плоды священной страны, чтобы учащиеся могли получить практическую подготовку, необходимую для выращивания культур, распространенных в Палестине.

Бог не оставит нас своей милостью, и мы, даже если начнем с малого, шаг за шагом будем приобретать все больше земли в священной стране, как предсказал пророк. Мы же, со своей стороны, должны положить начало, доказательства чему я привел из Талмуда и Мидраша”.

Вот что пишет рабби Калишер из Торна.

Разве я был неправ, когда с похвалой отзывался о здоровом, практическом уме нашего народа и высказал уверенность, что верующие евреи протянут руку просвещенным евреям на общей почве еврейского национализма?

С другой стороны, сообщают, что в декабре прошлого года в Австралии состоялся большой митинг, на котором видные еврейские и христианские деятели приняли точно такие решения, какие были предложены нашим французом и еврейским ученым, чьи мысли я Вам вкратце пересказал, и вынесены на рассмотрение некоего большого собрания, утвердившего эти предложения¹.

Следовательно, не только евреи самых разных стран и ступеней культуры, но и представители различных христианских церквей и культурных народов объединились в этом стремлении восстановить наш народ в его наследственных правах; и самое примечательное, что все они едва ли не слово в слово предлагают одни и те же средства, необходимые, по их мнению, для достижения этой цели. — Если бы мне потребовалось найти еще какое-либо подтверждение правоты моих взглядов, созревших в результате многолетних изысканий и жизненных впечатлений,

¹См. Примечание X.

то я нашел бы это подтверждение в совпадении мнений столь многих людей и народов, которые, не будучи знакомы друг с другом и исходя из разных предпосылок, приходят к одним и тем же выводам. Я уже вижу, как общество, обосновать которое предложил некий благочестивый еврейский патриот, становится реальностью и как еврейские рабочие приступают к колонизации священной страны под защитой западных культурных народов. С повышением благосостояния, достигнутого трудом и под защитой закона, в стране отцов, в Германии и других странах Европы возникнут еврейские университеты под руководством способных ученых, и образование, которое получают студенты, как это происходило до сих пор, не должно будет вступать в конфликт с исконным еврейским национальным культом.

Верные стражи священной могилы нашей национальности, вопреки своей бедности, решительно отвергают жертвоприношения, которые поставят под угрозу древний еврейский культ, и наши западные филантропы не перестают жаловаться на то, что "с этими людьми ничего не предпримешь". Впрочем, отсутствие всякого плана в ваших предложениях и ваши нереальные проекты ни к чему не приведут, они могут повсюду вызвать только несчастье и раздор. Но не вините тех, кто предпочитает умереть в нищете на священной земле, чем отказаться от своего культа, существующего с незапамятных времен, вините скорее свое незнание потребностей еврейства и времени, если на Востоке, как и на Западе, вы не можете достигнуть существенного результата. — Застывший ледяной покров ортодоксии растает, если искра еврейского патриотизма, тлеющая под ним, будет раздута в великий пожар, под действием которого наступит весна. Тогда наш народ отпразднует свое воскрешение. — Напротив, западное еврейство в гораздо большей степени сковано затвердевшими догмами, образовавшимися из остатков первых жизненных проявлений современного духа, этим известковым панцирем отмерших идей рационалистического просвещения,

панцирем, который не в силах растопить пламень еврейского патриотизма; его можно пробить лишь посредством давления извне, под тяжестью которого всему, что не имеет будущего, придется испустить дух. — В противоположность ортодоксии, которая не может быть разрушена внешней силой — иначе окажется под угрозой эмбрион еврейского национализма, дремлющий под ней, — твердый панцирь, окружающий еще сердца наших современных образованных евреев, может раздробить лишь сильный удар извне, и, вероятно, уже в недалеком будущем обстановка в мире позволит нанести этот удар. — Старый остов европейского общества, уже неоднократно поврежденный бурями революции и неизменно восстанавливавшийся, трещит по всем швам. — Он не в состоянии выдержать новой бури. Те, кто стоит между революцией и реакцией, чье предназначение заключается в том, чтобы взрастить современное общество, а после того как оно окрепнет, быть поглощенными им, как самка скорпиона своими детенышами, те **повитухи прогресса**, которые учат здравомыслию, умеренности и экономии самого Творца, дабы Он не поступал опрометчиво в своих творениях, — те носители культуры, те спасители общества и директора сберегательных касс, спекулянты в политике, в религии, в философии и в промышленности, не переживут последней бури. Вместе с остальными повитухами и мамками прогресса и наши еврейские реформаторы окончат свое эфемерное существование. — Напротив, за последней катастрофой, приближение которой возвещается бесспорными знаменьями времени, еврейский народ вместе с другими историческими народами вновь сможет воспользоваться своими правами.

*"Вспомни дни древние, —
помысли о летах прежних родов;
спроси отца твоего, и он возвестит тебе,
старцев твоих, и они скажут тебе.*

*Когда Всевышний давал уделы народам
и расселял сынов человеческих,
тогда поставил пределы народов
по числу сынов Израилевых”.*

(Второзаконие 32:7–8)

Как после конечной катастрофы **органической** жизни, когда народились на свет исторические расы и одновременно разделились они на племена, и расам было указано их место и их роль, так после конечной катастрофы **социальной жизни**, когда дух народов обретет зрелость, наш народ вновь вместе с другими народами земли займет свое место в мировой истории.

ЭПИЛОГ

זכר ימות עולם¹

1. Эллины и израильтяне

Духовные воззрения человека, независимо от того, к какой религиозной или племенной общности он принадлежит, развиваются вместе с жизненным опытом, который он приобретает, живя в окружающей его **социальной** среде. Однако эти воззрения, как и вся социальная жизнь, уходят своими корнями, семейными и расовыми, в **органическую** жизнь, с которой они находятся в такой же тесной и нерасторжимой связи, как органическая жизнь, в свою очередь, с жизнью **космической**.

Абсолютного разграничения, непроницаемой перегородки или непреодолимой пропасти между этими тремя сферами нет, как их нет между духовной и материальной жизнью, ибо одна коренится в другой.

¹Вспомни дни древние! (Второзаконие 32:7).

Однако эти три сферы жизни образуют резко очерченные ступени развития или три эпохи развития в рамках единой и неделимой, вечно юной и вместе с тем древней всеобщей жизни, и, как в каждой отдельной жизненной сфере, так и во всеобщей жизни предпосылкой перехода к более высокой ступени неизменно является отмирание более низкой ступени. Поэтому сфера космической жизни при сопоставлении ее с более высокой ступенью органической сферы представляется чем-то подчиненным и **неодушевленным**, в особенности на рубеже этих сфер, где осуществляется переход жизни космических тел в жизнь организмов. Здесь, на уже затвердевшей поверхности космического тела, где мы наблюдаем лишь отдельные и обособленные его части, мы видим лишь мертвые следы космической жизненной сферы, из которых развивается новая, высшая, органическая жизнь. Но наблюдая жизнь космических тел там, где они возникают и развиваются в мировом пространстве, мы не можем не заметить у этой жизни атрибутов божественности. Эти атрибуты удачно определены в нашей письменности как "סוף מעשה במחשבה תחילה", то есть "всякому делу предшествует мысль". Примечательные явления замечены в наше время, как еще в XVII столетии, на кометах, — деление Кометы Бизлы, перемены на той или другой двойной комете, например, на комете Лейаса, сгущение космических туманностей в Пернамбуку, их спиралевидные изгибы и конечное сочетание в звездные и планетарные системы, — эти и многие другие аналогичные явления, которые мы можем наблюдать в телескоп, суть жизненные процессы, столь же слабо поддающиеся объяснению с помощью поверхностно и односторонне понятой механической теории всемирного тяготения, как и процесс деления эмбриона или передачи наследственных признаков инфузорий или взаимодействие органов в живом организме, отличающемся от — также живого — космического организма лишь **большой сложностью**.

Точно так же гуманитарная социальная область

стоит неизмеримо выше, чем органическая, однако она столь же мало отличается от второй, органической, как органическая отличается от космической сферы, если рассматривать вопрос в абсолютных категориях. В смежной области, в которой осуществляется переход от органической жизни к жизни социальной, самобытная органическая раса, при сопоставлении ее с более высокоразвитой человеческой жизнью кажется **недуховной**. Однако эта раса — такой же корень социальной сферы жизни, как космическое тело — корень органической жизни.

Социальная жизнь — прежде всего продукт определенных человеческих рас, искони различных племен, создававших свои жизненные учреждения сообразно определенному типу. В ходе исторического развития возникали конфликты, обусловленные тем, что исконные жизненные институты вступали в типическое противоречие с соответствующими им примитивными жизненными воззрениями. Лишь в результате столкновения с ними высекались искры духа, которые становились световыми зародышами более высоких ступеней гармоничных форм жизни.

Единство рода человеческого создается благодаря этой исторической работе, оно не дано от природы, оно не есть непосредственный продукт органической жизни, но конечное производное процесса социального исторического развития. Предпосылкой этого единства служит многообразие первичных племен, их борьба, целью — их гармоничное взаимодействие.

Воспринимаемое таким образом единство человеческого рода предполагает наличие **плана** в истории человечества. То, что столь разнообразные феномены социальной жизни заведомо предназначены для того, чтобы в конце концов столь же гармонично взаимодействовать, как не менее разнообразные феномены органической и космической сфер, что этот единый, божественный план в истории находится ныне в последней стадии исторического развития — это совершенно очевидно. В древности, однако, когда народы еще бы-

ли погружены в ночь естественной жизни, имелось лишь одно племя, которое благодаря своему само-бытному гению познало или, по крайней мере, предчувствовало существование божественного плана в истории человечества, — как он существует в космической и органической сферах и которое выразило этот план в книге, почитаемой ныне всем цивилизованным человечеством как святое откровение.

Если мы воспримем умом, свободным от пред-рассудков, план истории, как он раскрывается нам в священных книгах израильтян, то обнаружим в нем не только единство человеческого рода, но и единство всех явлений космической, органической и социальной жизненных сфер. Священные книги нашего народа предполагают единство Бога вопреки многообразию мира, единство человеческого рода вопреки многообразию человеческих рас, именно потому, что план истории мира провиделся духу еврейского народа еще на заре его истории.

Все письменные источники евреев надо постигать, исходя лишь из этой генетической точки зрения еврейского народа. Иудейство — историческая религия, это **культ истории**, в противоположность языческому **культу природы**.

Стоящее особняком откровение еврейского духа на заре развития исторического человечества было бы совершенно необъяснимым и показалось бы сверхъестественным, если бы тогда не существовало различных племен со своеобразными типическими духовными склонностями, которые с самого начала не создали бы совершенно различных воззрений. То же чудо духовного многообразия мы наблюдаем в факте существования различных языков у первобытных народов. Как верно заметил **Эрнест Ренан**, хотя он и не имел ни малейшего представления о значении первичной **еврейской** исторической религии, первобытные религии и первобытные языки суть **продукты расового творчества**. Следовательно, история подтверждает то, что нам уже известно из другого источника, из антро-

пологии, а именно, что с самого начала истории имелись различные расовые и племенные типы.

Если бы эти расы и племена, продолжающие существовать и поныне, не отличались бы друг от друга с момента своего появления, то там, где они, как, например, в западной Азии, в северной Африке и в Европе в течение столетий живут бок о бок друг с другом и смешиваются — как в результате скрещиваний, так и под воздействием климата, — они должны были бы измениться настолько, что в них невозможно было бы обнаружить даже следа их предков. Однако, все человеческие расы и типы народов, известные нам с незапамятных времен по историческим памятникам и поныне обитающие на своей прародине или за ее пределами, сохраняют и воспроизводят свой этнический тип, вопреки всем климатическим и культурным влияниям, и знаток может распознать их с первого взгляда по физиологическим или психологическим приметам. На древнейших египетских памятниках запечатлены негры, наряду с индогерманцами и семитами, то есть расы, которые либо с древнейших времен жили бок о бок в одной и той же стране, либо жили в рассеянии в различных странах и различных климатических условиях, сохраняя в обоих случаях неизменным свой первоначальный тип.

Языки народов, создавших нашу цивилизацию, принадлежат по крайней мере, двум первичным племенам: **индогерманцам** и **семитам**. Древняя культура первых достигла своей кульминации в **Греции**, а культура семитов в **Иудее**. В обеих этих странах типичная противоположность между индогерманской и семитской расами была выражена наиболее резко: в корне различное миропонимание мы можем проследить в классических творениях **эллинов** и **израильтян**. Эти классические творения свидетельствуют о том, что одни исходили из многообразия, другие из единства жизни, что эллины воспринимали мир как вечное бытие, израильтяне как вечное становление. Там дух стремится проникнуть в пространственный хаос, здесь

же — установить последовательность во времени. В греческом духе нашло свое выражение совершенное творчество, в еврейском — незримая работа становления, творческий принцип, который начал проявляться в социальной жизни только тогда, когда в жизни природы он уже достиг своего субботнего завершения. Классические представители **субботы природы** уже давно перестали существовать как народ, и Бог истории и становления рассеял свой народ, который возвещает наступление **субботы истории** среди других народов. Но оба первоначальные типа духа, носителями которых уже не являются классические народы, все еще представлены классическими индивидуумами, встречающимися сегодня среди всех современных культурных народов. Два титана нашей литературы, **Гете** и **Шиллер**, — это германские представители гения греков и евреев, **субботы природы** и **субботы истории**, и, если **Гейне** делил всех людей на эллинов и назареев, то он, не сознавая того, обозначал два типичных духовных направления — культ природы и культ истории. В лице **Гейне** и **Берне** современные евреи, равно как современные индогерманские народы, представили оба типа культурной жизни.

После того как окончательно обозначилась противоположность этих двух духовных направлений в лице двух всемирно-исторических народов, примирение их стало задачей всей истории цивилизации.

После первой не доведенной до конца попытки со стороны христианства примирить два эти начала, ее предпринял ислам, оспоривший у христианства право на господство в Азии и Африке и даже в одной части Европы — в Испании. Как в результате встречи эллинской и еврейской культуры в древнем еврейском отечестве начался первый, так в результате столкновения арабской, еврейской и европейской культуры в Испании, на этой второй родине евреев, возник последний процесс примирения между этими двумя всемирно-историческими направлениями. Но духовная искра, высеченная в результате их столкновения и послужив-

шая зародышем более высокой стадии гармоничного направления, в котором природные расовые противоречия всемирно-исторических народов должны в конце концов быть устранены, этот социальный зародыш света, это новое **Откровение**, всегда исходили от **еврейского гения**.

Когда языческий Рим разгромил эллинскую и еврейскую культуру, из ее руин на исходе древней истории выросло новое мировоззрение, росток которого, как известно, таился в **еврейском гении**. И когда христианский Рим нанес смертельный удар культуре в Испании, на руинах этой культуры в конце средневековья родилось современное мировоззрение, — и возникло оно снова в голове еврея: **Спиноза** принадлежал к потомкам испанских евреев, эмигрировавших в Голландию, спасаясь от ищеек "Святой Эрмандады".

2. Иисус и Спиноза

После того как иудаизм примирился с наукой, он может сполна воздать по заслугам христианству, безоговорочно признать его всемирно-историческое значение, не впадая в пошлый космополитизм нивелирующих тенденций еврейской реформы и не отрицая своеобразия еврейской религии. Еврейский историк ныне не нуждается в том, чтобы с фанатизмом или безразличием относиться к религии, явившейся продуктом и, следовательно, существенной составной частью самой еврейской истории. Историк **Грец** в третьем (собственно в первом) томе своей "Истории евреев", второе издание которой на днях выходит в свет, решил проблему, как можно быть евреем, благочестивым, патриотически настроенным евреем, и вместе с тем объективным судьей того грандиозного явления, которое на протяжении восемнадцати веков было для еврейского народа лишь источником преследований и притеснений.

Некоторые отрывки из труда Греца могут послужить свидетельством того, какую свободу духа и глубину чувства обнаруживает этот еврейский историк, не принадлежащий к партии реформы, в своей оценке христианства и его основоположника.

”В то время как Иудея трепетала, — пишет наш историк¹, — опасаясь, что наместник Понтий Пилат совершит какой-либо новый акт насилия, следствием чего явится новое вооруженное восстание и новые страдания, произошло некое необычное событие, показавшееся вначале столь незначительным, что оно не привлекло к себе внимания. Однако эта необычность и благоприятные внешние обстоятельства при его возникновении мало-помалу придали ему огромный масштаб и наделили его столь невероятным значением, что оно открыло новые пути в мировой истории... Израиль должен был **приняться всерьез** за выполнение своей миссии: стать учителем народов.

Новое явление, возникшее в период наместничества Пилата, должно было привести к более широкому и более органическому приобщению языческого мира к еврейскому вероучению. Но это явление, впитав чужеродные элементы и став чуждым иудаизму, превратилось вскоре в нечто резко противоположное учению, из которого возникло. Еврейская религия, породившая его, не могла питать к христианству материнских чувств, потому что новорожденный вскоре отрекся от своего происхождения и избрал путь, которым родительница не могла за ним следовать. Если иудаизм не хотел утратить своего самобытного характера и изменить своим исконным принципам, он должен был оставаться непримиримым противником своего собственного детища. Поэтому младенец, сбереженный ради

¹“Geschichte der Juden”, т. 3, гл. II, стр. 216, 2-ое изд. Глава, из которой здесь приводится лишь несколько отрывков, предлагает новую концепцию истории зарождения христианства. Ср. о том же: Graetz. Geschichte der Juden, т. 4, гл. 5, 8, 9, а также Примечания 9–14, 19.

великих дел, чье рождение прошло гладко и безболезненно, впоследствии причинил иудаизму такие страшные боли и мучения, что тот в продолжение длительного времени чах и едва не лишился жизни. Это новое явление, это старое учение в новом облачении или, вернее, это эссеизм, соединившееся с чужеродными элементами, и есть христианство, возникновение и начальное развитие которого всецело относится к еврейской истории той эпохи”.

О самом Иисусе Грец пишет следующее:

”В силу своего галилейского происхождения Иисус не мог достигнуть столь высокого уровня знания Закона, который благодаря усилиям Шаммая¹ и Гиллеля² стал нормой для жителей Иудеи. Скудость его знаний и неряшливость речи, засоренной арамейскими словами, ограничивали поле его деятельности Галилеей. Но то, чего ему недоставало в теории, восполняло чувство. Ему несомненно в высокой степени были свойственны душевное благородство, нравственная чистота и святость жизни. Это ощущается во всех его изречениях, достоверность которых не вызывает сомнения, и даже в поучениях, которые дошли до нас в пересказе его учеников, не преминувших исказить их. Незлобивость и смирение роднят Иисуса с Гиллелем, в котором он, очевидно, вообще видел образец для подражания, и золотое правило Гиллеля — ”Не делай своему ближнему того, что тебе самому ненавистно” — он избрал в качестве отправного пункта для своего кодекса мора-

¹Шаммай (конец II в. до н.э. — начало I в. до н.э.) — глава Верховного суда, толкователь Устного закона, требовавший строгого соблюдения всех религиозных предписаний. — *Прим. ред.*

²Гиллель — современник Шаммая, старавшийся внести в толкование Закона дух терпимости и кротости. Оба законоучителя имели многочисленных приверженцев. Противоречия в толкованиях Школы Шаммая и Школы Гиллеля отражены в Мидрашах и в Аггаде. — *Прим. ред.*

ли. Подобно Гиллелю, Иисус считал миротворчество и всепрощение высшей добродетелью. Все его существо было проникнуто высшей религиозностью, которая побуждает посвящать Богу не только час молитвы, день покаяния и время, когда человек в душе своей общается с Богом, но соотносить с Ним каждый шаг в жизни, каждое движение души, все подчинять Ему, и с ребяческой преданностью вверять себя Его воле. Все его существо было проникнуто такой любовью к ближнему, какой иудаизм учит любить даже врага, рассматривая его также как своего ближнего. Разумеется, с уст его никогда не срывалось проклятия врагам, и его почитатели, склонные к преувеличению, были к нему несправедливы, когда приписывали ему проклятия или вкладывали в его уста жестокие речи, якобы обращенные им к своей собственной матери. Быть может, он достиг идеала в добродетелях страдания, идеала, который неотъемлем от иудаизма, даже от его фарисейского течения. "Причисли себя к утесненным, а не утеснителям, сноси безропотно хулу и не ответствуй на нее, верши все дела из любви к Богу и радуйся страданиям"¹.

В силу духовного склада Иисуса, совершенно несовместимого с насилием, мирскими устремлениями и партийными распрями, его влекло к ессеям, которые вели созерцательную жизнь и бежали мира с его суетой. Поэтому, когда Иоанн Креститель, или, вернее, ессей, пригласил его креститься в Иордане, искупить свои грехи и приблизить час Царства Небесного, Иисус отправился к нему и крестился. Легенда приукрасила это событие: при совершении этого действия разверзлось небо и на него снизошел святой дух в образе голубя и возвестил ему его назначение. Хотя и невозможно определить точно, состоял ли Иисус формально в секте ессеев, многое в его жизни и деяниях становится

¹Шаббат 88б; Иома 23а; Гиттин 36б. Стиль этих изречений свидетельствует о том, что их первоисточником была древняя "Барайта".

ясным лишь в том случае, если исходить из предположения, что он усвоил догматы учения ессеев. Подобно ессеям, Иисус придавал большое значение готовности принять на себя добровольно бремя бедности и отвергнуть богатство, Мамону. Иисус не только относился с одобрением к принципу коллективного владения имуществом, характерному для жизненного уклада ессеев, но и считал обязательным претворение этого принципа в жизнь. Поэтому его непосредственные ученики имели общую кассу и коллективно владели имуществом. Подобно ессеям, он был решительным противником клятв. "Прежде же всего, братия мои, не клянитесь ни небом, ни землею, и никакою другою клятвою; но да будет у вас "да, да" и "нет, нет", дабы вам не подпасть осуждению" (Послание Иакова 5:12). Едва ли стоит здесь упоминать о том, что чудесные исцеления, приписываемые ему, в частности изгнание бесов из одержимых посредством заговора, широко практиковались среди ессеев и почитались занятием, в котором ессеи были знатоками. То, что Иисус мог заклинать бесов, не считалось большим чудом: подчеркивалось только то, что он не уступал в своем умении другим, следовательно, не отставал от заклинателей-ессеев. — Исходя из характера окружения Иисуса, можно также прийти к выводу, что он, как и его окружение, преклонялся перед ессеями. О его брате **Иакове** рассказывали совершенно определенно, что тот вел жизнь ессея, не пил вина, не ел мяса, никогда не стриг волос, не употреблял оливкового масла, всегда был одет в холстину. Но, очевидно, Иисус усвоил лишь главные принципы есseyства: пристрастие к бедности, презрение к богатству и собственности, коллективное владение имуществом, безбрачие, отказ от клятв и способность исцелять одержимых бесами, лунатиков и подобных больных, тогда как таких несущественных правил, как строгое соблюдение левитской чистоты, частые купания, ношение фартука, он не придерживался. Даже обряду крещения он не придавал большого значения, ибо нигде не сообщается, что он выполнял этот обряд или наказывал выполнять его.

Когда Иоанн как государственный преступник был брошен правителем из идумеян Иродом Антипой в Махэрусскую крепость, Иисус просто решил продолжить дело своего учителя. Вслед за Иоанном возвестил он: "Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное" (От Матфея 4:12, 17; параллельное место От Марка 1:15), — возможно даже не думая, что в этом Царстве Небесном, то есть в грядущую мессианскую эпоху именно ему отводится главная роль. Между тем Иисус, очевидно, понял, что, если он не хочет, чтобы его призыв, подобно призыву Иоанна Крестителя, остался гласом вопиющего в пустыне, но имел должное воздействие, он должен обратиться с ним не к еврейскому народу в целом, а к определенному классу, дабы найти в нем отклик. Еврейское среднее сословие, состоящее из жителей малых или крупных городов, в большинстве своем было настолько проникнуто страхом Божиим, нравственностью и благочестием, что требование покаяться и перестать грешить не могло распространяться на него. То, что некий юноша, занятый поисками вечной жизни, возразил Иисусу, посоветовавшему ему соблюдать заповеди, то есть не убивать, не прелюбодействовать, не красть, не лжесвидетельствовать, почитать отца и мать и любить ближнего своего, как самого себя, — "Все это сохранил я от юности моей" — (От Матфея 19:16—20), — является изречением, характеризующим моральные нормы всего еврейского среднего сословия того времени. Изображение позднейшими авторами развращенности еврейского народа и ханжества фарисеев во времена Иисуса — чистая выдумка, не отвечающая исторической правде. Ученики Шаммая и Гиллея, современники зелота Иуды, непримиримые враги иродиан и римлян, не были людьми большой морали и, во всяком случае, не нуждались во врачевателе. Иисус не без причины не помышлял о том, чтобы исправить их. Но он не брал на себя также роль исправителя богатых и знатных, приспешников римлян или иродиан. Они превратили бы необразованного моралиста и проповедника в посме-

щище, если бы он вздумал укорять их в высокомерии, продажности и беспринципности. Поэтому Иисус захотел обратиться только к тем, к кому еврейское общество относилось как к отщепенцам и опороченным. В Иудее жили люди, не имевшие представления о спасительных истинах иудаизма, о его Законе, его древней блестящей истории и его будущем. Это были нарушители Закона (*аварьяним*), или, называя их языком того периода, грешники (*ацарталоі*), которые за проступки против религии изгонялись из общины и не искали, либо не в состоянии были найти, пути назад. В Иудее были также мытари и сборщики податей, которых как защитников римских интересов патриоты сторонились. Они не соблюдали Закона и жили не заботясь ни о прошлом, ни о будущем. Встречались там и невежественные бедные ремесленники и слуги (*ам ха-арец*), которым редко выпадал случай побывать в столице, увидеть Храм в его возвышающем великолепии или услышать проповеди, смысл которых, впрочем, все равно не дошел бы до них. Не ради них Бог сошел в пламени на гору Синай, не их предостерегали пророки, ибо законоучители, занятые в большей степени разработкой традиций, чем разъяснением учения, не растолковали им смысл Закона и предостережений пророков.

К этим народным массам хотел воззвать Иисус, дабы вырвать их из состояния тупого безразличия к Богу и невежества, из грязи их греховности, отчуждения от Бога и Его Закона. Он чувствует себя призванным спасти "погибших овец дома Израилева". Как он откровенно объясняет, не здоровые (он подразумевает знающих и старающихся узнать Закон) имеют нужду во враче, но больные. "Так нет воли Отца вашего небесного, чтобы погиб один из малых сих". (От Матфея 9:12; 15:24; 18:11—14; 21:31 и параллельные места). Это несомненно благородное, высокое призвание!

Иисус умел поднять этих грешников и мытарей, эти заброшенные и безнравственные существа, до себя

словом и личным примером, заполнить их душу любовью к Богу, "чтобы они стали достойными сынами Отца Небесного", облагородить их сердца внутренним теплом и святостью, осуществить перемену в их жизни, открыв перед ними перспективу войти в Царство Небесное. Это было величайшее чудо, сотворенное им. Он возвращал слух глухим, делал слепых зрячими, излечивал больных, пробуждал мертвых к жизни. Предание, превратившее эти его чудеса нравственного обновления в осязаемые, думало возвеличить его, а в действительности только принизило. Ваятель человеков стоит много выше, чем чудотворец. Прежде всего, Иисус наставлял своих учеников и учениц в есеевских добродетелях самопожертвования, смирения, бескорыстия, кротости и миротворчества. Он наказывал им быть непорочными, как дети, и призвал их народиться вновь, дабы они могли вступить в мессианское царство, которое было, по его словам, уже близко. Заповедь любви к ближнему и непротивления злу насилием он поднял на уровень полного самозабвения: "Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду" (От Матфея 5:40). Бедняки, учил он, не должны заботиться ни для души своей, что им есть, и что пить, ни для тела своего, во что им одеться. Он советовал им брать пример с птиц небесных, которые без труда добывают себе пропитание, и с полевых лилий, которые одеты в роскошный наряд. Богачей учил он, как надо творить милостыню: "Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая" (От Матфея 6:3). Он увещевал лицемеров молиться в небольшой комнате и установил краткую формулу молитвы ("Отче наш"), которая, возможно, была распространена среди ессеев.

Иисус не расшатал устоев современного ему иудаизма, ему даже не могло прийти на ум стать реформатором еврейского вероучения и вообще внести нечто новое в иудаизм, он стремился только к тому,

чтобы наставить грешников в Божественном Учении, в небесной благодати и в святости жизни и сделать их достойными мессианской эпохи. Он настойчиво подчеркивал идею единства Бога и не допускал ни малейшего изменения в форме понимания Бога в иудаизме. Когда однажды книжник спросил его, какие заповеди иудаизма следует отнести к первейшим, он отвечал: "Слушай, Израиль. Господь Бог наш есть Господь единый" и "Возлюби ближнего своего, как самого себя". Он добавил: "Иной большей сих заповедей нет". Когда же кто-то обратился к нему со словами "Учитель благий!" — он решительно отклонил такое обращение, заметив при этом: "Что ты называешь меня благим? Никто не благ, как только один Бог". Его приверженцы, сохранившие верность иудаизму, донесли до нас его речение: "Не думайте, что Я пришел нарушить Закон или пророков; не нарушать пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не пройдет из Закона, пока не исполнится все"¹. (От Матфея 5:17–19). Должно быть, он свято соблюдал субботу, ибо его ученики, верные иудаизму, строго соблюдали субботнее торжество, чего они не стали бы делать, если бы их учитель не придавал этому значения. Только против строгостей, введенных Шаммаем, по мнению которого в субботу запрещалось заниматься исцелением больных, Иисус возражал. Он утверждал, что Закон позволяет делать добро и в субботу. Иисус ничего не мог возразить против существовавшего культа жертвопри-

¹Ср. Послание Иакова (2:1–12). То обстоятельство, что крайний антиномист Марк вкладывает в это речение противоположный смысл, утверждая, что Иисус пришел отменить закон, свидетельствует о достоверности первоначальной формы, как она приводится в двух синоптических евангелиях. Мы находим в Талмуде (Шаббат 116б) то же изречение некоего иудео-христианина в его евангелической форме: "И написано в нем (т.е. в Евангелии): "Я не пришел отменить какую-либо заповедь Моисея или что-нибудь добавить к ней".

ношения, он только требовал в соответствии с учением фарисеев, чтобы примирение человека со своим ближним предшествовало примирению человека с Богом¹. Даже посты Иисус не отвергал безоговорочно, он хотел только знать, что они будут совершаться без обмана и показного благочестия. Он настолько тесно был связан с иудаизмом, что отличался такой же ограниченностью, как его еврейские современники, проявляя открытую неприязнь к язычеству, с которым тогда отождествляли угнетателей римлян и их еще более отвратительных прихвостней, восточных греков и сирийцев. Он не хотел иметь ничего общего с язычниками: "Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтоб они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас" (От Матфея 7:6). Когда женщина хананеянка обратилась к нему с просьбой излечить ее одержимую нечистым духом дочь, он отвечал с суровостью: "Я послан только к погибшим овцам дома Израилева". Ученикам своим, которые просили помочь ей, он ответил: "Не хорошо взять хлеб у детей и бросить псам" (От Матфея 15: 24, 26). "На путь к язычникам не ходите и в город Самарянский не входите" (От Матфея 10:5). Оставаясь таким образом в узких рамках иудаизма, Иисус не намеревался дать миру новое откровение или основать новый завет, но лишь заронить семена существовавших религиозных и нравственных идей в сердца, до той поры невозделанные². Нет чистого бессмертия души, то есть продолжения жизни души после отмирания бренной

¹Ср. "Конец дней" Мишны Иомы.

²Нагорная проповедь (От Матфея 5–7) составлена так, как если бы Иисус в известной степени противопоставлял свое новое учение Закону. Но ее достоверность более чем сомнительна. Марк вообще не сообщает ничего о Нагорной проповеди (следовательно, в Евангелии от Матфея она является позднейшей вставкой), Лука приводит лишь часть ее. Кроме того, она полна внутренних противоречий. Закон то превозносится в

оболочки в ее небесной благодати, учил Иисус. Есть лишь **"воскрешение плоти"** (От Матфея 22:23—32) в назначенный час, как этому учили другие еврейские законоучители той эпохи. Воскрешение праведных и благочестивых произойдет здесь на земле, что поведет к учреждению нового порядка вещей, рождению грядущего мира (*олам ха-ба*); этот грядущий мир он, подобно фарисеям и ессеям, представлял себе в связи с мессианским временем, с наступлением Царства Небесного. Для нераскаявшихся грешников он также предусматривал геенну огненную (*гехинном*; От Матфея 5:22). Его главная заслуга состоит в том — и ее не следует умалять, — что он придал большую **душевность** предписаниям иудаизма, понимал их сердцем и душой, настойчиво подчеркивал, что евреи должны относиться к своему Богу как дети к отцу, провозгласил идею братства между людьми, стремился поставить законы морали превыше всего и, наконец, сделал это учение о внутренней близости к Богу и о святости доступным для созданий, утративших нравственность.

Цель, средоточие всех своих помыслов, тайну, замкнутую в своей груди, Иисус открыл однажды в кругу своих ближайших учеников. Он повел их в далекий край, лежащий у подножья горы Хермон, к Кейсарии Филипповой, к месту, где Иордан рвется на волю из расселин громадных скал. В этой жуткой стороне он пожелал раскрыть им свои самые сокровенные мысли. Но он устроил это таким образом, что его ученики в каком-то смысле выманили у него признание в том, что он сам и есть ожидаемый Мессия. Он спросил их, за кого почитают его люди. Одни отвечали, что он Илия, непосредственный предтеча Мес-

сей, то умаляется. Возможно ли, чтобы Иисус столь грубо искажил Закон, приписывая ему изречение: "Ненавидь врага твоего" (там же 5:43)? Только Марк, отвергающий Закон, мог выдвинуть такой тезис, ибо он обнаруживал противоречия между иудаизмом и христианством — и не всегда придерживался истины.

сии, другие, что он пророк, явление которого было обещано Моисеем. Затем Иисус спросил их: "А вы за кого почитаете меня?" Симон же Петр промолвил: "Ты — Христос, Сын Бога Живого". Иисус похвалил Петра за прозорливость, но запретил своим ученикам, пришедшим к этому выводу, вообще до поры до времени затрагивать эту тему (От Матфея 16:13—20)¹. Это был окутанный завесой таинственности час рождения христианства. Когда несколько дней спустя вернейшие ученики Иисуса, Симон Петр и Иаков Заведеев и брат его Иоанн, робко заметили ему, что приходу Мессии должен был предшествовать приход Илии, то Иисус указал на то, что Илия уже являлся в образе Иоанна Крестителя и что люди не узнали его" (От Матфея 17:10 и далее). Не лелеял ли Иисус в глубине души этой мысли с самого начала своего явления? Или она пришла ему на ум только после достигнутых им успехов по привлечению адептов, когда возможность претворения ее в жизнь казалась уже не столь несбыточной? Это загадка, которую никогда не удастся разгадать. Хотя Иисус впервые признался здесь в кругу учеников в том, что он Мессия и должен почитаться таковым, однако сам себя он **никогда** не называл Мессией, употребляя для этого другие названия, которые бесспорно были распространены среди ессеев. Он называл себя Сыном человеческим (*Бар наш*) (От Матфея 17:9), намекая на пророчество Даниила (7:13): "Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему"². Этот стих, вопреки дословному смыслу, в то время трактовался как предсказание

¹ В Евангелии от Марка (8:27-30) эта история носит более оригинальный характер. В Евангелии от Луки (9:18) она довольно расплывчата.

²Ср. Санхедрин 98а. Здесь Мессия обозначается еврейско-греческим словом "Бар-нефиле", то есть "Сын облаков".

пришествия Мессии. Еще одно определение употреблял Иисус для обозначения своей мессианской избранности, а именно роковое для него слово **"Сын Божий"**, очевидно, также содержавшее намек на стих из псалма (2:7): "Возвещу определение: Господь сказал мне: **"Ты Сын Мой; Я ныне родил тебя"**". По-видимому и среди евреев это определение понималось как возвещение прихода Мессии (Сукка 52а). Хотел ли Иисус, чтобы это выражение воспринимали лишь как образ для обозначения Мессии или буквально? Нам известно, что он никогда более подробно не объяснялся по поводу этого выражения, даже впоследствии не уточнял его, когда оно послужило причиной его допроса и вынесения ему смертного приговора. Его приверженцы не сумели прийти к единому мнению, и в результате различного понимания смысла этого определения раскололись на две партии.

Иисус употреблял и другие, но совершенно невинные определения для обозначения своей мессианской избранности, как например, **"хлеб, сошедший с небес"** (манна), **"хлеб жизни"** (От Иоанна 6:35,41). Эти определения также, несомненно, были весьма распространены среди ессеев. Своих последователей он называл **"солью земли"** (От Матфея 5:13). В Евангелии нет даже намека на то, каким образом Иисус намеревался способствовать тому, чтобы мессианские ожидания сбылись. Бесспорно, все его помысли были сосредоточены на одном Израиле, которому он обещал принести освобождение от бремени грехов и от тяжкого римского ига (От Луки 24:21). О языческом мире Иисус в качестве Мессии пекся столь же мало, как и в те времена, когда был учеником Иоанна. Разумеется, он представлял себе дело искупления Израиля таким образом, что, если бы еврейская нация посредством преданной любви к Богу и людям, посредством самопожертвования и посредством возложения на себя бремени добровольной бедности под его руководством поднялась бы к более высокой жизни, то Бог, который ожидал взаимности от

своих чад, сотворил бы из любви к Своему народу такие чудеса, как освобождение от чужеземного владычества, возвращение рассеянных, сообщение Израилю прежнего блеска времен Давида, — прекрасная мечта, которая не сбылась даже восемнадцать веков спустя.

Когда Иисус открылся своим ученикам в том, что он Мессия, он посоветовал им, как уже упоминалось, держать это признание в тайне. Объясняется ли это страхом, что Ирод Антиппа, правивший провинцией, в которой жил Иисус, уготовит ему судьбу Крестителя, или он хотел собрать вокруг себя больше сторонников и адептов, чтобы более внушительно выступить как Мессия. Истинная причина осталась невыясненной. Своих учеников он утешал тем, что еще не настало время, хотя оно и настанет, когда то, что говорит он им "в темноте", они будут говорить "при свете", и что "услышат на ухо", то будут проповедовать "на кровлях". Случилось, однако, противное тому, чего ожидали Иисус и его ученики. Как только распространился слух — вероятно проговорились ученики, — что Иисус из Назарета не только подготавливает пришествие Царства Небесного, но и сам является долгожданным Мессией, как общественное мнение обратилось против него. От Иисуса ожидали знака и доказательств того, что он Мессия, но он не мог представить этих доказательств и уклонялся от ответов. Многие его приверженцы усомнились в его мессианстве и отошли от него, не пожелав "следовать его путем". Если он не хотел скомпрометировать себя в их глазах, то должен был предпринять нечто, чтобы увенчать успехом свое дело или погибнуть, осуществляя свой замысел. Сначала они ожидали от него, что он выступит как Мессия в столице страны перед всем народом, когда тот соберется на пасхальное празднество в Храме. Утверждали, что даже его родные братья упраскивали его отправиться в Иудею: "Чтоб и ученики Твои видели дела, которые Ты делаешь, ибо никто не делает чего-либо втайне, и ищет

сам быть известным; если Ты творишь такие дела, то яви Себя миру". Поэтому Иисус должен был наконец решиться вступить на опасный путь. Как долго проповедовал он в Галилее, неизвестно; в основных источниках содержится указание на то, что его деятельность в целом продолжалась лишь один год: бесспорное доказательство того, что источники были весьма далеки от действительных фактов. Согласно позднейшим источникам, он проповедовал в Галилее три года (Ириней против ересей 11:38—39) "Иисус столь мало помышлял тогда о том, чтобы вступить в конфликт с официальным иудаизмом, что, следуя обычаю паломников, избегал Самарии, считавшейся нечистой, и пришел в пределы Иудейские за Иорданскою стороною (От Матфея 19:1; От Марка 10:1)¹. Стремясь избежать недоразумения и показать, что он вовсе не хочет отменить Закон, он ответил некоему фарисею, желавшему присоединиться к нему и спрашивающему об условиях: "Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим". Другими словами, фарисей должен был отказать свое имущество ученикам Иисуса, которые вели аскетический образ жизни. Пройдя Иерихон и добравшись до окрестностей Иерусалима, Иисус не поселился в столице, а вышел за пределы города и остановился в селении Вифании, расположенном западнее Масличной (Елеонской) горы, где обитали прокаженные, которым запрещалось жить в священном городе. В доме одного такого прокаженного по имени Симон, который вместе со своими товарищами по несчастью присоединился к Нему, он нашел кров. Другие его сторонники, которых он застал в Вифании, также принадлежали к низшему сословию, как, например, **Лазарь** и его сестры **Мария** и **Марфа**.

¹ Два других евангелия (от Луки 17:11 и параллельное место в Евангелии от Иоанна) стремятся затушевать это, несмотря на то, что обычай избегать Самарию основан на древней традиции. В них говорится, что Иисус был в Самарии.

Источники сообщают, что только один состоятельный и почтенный житель Иерусалима по имени **Иосиф из Аримафеи** стал последователем Иисуса.

Вступление Иисуса в Иерусалим и его проповедь в Храме представляется в предании в сумеречном свете апологетики. Маловероятно, чтобы народ устроил ему триумфальный прием, приветствуя его криками "Осанна" при его появлении в Иерусалиме, а по прошествии нескольких дней потребовал его смерти. И первое и второе кажется выдумкой: первое для того, чтобы доказать, будто народ принял его как Мессию, а второе, чтобы возложить кровавую вину за его казнь на весь израильский народ. Столь же исторически необоснованно утверждение, что Иисус совершил акт насилия в Храме, опрокинул столы меновщиков и столы для жертвований на Храм и изгнал всех покупающих и продающих голубей из Храма. Такой поступок, который не мог не привлечь всеобщего внимания, был бы непременно упомянут в каких-либо других источниках того времени. Помимо того, ни один другой источник не сообщает, чтобы торгующие голубями и меновщики содержали лавки на территории Храма, ибо казначейство Храма поставляло жертвователям за плату лишь вино, оливковое масло и муку для хлебного приношения (Шкалим 4:3; 5:4). Правда, Иисус мог выразить возмущение по поводу того, что казначейство Храма занимается торговыми операциями, и это его высказывание предание превращает в действие.

Именно важнейший период жизни Иисуса, позиция, занимаемая им в отношении народа, Синедриона и партий в Иерусалиме, вопрос, действительно ли он выдавал себя открыто за Мессию, и, если да, то как это было воспринято, в источниках изложены столь туманно, что нельзя не признать, — все приукрашивания и вставки идут от легенды. Разумеется, к Иисусу могли отнестись в столице предвзято. Образованная часть общества не могла ожидать от несведущего в Законе галилеянина мессианского деяния — искуп-

ления. То, что Мессия явится из Галилеи, тогда как прибытия этого выходца из дома Давидова ожидали из Вифлеема, противоречило представлениям, складывавшимся на протяжении веков. Поговорка "Ничего доброго из Назарета не жди", очевидно, появилась в ту пору. Все благочестивые евреи питали к нему неприязнь, ибо он поддерживал отношения с грешниками и мытарями, сидел с ними за одним столом и пил вино в их обществе. Даже ученики Иоанна, то есть ессее, осуждали его за нарушение предписания (От Матфея 11:2—19).

Сторонников Шаммая могло задеть то, что он осквернял субботу, исцеляя больных в этот день. Они не могли представить себе, чтобы Мессия поступал так. Зелоты не могли ожидать от Иисуса великих деяний, ибо он проповедовал лишь непротивление злу и не воспламенял их сердца непримиримой ненавистью к римлянам. Он лишь увещевал их, движимый презрением к мамоне, согласиться на уплату налогов римлянам: "Отдавайте кесарево кесарю, а Божье Богу". Все эти бросающиеся в глаза особенности, которые невозможно было совместить с представлением о Мессии, побуждали среднее сословие, в особенности состоятельных людей, холодно отнестись к нему, и он, бесспорно, не встретил восторженного приема в Иерусалиме. Однако все эти прегрешения еще не давали повода привлечь Иисуса к суду и вынести ему суровый приговор. Свобода высказывать свое мнение — ведь между школами Шаммая и Гиллеля часто велись споры — настолько вошла в привычку, что трудно было возбудить преследование против кого-либо за какие-либо отклонения в религиозных вопросах, если человек не нарушал общепризнанных религиозных предписаний и не посягал на еврейскую концепцию Бога.

Но именно в этом отношении Иисус был уязвим. Распространился слух, будто он называет себя Сыном Божиим. Это определение, взятое в своем простом значении, посягало на самые основы религиозных

представлений евреев, и поэтому они не могли равнодушно пройти мимо этого. Но каким образом суд мог удостовериться в том, что Иисус действительно выдавал себя за Сына Божьего и что он вкладывал именно такой смысл в это выражение? Видимо, Иисус не выдавал себя за Мессию перед первым встречным и употреблял это выражение лишь в узком кругу своих учеников. Как можно было выведать тайну этого круга — узнать какой смысл приписывал он этому определению? Необходимо было отыскать предателя, который принадлежал бы к этому кругу, и его нашли в лице **Иуды Искарюта**. Как говорит предание, одержимый корыстолюбием, Иуда предал в руки судей того, кого ранее чтили как Мессию. Еврейский источник, который, судя по его общей направленности, представляется довольно древним и достоверным, проливает свет на то, каким образом использовали этого предателя. Чтобы обвинить Иисуса как лжепророка или соблазнителя человеков (*мессит*), необходимо было выставить двух свидетелей, слышавших из его уст запретные речи. Следовательно, предатель должен был побудить его высказаться, чтобы два свидетеля, сидя в потайном месте, могли расслышать каждое слово, произнесенное им. Этот необычный способ, очевидно, примененный в этом случае в первый раз, использовался затем всегда при всяком судебном преследовании соблазнителей народа¹.

¹ В трактате "Санхедрин" Вавилонского Талмуда (стр. 67а; амстердамское изд. 1645, не подвергавшееся цензуре) и Иерусалимского Талмуда (Санх. 7:16, стр. 25) указывается на то, что против Иисуса применили этот способ: держать в потайном месте свидетелей. В Вавилонском Талмуде говорится: "И эта процедура..." [ссылка на то, что утверждалось ранее] "...применялась в отношении Бен-Сатды в Луде, и они повесили его за день до наступления Пасхи". Во втором источнике говорится: "Так они поступили с Бен-Сатдой в Луде. Они спрятали двух свидетелей и затем привели его в суд и забросали камнями". Тождество личностей Бен-Сатды и Иисуса, как предполагает Талмуд, вне всякого сомнения. Значение слова "Сатда" не-

Согласно христианскому источнику, в результате предательства Иуды Иисус, выступавший в сопровождении своих учеников, стал известен соглядатам и толпе народа. Иуда достиг этого, поцеловав Иисуса, как будто тот, вступив с триумфом признания в Иерусалим и произнеся публичную проповедь в Храме, мог оставаться совершенно неизвестным человеком! Как только соглядатаи схватили его, все ученики покинули его и искали спасения в бегстве. Только Симон Петр следовал за ним на некотором расстоянии. С приближением Пасхи, в день 14 нисана, то есть в канун праздника опресноков, Иисус предстал перед Синедрионом. По всей видимости, его судил не Великий Синедрион, а Малый, состоявший из двадцати трех членов, так как процесс вел не глава Синедриона из дома Гиллеля, а первосвященник **Иосиф Каиафа**. Целью допроса было выяснение того обстоятельства, действительно ли Иисус выдавал себя за Сына Божьего, как показывали свидетели. Кажется совершенно невероятным, что Иисуса предали суду за то, что он якобы ранее возвестил: "Могу разрушить Храм и вновь создать его в три дня". Такое заявление, если он действительно сделал его, не могло явиться основанием для предания суду. Скорее главным пунктом было обвинение в **святотатстве** (гиддуф, *βλασφημία*), и суд хотел выяснить, в самом ли деле Иисус выдавал себя за Сына Божьего (От Матфея 26:63)¹. На вопрос об этом Иисус не дал ответа. Когда же священник повторил этот вопрос, Иисус ответил: "Ты

ясно. Этимологическое толкование его в Талмуде, из которого дается выдержка, и в трактате "Шаббат" 104б (в несокращенном издании) кажется весьма странным. Если принять во внимание, что процессы против соблазнительей народа (*мессит*) проводились редко или вовсе не проводились в период Второго Храма, то оправданно предположение, что Мишна и Барайта являются единственными достоверными талмудическими источниками, содержащими сведения об Иисусе.

¹Поразительно, что согласно евангелиям против Иисуса выступили лжесвидетели (От Матфея 26:63; 26:54-60 и парал-

сказал”¹ — и добавил: ”Отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную силы и грядущего на облаках небесных”.

Услышав это признание, судьи поняли, что он считает себя Сыном Божиим. Первосвященник разодрал свои одежды, обвинил его в богохульстве, после чего суд вынес Иисусу смертный приговор². Из основных христианских источников нельзя установить, приговорили ли его судьи, согласуясь с действовавшими тогда законами, несправедливо. Показания свидетелей были против него. Утверждение приговора или скорее позволение совершить казнь суд спрашивал у наместника Понтия Пилата, который во время Пасхи как раз находился в Иерусалиме.

Пилат, к которому привели Иисуса, интересовался политической стороной его выступления, — выдает ли он себя в качестве Мессии за царя Иудейского, и Иисус

лельные тексты), тогда как они же приводят данные о том, что он действительно сам сказал и повторил то, в чем его обвиняли свидетели.

¹ Авторы евангелий сами не знали, что Иисус ответил на вопрос суда. Евангелие от Матфея (26:64) сообщает, что он ответил — ”Ты сказал”, — что может означать как согласие со сказанным, так и несогласие. Лука передает это место уже как ”Вы говорите, что Я”, — а у Марка он прямо отвечает: ”Я” (14:62). Иоанн дает Иисусу возможность сделать исчерпывающее признание, сославшись на свою публичную деятельность в качестве наставника. Подозрительное противоречие!

² Три старейших синоптических евангелия, или, скорее, один и тот же отчет, правильно сообщают о том, что Синедрион осудил его за богохульство. И та подробность, что первосвященник разодрал свои одежды (От Матфея 26:65 и От Марка 14:63-64), является доводом в пользу этого и подтверждается Галахой (Санхедрин 7:10-11). Евангелие от Иоанна (19:7) также сообщает, что он был осужден по закону, ибо выдал себя за Сына Божьего.

дал на этот вопрос двусмысленный ответ: "Ты сказал"¹. Наместник без обиняков утвердил смертный приговор. Он поступил согласно своим полномочиям. Легендарный характер, однако, носит такая деталь: Пилат признал Иисуса невиновным и хотел его спасти, но евреи настояли на смертном приговоре². Если Иисус подвергся издевательствам и на него надели терновый венец, потешаясь над его достоинством как Мессии-Царя, то эту жестокость совершили не евреи, а римские воины, радовавшиеся возможности в его лице унижить всю еврейскую нацию. Напротив, среди еврейских судей столь слабо чувствовалась неприязнь к Иисусу как к личности, что ему, как всякому осужденному на смерть, подали чашу вина со смирной, чтобы он потерял сознание и не испытывал смертных мучений во время казни³. Согласно уголовному праву того времени осужденного на смерть за святотатство

¹Три синоптических евангелия (Матфея 27:11; Марка 15:2; Луки 23:3) содержат дополнительно слова Иисуса "Ты говоришь", — придавая тем самым его ответу двусмысленный характер. Иоанн (18:34 и далее), напротив, предоставляет Иисусу возможность уклониться от ответа, задав встречный вопрос: "От себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне" — и утверждая: "Царство Мое не от мира сего".

²Только Евангелие от Матфея (27:24 и т.д.) рассказывает, что Пилат взял воды и умыл руки перед народом в знак своей невиновности и что его жене приснился сон, будто она пострадала за Иисуса. Т.к. умывание рук было еврейским обычаем, предписываемым при обнаружении какого-нибудь погубленного человека, убийца которого остался неизвестным, то римский наместник не мог прибегнуть к нему. Поэтому Кёстлин и Гильденфельд усматривают с полным основанием в этих подробностях позднейшую вставку, сделанную поклонником Павла, стремящимся доказать, что язычник Пилат и его жена были настроены к Иисусу благожелательнее, нежели евреи.

³От Матфея 27:34 и параллельный текст. Эта чаша с полынной водкой предписывалась, чтобы смягчить муки осужденного (Эвел Раббати или Смахот 2:9 из Санхедрина 43а). В еван-

сначала должны были забросать камнями и затем, после того, как он испустит дух, прибить гвоздями к кресту¹. Разумеется Иисус был казнен таким же способом, но тогда он должен был скончаться еще до распятия. Христианские источники утверждают, что он был распят живым в девять часов утра и что только в три часа пополудни скончался. Последнее, что он сказал, были слова из псалма на арамейском наречии: "Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?" (*Или, Или! Лама савахфани!*). Глумясь над ним, римские воины прикрепили над его головой надпись, означающую вину его: "Сей есть Иисус, Царь Иудейский". Распятие и, очевидно, погребение тела состоялось вне черты города, на месте, предназначенном для захоронения осужденных, носившем название **Голгофа** ("Лобное место"). Таким был конец человека, который стремился очистить и возвысить нравы своего народа и, по всей видимости, стал жертвой недоразумения. Его смерть навлекла, хотя и против его воли, бесконечные страдания и смерти на сыновей его народа. Миллионов сокрушенных сердец и тоскующих глаз оказалось недостаточно, чтобы искупить его смерть. Он единственный человек, рожденный женщиной, о

гелиях, однако, это изображается как проявление жестокости к Иисусу. Также в вопросе о роде напитка евангелисты расходятся. Марк, подобно талмудистам, говорит о "вине со смирной" (или ладаном), Матфей же об "уксусе, смешанном с желчью". Остальные евангелисты вообще ничего не сообщают о составе напитка.

¹ Согласно Мишне (трактат Санхедрин, 5:7), побитие камнями с последующим распятием трупа на кресте является карой, предписываемой за святотатство и идолопоклонство. Несомненно, что Иисус был умерщвлен таким же способом. Тем не менее, в евангелиях не упоминается побитие камнями, и речь идет только о распятии, и то, что Иисуса распяли, когда он еще был жив, свидетельствует о несоответствии этого отрывка истине.

котором без преувеличения можно сказать: его смерть имела большее значение, чем его жизнь. Лобное место Голгофа стала для исторического мира новым Синаем” (Грец, т. 3).

Еврейский историк далее показывает, как вследствие восприятия апостолом Павлом языческого образа мыслей и уклада жизни уже в первых христианских общинах произошел раскол на секты. Следы этого раскола четко видны в дошедших до нас евангелиях, самые старые из которых были написаны лишь во времена Бар-Кохбы (132–135 гг. н.э.). — Чтобы завоевать языческий мир, христианское детище иудаизма должно было сделать такое же множество уступок язычеству, как язычество иудаизму.

Христианство было отходом, но отходом необходимым, от классической сущности иудаизма и язычества. — Для иудаизма мир был и продолжает оставаться священным продуктом единой и единственной сущности. Для язычества же в его классической форме, возникшей в Греции, божественное, гармоничное единство было продуктом сочетания различнейших форм жизни. — Творческая сущность иудаизма не погибала вместе со своим творением, ибо еврейский Творец еще не исчерпал себя в нем. Классическое же язычество, напротив, видело, как его гений гибнет вместе с его культурой, корни которой лежат на поверхности земли, питающей их и уносимой вторгшимся потоком народов. — Язычникам, наблюдавшим, как пропадает их собственный творческий гений вместе с почвой, на которой он действовал, в один прекрасный день показалось, что божественная гармония многогранного мира утратила свою божественность и святость, что она покинута Богом; и язычество начало искать прибежище в своей противоположности, в творческом духе иудаизма. — С другой стороны, только те евреи могли удовлетворить потребность язычников в религии, которые стали чуждыми для своего собственного мира, отпали от иудаизма и погрузились в отмирающий языческий мир, чтобы из

него и вместе с ним взойти к духу, возносившему его; то есть это были только такие евреи, которые представляют себе мир не как священный продукт священного гения, а как нечто отпавшее от Бога, нечто греховное. — Так возникло двойное отпадение: мирского от божественного и божественного от мирского. Утративший светское начало иудаизм перешел в утратившее духовное начало язычество, христианское мировоззрение — это мировоззрение еврейского праведника, ставшего язычником, дабы поднять народы к высотам духа и подготовить их к грядущему, лучшему, божественному миру, который представляли как потусторонний.

Но эта потусторонность во все большей степени превращалась в ходе исторического развития, по мере того как народы возвышались до еврейской исторической религии, в посюсторонность. И чем более еврейский, то есть гуманный характер принимал языческий мир, тем в большей мере могли и евреи приобщаться к культуре этого совершенствующегося мира. Когда же наконец после длительной борьбы языческого мировоззрения, проникнутого грубой чувственностью и варварской жестокостью, с еврейским мировоззрением, превращающимся в спиритуалистический мистицизм, утреннее солнце современной гуманитарной цивилизации взошло над свободными провинциями Нидерландами и пролило свои ласковые лучи над лучшим миром, еврей смог подать сигнал: процесс духовного развития всемирно-исторических народов завершился.

3. Генетическое мировоззрение¹

После того, как труды **Спинозы** были переведены на древнееврейский язык, настало время оградить этого великого еврейского учителя от еврейских кривотолков. Обвинения, выдвигаемые **Луццатто** против Спино-

¹См. примечание VII.

зы, свидетельствуют лишь о том, что этот прекрасный знаток иудаизма оказался в совершенно незнакомой ему области. Спиноза развивает из идеи единственности Бога всю нравственно-духовную жизнь и познание Бога изображает как высочайший и последний результат этой жизни; в этом последнем откровении еврейского гения исчезают все противоречия, не нашедшие решения и не требовавшие его в прежних проявлениях, ибо критический разум пребывал тогда еще в неразвитом состоянии. Чтобы понять Спинозу во всей его глубине и всемирно-историческом значении, должно охватить разумом последнюю фазу культурно-исторического антагонизма в его теоретической форме, обнаруживающейся в нашей философии и науке. — Мы имеем в виду противоположность между спекулятивной философией и опытными науками, противоположность, на которой более обстоятельно мы остановимся в последующих разделах, — в его отношении к прошлым и современным формам исторического антагонизма. Лущатто не имеет ни малейшего представления о диалектике всемирной истории. Он еще не выходит за рамки банального противопоставления разума чувству, и он упрекает великого Спинозу, мысли которого — непосредственные излияния творческого духа, — в бесчувственности, потому что, он, Лущатто, смешивает эти мысли с "разумом разумеющих".

Нравственная или, вернее, святая жизнь возникает согласно Спинозе, как и согласно Моисею и пророкам, из одного и того же первоисточника, из идеи Бога как единой и единственной сущности во всем остальном ничтожного и преходящего бытия. Религиозный гений евреев, окрыленный Святым духом, проявлялся не только в древности в божественных откровениях, Святой дух всегда связан с Израилем, когда только в жизни людей речь идет о новой, великой, всемирно-исторической фазе развития, о новом социальном творении, которое, подобно любому другому творению в природе и истории, могло возникнуть лишь из первоисточника всего сущего, из творческой сущности.

Откровения священной истории, которые лишь с самой этой историей приходят к завершению, есть вдохновение, ниспосланное непосредственно Богом. Но отнюдь не составляя исключения из вечного закона, царящего в космическом и органическом мирах, откровения дают этому всеобъемлющему закону отчетливо проявиться в человеческом обществе, а также познать в нем Бога Израиля как творческую сущность всего живого. Лишь благодаря религиозному гению евреев и его откровениям происходит непрерывное единое, священное историческое развитие, которое подобно развитию космической и органической жизни природы само по себе служит последним подтверждением господства Бога в природе и истории. Откровения духа, которыми воодушевлены евреи, объемлют не только мировую историю, но и историю вселенной, генезис космической, органической и социальной жизненных сфер. Они подтверждают во всем, что прошло стадию становления или находится в этой стадии развития, действие вечного божественного закона, ныне опирающегося на научную основу, как ранее он опирался на свидетельства фантазии и чувства.

Невозможно отрицать непосредственное воздействие Творца на любой творческий процесс, как в сфере природы, так и в сфере духа. Бесплезно, желая отвергнуть существование Творца, обращаться назад, от потомков к предкам и к последней инстанции, к так называемой материи, ибо целые роды, даже целые царства природы некогда возникли в первый раз. Было время, когда на земле не существовало ни теперешнего растительного и животного мира, ни органической жизни вообще. И сама наша земля, вся наша планетарная система, даже наши звездные миры, как бы велики ни были их протяженность и их возраст, некогда возникли из бесконечно протяженного пространства как космические зародыши, как центры притяжения, и, когда придет время, они растворятся и испарятся как мертвые, отжившие, застывшие, окаменевшие космические тела в горниле новых юношески подвиж-

ных мировых сфер, как свидетельствует об этом внушительное зрелище загоревшихся звезд.

Что же касается вечности существования материи или ее атомов, то это пустая фикция. Физика уже давно доказала несостоятельность этой гипотезы химиков. С появлением понятия так называемых "ничтожно малых величин" в математике химики должны были признать правоту генетического мировоззрения, постулатом которого служат лишь типы движения, а не атомы и не мировой эфир. Если бы материя состояла из неподвижных, вечных, неизменных атомов, окруженных невесомым эфиром, — известная гипотеза химиков и математиков, — то при бесконечном разжижении, на которое способно вещество под действием нагревания, и с помощью воздушного насоса даже в наших экспериментах можно было бы обнаружить хоть какой-либо признак предполагаемой прерывистости атомов, тогда как физикой, напротив, доказано, что наиболее разжиженные газы в любой точке пространства отличаются друг от друга теми же свойствами, что и наиболее сгущенные. В предельно разжиженной закиси азота электрическая искра сохраняет согласно Грову свою ярко-красную окраску, а в наиболее разжиженной угольной кислоте — зеленоватую. Совершенно беспочвенна гипотеза о наличии химических атомов в мировом пространстве, ибо невозможно предположить, что в нем содержится какой-либо химический элемент, из которого состоит материя на застывшей поверхности нашей планеты. Невероятно, чтобы химические атомы имелись везде и всегда, во все времена и во всех сферах, так же невероятно, как и существование везде и всегда органических зародышей. И те, и другие возникали и существовали более или менее продолжительное время, однако распадались снова.

Они возникали в результате акта творения, того самого акта, что пробуждает все сущее к жизни посредством образования новых центров притяжения, обнаруживающих себя в космическом мире как атомы, в

органическом как зародыши, в социальном как откровения или световые зародыши духа. — Всякое творчество — это сложение двух простых или комбинированных движений в новое, замкнутое в себе или возвратное движение по кругу, **революция**, прообраз которой дается в земном притяжении, где вечное центростремительное движение неизменно вызывает противоположное ему центробежное движение и в сочетании с тем создает **вращательное** движение, **силу тяготения**. — Так всякое духовное творчество является произведением двух духовных направлений, замкнутым в себе, более высоким синтезом, комбинацией, на которую способна лишь творческая сущность духа, но не аналитический разум сам по себе. — Всякое творчество предполагает наличие вечного Творца, всякое духовное творчество наличие **вдохновения**.

И разве религиозные творческие процессы, которые обнаруживают отношение Творца к миру, должны быть исключениями из этого всеобщего процесса, а не эманациями самого Творца?

Лишь из этого духовного направления, которое непременно должно носить творческий характер, становится понятным, почему сегодня, вопреки опыту и достижениям науки, отрицают творческое начало во всех жизненных сферах, или, по крайней мере, допускают его в качестве сверхъестественного исключения из закона природы.

Духовные творческие процессы в сфере социальной жизни протекают в плоскости истории так же, как творческие процессы органических видов протекали ранее в плоскости природы. И так же, как последние зарождались не в одну геологическую эпоху, а их образование растягивалось на несколько геологических эпох, так и духовные творческие процессы имеют в мировой истории свои **палеонтологические** и **современные** эпохи, последняя стадия которых является веком зрелости, плодоношения, когда развитие подходит к своему завершению.

Если евреи испытывают особое призвание к социальным откровениям, причина этого кроется в своеобразии их гения, их духовной организации, их расы; и, хотя эти откровения внушаются непосредственно Творцом, они являются не большими чудесами, чем откровения греческого гения, обладающего особым призванием к творениям искусства, как еврейский гений — к познанию Бога.

Моисей, пророки и агиографы столь же мало вступают в противоречие с современной философией и наукой, как Гомер, Эсхил, Пиндар и Софокл. Мы приносим наше современное знание, которого еще не было в библейские времена, в священные писания, если хотим оценить или просто подтвердить их истинность, придерживаясь современной точки зрения.

Учение Спинозы, продукт еврейского гения и современной науки, находится в противоречии не с еврейским монотеизмом, а, — если уж обязательно хотят найти такое противоречие, — с рационалистическим и супернатуралистическим толкованием этого монотеизма. В еврейском откровении со времен Моисея подчеркивается не трансцендентность в противоположность имманентности, но единство в противоположность многообразию творческой сущности. Это сформулировал еще задолго до разрушения Второго Храма еврейский философ **Филон**, позже, в средние века, великие еврейские религиозные философы эпохи еврейской культуры в Испании, и наконец в новое время со всей остротой и глубиной, присущими его гениальному уму, **Спиноза**. Понятно, что некритический догматизм, усматривающий в восточных образах священного языка одни догмы, противопоставляет спинозизму мертвую букву Библии и осуждает имманентное познание Бога как ересь. Однако рационалисты, которые произвольно толкуют все антропоморфические идеи, не могут найти никакой точки опоры в Библии, чтобы противопоставить ее идеям Спинозы. — Не на небесах и не вдали должно по Моисею искать священное учение, ибо Бог раскрывает-

ся в нас самих, в нашем духе и в нашем сердце. Поэтому в Талмуде утверждается в мнимом противоречии с некоторыми изречениями Торы, которая в частности допускает восхождение славы Божьей и нисхождение святости לעולם לא ירדה שכינה למטה ולא עלה משה למרום, то есть "Никогда не ниспускалась шхина и никогда Моисей не восходил на небеса". Вездесущность Господа делает излишним по крайней мере какое бы то ни было движение в пространстве и времени от Него к нам и он нас к Нему. — К чему проделывать окольный путь по небу при "вознесении"? — спрашивает Давид Штраус. — Если мы примем антропоморфические идеи Библии за нечто большее, нежели словесные фигуры, если мы примем их за еврейские догмы, тогда они упразднят главную догму еврейского учения о Боге, которая столь настойчиво внушается нам в ежедневной утренней и вечерней молитве שמו.

Так же, как обстоит дело с потусторонностью Бога, обстоит оно и с потусторонностью духовной жизни вообще. Бессмертие духа, отмечали мы уже в этих письмах, начинает проявляться не только тогда, когда мы умерли: оно, как и Бог, вездесуще. Как движение в пространстве, так и движение во времени является излишним кружным путем к божественной жизни, коль скоро мы пришли к ее познанию. Продолжается ли брэнная жизнь за вратами гроба — это естественно-научный вопрос, который имеет мало общего с религией и философией и ответ на который может дать лишь опыт: поэтому день, когда мы пробудимся от смертной дремы, явится лишь повторением нашей нынешней жизни в Боге.

Потусторонний Бог, который относится к людям не непосредственно как вездесущий Творец и источник откровения, это не Бог евреев и не Бог христиан и мусульман, и Он так же не может быть религиозной основой возрожденных народов, как языческий политеизм и пантеизм, растворенные в учении об атомах и материи. — Божество вне мира, о котором мы не мо-

жем ничего знать, подобно светскому безбожию является плодом рефлектирующего рассудка и не оказывает влияния на нашу социальную, духовно-нравственную жизнь. В этом безотрадном мировоззрении отражается лишь распад старого общества, которое находится еще в состоянии брожения своих элементов и атомов, в процессе разложения. — Как в современном рационализме находит свое отражение лишь революция, так современный, сознательно противный здравому смыслу супернатурализм — лишь отражение реакции против социальных тенденций, развитие которых еще не завершилось.

4. Последний антагонизм¹

Для того, чтобы правильно судить о мировоззрении, необходимо правильно оценить социальные движения, продуктом которых это мировоззрение является. Современная философская точка зрения существенно отличается от точки зрения прошлого столетия. Наука не только сделала успехи: она испытала на себе огромное влияние философской критики и спекулятивной мысли, подобно тому как промышленность формировалась под влиянием буржуазной революции и господства капитала. — Арена борьбы, характер борьбы и силы, вовлеченные в эту борьбу, — все переменялось в ходе социального движения, которое возникло в прошлом столетии и которое мы должны продолжить. Философ спекулятивного направления XIX века столь же мало напоминает революционного философа XVIII столетия, как человек либеральных убеждений XIX века — революционного гражданина прошлого века. Угнетенные производители промышленной и научной продукции прошлого века — это спекулирующие господа нынешнего века. В рамках самих производителей

¹ Эта глава, представляющая собой краткий конспект ранее опубликованных работ в области естествознания и социальных наук, — является плодом многолетних изысканий.

ных классов протекает радикальный процесс размежевания. Последняя революция, кульминация которой падает на наше время, не могла сразу создать совершенную организацию. Прежде чем могли сформироваться новые социальные и духовные творения, пламя революции должно было поглотить старые застывшие институты феодального общества и последние мертвые остатки догматизма, а острый нож критики и анализа расчленил их на составные части и атомы. В ходе развития новых элементов обнаружился новый антагонизм, которого не было ранее и устранение которого — задача сегодняшнего дня. Освобожденные от пут догматизма и феодального общества труд и наука породили последний антагонизм, антагонизм между трудом и спекуляцией. В накаленной революционной атмосфере свободной конкуренции всех производительных сил возникают, словно почки, согреваемые весенним солнцем, новые центры притяжения, поглощающие обособленные производительные силы и организующие эти силы согласно своим внутренним закономерностям. Следуя всеобщему закону притяжения, закону всего сущего, рабочие, рассеянные по разным территориям и странам, группируются вокруг индустриальных центров, обособленные ученые — вокруг спекулятивных систем. Эти центры и системы приводят их в действие и управляют ими. — Не только в сфере индустрии, но и в сфере науки очень трудно преодолеть силу притяжения спекулятивных центров. — Простым отрицанием спекулятивных систем ничего не достигнешь — так же, как и простым уничтожением накопленного капитала, ибо всему живому присуще от природы стремление к централизации, объединению и организации. — Если производители хотят освободиться от владычества эксплуатирующих их спекулянтов, они должны, следуя примеру английских рабочих, противопоставить массе аккумулированного труда, находящегося в руках промышленных или в головах философских спекулянтов, большую массу их обо-

собленных производств (в области науки — результаты исследований), централизовав их изнутри и приводя в движение; источником этого движения был бы общий центр притяжения, подобно тому, как централизуются и приводятся в движение спекулянтами силы труда. Это относится как к научным, так и к промышленным материалам. Материалы представляют из себя мертвые капиталы, если их не организуют для производства новых продуктов. Тот же закон жизни, который определяет движение производительных сил, равно как и всей материи, служит в частности и для возникновения новых продуктов из уже полученных. Так называемая сила инерции материи вообще является не чем иным, как сохранением состояния раздробленности производительных сил, создающих материалы. — Если работники индустрии и науки, эти производительные силы социального мира, остаются в состоянии раздробленности, — если они не объединяют, не централизуют и не организуют свои рассеянные силы, если они сами в результате этого не приобретают спекулятивного характера, — тогда противоречие между трудом и капиталом (материализмом и идеализмом) остается по логике вещей неизменным.

Последнее теоретическое противоречие, которое еще должно быть преодолено, противоречие между философией и опытными науками, между идеализмом и материализмом, — это теоретическое выражение последнего практического противоречия в социальной жизни. Отношения, установившиеся вначале между господином и рабом и между жрецом и непосвященным, позже между феодалом и крепостным и священником и мирянином, такие же отношения, наконец, сложились между капиталистом и рабочим, философом и ученым, а именно между организующим началом и неорганической природой, объединяющей силой и рассеянными элементами, сильным и слабым, живым и мертвым. При этом антагонизме народ всегда был теряющей стороной. Он всегда был обречен смерти.

Поэтому уже Моисей сказал нашему народу: "А вы будете у Меня **царством священников и народом святым**".

Философская спекуляция, подобно промышленной, является исторической необходимостью, следовательно, она оправдана до тех пор, пока производительные виды труда еще не объединились, не централизовались и не организовались, пока они еще не обрели своего собственного центра тяжести и равновесия. "Абсолютная" спекуляция до революционно-критической эпохи в своем качестве **господствующей**, принуждающей силы была чужда и враждебна материальному труду, с наступлением революционно-критической эпохи она противостоит материальному труду как **управляющая** сила. В этом, однако, не виновна злая воля того или иного класса, вину, то есть причину, следует искать в истории развития всего человеческого общества, которое до тех пор, пока оно не достигло своей цели, эпохи зрелости, развивается посредством расовой и классовой борьбы; так же, как и человеческий индивид: пока он находится в процессе духовного развития, он подчиняется власти односторонних представлений и тенденций, или, как это происходит в процессе эмбрионального развития: отдельные органы достигают гипертрофированных размеров за счет других, остающихся в рудиментарном состоянии.

В ходе всей прошлой мировой истории социальная жизнь порождала только односторонние движения, под влиянием которых человеческий дух создавал столь же односторонние воззрения, представления и понятия. В ходе развития повсюду, в сфере общества и в сфере природы, осуществляется разделение труда, достигающее завершенности сначала в определенной сфере и тем самым порождающее односторонность, принимающую в человеческом духе форму своеобразной мономании. Но подобно тому, как только сформировавшийся человеческий организм всемирно-исторических рас гармонически воссоединяет силы природы, так и тенденции истории приходят к гармоническому

взаимодействию лишь в сформировавшемся человеческом обществе. Как после окончательного формирования сферы органической жизни, после сотворения человека началась суббота природы, так суббота истории может наступить только после завершения развития социальной жизни, после создания гармоничной социальной организации, в которой устанавливается равновесие между производством и потреблением. — Мы подошли к кануну этой субботы истории. Однако она еще не наступила. Наш век — век спекуляции. По своей природе спекуляция дело меньшинства. В чем заключается сущность спекуляции?

Всякая сфера жизни, развитие которой завершилось, воссоздает свою жизнь путем производства, на основе установившегося равновесия между производством и потреблением. Для сферы социальной жизни этот век зрелости также начинается с того момента, когда общество постигает этот закон социально-экономического движения. Если понимание этого закона еще не стало достоянием всего общества, но отдельные лица его уже поняли и используют свое понимание в частных целях, то тогда настает век спекуляции. Сущность спекуляции сводится к использованию источников воспроизводства социальной жизни в частных целях.

Жизнь вообще представляет из себя производительную и потребительскую деятельность. Наука в целом есть род экономики, и предметом исследования этой экономики служит производство и потребление в различных сферах и в различные периоды жизни. Физиология — экономическая наука в применении к сфере органической жизни, как социальная экономия есть физиология общества. Эта наука показывает нам, что жизнь общества сегодня находится еще в младенческом возрасте. Между путем, который прошло общество во время своего эмбрионального развития, и путем, которым оно пойдет, когда достигнет самостоятельности, лежит пропасть, которую мы фактически еще не преодолели; мы имеем в виду революционную

критическую эпоху, катастрофу, сопровождающую рождение современного общества, рвущую связь между младенцем и родительницей, делающей независимым социальное будущее от социального прошлого, и по завершении строительства нового общества превращающей его в нечто самоценное по существу — революция играет ту же роль в жизни, что критика в мировоззрении: она перерезывает пуповину, соединяющую младенца с матерью, разбивает цепь традиционных представлений, приковывающую настоящее к прошлому, прокладывает путь к новой, самостоятельной жизни, то есть к новым свободным творениям духа, и, подобно революции, останавливается на мгновение, дабы освободиться от самой единой творческой сущности, ибо эту сущность, **равновесие**, которое традиционное мышление являло нам как потусторонность, она еще не обнаружила в самой себе. — Большинство наших современников не перестает отвергать абсолют, изображаемый как потусторонняя сущность, не продвигаясь при этом к действительному абсолюту, к творческому началу, к центру притяжения всей нашей жизни, который можно обрести лишь при условии равновесия и упорядоченности всех духовных сил. Те же немногие, кто сделал решающий шаг, оказываются в сфере... спекуляции.

Как новорожденный еще не совершенно освободился от матери, пока питается ее молоком, так и социальная жизнь, прежде чем совершенно освободиться, должна пройти младенческий возраст. После того как промышленный и умственный труд освободится посредством революции и критики, он должен окрепнуть с помощью спекуляции, прежде чем стать самостоятельным, — получать пищу извне, прежде чем научиться питаться сам. Философская и буржуазная спекуляция — это занятие духовных и материальных капиталистов — подчиняет своей власти научный и промышленный труд. Эти две разновидности спекулятивной деятельности, по видимости совершенно различные и тем не менее тождественные в своих функциях, по-

добны двум сосцам, питающим беспомощного младенца. Младенец зависит от матери, как труд от капитала, творческий дух — от прежних творений, и новое общество, после того как оно народилось на свет, — от старого. — Ни промышленный труд, ни научное исследование до нашего времени не могли оторваться от посредников, кормящих его и служащих для него источником жизни. Задача работников умственного и промышленного труда сегодня — освобождение их от спекуляции. Естествоиспытатели и социалисты трудятся сегодня более или менее сознательно и энергично над достижением последнего этапа освобождения человечества, над освобождением труда от спекуляции. Научное исследование в Германии и промышленный труд в Англии ближе всего к этой цели. Но как здесь, так и там эти тенденции проявляются обособленно: импульс к слиянию обеих тенденций может исходить лишь от страны современной революции и централизации, от Франции, и от еврейского народа, на который на заре человечества была возложена миссия снова собрать в одном фокусе разошедшиеся в разные стороны в ходе мировой истории тенденции социальной жизни.

Если **Спиноза** заложил росток окончательного примирения типического противоречия, которое выявилось после возникновения двух всемирно-исторических рас, противоречия, достигшего своей кульминации в классических творениях евреев и греков, и первая несовершенная попытка примирения которого была предпринята в форме христианства, то с того времени задачей истории стало развитие заложенного им ростка окончательного примирения в жизни **народов**.

Немецкой философии принадлежит та бесспорная заслуга, что в мысли она преодолела противоречие теизма и атеизма, которое во всей своей остроте проявилось в революционную эпоху, на возведенном Спинозой фундаменте осознанного им еврейского учения о единстве. Но так как у этой философии от-

существовала какая бы то ни была позитивная основа в социальной жизни и в опытных науках, то она должна была вступить с ними в конфликт. Последняя форма антагонизма, которую ей предстоит преодолеть, возникла поэтому в стране, осмыслившей современный культурно-исторический процесс не с позиции монотеизма и политеизма древности, или мусульманского монизма и христианского дуализма средних веков, или теизма и атеизма начала современного развития, а как противоречие между **спекулятивной философией** и **опытными науками**. Немецкие ученые призваны преодолеть антагонизм в его последней форме посредством трудов, которые по мнению **Мошотта** должны привести к тому, что опыт растворится в философии, философия в опыте. Эта страна — Германия, — где опытные науки должны освободиться от философской спекуляции посредством того, что работники умственного труда, ученые, собирают плоды своего труда, плоды науки, и, исходя из некоей общей точки зрения, которую здесь нетрудно будет установить, так как она уже создается своей духовной атмосферой, — приводят эти элементы к единству и гармонии.

5. Последнее расовое господство

Чем больше создает народ в сфере своего специального призвания, тем с меньшей завистью он признает особые достижения других народов — вспомним статью француза, главу из которой мы привели, — тем непринужденнее заимствует он у других то, в чем сам испытывает недостаток и без чего невозможно обойтись в наш век. Это свойство, которое в особенности делает честь немецкому духу.

Еврейский народ должен во всем, что затрагивает политико-социальное возрождение народов и его собственное воскрешение в качестве самостоятельной нации, примыкать к Франции, а во всем, что имеет отно-

шение к духовной жизни, держать сторону Германии. — Лишь тупоголовая реакция и то, что сознательно или бессознательно дает увлечь себя ее потоку, оглушить себя шумихой, поднятой ею, могут вменить нам в вину то, что мы симпатизируем политико-социальным тенденциям Франции и все же всеми нитями нашей духовной жизни связаны с Германией.

Невозможно ожидать чего-либо от Германии в области **национального** возрождения народов. Эта проблема, которая стала жизненно-важной для всего мира не с эпохи Второй французской империи, а еще со времени Первой великой французской революции и которую Европа, однако, начала решать лишь с момента Итальянской кампании, ныне стоит на повестке дня повсюду, даже в Германии. Тем не менее она вызывает насмешки со стороны демократии почти всех цветов и оттенков: создается впечатление, что, называя стремление к национальному возрождению "шулерством с национальностями", она переняла лозунг реакции. И еврейские демократы также участвуют в этом, сея недоверие к Франции и народам, опирающимся на нее. Наши демократы считают, что французы и симпатизирующие им народы, прибегающие к императорской диктатуре в целях своего освобождения, используются "Второй империей" для "умерщвления свободы". Немцы, напротив, должны, по разумению наших глубокомысленных немецких политиков, использовать своих законных императоров и королей лишь для того, чтобы противостоять французским "похотливым стремлениям к господству". Забывают, что, если ныне Германия нанесет поражение Франции и Италии, то завтра немецкий народ окажется вновь под полицейским надзором, не говоря уже о евреях, ибо им предстоит нечто гораздо худшее, чем то, что они пережили после "освободительной войны", в которой тоже сражались на стороне Германии против Франции, помогли реакции одержать победу в борьбе с французской революцией и в награду за это были отстранены от участия в немецкой государственной

жизни. Немецкие евреи и немецкий народ не заслуживают лучшей участи, если они вопреки урокам истории все же позволили средневековой реакции взять себя на буксир.

Занятия наукой в сочетании с жизненным опытом превратили политические симпатии, которые я всегда чувствовал к Франции с тех пор как узнал французов, в определенную концепцию, которую можно сформулировать следующим образом:

Учреждения социальной жизни, как и мировоззрение, суть типические и первичные продукты расы.

Вся прошлая история развивалась благодаря расовой и классовой борьбе. Расовая борьба нечто первичное, классовая борьба — вторичное.

Последней господствующей расой была германская раса. — Благодаря французскому народу, который ликвидировал расовый антагонизм, обезглавив последнюю господствующую расу в лице своего короля¹, благодаря великой революции во Франции, которая в своей собственной среде разрушила всякое расовое господство, расовому антагонизму приходит конец.

С прекращением расового антагонизма прекратится и классовая борьба, равноправие всех общественных классов наступит после установления равноправия всех рас, и в конце концов оно будет представлять из себя и научный вопрос социальной экономии.

Последняя расовая борьба окажется все же неизбежной, если немецкие политики не смогут устоять против мощного реакционного течения, которое при всяком столкновении Германии с романскими народами увлекает даже самых прогрессивных немецких демократов в свое романтически-демагогическое шулерство. — Средневековой реакции уже дважды в наше столетие удавалось — один раз во время "Освободительной войны" и в недалеком прошлом во время Итальянской кампании — подменить современное движение

¹Ср. сочинение О.Тьерри о расовой борьбе и революции во Франции.

немецкого народа к политическому и социальному возрождению похотливым стремлением к расовому господству тех, находившихся в средние века в привилегированном положении германских полководцев, которые считают себя господами, а народ своими крепостными.

Нельзя поручиться, что в новом конфликте между Италией и Австрией немецкая демократия не будет в третий раз втянута в водоворот реакции и с нею в расовую войну, исход которой, правда, не может вызывать у нас сомнения.

Из последней борьбы народов, столь увлекательно изображенной **Фердинандом Фрейлигратом** в его произведении "У березы", может родиться не новое расовое господство, а равноправие всех всемирно-исторических народов.

6. Немного истории

Народы, подобно индивидуумам, проходят в своем развитии через определенные периоды жизни. Не всякий возраст соответствует всякой ступени развития; и упущенное трудно наверстать в позднейшую эпоху жизни народов.

Германия в эпоху Реформации стояла на такой политико-социальной высоте, что в самых глубоких слоях народа пробудилось то самосознание, которое только и дает возможность провести политико-социальные реформы на национальной основе своими собственными силами, осуществить революции, как это случилось в Англии в XVII столетии, а во Франции лишь в XVIII столетии. — XVI век был веком возрождения Германии; и действительно, история Германии в то столетие ознаменовалась реформой, однако эта реформа, весьма далекая от того, чтобы носить национальный характер, привела нацию к внутреннему расколу. Политико-социальная революция на немецкой национальной основе захлебнулась в крови немецких крестьян.

Если бы корифеи немецкой культуры и цивилизации позорно не покинули бы и не предали восстание немецких крестьян против прогнивших феодальных условий, экономическое и политическое развитие немецкого народа началось бы уже тогда и он не только шел бы нога в ногу с остальными европейскими культурными народами, но и возглавил бы их, как это подобало ему как первенцу нового времени. Мощь победоносного в средние века "германского меча" перешла бы в более благородную и возвышенную мощь современного германского духа и прилежания, и тот самый народ, который свергнул мировое господство древнего Рима, чтобы занять его место в средние века, должен был бы сначала подать миру сигнал к свержению своего собственного, последнего на земле расового господства. — Но судьба распорядилась иначе. Последний избранный народ должен был подобно первому прежде заплатить за свою привилегию играть столь выдающуюся историческую роль ценой великого позора, а лишь затем удостоиться чести вступить в современный союз человечества, основанный на принципе равноправия всех всемирно-исторических народов.

Внешние, а также те или иные отдельные причины, приведшие немецкую революцию к крушению, общеизвестны. Карл V, стремившийся осуществить мечту о создании Римской Империи германской нации в эпоху, когда вновь начало пробуждаться национальное сознание у всемирно-исторических народов, этот немецкий император был кем угодно, но только не немцем. Ради призрачной мечты о всемирном господстве он отказался от политико-социальной религиозной реформы, проведя которую смог бы превратить Германию в современное единое государство, освободить ее от раздробленности и феодального бесчинства, создать для себя народ и дать этому народу истинного императора, одним словом, основать современную империю, на благо всех современных народов, жаждущих национального возрождения, и на страх их средневековым военачальникам. Однако его политика

привела к обратным результатам. Высшая знать смогла обрести независимость от императора, примкнув к религиозному движению, и независимость от народа, подавив политико-социальное движение. Этому антинациональному делу способствовали не только неверная политика немецкого императора, но и политическое бессилие немецкого реформатора. В своей доктринерской ограниченности Лютер считал менее опасным примкнуть к высшей знати, нежели к народу, и в конце концов предал крестьян, как и сегодня наши немецкие доктринеры предадут народ, когда он всерьез начинает сближаться с демократическим движением. Вопреки всему этому, германская революция одержала бы победу, если бы города, эти оплоты немецкой буржуазии — общественного класса, заинтересованного самым непосредственным образом в низвержении феодального владычества — не проводили бы слишком узколобой и трусливой политики, смогли бы понять высокое национальное значение Крестьянской войны и были бы готовы к жертвам ради своей собственной выгоды. Вместо этого они изменили крестьянам, приняв сторону дворянства. — Преданные своими естественными союзниками в руки врагов, осыпаемые позорными обвинениями реформатора, который желал лишь отделаться от них, покинутые своим императором, истребляемые словно скот на бойне своими "милостью Божьей" полководцами, немецкие крестьяне должны были отказаться от революционного пути, в результате чего дело возрождения Германии было задушено в зародыше. — С этого момента начинается быстрый процесс упадка германской империи. Лютер понял это и сумел выразить; что ж, немецкие доктринеры всегда отличались сообразительностью.

Во время Тридцатилетней войны элита немецкого народа привела в исполнение смертный приговор, который она вынесла себе, отпав от немецкой революции. Хотя впоследствии она и могла прийти к теоретическому выводу, что мировая история — это мировой суд, но суда над самой собой она избежать не могла.

В эпоху английской революции, вознесшей гордый соседний народ на вершину культуры и цивилизации и заложившей основу для создания нынешней мировой державы, Германия утопала в крови и грязи; великая французская революция, указавшая всем европейским народам путь к свободе, навлекла на Германию лишь позор чужеземного владычества и еще больший позор торжествующей реакции. Даже новые мировые потрясения 1830 года и 1848 года не могли выбить реакцию из седла, водруженного ею на спину немецкого народа. И как во время первой французской революции немецкая литература и философия, переживавшие период своего высшего расцвета, не смогли спасти призрак германской империи от окончательного исчезновения, так и ныне все наши говоруны, писаки и барды не могут гальванизировать политический труп, тело, покинутое душой еще во время роковой Крестьянской войны. — Народные вожди и великие патриоты не падают с неба, они выходят из глубин народной жизни и народной истории. Когда развитие истории задерживается, когда подавляется возвышенный энтузиазм народа, тогда неизбежно увядание политического гения народа. Именно это и случилось в Германии. В эпоху Крестьянской войны немецкий народ мог выдвинуть из своей среды государственных мужей, которые умели сочетать в себе, порождать и развивать дух современности и патриотизма. В наше время у него отсутствует общая почва и традиция, необходимые для появления таких вождей. Все воспоминания о величии Германии относятся к средневековью или к древности. Современный немецкий патриотизм носит реакционный характер и не имеет опоры в народе. Новый немецкий народ еще не народился, и потому не смогло еще развернуться современное немецкое движение. Без способности возрождаться нет народа, без народа нет патриотизма в современном смысле слова. Нынешний немецкий патриотизм, проявляющий себя лишь в поношении всех соседей Гер-

мании, потому что ему не хватает мужества и таланта, чтобы приступить к возрождению своей родины, не более, чем бессовестный обман. Германия не изнемогает под гнетом чужеземного владычества, которое некогда стремились навлечь на нее лишь затем, чтобы найти повод к народному восстанию, не прибегая при этом к внутренней работе, необходимой для дела возрождения: причина ее недуга — загубленная революция. В наши дни она не может без содействия прогрессивных европейских народов возродить движение, которое сама погубила безрассудно во время собственной реформации, против которого воевала во время первой французской революции. Если немцы слишком горды, чтобы идти рука об руку с народами, которые освободились или хотят освободиться от христианско-германского средневеково-феодального владычества, тогда они должны служить средневековой реакции, одержать победу над которой им не удалось в свое время. — Последний случай, представившийся нам для народного восстания в национальном смысле этого слова, привел лишь к победе реакции, потому что война против Франции с самого начала была войной реакционной Европы против французской революции. И если бы сегодня Германия снова была вовлечена в войну с каким-либо государством, то победа наших армий тем более была бы победой реакции, ведь в этом случае не мы сражались бы за свою независимость. — Мы так низко пали — однажды мы уже пережили это в Австрии, — что поражение своих армий мы должны были бы приветствовать как свою победу. — "Мировая история — это мировой суд". Грех, совершенный нами еще в XVI столетии, мы должны искупать по сей день. Кто мог предвидеть катастрофы, ожидающие нас из-за того, что наше развитие в новое время было задушено в зародыше? Разумеется, всякая борьба народов, которая в наш век может вестись только за национальную независимость, может окончиться лишь равноправием всех народов, даже тех, которые ранее сражались **против** национальной неза-

висимости других. Но какими средствами достигается эта конечная цель, какой миролюбивый или воинственный германский патриот дерзнет помыслить об этом?

Времена расового господства минули; даже самый малочисленный народ, независимо от того, к какой расе он принадлежит, к германской или романской, славянской или финской, к кельтской или семитской, — как только он заявляет о своих притязаниях или правах на место среди культурно-исторических народов, может рассчитывать на симпатии могущественнейших западных культурных народов, которые ныне обрели верного союзника в лице возрождающегося итальянского народа. — Как патриоты всех других многострадальных народов, и немецкие патриоты могут достигнуть цели своих устремлений лишь в союзе с прогрессивнейшими и могущественнейшими народами земли. Если же, напротив, они будут продолжать дурачить самих себя и немецкий народ баснями о мощи и величии "германского меча", то лишь прибавят к старой, неизгладимой вине новую, сыграют на руку реакции, увлекут вместе с собой в бездну гибели всю Германию.

Примечание I

Талмуд, так же, как Мидраш, объясняет освобождение Израиля из египетского пленения целомудрием еврейских женщин и их верностью еврейской национальности. Особенно подчеркивается то, что евреи в Египте сохраняли свои национальные имена и язык, не приняли имен и языка египтян и были по этой причине более достойны освобождения, чем изгнанники позднейших времен, когда такая форма ассимиляции стала более частым явлением. Свидетельством тому служат следующие отрывки:

"Наши предки не изменяли своих имен в Египте. Те, кто попал в Египет, носили имена Реувена и Шимона, и

их потомки, которые покинули Египет, продолжали носить те же имена. Иехуда не переделал свое имя на Руфа, Реувен на Лулиана, Иосиф на Луста, Вениамин на Александра” (Мидраш Рабба: Числа 20; Песнь Песней 4; Левит 32).

Даже наш величайший пророк и законодатель Моисей порицался за то, что предстал перед дочерями Итро как египтянин, а не еврей. И поэтому, утверждает Мидраш, Бог отверг его просьбу быть похороненным в Святой земле; в то время, как Иосиф, который никогда не отказывался от своего происхождения, был вознагражден тем, что останки его принесли на Святую Землю и похоронили в ней. Моисей говорил Богу: ”Всемогущий, останки Иосифа были похоронены в Святой Земле, почему не достаиваешь Ты меня тем же?” Отвечал Святой, да будет благословен Он: ”Человек, который признавал свою страну, заслужил того, чтобы покоем здесь, но тот, кто отвергал ее, не будет погребен в ее святой земле”. Откуда нам известно, что Иосиф признавал свою страну? Мы знаем это из следующего: когда его госпожа пожаловалась на Иосифа своему мужу, сказав: ”Посмотрите, он привел к нам еврея ругаться над нами”, Иосиф не отрицал, что он Еврей, но подтвердил это, и, когда он предстал перед фараоном, он гордо воскликнул: ”Я был похищен из Земли Иудейской”. Поэтому он был погребен в своей собственной земле”. Но ты, отвергший свою страну, не будешь погребен в ней, ибо, когда дочери Итро сказали ”Какой-то египтянин защитил нас от пастухов”, ты слышал это и молчал, и потому ты не будешь погребен в своей земле” (Мидраш Рабба: Второзаконие 2).

Примечание II

Точка опоры вне мира — тезис положения как еврейской исторической религии, так и естественной ре-

лигии древних индусов, — является пунктом соприкосновения еврейского и языческого, семитского и индогерманского мировоззрений, зародышем, из которого выросли средневековый христианский и современный научный взгляд на мир. Здесь, в этом **важном пункте** соприкасаются два великих духовных направления двух великих исторических рас. Здесь выступает то, что является общим для них, и то, в чем они расходятся.

Обе расы первоначально признавали и четко выражали в своих древнейших литературных памятниках ту идею, что обычные жизненные условия становятся недостойными человека, как только в нем пробуждается его дух, и что они требуют освящения, искупления. Обе расы мечтают о золотом веке, который они видят в далеком прошлом, о потерянном рае, который они надеются вновь обрести. — Но сопротивление грубых стихийных сил, которым начинается история человечества, равно как всякая история развития, противоречит гуманной сущности, содержащей с самого начала зародыш гармоничного единства жизни — цель истории социального развития. Чтобы помочь человеческому духу в этой борьбе, обе религии проповедуют в качестве средства обретения святости и спасения воздержание от удовольствий жизни, покупаемых ценой смерти и страдания родственных нам душ. Но есть различие в том, что они проповедуют, и это различие определяет существенное расхождение, имеющееся между двумя мировоззрениями. Аскетическая тенденция индогерманской расы, созерцательный характер которой никогда не побуждал ее вести активный образ жизни, в конце концов выражает себя в полном отрешении от жизни, в отрицании жизни (то есть брахманизме и буддизме). С другой стороны, евреи от начала своей истории и в продолжение всех бурь своего изгнания упорно придерживались своей миссии, а именно, стремления освятить не только индивидуальную, но и социальную жизнь Человека, чтобы подготовить человечество к наступлению мес-

сианского времени, которое будет соответствовать духу Божественного Откровения и его святости.

Дух индусской мудрости в наш век нашел свое чистейшее выражение в сочинениях **чистокровного немца Шопенгауэра**, труды которого не должны оставаться неизвестными ни одному образованному человеку. Шопенгауэр представляет в рамках христианско-германского мира тенденцию, решительнейшим образом противостоящую концепциям **Гегеля**. Последний рассматривал историческое генетическое миропонимание, то есть еврейское миропонимание, следовательно, миропонимание в **христианском** смысле, лишь как генезис **духа**, и таким образом он вознес конкретную еврейскую историческую религию на высоты отвлеченной спиритуалистической философии. Шопенгауэр же попросту отрицал историческую религию и вместе с ней само историческое развитие, следовательно, саму жизнь во всех ее формах, идеальных и реальных. Этот нигилизм, лежащий в основе мировосприятия всей индо-германской расы и с самого начала нашедшей свое выражение в Индии, послужил в конце концов причиной крушения естественной религии и ее распада. Лишь генетическое миропонимание иудаизма, которое могло примыкать к нигилизму естественного мира, в то же время нисколько не преуменьшая ценности творческого человеческого фактора в истории, было способно обогатить мир более утешительной концепцией, которая могла поднять мир, упраздняющий сам себя, из развалин, неся надежду на грядущее возрождение.

Если мы согласимся с Шопенгауэром и индогерманцами в том, что творческая сущность является лишь стихийной природной силой, а не творческим гением всякого исторического развития в природе и в истории, то мы должны будем считать мир продуктом внутренне противоречивых и разрушающих себя сил, стремление которых, выраженное в формуле Шопенгауэра "воля к жизни", не имеет цели и назначения и не дает удовлетворения нравственному и

мыслящему человеку. — Лишь историческая религия, усматривающая в борьбе сил природы — равно как индивидуумов и наций — лишь **этапы развития** и несущая в себе самой уверенность в конечной победе Божественной Силы, не нуждается в отрицании жизни для того, чтобы достигнуть своего освящения. И даже сама святость жизни, которую проповедует индуизм, является по своему содержанию лишь **созерцательным** эгоизмом, от которого человечеству мало пользы. Всякое стремление к лучшему бытию, действительному или идеальному, в этом мире или в будущем, представляется этому созерцательному эгоизму чистой несурaziцей. Стремление вообще представляется ему попыткой увековечить "естественное состояние" с его грубой, стихийной, бездуховной борьбой в неорганическом мире, *bellum omnium contra omnes*, войной всех против всех. Эта материалистическая, антигенетическая точка зрения носит во всех социальных движениях консервативный или реакционный характер. Шопенгауэр, как известно, завещал свое состояние берлинским борцам **против** народа. — Его концепция смыкается с христианством лишь в его негативной части, в том, чем христианство отличается от иудаизма, а именно в христианском презрении к "земной жизни", но не распространяется на его позитивную сторону, на апофеоз возрождения, посредством которого христианство обращало языческий мир в еврейскую веру и примиряло его с жизнью.

Мы не хотим, тем не менее, отрицать тот факт, что часто результаты были противоположными. Приверженцы созерцательного взгляда, иногда заходившие так далеко, что отрицали самую волю к жизни, подчас были способны создавать великие произведения искусства, а также наслаждаться ими, тогда как путь тех, кто возложил на себя *עול מלכות שמים*, бремя небесного царства, то есть выполнял историческую миссию устройства и преобразования социальной жизни по божественному плану, отнюдь не был усеян розами.

Примечание III

В 1858 г. в Лейпциге в издательстве Отто Виганда вышло в свет сочинение под заглавием "Две беседы о выходе из еврейства, в коих рассматривается вопрос, затронутый в переписке доктора Авраама Гейгера". — Автор пытается доказать, что выводы д-ра Гейгера неприемлемы ни с философской ни с социальной точки зрения. Вот его аргументы касательно **социальной** области:

"Мой друг, — пишет он, — есть вещи, от которых Вы не можете уйти. Печать рабства, — если нам дозволено пользоваться этим выражением, — которую века угнетения оставили на еврейских чертах, может быть снята благословенной дланью отвоєванной гражданской свободы; осанка евреев после счастливо одержанной свободы и уже во время борьбы за это благородное достояние может вновь стать прямой и гордой. Еврейский лик может осветиться обретенным благородством, и духовный подъем, охвативший весь народ, может привести к расцвету духа и за **краткий период** породить из среды тех, кто недавно с трудом изъяснялся на языке страны своего обитания, поэтов и писателей, которых страна, **хотя и не без некоторого сопротивления**, смешанного с удивлением, вскоре причислит к своим лучшим сыновьям. Такое положение дел должно, несомненно, вызвать восхищение в сердцах нынешнего поколения немцев, и все же, вопреки этим достижениям, стена, разделяющая еврея и христианина, стоит нерушимо, все еще закрыты на все запоры ворота, через которые они должны пройти, ибо нелегко усыпить стража, надзирающего за ними. Этот страж — **расовое различие**, существующее между еврейским и христианским (немецким) населением. Если это утверждение удивит Вас, я попрошу Вас подумать над тем, не является ли чуть ли не правилом, что повсюду (у германцев) расовые отличия порождают предрассудки, против которых всякая филантропическая болтовня бессильна. Отношения, сложившиеся между германским и славянским

населением в Богемии, в Венгрии и Трансильвании, между немцами и датчанами в Шлезвиге или между ирландцами и англо-саксонскими поселенцами в Ирландии, служат хорошей иллюстрацией расового антагонизма в германском мире. Во всех этих странах различные элементы населения жили бок о бок на протяжении столетий, пользуясь равными политическими правами, и все же столь велики расовые или национальные различия, что **социальное слияние различных элементов населения даже по сей день немыслимо**. И как можно сравнивать расовые отличия, существующие между германцем и славянином, кельтом и англо-саксом или немцем и датчанином, с расовым антагонизмом, существующим между детьми сыновей Иакова, которые происходят из Азии, и потомками тевтонцев и Арминия, предки которых с незапамятных времен обитали в центре Европы, между гордым, рослым, но добродушным светловолосым германцем и черноволосым, юрким и низеньким человечком с явно выраженным азиатским обликом? — Расы, которые в такой мере различаются, чувствуют взаимную инстинктивную неприязнь, против которой бессильны все доводы разума”.

Это, по крайней мере, откровенный язык, хотя автор и не доказал того, что намеревался доказать: крещение не сделает из еврея германца. Но здесь, по крайней мере, содержится признание того, что инстинктивный расовый антагонизм в Германии еще сильнее всех доводов рассудка. “Чистая человеческая природа” превращается в глазах немцев в природу чистого германизма. Представители “рослой светловолосой расы” с удивлением, к которому примешивается неприязнь, взирают на возрождение “черноволосых юрких человечков”, независимо от того, являются ли те потомками библейских патриархов или древних римлян и галлов!

В то время как другие цивилизованные западные нации упоминают о позорном гнете, которому прежде подвергались евреи, для того, чтобы заклеить его,

немец указывает лишь "на печать рабства", которой он отметил "еврейские физиономии".

В статье, появившейся недавно в "Боннерцейтунг" под заголовком "Бонн восемьдесят лет тому назад", автор пишет о евреях в издевательском тоне и изображает их как народ, живущий в гетто и добывающий средства к существованию с помощью мелкой спекуляции. — Я полагаю, что следовало бы меньше удивляться тому, что евреи, которым закрыт доступ к важным отраслям промышленности и торговли, отыскивают средства к существованию с помощью "мелкой спекуляции", чем тому обстоятельству, что они **вообще могли выжить** на протяжении всех этих столетий гнета. — В действительности, им было отказано в средствах к существованию и даже в праве жительства. Лишь с помощью охранных денег каждое еврейское поколение и община должны были выкупать заново "привилегию" не быть изгнанными из домов своих предков, — и они чувствовали себя счастливыми, если не были вопреки договорам ограблены и изгнаны или не становились жертвами резни, устраиваемой бесноватой чернью! Я также могу поведать историю "восьмидесятилетней давности". Один еврей снискал расположение курфюрста в Бонне. Ему предоставили право просить о какой-либо "милости", и он выпросил для себя и своих потомков разрешение селиться в Энденихе. (Эндених — местечко около Бонна).

Примечание IV

Габриель Риссер, издатель журнала "Jude" ("Еврей"), если мне не изменяет память, никогда не впадал в заблуждение, разделяемое современными немецкими евреями, будто эмансипация евреев непримирима с культом еврейского национализма. Он потребовал эмансипации для евреев лишь на одном условии: они должны были получить все гражданские и политические права в обмен на согласие соблюдать все политические и гражданские обязанности.

Предположим, что евреи на самом деле обладают не только национальным культам, но и действительной национальностью, то есть территорией и государством, и что, как это всегда было и будет с другими нациями, многие граждане этого суверенного государства поселились в чужих странах, например, в Англии, Франции и других, и живут в них на протяжении столетий. Разве эти страны отказали бы им в великом праве натурализоваться, если бы они в обмен на гражданские и политические права обязались бы выполнять все обязанности и нести все тяготы гражданина? Разве недостаточно человеку родиться в какой-либо стране или же доказать, что он жил в этой стране, что это его родина, чтобы получить право быть ее гражданином по истечении определенного срока? В странах, которые находятся сегодня на вершине цивилизации, это само собой разумеется, но не в Германии. Еврей, предки которого жили в Германии в течение столетий, должен отречься от своей расы, своего происхождения, своих традиционных памятных дат, своего типа темперамента и характера — для того, чтобы доказать, что он достоин жить в государстве? -- Нет, среди народа, который никогда не поднимется до уровня современной государственности, если не преодолеет своих наследственных расовых предрассудков! -- Еврей, заметим попутно, никогда не были подвластны предрассудку и не руководствовались стремлением к расовому господству. Основной закон Моисеевого государственного устройства недвусмысленно провозглашает равенство обитателей Земли Израилевой, независимо от того, евреи ли они или иноземцы, поселившиеся в еврейской стране.

Примечание V

Во времена, когда в Германии жил Мендельсон, в Польше выступил человек по имени **Исраэль Баал-Шем**. Он, как и Мендельсон, не стремился к тому,

чтобы стать основателем секты. Но как вопреки своим личным желаниям Мендельсон вызвал к жизни движение **реформистов** в Германии, так рабби Исраэль Баал-Шем оказался основоположником **хасидской** секты в славянских странах. Слово **хасид** в буквальном смысле обозначает весьма благочестивого еврея и не несет в себе в отличие от слова "пиетист" в протестантском христианстве никакого дополнительного содержания. Среди евреев во все времена были **хасиды**, точно так же, как задолго до рабби Исраэля по прозвищу Баал-Шем встречались евреи, занимавшиеся изучением практической Каббалы и мистических учений Каббалы и находившие огромное число последователей. — Но, с другой стороны, в прежних поколениях имелись евреи, которые принимали участие в культурной жизни страны своего проживания, например, в Испании в той же мере, в какой евреи в Германии, начиная с эпохи Мендельсона, принимали участие в культурной жизни Германии, и все же они в отличие от последних **не становились реформистами**. Если со времен Мендельсона рационализм среди немецких евреев, а со времен рабби Исраэля хасидизм среди евреев славянских стран вызвал серьезный раскол, то причина этого кроется в своеобразных условиях эпохи, которая даже в тех странах, где она почти не была осознана народом, как, например, в славянских странах, отличается *toto genere* от всех прежних эпох. В особенности это относится к славянским странам, где дух времени проникал в сознание масс.

Хасиды, подобно эссеям еврейского происхождения последнего периода древности и подобно набожным христианам-протестантам в конце средних веков, представляют тенденцию, которая в противоположность внешнему благочестию буквалистской веры выражает богатство еврейского духа. Хасиды не придерживались педантично строго еврейского Закона, хотя они в принципе и не отрицали авторитета ни письменного, ни изустного Закона, полагая и тот и другой проявлениями духа. Не форма, но дух, со-

творивший ее, в их представлении свят. Их менее всего можно назвать аскетами, однако они строго соблюдают все законы нравственности и чистоты. Они отвечают раввинам, если те обвиняют их в нарушении определенных законов и предписаний, — "Мы подвластны не *"מדת הדין"*, то есть строгой мере наказания Бога, но *"מדת הרחמים"*, то есть Его мере милости и милосердия". Философский аспект хасидизма с точки зрения теоретической Каббалы разработан рабби Самуилом из Вильны в его книге "Тания"¹. Ученики этого философа называют себя **Хаббадом** (аббревиатура, составленная из начальных букв трех ивритских слов: *"חכמה"* — мудрость, *"בינה"* — разум и *"דעת"* — знание). Эта секта имеет своих последователей и в Иерусалиме.

Что касается формы, которую хасидизм принял среди еврейских масс в Польше и других славянских странах, равно как в Венгрии, то она бесспорно не свободна от грубых извращений и смехотворных суеверий, однако критики, которые справедливо борются с повседневными заблуждениями хасидизма, очевидно совершенно не поняли его истинной сущности и исторического значения. — Раввины, как и рационалисты, пытались объявить хасидизм ересью, но их критика произвела столь же слабый эффект, как рационалистическая критика спиритуалистической тенденции, которая подобно реформе была закономерным продуктом века и, пусть несознательно или скорее именно по этой причине, представляется весьма знаменательным явлением. Реформистское движение возникло лишь после того как современная жизнь уже подточила средневековый иудаизм и засыпала источник, из которого он черпал жизненные соки. Поэтому оно могло использовать лишь ствол иудаизма, отделен-

¹ На самом деле основоположником хасидизма и автором "Тании" был рабби Шнеур-Залман из Ляд, рабби же Самуил совершенно неизвестная личность. — *Прим. ред.*

ный от его корня в качестве строительного материала и украшения для храма, который помимо этого не мог предложить верующим ничего еврейского. Хасидизм, напротив, воздвигал свое строение в лоне житнетворного духа иудаизма, подвергавшегося более инстинктивно, чем сознательно, воздействию духа современности и таким образом образовавшего переход от средневекового иудаизма к возрожденному иудаизму, который находится еще в процессе развития. Невозможно предугадать, что принесет с собой хасидизм, если им овладеет национальное движение. Хасидизм с каждым днем усиливает свое влияние в крупных еврейских центрах Востока. Даже раввины, объявлявшие недавно хасидизм ересью, начинают понимать, что имеются лишь две альтернативы для широких народных масс Восточной Европы: или в результате проникающей извне современной культуры вместе с реформаторами отойти от иудаизма, или предотвратить это отпадение посредством возрождения, несомненным предтечей которого является хасидизм.

Хотя хасиды не имеют социальной организации, их жизнь основывается на социалистических началах. Дом богатого человека всегда открыт для бедняка, и последний чувствует себя там столь же нестесненно, как в своем собственном доме. Очевидно, они избрали своим паролем изречение из "Авот": "שלי שלך ושליך שלך חסיד" — то есть "Кто говорит: мое — твое, и твое — твое, богобоязнен" (Авот 5:10)¹. Секта, которая проявляет та-

¹ Согласно Мишне в Авот имеется четыре подхода к вопросу о "Моем и Твоем". Первая точка зрения уже рассматривалась в третьем письме. Это обычное буржуазное правило поведения, выражающееся в формуле: "каждый за себя". Вторая точка зрения простолюдинов, черни, *אָרַבֿ עַם*, жаждущих разделить богатства состоятельных и готовых дать тем взамен свою собственную жалкую долю, поменяться с ними местами. Третья — взгляд хасида, который говорит: "Мое это твое", не желая ничего взамен. Четвертый — это подход порочных (*רשע*), которые домогаются имущества других, не давая им ничего взамен.

кую самоотверженность и члены которой способны на такое сильное религиозное воодушевление, должна основываться на чем-то большем, нежели одной грубости и невежестве.

Примечание VI

Греки в своем религиозном культе освящали Природу в ее замкнутой в себе, гармоничной форме, но не в процессе становления, не в фазе возникновения. Человек также обоготворялся в греческом мире лишь в качестве завершенной организации как существо, стоящее на вершине **органической** жизни, но не как носитель новой жизненной сферы, не как духовная, нравственная и социальная сущность, находящаяся в процессе становления и развития, как на него смотрело христианство, являющееся дальнейшим развитием исторической религии иудаизма. — Евреи, напротив, обоготворяли историю, становление, культ Того, само имя Которого выражает "прошлое, настоящее и будущее". Даже сферы космической и органической жизни, которые уже завершены и замкнуты в эту нашу эпоху, рассматриваются в Библии не как вечное и неизменное коловращение, но как **генезис**. Библия начинает с сотворения мира и провозглашения субботы природы, провидя всю историю человеческого развития и конечную субботу истории. Тенденция усматривать присутствие Бога в истории, не только в истории человечества, но и в истории космического и органического миров, служит существенным проявлением еврейского духа. При изучении истории в более узком смысле слова это стремление познать процесс становления подразумевается само собой. При изучении природы, напротив, оно постулирует наличие определенного духовного направления в качестве отправного пункта течения, оставшегося по сей день чуждым современной науке. **Гете и Гумбольдт** даже не принимали духовного течения, которое было столь тесно связано с еврейской концепцией Бога.

Греки освящали целостность природы, включая в нее человека в качестве ее заверщенного продукта, **евреи** освящали целостность истории, включая в нее историю органической и космической жизни; и наконец **христиане** освящали отдельный человеческий индивидуум как божественную личность. Христианство — апофеоз индивидуальности.

Христианство освящало отдельную личность, мужчину или женщину, без семьи и без отечества. Такой взгляд и справедлив и несправедлив по отношению к человеку, ибо, чтобы очертить права индивидуума, человека мыслят умозрительно, а не таким, каков он есть действительно, то есть в связи с Природой и Историей, семьей и родиной. — Падение древнего мира и вторжение германских племен обусловило право индивидуальности и показало одновременно односторонность этого направления, односторонность, которая ныне является причиной его исчезновения. Оно, однако, вновь возродится, когда индивидуализм воссоединится с другими более высокими тенденциями. Осуществление этого более высокого единства окажется возможным лишь в еврейском историческом культе, поднятом на уровень науки. Исторический культ, достигший уровня науки — это религия Библии, которая поднята до уровня научного **генезиса космической, органической и социальной жизни**, развитию и распространению которой посвятит себя гений евреев после своего возрождения в качестве независимой нации.

Примечание VII¹

В эпоху, которая отделяет естественную, органическую жизнь доисторических рас от социальной жизни исторических народов, доисторические расы согласно Книге Бытия обрекались на истребление, что нашло свое выражение в непонятых поныне словах:

¹Примечание VII дается в сокращении.

"לא ידון רוחי באדם לעלם בשגם הוא בשר", "Не вечно Духу Моему быть пренебрегаему человеками, потому что они плоть". Все, что рождается, должно со временем исчезнуть. — Ничто в существовании не длится вечно, ни атом, ни вся планета, ни зародыш, из которого родились целые поколения, ни высочайшее создание земли, человек, потому что он плоть и должен следовать "путем всего плотского", а именно путем смерти и возрождения.

Все народы древности создавали легенды о последней катастрофе в сфере органической жизни. Но лишь нашему еврейскому генетическому миропониманию, проникшему глубоко в самую сущность сотворенного мира, было дано постигнуть бытие как становление, заключающее в себе противоречие между жизнью и смертью, и увидеть в действительности вечное чередование рождения и возрождения.

Антигенетическое, языческое миропонимание, утверждавшее **вечность бытия**, избегало где только можно открытой постановки вопроса о **становлении**. Но современная наука шаг за шагом вытесняла старое мировоззрение со всех его позиций.

Феномен рождения и умирания индивидуальных существ, — а всякое существование во времени и пространстве индивидуально, то есть ограничено, — с такой наглядностью предстает перед нами во всей сфере окружающей нас органической жизни, что языческое представление о бессмертии сущего давно уже признало сомнительность своей позиции и искало убежища в теории предсуществования зародышей или атомов.

В физиологии теория предсуществования зародышей давно признана несостоятельной. — Не только все тело органического индивидуума возникает из одного зародыша, который всякий раз рождается заново в результате акта сотворения или размножения, но и во всякий момент своего существования каждая часть этого тела восстанавливается из зародышей, которые беспрерывно снова образуются посредством

акта сотворения из зародышевой жидкости, из крови.

Та оговорка, что образование зародышей, хотя оно в каждый данный момент и является процессом образования нового, не есть истинный акт сотворения, потому что предсуществовала зародышевая жидкость, свидетельствует прежде всего о полном игнорировании этого явления в процессе образования органического мира, которому всегда предшествует противоположный процесс — **распад** жизни, смерть. — Нет соединения без распада, нет синтеза без анализа — учит уже химия.

Образование зародыша в сфере органической жизни — в действительности есть процесс органической химии, как в космической сфере образование атомов — процесс неорганической химии, как, наконец, в социальной, человеческой или духовной сфере всякое новое порождение является лишь процессом духовной химии. Повсюду синтетическому процессу предшествует процесс аналитического разложения, новому образованию жизни — распад уже существующей. — Если даже во всякой **сформировавшейся** сфере жизни движение происходит **по кругу**, образование зародышей и в результате их разложения — образование зародышевой жидкости, то все же образование зародышевой жидкости — явление действительного отмирания индивидуальностей. Однако смерть индивидуального — это не "шутка" и зарождение новой жизни — не "детская игра". В образовании нового и распаде старого как раз и проявляется все различие, существующее между жизнью и смертью. — Правда, это различие не носит абсолютного характера, ибо в противном случае одно не проистекало бы из другого, не могло бы переходить в другое. Единственная, вечная сила, которая не возникает и не исчезает, из которой ничего нельзя вычесть, к которой ничего нельзя прибавить, обнимает жизнь и смерть, превращает одно в другое и при всех изменениях остается всегда неизменной. Закон "сохранения силы" является

величайшим открытием современной науки, благодаря чему она сравнилась в ценности со своей старшей сестрой, современной философией, и опередит ее. Но именно это великое научное открытие наглядно показывает, что кроме этой единой, вечной и неизменной силы, все остальное — и различные силы природы и различные формы материи, которые до этого открытия считались вечными и неизменными, — лишь преходящие, вторичные феномены. Если наука сегодня ищет ключ к бытию сил и форм материи, то она предполагает не их **вечность**, но их **изменяемость**, и находит она этот ключ не в зримом творении, но в незримом Творце.

Наука приходит к выводу, что не всегда для возникновения органических зародышей необходима органическая материя, что последняя предсуществует в органической сфере, как неорганическая в космической лишь в том случае, если, как это происходит в нашей космической и органической жизни, развитие этих обеих сфер носит **замкнутый** характер и совершается лишь **циклично**; органическое вещество возникает из неорганического, материальное из нематериального первоначально повсюду, где начинают развиваться сферы космической и органической жизни.

После того, как гипотеза о предсуществовании зародышей оказалась несостоятельной и открыто защищать ее стало невозможно, были сделаны попытки спасти ее с помощью косвенных доказательств. Антигенетическое направление поэтому со всей силой воспротивилось признанию феномена внематочного зарождения, самопроизвольного размножения, *generatio spontanea*, так называемого гетерогенезиса, и попыталось, невзирая на наглядные доказательства, отрицать его. Но оно было вытеснено и с этой позиции.

Тот, кто следил за экспериментами, произведенными недавно физиологом **Пуше** и его друзьями, — о них был сделан доклад на заседании Парижской академии наук, — мог убедиться в том, что **гетерогенезис** в свете

доказанных фактов больше не может вызывать сомнения. Пуше и его друзья установили, что из неорганической материи возникают первые органические зародыши и что с их отмиранием появляется именно то органическое вещество, которое становится местом зарождения сложных организмов. Действительно, подобным же образом, согласно выводам Дюпти-Туара, еще в наше время на островах южной части Тихого океана, которые лишь теперь выступили из моря, возникают многие организмы, чьи зародыши, по мнению ученого французского адмирала, не могли быть занесены туда ни воздухом, ни водой.

Принимая во внимание эти позитивные наблюдения и эксперименты, можно отвергнуть как несостоятельную любую попытку косвенным образом взять под защиту идею предсуществования зародышей. — Тем временем спасают, что только можно спасти. Если имел место процесс созидания, то следовало изгнать Творца из мира, ибо Ему нечего было больше созидать. Отрицают возможность повторного акта созидания в различные геологические эпохи и отрицают в частности, что существование любого органического вида предполагает первоначальный акт творения; утверждают, что различные виды есть лишь разновидности, а не неизменные виды, они возникают не в результате произвольного зарождения, но под влиянием климатических условий и борьбы за существование в продолжение длительного периода, в процессе постепенных переходов, которые мы сегодня не можем проследить как следствие непрерывного развития одних из других.

Наука, которая не допускает сомнения в постоянстве видов, развенчала и эту апелляцию антигенетического направления к невежеству, и, если она не могла проследить путем прямого наблюдения за процессом, происходившим в ходе геологических эпох сотворения мира, то все же она могла установить этот процесс у примитивнейших животных и растительных организмов посредством эксперимента, а у более сложных ор-

ганизмов — в результате открытия того факта, что последние и по сей день "самозарождаются".

Эксперимент, с помощью которого мы как бы при-
нуждаем природу ответить на обращенные к ней во-
просы, — не единственный путь, ведущий к положи-
тельному решению проблемы, как поступает природа
при сотворении различных органических видов. Мы
уже упоминали о наблюдениях, сделанных адмира-
лом Дюпти-Туаром на островах южной части Тихого
океана и доложенных им на заседании Академии наук.
Гораздо более обстоятельные наблюдения нашего фи-
зиолога **Иоганнеса Мюллера** устанавливают для высших
организмов то, что эксперимент установил для низ-
ших: возникновение высших видов путем **самозаро-
ждения**.

На основе наблюдений Мюллера мы можем уста-
новить без каких-либо трудностей те естественные
условия, при которых даже у высших организмов
возможно самозарождение.

Среда, в которой такое более сложное формиро-
вание зародыша возникло и продолжалось в эмбрио-
нальной стадии, не была согласно Иоганнесу Мюллеру
ни воздухом, ни водой, ни известным "первичным
веществом", но уже существовавшей развитой мат-
кой, которая наряду со своей функцией обычного
полового органа, посредством которого продолжается
род, имела другую функцию: путем произвольного
зарождения образовывать по соседству друг с другом
семена и яйца нового более высокого вида, развиваю-
щиеся в эмбриональный период в зрелый плод. Все
разгадки разгадываются, если принять это предполо-
жение, которое согласно неоспоримому и неоспари-
ваемому наблюдению Мюллера является чем-то боль-
шим, чем гипотеза.

Чем выше стоит особь на лестнице органического
созидания, тем больше она нуждается для своего
эмбрионального развития, как и для своего даль-
нейшего прогресса, в кормящей матери, в родитель-
ском уходе. А как, спрашивается, можно даже по-

мыслить о самозарождении высших видов, если не посредством чуда? — Эта загадка разгадана. Не без родителей или, скорее, приемных родителей, но путем произвольного самозарождения в лоне таких видов, которые стояли ближе всего к более сложным в физиологическом отношении особям, эти высшие виды могли, должны были вступить в процесс творения. — Например, если распространить этот взгляд на высшие организмы, на всемирно-исторические человеческие расы, то сегодня ничто не противоречит тому предположению, что эти расы возникли путем **произвольного зарождения** в материнском лоне уже существовавших доисторических человеческих рас и развились в этой среде. Это вполне вероятно, и древнейшие легенды всемирно-исторических народов дают основания предполагать, что всемирно-исторические расы, после того как они этим первоначальным путем, равно как и путем настоящего размножения, увеличились и превратились в "мировую державу", относились к своим приемным родителям не лучше, чем кукушка, вскормленная в чужом гнезде.

Как мы видим, антигенетическое мировоззрение в области органической жизни вытеснено уже со всех своих позиций; идея предсуществования зародышей больше ни в каком отношении не является состоятельной.

Потерпев поражение в сфере органической жизни, оно ищет спасения в космической сфере, где вместо идеи предсуществования зародышей оно защищает идею предсуществования атомов.

Весомая материя остается на нашей сформировавшейся планете, вопреки всем переменам, всегда одной и той же. Следовательно, приходят к выводу, что она была такой с незапамятных времен. Так же, как считают, что из кругооборота жизни в сформировавшейся органической сфере современной мировой эпохи можно вывести идею предсуществования всеобщей органической материи и при **возникновении** сферы органической жизни, точно так же из кругооборота космиче-

ской жизни в нашей сформировавшейся планетарной системе и на поверхности нашей планеты выводят идею предсуществования всеобщей космической или неорганической материи и при возникновении сферы космической жизни в мировом пространстве. — Но последнее заключение ничем не лучше первого. — Как в органической сфере органическая материя или зародыши вовсе не существовали с незапамятных времен, так же и всеобщая неорганическая материя или ее атомы, из которых постоянно воспроизводятся на нашей сформировавшейся планете газообразные, жидкие и твердые вещества, не существовали с незапамятных времен в нашей космической сфере. Как геологические исследования доказывают, что всеобщая органическая материя первоначально возникла и продолжает повсюду возникать по сей день в результате акта сотворения органических зародышей из неорганической материи там, где нет еще органической материи, так и космология дает доказательство того, что всеобщая космическая материя первоначально была создана посредством акта сотворения космических атомов из бесконечно расширенного воздушного пространства и по сей день рождается повсюду в мировом пространстве, где нет находящихся в процессе развития планет, где светящиеся мировые тела гаснут, застывают, окаменевают и отмирают.

В области фактов космологии я могу сослаться лишь на работы, опубликованные мною в 1857 и 1858 годах в гамбургском журнале "Ярхундерт" и в выходящем в Галле журнале "Натур", который издает **Отто Уле**.

В мировом законе "сохранения силы", в правильно истолкованном законе "всемирного тяготения", тождественность которого с законом "сохранения силы", открытым в недалеком прошлом, я доказал, естествознание находит подтверждение еврейской идеи единства и неповторимости творческой сущности. В физическом и физиологическом, то есть в космиче-

ском и органическом мире этот закон объясняет все физические, химические и жизненные явления — в духовном, то есть социальном мире, все исторические и человеческие — последние, разумеется, раскроются во всей полноте лишь тогда, когда развитие социальной и жизненной сферы будет завершено. Точная наука о социальной жизненной сфере еще не существует — наука до последнего времени имела своим предметом лишь природу, сферы космической органической жизни, — потому что объект социальной науки, социальный мир, находится еще в становлении, наука же устанавливает объективно только сущее. Поэтому наука не имеет еще ничего общего с религией; религия, подобно морали, есть продукт социальной жизни. — Если наука и подтверждает еврейскую идею единства всего сущего, то это происходит лишь в том смысле, что она с одной стороны отрицает языческую, антигенетическую концепцию единства материи и ее атомов, а с другой освобождает саму идею единства от всех ее антропоморфических, человеческих, то есть субъективных, по существу религиозных форм, которые присущи ей как идее первоначального сотворения рас и от которых она **никогда** не сможет и не решится **совершенно** отказаться, являясь в основном социальным, человеческим продуктом, если хочет оказать обратное влияние на социальную, человеческую жизнь. — Лишь после полного развития человеческой, социальной жизни наука сможет познать также и эти формы. Лишь тогда и наукой будет признано их право.

Примечание VIII

Луццатто совершенно откровенно высказывается о культе жертвоприношения: он относит его возникновение к домоисеевым временам. Слово "קדוש" — "святой", которое несомненно старше, чем Моисеев Закон, происходит, по его мнению, от слов "שח תרץ" , "сжигаемый огнем", что связано с древним обыча-

ем сжигать все жертвоприношения. Луццатто может считаться авторитетом: он лингвист и набожный еврей. Согласно его взглядам, культ жертвоприношения, описанный в Библии, является уступкой, сделанной Моисеем народным верованиям детей Израиля, дабы предотвратить обращение их к язычеству. Он имел, по мнению Луццатто, еще одно назначение: упрочить единство народа, поскольку согласно предписанию, жертвы следовало приносить только в одном месте, в Иерусалимском Храме. Этот культ предусматривал также благотворительные цели, предписывая, что всякая жертва должна незамедлительно съедаться, вследствие чего нередко приглашали бедняков на трапезу, на которой поедали закланных животных. Так обстояло дело с пасхальным агнцом, так и со многими другими добровольными жертвами: почти каждый глава семьи приносил жертву не реже чем раз в год, и таким образом культ жертвоприношения создавал основу для еврейской сплоченности, что нашло свое практическое выражение в изречении: "כל ישראל ערבים זה לזה", "Все евреи отвечают друг за друга".

Маймонид идет еще дальше и видит в этом ограничении культа жертвоприношения одним местом стремление воспрепятствовать его исполнению. Он, подобно другим мыслителям, рассматривает культ жертвоприношения как уступку языческим формам богослужения, но подчеркивает то обстоятельство, что целью Моисея было вытеснить с помощью церемонии жертвоприношения человеческие жертвоприношения, которые были распространены среди народов Востока. Подобное объяснение предлагается Абарбанелем в его комментариях к Книге Исхода: принесение в жертву пасхального агнца было введено, дабы отвратить народ от поклонения египетскому богу Амону, который изображался с бараньей головой.

Бесспорно, что принесение в жертву людей — культ, распространенный среди всех народов древности, —

был заменен культом жертвоприношения животных лишь с трудом и постепенно. История древности, библейская, как и языческая, подтверждает это мнение. История искушения Авраама, согласно которой ангел немедленно после того, как отказался принять принесение в жертву Исаака, заменил его животным, отражает эту тенденцию. Подобный же смысл можно усмотреть у Эврипида: Артемиду взяла Ифигению из яслей для жертвенных животных, и на ее месте появился олень. Но обычай отмирал медленно, и продолжительное время пережитки его еще сохранялись. Их можно найти и в Ветхом Завете (II Самуил 3:27), и в греческой мифологии. Сама Ифигения, после того как исчезла из Авлиды, появляется в Тавриде как жрица Артемиды, которая повелевает принести ей в жертву любого грека, который придет туда. Более длительное время, чем у израильтян и греков, этих одареннейших народов древнего мира, сохранялся этот страшный обычай принесения в жертву людей у других древних народов. — В Индии, в Египте, у древних германцев, равно как и среди семитских народов, принесение в жертву людей было распространенным обычаем. Франки, совершавшие под водительством Теодобарда итальянский поход, приносили в жертву женщин и детей пленных готов, бросая их тела как первые плоды своей победы в По. Мнение, что принесение в жертву людей необходимо для того, чтобы умиротворить гнев Бога, существовало и в более позднем еврейском и христианском обществах, которые расценивали смерть на кресте как жертву искупления. "Безгрешный иногда также является жертвой, — утверждает в **Книге Зохар**¹, — чтобы искупить грехи других, и потому праведные страдают, чтобы искупить грехи мира". Заклание петуха за каждого мужчину и курицы за каждую женщину в канун Судного дня является пережитком замещения человека животным в качестве жертвы, на что указывает молитва, сопровож-

¹Ч. I, стр. 60, разд. "Ной".

дающая исполнение этого обычая: "Пусть будет это животное моим искуплением и заменой. Пусть оно умрет, а я буду жить долго и мирно". Точно так, как обычай приносить в жертву животное вытеснило обычай приносить в жертву людей, так обычай жертвоприношения животных был заменен молитвами. Пророки и другие святые песнопевцы¹ упорно добивались этого нововведения. С пророческими обличениями идолопоклонства связана, как правило, критика культа жертвоприношения, которая отождествляет этот культ с идолопоклонством². Ныне, однако, возврат к древнему еврейскому культу жертвоприношения явился бы таким же регрессом, как во времена принесения в жертву животных был бы возврат к принесению в жертву людей. Однако немыслимо также ограничиться заменой жертвоприношения молитвой в случае воскрешения еврейской нации хотя бы потому, что после разрушения Иерусалима в еврейской молитве выражается лишь печаль по поводу гибели и надежда на воскрешение народа. Новая форма культа будет связана с новой формой, в которую облекается возрождение народа.

Примечание IX

Колонизационные движения, как нам отлично известно, не зарождались из чистого энтузиазма, возбуждаемого определенной идеей, но возникали первоначально благодаря определенным требованиям жизни. Они возникают в большинстве случаев в тех странах, где борьба за существование весьма жестока, и направлены на такие страны, где имеются большие возможности снискать себе средства к существованию. Колонизация, будучи родом массовой мирной миграции под защитой закона, имеет целью отыскать более

¹Кн. Хошеи (Осии) 6:6, 14:4; кн. Михи 6:6-8; кн. Исайи 66:3.

²Ср. Амос 5:21-26; Иеремия 7:22 и т.д.

щедрую почву для труда и более широкие права. Если бы евреи всех стран с помощью Франции положили начало массовой миграции своих угнетенных братьев на Восток, то это преследовало бы единственную цель: чтобы еврейские колонисты нашли лучшее поле деятельности для снискания средств к существованию и еврейский труд обрел бы по крайней мере такую же защиту закона, какой он пользуется на Западе. Вопрос в том, существуют ли уже на Востоке эти главные предпосылки, необходимые для поселения евреев в этой части света. В настоящее время нет. Пока не может быть и речи о массовой еврейской миграции в Святую страну. Но на Востоке намечаются перемены, и они вновь откроют его для цивилизации, которая некогда пришла с Востока. В результате быстро расширяющейся сети коммуникаций сокращаются расстояния и вместе с ними быстро исчезают различия между западной цивилизацией и восточным варварством. Цивилизация, которая в ходе исторического развития человечества продвигалась с Востока на Запад, начала со времен французской революции свое обратное движение по земному шару. Даже в географическом отношении начинаются изменения в движении жизни, характерные для зрелости; замкнутое движение по кругу пришло на смену центробежному движению прогресса, с одной стороны, и его противоположности, деградации, с другой. Географический центр культуры, который в течение столетий пребывал в мертвящей неподвижности, после того как дал миру свет духа, впервые зажженный здесь и сиявший как божественное откровение, вновь пробудится к жизни. Французский триколор уже водружен в Египте и Сирии, и стих, которым французский поэт почтил сирийскую экспедицию, уже не только поэтический оборот, но пророческое слово.

Уже Наполеон I, который предпринял экспедицию в Египет, и сен-симонисты, один из которых ныне возглавляет строительство Суэцкого канала, признали, сколь важно для современной Франции цивилизовать

Восток. Войны, которые Франция вела в Крыму и Италии, были лишь репетициями к решению восточного вопроса. Это решение заключается в примирении западной культуры с древней восточной культурой семитов, которые до нашего времени являлись первоизданной, всемирно-исторической типической противоположностью индогерманцам. Эрнест Ренан обратил внимание на эту противоположность, подчеркнув, что семиты обладают способностью пробуждаться вновь из духовной смерти к новой жизни в гораздо большей мере, чем индогерманцы.

После того, как будет завершена работа по прорытию Суэцкого канала, интересы мировой торговли, бесспорно, потребуют создания торговых контор и основания поселений на пути в Индию и Китай, поселений такого рода, чтобы превратить страны, по которым проходит этот путь и которые находятся в состоянии запущенности и анархии, в правовые и культурные государства. Это может произойти лишь в результате предоставления им европейскими державами военной защиты. Дальновидная французская дипломатия с давних пор трудится над тем, чтобы включить Восток в сферу культуры. Правда, зависть, которая отказывается признать за французами их роль освободителей Италии, обвиняет французскую восточную политику в том, что она стремится лишь к завоеваниям и господству. Но французы научились со времени своей великой революции преодолевать дуализм между материальным и идеальным в своей социальной жизни, на что указывает со всей определенностью статья француза, из которой я привел несколько цитат. Материальное не исключает идеального, а идеальное не пустая мечта, но нечто, опирающееся на материальную основу. Человек, взывающий к более высоким интересам, отнюдь не лицемер, если при этом не упускает из виду землю, точно так же, как не пустой мечтатель тот, кто провидит в земных корнях всех человеческих деяний цветы высшего духа.

Разумеется, говоря о еврейских поселениях на Востоке, мы не имеем в виду всеобщей эмиграции западных евреев в страну своих предков. Даже после основания современного еврейского государства большинство евреев, живущих ныне в цивилизованных западных странах, бесспорно останется в них. Западные евреи, которые лишь недавно проложили путь к культуре и достигли почетного общественного положения, не откажутся от своего ценного обретения столь быстро, даже если бы восстановление Иудеи было чем-то большим, чем благочестивым пожеланием. Такого отказа от только что приобретенного невозможно ожидать даже от евреев-патриотов, не говоря уже о большинстве наших "образованных" парвеню, которые так успешно порвали все связи с еврейской семьей и со своими неудачливыми братьями и горды тем, что отвернулись от страданий "народа". Все же это не помешает наиболее благородным среди них проявить интерес к народу, которого они на самом деле не знают, и оказывать ему поддержку в его всемирно-исторической миссии, если у него достанет мужества заявить претензии на свою родину — не только Богу, как было до сих пор, но и людям.

Во все времена евреи, рассеянные по многим странам, чувствовали солидарность с еврейскими центрами и демонстрировали это чувство. Ни один народ не воспринимает с такой остротой, как евреи, где бы они ни находились, — любое движение в духовном нервном средоточии нации. Рассеяние до самых краев света не мешало уже в древности этому замечательному народу принимать участие во всяком национальном начинании, помогать друг другу в счастье и несчастье, вместе нести свою судьбу. Ныне, когда не существует больше непреодолимых расстояний, для еврейского государства не столь существенно, больше или меньше представителей еврейского народа обитает в его пределах. Уже в эпоху существования древнего еврейского государства многие евреи жили за границей. Жидоед Аман мог уже во времена Второго Храма обронить

слова, которые и ныне не устают повторять ненавистники евреев: "Есть один народ, разбросанный и рассеянный между народами". Тем не менее, едва ли сейчас можно указать на какой-нибудь народ, часть которого не жила бы в чужих странах либо в качестве иностранцев, либо в качестве натурализованных граждан, стремящихся посвятить себя различным профессиональным занятиям в обществе. — До тех пор, пока нет еврейского государства, принятого в семью цивилизованных народов и признанного европейскими державами, евреи обязательно должны стремиться получить равноправие и натурализоваться, воспользоваться так называемой "эмансипацией" в тех странах, где они живут столетиями, хотя они отнюдь не оставляют надежды на восстановление еврейского государства. Народам, которые больше не пребывают под опекой своих средневековых христианских воителей, не может прийти на ум отказать евреям в правах на том основании, что те остаются верными своему национальному культу, и лишить их уважения, которое безусловно заслуживает их беспримерная верность.

Примечание X

Газета "Ха-маггид", выходящая на древнееврейском языке в Лике (Восточная Пруссия) помещает в своем выпуске от 26 марта сообщение о встрече, состоявшейся в Мельбурне (Австралия) в декабре 1861 г. в присутствии христианских и еврейских нотаблей при большом стечении публики. Президент Лайонс открыл собрание и объявил, что его целью является оказание содействия в деле приобретения евреями земли на горе Сион, где должны быть построены дома для еврейских паломников, что может явиться первым шагом на пути к поселению евреев в стране своих предков. После Лайонса на трибуну поднялся еврейский ученый, речь которого переводилась с

древнееврейского на английский язык. Он говорил на ту же тему; его патриотическое выступление было встречено с огромным энтузиазмом и сопровождалось бурными овациями. Затем христианский священник обратился к публике с призывом возродить еврейское государство. "Какой державе, — воскликнул он, — должна достаться в конце концов Святая Земля как наследственный удел? Турции? Она уже в предсмертных судорогах и дни ее сочтены. — Франции? — Россия и Англия воспрепятствуют этому, так же, как Россия и Франция воспрепятствуют английскому господству, а Англия и Франция не допустят господства русских. Никто не должен унаследовать ее, кроме евреев, которые таким образом вступят в свои законные права на землю, обретенную их предками с Божьей помощью". — Наконец, **Декан Мельбурнский** заявил, что в продолжение многих лет он не уставал повторять своим соотечественникам: придет время, и евреи вернут себе снова страну, которая им обещана и должна им принадлежать. Поэтому он счастлив, что дожил до дня, когда сделан первый шаг на пути осуществления его мечты. И каким бы незначительным ни было это первое начинание, он уверен, что в конце концов оно поведет к достижению великой цели. Подобно первому и второму освобождению евреев из изгнания, третье также будет осуществлено естественным путем, с помощью Бога, и священный долг христиан помочь евреям в их деле.

Затем было решено образовать в Австралии комитет по сбору средств для покупки земли в Святой Стране.

Прежде чем это известие дошло до Восточной Пруссии, в свет вышла третья часть труда рабби Гирша Калишера "אמונה ישרה" ("Истинная вера"). Три еврейских авторитета в предисловии к этому изданию солидаризируются с воззрениями рабби Калишера; примечательно, что они совпадают с мнением **Декана Мельбурнского** о том, что возвращение из третьего изгнания должно произойти естественным

путем под покровительством европейских держав и с помощью наших влиятельных соплеменников, которые недаром накопили большие богатства и занимают высокие посты в государстве. "Самое главное сегодня, — замечает автор, — основать компанию для еврейской колонизации Палестины, приобрести землю и подготовить ее для заселения". Для благочестивого еврея нет лучшего приложения сил, — добавляет автор, — чем трудом своим сделать Святую Землю приятной для обитания.

В заключение автор пишет:

"Если еще и не настало время милосердия, когда должно помыслить о средствах, необходимых для воздвижения алтаря Господнего на горе Сион, — если мы и далеки еще от надежды на получение фирмана от турецкого султана, — то в наше время, сегодня, может быть полезным совет высокочтимых мужей Израиля — с Божьей помощью они обрели политическое влияние и заняли ведущее положение в финансовом мире, — таких как **Монтефиоре, Альберт Кон, Ротшильд, Фульд** и других истинных еврейских князей, каких больше не было после падения еврейского царства. Боже храни их! Да создадут они общество для колонизации Святой Страны, "Хеврат Эрец ношавет"! Да объединятся с ними почтенные и состоятельные израильтяне со всех краев земли, евреи, которые любят Священную Страну. Деятельность их может заключаться в следующем:

а) Собирать денежные пожертвования с целью приобретения земельных участков, на которых расположены безлюдные города, поля и виноградники в Священной Стране, дабы обратить пустыню в Ливан, развалины в плодоносные поля и дабы необитаемая, покинутая страна расцвела снова, словно лилия, и приносила бы плоды, как поле, благословенное Господом. Горы, долины, безлюдные города попадут таким образом постепенно во владение общества: оно сможет выпустить акции, которые бесспорно, хотя и не сразу, принесут прибыль.

б) Евреи из России, Польши и Германии должны получать помощь от общества, под руководством опытных лиц обучаться практическому земледелию. Они должны получить во владение сначала безвозмездно небольшие участки земли, пока сами не окажутся в силах, сделав землю плодородной с помощью общественного капитала, эксплуатировать ее в качестве арендаторов.

в) Наши соплеменники, знакомые с военной службой, должны выполнять полицейские функции, дабы отражать атаки разбойничьих бедуинских банд, утвердить закон и навести порядок в стране.

г) Основать сельскохозяйственную школу, чтобы готовить из еврейских подростков и юношей будущих палестинских земледельцев. Эта школа, в которой могли бы преподаваться также другие науки и искусства, не противоречащие возвышенной цели нашей религии, может быть основана в Палестине или же за границей, во всяком случае, в такой стране, которая (как, например, Франция) производит вино и оливковое масло, — чтобы воспитанники получали подготовку, необходимую для выращивания специальных культур, произрастающих в Палестине.

Господь поможет нам тогда Своей милостью, и мы, каким бы незначительным ни казалось наше начинание, стали бы приобретать все больше и больше земли в Священной Стране, как предсказал нам пророк. Но это начинание должно исходить от нас, в соответствии с приведенными нами доказательствами из Талмуда и Мидраша.

СТАТЪИ И ПИСЬМА

Рецензия на книги Эрнеста Ренана "Жизнь Иисуса" — "Апостолы".

Человечество выявляет в ходе своего исторического развития два духовных направления, которые дополняют друг друга, но не сливаются воедино. Все выдающиеся личности, как все нации и расы, которые играют какую-либо роль в истории, примыкают к этим двум различным, хотя и не диаметрально противоположным направлениям.

Тому, кто хочет увидеть идеал художественной красоты, следует искать его в Греции. Пластическое искусство достигло там своей вершины. Наука, в частности философия, культивировалась в Греции не менее интенсивно. Но в области наук древние народы по сравнению с современными были неопытными детьми. Сегодня различие в интеллектуальных способностях и характерах народов не проявляется с такой резкостью, как в древности. Между тем, даже современные народы отличаются друг от друга своеобразием своих устремлений, и можно сказать, что современные немцы занимаются преимущественно если не науками вообще, имеющими повсюду многочисленных и верных последователей, то по крайней мере философией, которая служит обобщающим началом и связующим звеном для всех наук.

Наряду с искусствами и науками имеется еще одно течение, также историческое, в большей мере практическое, нежели теоретическое, представленное в древности и в новое время избранными для того народами, его любимыми приверженцами. Греция была неповторимой страной для возвышеннейшего культивирования искусств и наук, Иудея — для нравственной и религиозной поэзии. Народ Божий был истинно избранным народом, чья священная письменность, Библия, осталась никем не превзойденной и никогда не будет

превзойдена. Чувство, которое вызывала эта литература, следует назвать чувством социальной справедливости. По этой же причине Моисеев Закон был самым справедливым, самым гуманным, самым демократическим из всех законов древности. Правда, народ Бога не осуществил идеала справедливости, возведенного им миру устами пророков. Но если социальная справедливость и не была осуществлена, то все же в древней Иудее ей проложили путь, как в отечестве Аристотеля проложили путь науке. Для осуществления первого и второго требовалось время, медленный, но неуклонный прогресс истории. Даже сегодня социальная справедливость, так же как и наука, не сказала еще своего последнего слова. Мы знаем современную нацию, которая в своей заботе преимущественно о науке идет путем Греции, но знаем и такую, которая предпочитает посвящать себя осуществлению социальной справедливости. После того как Франция освободилась от старого режима, она обретает в своем гении средства для достижения идеала, первые попытки осуществить который были сделаны в древности. Точно так же и Германия, после того, как она конституирует себя в современную нацию, вернувшись к своим великим научным трудам, решит свою задачу и увенчает коронной сооруже- нием, фундамент которого заложен в еврейской древности.

Эти различные ярко выраженные наклонности, с одной стороны, к прекрасному и истинному, с другой, к справедливому и святому, наклонности, в древности противостоявшие друг другу и почти несовместимые, больше не единоборствуют, потому что сегодня всякий человек видит в них лишь различные пути, ведущие к одной и той же цели.

Ренан рассматривает историю в этом двойном разрезе, но так как его симпатии явно принадлежат одной стороне — Греции и Германии, он несправедлив к противной стороне, которую не может оценить по достоинству. Роль, которую играла древняя Иудея, ему не по вкусу, и, сильно преувеличивая беспристрастность

науки, он преисполнен враждебной пристрастности к народам и людям, боровшимся и продолжающим бороться за триумф социальной справедливости. Если для того, кто может оценить еврейскую историю, христианство было лишь естественным и закономерным следствием развития духа иудаизма, то для Ренана это побочный продукт истории, грандиозные события которой он низводит до незначительных происшествий в среде невежественного народа, исполненного предвзвешенных. Некритично воспринимая литературу, возникшую по крайней мере через сто лет после смерти Иисуса и продиктованную ненавистью, автор совершенно игнорирует среду, которая породила явление, и связывает истоки христианства исключительно с личностью самого Иисуса.

Ренану, которому претит всякая полемика, изменяет чувство меры, когда он пишет на девяти страницах своего введения к "Апостолам" о чудесах. Если тем не менее он не останавливается на этом "фундаментальном вопросе", то лишь потому, что "независимая наука полагает, что он окончательно решен. Однако имеются другие вопросы, которые с давних пор ожидают своего решения, например, вопросы чисто эссеистического происхождения христианства, а также времени написания и подлинности различных книг Нового Завета". Очевидно, что в этой области даже в глазах Ренана дискуссия представляется не совсем бесполезной или противоречащей достоинству ученого. Эти вопросы будут в дальнейшем рассмотрены в труде, отрывки из которого я намерен привести в этой статье.

Пока же сошлемся на красноречивую страницу "Апостолов", где Ренан, не опасаясь вступить в противоречие со своими прежними оценками, воздает по заслугам духу иудаизма, которому христианство обязано как своим возникновением, так и своим торжеством над языческим миром. Мы сделаем свои оговорки лишь там, где Ренан противопоставляет социальный закон политическому закону, братство — справедливости и в особенности свободе: весьма известное, но про-

тиворечащее современному пониманию социальной справедливости учение; такое понимание справедливости противоречило и древнему еврейскому Закону.

”Величайшая несправедливость, — утверждает Ренан, — противопоставлять христианство иудаизму, ибо все, что содержится в первичном христианстве, родилось из иудаизма... Еврейский Закон носит социальный, а не политический характер; пророки, авторы Апокалипсиса развязывают социальные, а не политические революции... Закон, Тора приносит счастье! Это главная мысль всех еврейских мыслителей, таких как Филон и Иосиф, — назначение законов других народов — надзирать за тем, чтобы **справедливость** не встречала помех. Что им за дело до того, будут ли к тому же еще люди **добрыми и счастливыми!** Еврейский Закон подробно занимается всеми деталями нравственного воспитания. Христианство — это лишь дальнейшее развитие той же самой идеи. Христианство может определить себя как великое объединение бедняков, как героическое усилие, направленное на борьбу с эгоизмом, христианство исходит из той идеи, что человек имеет право лишь на самое необходимое, а излишек должен принадлежать всем неимущим. Нетрудно понять, что между этим духом и романским духом должна возникнуть борьба не на жизнь, а на смерть, и что христианство, со своей стороны, восторжествует во всем мире лишь при условии, что радикально изменит свои первоначальные тенденции и программу”.

Если правда, как уверяет Ренан, что языческий мир был преобразован благодаря социальному аспекту христианства, то без всякого преувеличения можно утверждать, что современный мир обязан своим религиозным и нравственным духом, совершенно чуждым древнему языческому миру, ессейской секте, этой исключительно еврейской секте. Все социальные институты первичной церкви фактически были наследием ессейской секты.

(Окончание этой статьи не вышло в свет).

Введение к "Религиозной революции в XIX столетии" Франсуа Юэ

Рассматриваемый труд представляет собой подведение итогов восемнадцати веков ликвидации христианства. Французская революция собирается вступить в права наследства.

За границей еще мало известно о великом перевороте, происходящем сегодня во Франции и возвещающем конечную фазу ее революции. После того, как революционное движение 1848 года вылилось в неудачную гражданскую войну, следствием чего явилось подавление республики, полагали, что с французской революцией вообще покончено; и хотя Франция уже в наше столетие неоднократно доказывала, что никакая реакция не в состоянии умертвить ее революции, и в ходе последних лет в этой стране снова пробудился дух свободы, тем не менее за граница, слабо знакомая с процессами, происходящими внутри французского народа, продолжает заблуждаться по сей день, не веря в его воскрешение. Поэтому представляется целесообразным в введении к труду, который дает блестящее свидетельство этой внутренней работы, осветить связь этого труда с историей французской революции.

Так же, как французы подошли к своей политико-социальной реформе не в результате осуществления религиозной реформы, так же критическая и спекулятивная философия не явилась для них переходом к современному мировоззрению. Подобно автору рецензируемого сочинения они как бы одним прыжком перескочили через пропасть, отделявшую старую метафизику от современного труда и исследования. В действительности, однако, здесь не было прыжка. Старая метафизика была попыткой, неизменно кончавшейся неудачей, объяснить сверхъестественное, руководствуясь законами разума. Дуализм духа и материи, Бога и мира был предпосылкой метафизики. Но, как верно замечает автор, нерушимый закон всей нашей жизни и потому первая потребность нашего духа — единст-

во. Поэтому метафизика мучительно стремится устранить противоречие, служащее ее собственной предпосылкой: попытка, неизбежно обреченная на провал. Современная наука, не предполагающая дуализма, не нуждается больше в том, чтобы предпринимать метафизические попытки примирения противоположностей. Спекулятивная философия торжественно установила факт распада старой метафизики. То, что спекулятивная философия совершила в теории, французы осуществляют посредством революционного действия.

Наш автор, француз с головы до пят, рассматривает **религиозную** революцию как последнюю фазу **социальной** революции, начавшейся в 1789 году, подготовленной христианством и возведенной уже еврейскими пророками в качестве мессианской эры. Это понимание, требующее более детального объяснения, лежит в основе всего его труда. Он не стоит на почве "чистой идеи", но реальной жизни. Усвоив результаты трудов идеалистических немецких критиков, он не останавливается на этом. Перед ним открываются новые горизонты. Действительная история христианства, начиная с ее еврейских первоисточков и кончая ее завершением посредством современной социальной революции, предстает перед нами в его исследовании с такой ясностью и остротой, каких мы не найдем у самых радикальных критиков, выступавших до него. Мы обращаем особое внимание на главы, в которых рассматривается вопрос об иудео-христианах и Павле, равно как о характере Евангелия от Иоанна и влиянии, оказанном им на развитие христианства. Ранее критики уже установили, что с исторической точки зрения четвертое Евангелие недостоверно; Юз же первый доказал, что это **антиистория**, то есть что в нем сознательно противопоставляется действительной истории другая история. Его критику отличает от предыдущей ее насквозь мирской, революционный характер. Нечто подобное мы встречали уже у Ренана, который, однако, не решался признаться в своих революционных устремлениях. Ренан воображал, что, подобно своим немецким

коллегам, он стоит на почве чистой идеи, и категорически возражал даже в своих "Апостолах" против намерения приписать ему стремление вызвать революционное движение, хотя в действительности он вызвал его. — Наш автор не только **революционер**, он **стремится** быть таковым; загадка сфинкса Ренана находит свою разгадку в "Религиозной революции". — Впрочем, как ясно вытекает из письма, адресованного Ренаном автору "Религиозной революции", и Ренан уже исцелился от своих идеалистических иллюзий.

Для немецкой философии история была развитием логической идеи. Французы называют историю *logique en action*. Едва заметный нюанс отличает одно выражение от другого, и все же этот нюанс налагает отпечаток на внешнюю форму германского и французского духа; немец выводит из исторического действия логическую идею; француз претворяет логическую идею в историческое действие.

Нет ничего легче, чем вывести сегодня из истории французской революции логическую идею, так как эта история представляет из себя явную и очевидную *logique en action*. Чем дальше эта история будет развиваться, тем в большей степени совпадут идея и действие, потому что познание, которое до последнего времени было привилегией отдельных философов, своего рода духовной аристократии, испытывавшей нередко не меньший страх перед революцией, чем родовая или денежная аристократия, станет доступным всему народу. — Абсолютно независимыми друг от друга идея и действие, правда, никогда не были; но их единство, их связь осуществлялись как бы вне поля зрения людей. — Только в наше время стало очевидным, что они постоянно идут рука об руку.

Генрих Гейне провел остроумную параллель между теоретическим развитием религии и философии в Германии и практической и социально-политической жизнью во Франции. Он называет протестантского Бога конституционным монархом, имеющим в Библии свою конституцию, свою хартию. Уже Спиноза высказал

мысль, что порядок и сочетание идей не отличаются от порядка и сочетания реальных вещей. Подтверждение этой мысли можно найти в ходе всего исторического развития социальной жизни. Что касается нашей собственной критической переходной эпохи, то не только протестантский, как полагал Гейне, но и рационалистический и спекулятивный Бог является конституционным монархом, с той лишь разницей, что здесь конституция больше не навязывается, но свободно создается из человеческого духа, вследствие чего каждый человек обретает своего собственного Бога и свою собственную религиозную конституцию. Наш автор приводит по этому поводу некоторые характерные изречения Вольтера, теизм которого в высшей степени подозрителен и во время революции превратился у его учеников в атеизм. "Не Бог, — говорил Вольтер, — создал человека, но человек Бога; Бога следовало бы выдумать, если бы народ не позаимствовал его из старых традиций".

В "религиозной революции" не существует более конституционной фикции. Здесь не выдумывают высшее существо, которое обычно не воспринимается как чисто мысленная, но как действенная **социальная и естественная** сущность человека. Эта *вездесущность* есть общая связь, соединяющая единичное с целым, индивидуума с обществом, настоящее с прошлым и будущим. Историческое развитие **социальной** организации есть ключ к развитию религиозных форм и преобразований. Не будь у человека истории, появись он в мире со всеми своими качествами как вид животного в завершенном виде, тогда для него действительность и идея, жизнь и сознание жизни тотчас же совпали бы и оставались бы в качестве **инстинкта** навеки неразрывно связанными. Но на протяжении исторического развития социальной жизни эта жизнь отражается в сознании исторических народов как **двойственная** жизнь: то как их настоящее, реальное бытие, то как их будущая, идеальная сущность, к которой они чувствуют влечение и о которой у них поэтому имеется смут-

ное предчувствие. — Лишь в зрелом возрасте социальной жизни могут совпасть реальное и идеальное бытие, как в действительности, так и в сознании исторических народов.

Поэтому, если **сущность** исторической религии не что иное как предчувствие будущей высшей социальной жизни, которое существует у исторических народов, жизни, к которой их влечет инстинкт, то различные **формы** этой религии не что иное, как идеализированные социальные формы самой народной жизни в различные органические эпохи ее истории. Так как критические эпохи образуют лишь переход от одной органической эпохи к другой, то имеются лишь три главные формы исторической религии:

1. **Моисеева теократия**, в которой, хотя и нашло выражение в самой резкой форме противоречие между тем, чем является общественный человек и тем, чем он должен **стать**, но в которой это противоречие еще не стало внутренним, духовным. Не в **сознании** еврейского народа, но в его **национальной жизни** распадаются оба начала реального и идеального бытия. Священные песнопевцы, пророки, законодатели, священнослужители — это представители и предвестники идеала грядущей **мессианской** эпохи, в то время, как народ в своей массе стоит еще намного ниже их и не достигает понимания этого идеала. Все те формы веры, которые дуализм настоящего и будущего отражает в сознании индивидуума как противоречие между посюсторонним и потусторонним, плотью и душой, светским и духовным, материальным и идеальным, чужды классическому иудаизму, они имеют современное происхождение и не существуют в древнееврейской религии. В ней бесмертен не индивидуум, а нация; Бог пророков — это исторический Бог будущей посюсторонности. Сущий, как свидетельствует уже этимология слова, реальное существо, которое явится в мессианскую эпоху, естественно, облаченное в фантастические формы, в каких древние невежественные народы представляли себе мир и миропорядок. — Революция, предвосхищающая

будущее, уже в нашем мире устранил противоречие между священниками и мирянами, пророками и народом, и она глаголет устами бунтовщика Корея: "Полно вам; все общество, все святы, и среди них Господь! Почему же вы¹ ставите себя выше народа Господня?" Но эти "святые первых дней" погибают, народ еще находится, как указывалось ранее, в полном подчинении у пророков и священников, и форма пророческой исторической религии остается идеализированной социальной формой тогдашней народной жизни.

Эта первая форма исторической религии, **пророческая** форма, проистекала из самой сущности общественного человека, — настолько, что ее первые священные писания могут почитаться и по сей день историческими народами как божественные пророчества, в какое бы противоречие ни вступала **форма** Бога пророков с нашей социальной жизнью и с современным научным мировоззрением. В них действительно содержатся первые обетования, которые сделал самому себе социальный гений человека. Но так как в древности историческая религия была призванием одного народа, который представлял только одну из двух великих исторических человеческих рас, — семитскую, — то она осталась односторонней и относилась к тому **культу природы**, который в период своего высшего расцвета, у греков, представлял столь же существенную сторону исторического развития человека, как **исторический культ** у древних иудеев. Без развития прекрасной свободной **индивидуальности** посредством искусства и науки, развитие **социальной** жизни оставалось бы неизменно лишь благочестивым пожеланием. Эта односторонность делает также понятным тот факт, что еврейская историческая религия не могла превратиться во всеобщую религию исторических народов даже тогда, когда она сбросила свою древнюю классическую пророческую форму, поскольку дуализм тогдашней дурной и будущей лучшей жизни уже перешел в созна-

¹ т. е. пророки и священники.

ние всего еврейского народа. У евреев мессианская вера вошла в народное сознание уже после вавилонского пленения, в результате чего исчезло пророчество, и сам священник должен был уступить свое первенство законоучителю. Да, первичное христианство было именно революционным предвосхищением мессианской эпохи, для которой народ ныне созрел в большей мере, чем во времена Корея, но которое в своей специфической еврейской форме не могло представлять угрозы для древнего мира. Лишь после того, как евреи вместе с остальными древними народами нашли свою материальную могилу в римской мировой империи, еврейская историческая религия стала мировой религией.

2. Ощущение противоположности идеала будущего убожеству настоящего отныне западает в сознание исторических народов. Это обращение дуализма к **внутренней жизни** и представляет собой **христианскую форму религии**. — Мы говорим здесь не об основоположнике христианства, но о самой этой религии, как она складывалась в ходе истории у народов, принявших ее. Основоположник христианства и его непосредственные ученики были простыми, революционно настроенными евреями. Но уже в период возникновения синоптических евангелий христианская религия многое утратила в своем социальном, реалистическом, еврейском характере. Павел и четвертое евангелие окончательно, как указывает наш автор, преобразовали эту религию в мистицизм, являющийся не чем иным, как обращенным к внутреннему миру человеческим дуализмом, и вопреки всевозможным видоизменениям остающийся с той поры сутью христианства и в основе своей религией всех современных народов и людей по сей день, когда начинается новая великая религиозная революция.

Сущность христианства прежде всего видоизменяется в результате того, что в истории появились новые варварские народы, относившиеся к отцам церкви так же, как в эпоху древнееврейской теократии народ от-

носился к своим пророкам и священникам. Католическая теократия, возникшая на этой основе, всегда по этой причине сохраняла нечто от древнееврейского реализма и по праву учредила свою церковь, основываясь на учении враждебного Павлу еврейско-христианского апостола Петра. Более реалистические южные народы оставались до наших дней в лоне этой церкви, тогда как северные племена, отличавшиеся большей умозрительностью и идеализмом, давно отпали от нее.

Католицизм, который провозгласил своим принципом теократию, должен был иметь также своего рода культ жертвоприношения; ибо как гласит лаконичное изречение нашего автора, нет теократии без жреца, нет жрецов без жертвоприношения. Теократия, однако, в результате зарождения при дуализме богатой внутренней жизни должна была изменить свой характер: католическая теократия царит лишь с помощью своих **верных**, она сохраняет еще свое влияние на мирские дела верующих лишь благодаря своему влиянию на их **души**. Ее культ жертвоприношения также носит чисто символический, мистический характер. Вопреки всему этому, католическая теократия со своим дароприношением и со своим господством над миром и над совестью никогда не существовала без оппозиции, без протеста, исходящего от христианских народов. С Реформацией восторжествовала оппозиция, восторжествовало протестантство. С тех пор сущностью религиозной реформы всех не только христианских спиритуалистов, но и, по их собственному суждению, **враждебных христианству** явилось придание дуализму, существующему между реальной и идеальной жизнью, внутренне-го характера.

3. С прекращением социального антагонизма прекращается и религиозный дуализм. Тесное единение, побуждающее людей и народы к братанию, уже лежит не в будущей, потусторонней жизни, но всегда в настоящем и в действительности. Спиритуализм и материализм, идеализм и реализм совпадают. Религия растворяется в социальной жизни.

Спиноза — глашатай этой третьей религиозной реформы; но лишь последняя фаза истории революции, назревающей сегодня во Франции, служит ее практическим началом. Пока социальная революция не скажет своего последнего слова, дуалистические формы религии будут продолжать существовать. Каково последнее слово той революции, что уже в 1789 году провозгласила три великих принципа **свободы, равенства и братства** в качестве основных принципов современной социальной жизни?

Сегодня уже не требуется большой проницательности, чтобы увидеть: **первая** французская революция реализовала только **первый** принцип программы, принцип **свободы**, во всяком случае она раньше всех приступила к его реализации и по мере своих сил стремилась осуществить его. Это ни в коем случае не означает, что таково было ее намерение и что она сознательно стремилась ограничить себя претворением в жизнь только этого принципа. Напротив, французы хотели уже во время своей первой революции осуществить **всю** революционную программу. Люди неправильно обозначили революцию 1789 года как чисто "политическую", а революцию 1848 года как "социальную". Уже первая революция начертала на своем знамени все принципы переустройства общества. И если, несмотря на это, переустройство началось **со свободы**, то в этом была логическая и историческая необходимость. Свобода, как в смысле отрицания старых форм, так и в смысле утверждения новых есть первое условие равенства и братства. Отрицание — это устранение всех форм и расчистка всех развалин отмерших институций, сдерживающих подъем новой социальной жизни; стесняющие преграды должны были сначала сгореть в пламени юношеской идеи свободы, прежде чем эта идея могла принять материальную форму. — Позитивная свобода — вечно юный принцип всякого развития органической жизни, не сдерживаемой более внешними преградами, создающей из своей собственной сущности новые формы и устанавливающей для себя пре-

дела, лишь исходя из собственных возможностей. — Если таким образом по чисто логическим причинам революция должна была в первую очередь бороться за свободу, то другие, еще не осознанные ею исторические причины помешали ей осуществить, как она того желала, сразу всю программу. Отсутствовали материальные предпосылки для такого осуществления. Человеческий глаз видит цель задолго до того, как нога ступит в пределы, где существуют средства для достижения этой цели. Предположение, что возможно незамедлительно всерьез приняться за полную реализацию свободы, есть оптический обман. Вначале свобода могла стать истинной только для тех, кто располагал уже определенной социальной независимостью или благодаря уже приобретенным материальным и духовным средствам в состоянии был обеспечить себе независимое социальное положение. Для них революция была не только политической, но и социальной; да, для них вся революционная программа была осуществимой. Ни свободному осуществлению свободы, ни равноправию и объединению их сил ничто больше не препятствовало. Для остальных же принципы революционной программы оставались мертвой буквой. Это зло, однако, лишь тогда стало ощущаться всеми, когда привилегированные отгородились от народа в господствующий класс. Это явилось следствием июльской революции 1830 года, завершившей первую фазу революции. Только после нее весь французский народ начал понимать, что плоды революции стали привилегией одного класса, большого класса капиталистов. Возникло брожение среди обделенных народных масс. Но потребовалось еще восемнадцать лет господства капиталистического класса, чтобы открылись глаза у всех граждан, на которых закон не распространял своего действия.

Февральская революция 1848 года не была, подобно революции 1830 года, завершением первой фазы, она была **началом второй** фазы революции, которую в противоположность фазе **свободы** можно назвать

фазой равенства. Начатая во имя избирательной реформы, она завершилась завоеванием республики.

Вторая республика вновь стремилась осуществить всю революционную программу, притом более сознательно, чем первая. Она была провозглашена с ясно выраженным намерением — сделать плоды революции достоянием **всех** классов, предоставить **всем** равные политические и социальные права. Она заложила основу для **трудовых ассоциаций**, которые с тех пор, вопреки реакции и контрреволюции, невозможно было умертвить и которые начали триумфальное "шествие вокруг света". Так же обстояли дела и с другим достижением февральской революции: с избирательной реформой на основе полного равноправия, со **всеобщим избирательным правом**. Она также пережила все бури и была призвана, подобно всем не подлежащим отмене достижениям французской революции, претворить в жизнь пророчество Мирабо. — Но если февральская революция и не была столь бесплодной, как полагают поверхностные умы, то и тут взор проникал дальше, чем могла дотянуться рука. Всеобщее избирательное право оказало вначале губительное действие на свободу. Оно выдвинуло на первый план консервативное парламентское большинство и очень скоро поставило военную диктатуру — мы имеем в виду не кавеньяковскую, которая была лишь инструментом того парламентского большинства, но непосредственно возникшую вновь из всеобщего избирательного права наполеоновскую — на вершину Второй республики, которая, как и первая, была задушена своими собственными сыновьями.

Слишком поторопились, основываясь на двух эпизодах с империями в истории французской революции, сделать вывод о том, что французский народ меньше созрел для свободы, чем другие народы, которые, хотя принцип равенства в меньшей мере вошел в их нравы и институты, в плоть и кровь, тем не менее лучше умеют оберегать свою однажды обретенную свободу и пользоваться ею, чем французы. — Антитеза

свободы и равенства, как всякая антитеза, имеет значение исключительно в диалектике, где обе стороны противоположности пребывают всегда в неразрывной взаимосвязи. Это относится и к свободе и равенству: одна не существует без другого. Но диалектика *logique en action* — **гражданская война**. Первый Наполеон восстав из европейской, второй из французской гражданской войны. Вторая империя, как и Первая, является существенным составным, однако преходящим элементом самой истории революции.

Французский народ, желавший завершить свою революцию в ускоренном темпе, "одним махом" восставил против себя во время своей первой республики всю реакционную Европу, во время второй — всю консервативную часть собственной страны. Первый Наполеон должен был перекинуть мост между революционной Францией и монархической Европой; второй, обязанный своим избранием лишь блеску своего имени, — заполнить пропасть, все еще разделявшую различные классы французского народа. Это разделение послужило причиной гражданской войны, разразившейся во время второй революции. Требовался продолжительный период безвластия между двумя империями, чтобы сгладились противоречия, которые могли привести Францию и ее революцию к гибели, — в одном случае противоречия между Францией и Европой, в другом — между городским и сельским населением самой Франции. Правда, оба Наполеона тешили себя иллюзией, что их назначение заключается не в том, чтобы сглаживать противоречия, но в том, чтобы завершить саму революцию. В своем династическом ослеплении они не знали, не осмеливались узнать, что, **засыпая** пропасть, они найдут в ней свою **могилу**. И действительно, война, вознесшая на трон первого Наполеона, его и низвергла, после того как Европа и Франция, устав от кровопролития, примиренные и изнеможенные, кинулись друг другу в объятия. Второй Наполеон сегодня, когда различные классы французского народа снова примирились и совместно за-

явили претензию на конфискованную свободу, также идет навстречу своему Ватерлоо: ему предстоит брак со своей знатью.

Что останется после свержения Второй империи от тех клеветнических измышлений по адресу французов, которые были пущены в обращение отчасти из-за отрицательной оценки их революции и их народного характера, отчасти из-за некоего ослепления, причины которого мы не намереваемся подвергать здесь более обстоятельному анализу?!

Этому народу ставили в вину "излишнюю торопливость" его революции и возникшие как следствие этой революции гражданские войны и реакционные движения. Легко избежать излишней спешки, продвигаясь вперед черепашным шагом. "Кто ищет, — говорит Гете, — вынужден блуждать". Менее революционные народы блуждают меньше, чем французский народ, но именно потому, что они менее активны в своей социально-политической жизни, чем этот пламенный и выдающийся в своей социальной активности народ. Без Второй республики не возникла бы и Вторая империя; но тогда Франция, а с ней и вся Европа пребывали бы сегодня еще в **первой** религиозной фазе.

Уже второй Наполеон должен был понять на своем опыте, какой просчет он допустил, когда льстил себе мыслью о "цезаризме" и приятной теорией о том, что "романские" расы созданы больше для "равенства", чем для "свободы". Этот опыт, полученный им вчера в Мексике, сегодня в Италии, завтра будет преподнесен ему в последний раз в самой Франции. Чувство свободы, пробудившееся у французов с первобытной силой, яростно восстает против той теории о собачьих породах, которую так охотно распространяли все враги французской революции. Для нынешнего момента истории французской революции характерно именно это **опровержение**, брошенное в лицо "цезаризму романских рас". Это момент особенно острый, и он может стать кровавым, потому что одновременно

с воскрешением к жизни французской свободы, одновременно с падением **романского** цезаризма зарождается цезаризм **германский**. Будем надеяться, однако, что германский народ своевременно поймет, что его ведут на дурацком поводке расового высокомерия, ложной дорогой и навязывают ему контрреволюционную ненависть к французам, которая грозит большими бедами будущему европейской демократии и может лишь навлечь несчастья на него.

Французская революция сегодня столь же жива, как и в день своего рождения. Современная демократия пустила во французском народе более глубокие корни, чем в каком бы то ни было другом народе мира. Этот народ должен будет снова подать первый сигнал к третьей и последней фазе революции, ибо ни один другой народ не подготовлен к ней так основательно, как он. Не только равенство и чувство братской солидарности всех людей и народов, но также человеческое достоинство, этот источник всякой свободы, развито во Франции гораздо больше, чем в какой-либо другой стране, не исключая даже Северную Америку и Англию. Лишь поверхность французского общества затронута коррупцией, ее основа вопреки капиталистическому господству и империи осталась совершенно здоровой. Сегодня, когда это общество вновь собирается сбросить свою политическую шкуру, ее здоровое зерно вновь обнаруживается во всех проявлениях общественной жизни. — Народы, обладающие лишь микроскопической долей энергии французов, не имеют никакого права сетовать на "долготерпение" французского народа, — будто тот существует только для того, чтобы показывать другим народам, как устраивать революцию! Франция болезненнее ощущает и лучше знает, чего ей недостает, чем те страны, которые демонстрируют свое презрение к ней; за свою бурную историю она накопила слишком богатый опыт, чтобы еще раз неоправданно торопиться с революцией. Сегодня она сознательно готовится к своей последней революцион-

ной фазе, и каким бы близким или далеким ни было начало этой фазы, те, кто далеки от ее внутренней работы, будут в один прекрасный день так же застигнуты врасплох наступлением этой революции, как это было всегда, как всегда их ошеломяло известие о тех великих французских катастрофах, понимание которых оказывалось для них недоступным.

Вкладом в эту внутреннюю работу является рассматриваемое исследование, которое, как можно увидеть с первого взгляда, написано не только для ученого-специалиста, философа или теолога, но прежде всего для народа. Стиль этой книги прост, ясен и сжат. Здесь не обнаружишь и следа ходульности или желания блеснуть эрудицией, никакой педантичной перегруженности и никакой диалектики, копающейся в мелочах.

Формулируя свои выводы, — результаты исследовательской работы — автор не обрушивает на голову читателя весь сложный и громоздкий вспомогательный материал.

Еще в большей степени, чем стиль и метода, популярно содержание этого сочинения. Понимание автором религиозной проблемы, равно как ранее изложенной революционной проблемы, представляет огромный практический интерес и, кроме того, объясняет, почему французский народ питает сегодня интерес к вопросам, которые недавно, казалось, совершенно не занимали его. В нынешней Франции интерес народа к революционному вопросу объясняется тем, что этот вопрос приобрел **политический** характер в результате борьбы между Италией и Римом, борьбы, в которой французское правительство приняло такое печальное участие; интерес к религиозному вопросу вызван прежде всего его **социальным** содержанием, которое наш автор, социалист с молодых ногтей, столь резко и столь обоснованно выделяет. Эта революционная критика возвещает исчезновение всех дуалистических и спиритуалистических форм религии; ибо какие бы доводы против этих форм ни желали при-

вести с точки зрения философии, они находят свое оправдание в реально существующей нищете народа, оправдание, которое можно устранить не с помощью философии, но лишь посредством революции. Только в социал-демократии "свобода духа" становится истинной. — И именно это и отличает "религиозную революцию" нашего автора от прежней, якобы радикальной критики, что вообще отличает французский радикализм от немецкого радикализма. Духовная свобода останется привилегией отдельных философов, пока социальное законодательство не освободит народ от невежества и нищеты, пока посредством научного и вместе с тем профессионального образования, которое должно распространяться на всех без исключения, народ не обретет возможности освободиться от материальной и духовной нужды. И только после этого он может всерьез приняться за свободную проверку исторически унаследованных религий, и, выражаясь словами знаменитого немецкого критика, растворить теологию в антропологии.

Особый интерес сообщают этому труду обстоятельства прошлой жизни самого автора. Он принадлежал до недавнего времени к так называемому неокатолическому направлению, которое подобно своему предшественнику — старинному галликанству¹ — мечтало о примирении христианского и современного общества на основе метафизики. Юэ пришел к своей нынешней, и в религиозном отношении радикальной, точке зрения не благодаря чисто философскому превосходству над дуализмом, но в силу логики революции, которая устраняет² социальный антагонизм и вместе с ним

¹ Религиозно-политическое направление во Франции, стремившееся к созданию независимой от Ватикана национальной церкви. Ликвидировано решением Ватиканского собора в 1870 году.

² Юэ был не единственным выдающимся неокатоликом, который в эпоху Второй империи решительно порвал с христианской религией. Совсем недавно (можно было бы вспомнить

религиозный дуализм. Его собственный путь развития служит верным отражением развития французского народа, из среды которого он вышел, в движении которого он принимал с 1848 года деятельное участие¹. Его мировоззрение есть духовное достижение не отдельного индивидуума, но французской истории.

В редакцию журнала "Бен-Ханания"

Оттиск²

(Выпуск 22 августа — 5 сентября 1862 г.).

Уважаемый господин редактор³!

Позвольте мне изложить на страницах Вашего почтенного журнала мысли, которые вызывает у меня Ваша обстоятельная и острая критика моих еврей-

много аналогичных событий) бывший аббат Мюнье выступил с официальным заявлением, из которого мы хотим привести здесь лишь один отрывок. После того, как он призвал всех вольнодумцев, независимо от их мировоззрения, к объединению, он воскликнул: "Разве с 1789 года не являемся мы с вами детьми одной и той же матери, которую хотели задушить? Разве все мы не верим в суверенную власть разума и справедливости и в их неизбежное торжество не где-то в другом мире, но на земле, в нашем обществе и совсем скоро?"

¹Юэ был членом учрежденной 10 августа 1848 года Ассоциации трудящихся каменщиков и каменотесов. Ср. "Праздник труда в 1867 году. Речь, произнесенная Франсуа Юэ". — *Прим. ред.*

²"Ben Chananja. Wochenblatt für jüdische Theologie". Szegedin, т. V (1862) : №34 (22 августа), №35 (29 августа), №36 (5 сентября). — *Прим. ред.*

³Т.е. Леопольд Лев. Это письмо является ответом Гесса на рецензию на книгу Гесса "Рим и Иерусалим" ("Rom und Jerusalem") в сборнике "Бен-Ханания" (т. V, 1862, №№ 26, 28—30 за 27 июня, 11, 18, 25 июля). — *Прим. ред.*

ских устремлений. Столь высокую беспристрастность можно встретить только у еврейских ученых, которые ведут свои битвы духа в интересах истины. Эти битвы не бесплодны, в отличие от многих других богословских препирательств. **כל מחלוקת שהיא לשם שמים** ("**סופה להתקיים**").

Итак, моя мессианская вера, по Вашему мнению, исторически менее оправданна, чем фанатичная вера средневековья, которую Вы называете ортодоксальной и с помощью которой низвергали мою. Правда, Вы признаете, что мессианское царство также согласно ортодоксальным принципам может начаться незаметно, как в жизни начинаются все великие дела, все значительные события не только в сфере культуры, но и в сфере природы: целые виды — в растительном и животном царстве, как и в социальном — возникают из незаметного зародыша. Внешнему явлению, величие которого повергает мир в изумление, всегда предшествует скрытая, незримая, внутренняя духовная работа. В этом пункте мои устремления находятся в согласии с ортодоксальными воззрениями духовного предшественника, с всемирно-историческим законом предыдущего развития и с законом природы — законом развития, начиная с незаметного зародыша. — Но в вопросе **полного осуществления** наших мессианских надежд я нахожусь, как Вы полагаете, в противоречии с ортодоксией и мировым законом, которые ставят это исполнение надежд в зависимость от появления некоей выдающейся личности.

Я мог бы удовольствоваться тем, что Вы соглашаетесь с моими взглядами на начало мессианской веры. В выдающихся личностях никогда не было недостатка, если только в каком-либо народе появлялись патриотические идеи и стремление к возрождению. Нации поднимающиеся порождают эти личности: они всегда были не творцами, но продуктами опреде-

¹ Досл. "Всякий спор во имя небес плодотворен" (Поучения Отцов 5:17), т.е. всякий беспристрастный спор плодотворен.

ленного движения, — и история доказала, что среди **евреев** также могут появиться такие личности. Однако Вы в **принципе** противопоставляете мою мессианскую веру вере ортодоксальной и мои еврейские устремления устремлениям истинно еврейским. Последние Вы характеризуете библейскими стихами, гласящими, что все в "руке" Всемогущего, которую невозможно "укоротить". Тем самым Вы переходите на теологическую точку зрения, которой сами придерживаетесь, с тем, чтобы отвергнуть мой исторический взгляд на вещи как якобы философский. Вы строго следуете "слову Божьему", в отличие от "человеческих установлений". Не хотите ли Вы обратить меня в свою веру?

Если бы Вы не были известны как талмудист и исследователь иудаизма, я причислил бы Вас к тем современным еврейским "священнослужителям", которые превосходно переаттестуются в христианских богословов и которых можно пожалеть лишь потому, что они упустили случай сделать карьеру. Для таких священников, которые умеют читать на древнееврейском языке с огласовкой и превращают Библию в предмет идолопоклонства и промысла, я нахожу Ваши аргументы совершенно уместными. Вы, однако, знаете лучше меня, что наши авторитеты, которые создавали, сберегали и развивали иудаизм, не могли предаваться идолопоклонству, создавая творения духа. Не представляю себе, чтобы Вы могли спутать некритическую ортодоксию позднейшего времени, тезисам которой мои убеждения совершенно противоположны, с библейско-талмудическим иудаизмом, с его отнюдь не фантастической мессианской верой, которую я полностью разделяю. — Вы знаете, что величайшие еврейские авторитеты древности и средневековья ожидали, что национальное возрождение осуществится естественным путем. — Уже пророки вавилонского пленения называют Кира "Мессией", хотя он и не происходил из дома Давидова, а Бар-Кохба был провозглашен нашим величайшим законоучителем рабби Акивой Мессией, хотя он и не снизошел с облаков. — Вам так-

же известно, как и когда возникла фантастическая мессианская вера. Когда последние восстания евреев против римского владычества захлебнулись в крови наших героических предков, когда продолжение борьбы против угнетателей грозило еврейскому народу полным уничтожением, тогда наши авторитеты провозгласили — сначала, если я не заблуждаюсь, рабби Иехошуа Бен-Ханания¹, основываясь на популярном в то время библейской стихе, — что освобождение не может быть осуществлено в результате человеческих усилий, но его следует предоставить небесам. Только в самые злосчастные времена нашего изгнания человек искал и обретал в некоей фантастической мессианской вере, для той эпохи совершенно оправданной, утешение и надежду среди безотрадного и безысходного настоящего. Сегодня же, напротив, старый Бен-Ханания едва ли обнаружил бы в моих национальных устремлениях нечто антиеврейское или еретическое и растолковал бы своему современному тезке², что такое еврейская вера в Мессию, что такое еврейский патриотизм.

Об этом патриотизме я сказал, что это реальное чувство, не нуждающееся ни в том, чтобы его демонстрировали, ни в том, чтобы его подавляли. Я пытался не продемонстрировать его, а дать его характеристику, набросав некоторые черты еврейской жизни, долженствовавшие определить его облик. Вы, господин редактор, предпочитаете, напротив, демонстрировать патриотизм. Это Ваше право. Но вместе с тем Вы достаточно беспристрастны, чтобы позволить мне возразить Вам.

Мне кажется, что то, что подтверждается современной жизнью, не нуждается в доказательствах

¹ Бен-Ханания, известный под именем рабби Иехошуа, ученик рабби Бен-Заккая, еврейский ученый, жил в Палестине в I — нач. II вв. н. э. — *Прим. ред.*

² Гесс имеет в виду журнал "Бен-Ханания". — *Прим. ред.*

посредством ученых цитат. Вы, однако, не находите в нынешней еврейской жизни даже искры еврейского патриотизма. Вы ищете, как Вы признаете, некогда пламенную, ныне же, как Вы утверждаете, угасшую любовь к святой стране отцов под кучей пепла ученых цитат, которые доказывают слишком многое и именно потому не доказывают ничего. Но таким было Ваше намерение. Поэтому было бы глупо ставить Вам в вину Вашу методику. Вы ведь хотите не только продемонстрировать еврейский патриотизм. Вы следуете известной диалектической методике, которая анализирует не какое-либо конкретное явление, чтобы синтетически реконструировать его, что помогло бы чрезвычайно развитию науки и познанию жизни, — но разлагает конкретное на его составные части лишь для того, чтобы абстрагироваться от него и подменить его неким "истинным", которое в свою очередь представляет из себя не что иное, как субъективное желание диалектика, рассматривающего не весь объект, а лишь какую-либо его сторону и объявляющего именно ее единственно истинной. Полемизируя с диалектикой такого рода, надо только показать, что отдельная, полученная в результате анализа составная часть, является не целым, следовательно, не истинным, в нашем случае не истинным патриотизмом. Посредством этой операции устраняют то, что неудобно, чтобы удержать как "истинное" только то, с чем надеются справиться легче всего.

Сначала Вы устраняете как не истинный объект патриотизма "горы и доли, нивы и реки отчизны", естественно также ее "плоды", которые показывал мне мой дедушка, затем всю *patria naturae* или *loci*¹, которую Вы с таким трудом выискали в более чем двадцати цитатах в качестве объекта еврейского патриотизма,

¹Отождествление понятия "родины" с естественными или местными условиями. — *Прим. ред.*

чтобы оставить одну лишь patria civitas или juris¹, **институции** отечества, в качестве предмета, достойного любви, в качестве объекта истинного патриотизма. Теперь разделаться и с еврейским патриотизмом сущий пустяк.

"Какие **институции**, — спрашиваете Вы, — подразумевает, однако, господин сочинитель под своим палестинским патриотизмом?" — Меня смущает, по Вашему мнению, лишь древний культ жертвоприношения, возобновление которого предполагает древнееврейский ритуал, я же считаю, что не должна быть изменена ни одна молитва. Итак, двойное противоречие! Я не верю в восстановление культа жертвоприношения в будущем еврейском государстве, однако выступаю за древнееврейский ритуал в наше время и должен поступиться единственным достойным предметом патриотизма, **институциями** моего отечества. Ибо не только от жертвоприношения, но и от других **институций** я должен отказаться, так как "едва ли буду в состоянии оставить хоть небольшую часть их".

Приводя всю эту аргументацию, Вы забываете только об одной малости. Вы сами, господин редактор, уже ранее отказались от **институций** как единственного достойного предмета патриотизма, его основы и поэтому должны в результате изменить весь ход своих рассуждений.

Но именно "институции" и явились для Вас препятствием. — Народы и целые общественные классы не могут, даже если они возвышаются над любым "состоянием эмоциональной возбужденности", любить институции, которые обращаются с ними как с париями. Тем не менее, в них также живет патриотизм, как мы о том ежедневно узнаем. Здесь можно снова обратиться мыслью к patria naturae, к общности языка, истории и происхождения. Вы торопитесь поэтому объяснить, что и здесь все содержание патриотизма составляет любовь

¹Отождествление понятия "родины" с государственными или правовыми установлениями. — *Прим. ред.*

к институтам, но институтам **будущего**. Теперь припомните и то, что я также "предвосхитил" институт **будущего**. Да, они образуют если не все, то основное содержание моего еврейского патриотизма. С тем, что согласно Вашей диалектической методе осталось в качестве "истинного" патриотизма, Вам придется не так легко, как Вы вначале думали. — Но Вы сумеете найти выход из положения.

"Предвосхищающим патриотизмом" обладали простолюдины в Венгрии до 1843 года и 1848 года, немецкие верноподданные в 1813 году, равно как и русские в 1812 году, а также все народы, которые, подобно тому, что совершил в 1789 году французский народ, борются за родину, идущую в ногу с мировым прогрессом. Все же, по Вашему мнению, имеется один народ, единственный народ, размышляя о котором надо отвлечься от предмета "предвосхищающего патриотизма", от будущих институтов. Низкорожденные венгры, германские верноподданные и русские крепостные могут увлекаться идеей будущего. Евреи — нет. — Другие народы, которые смогли усвоить эту идею справедливости и гуманизма, являющуюся душой еврейской исторической религии, лишь в результате длительного исторического развития и лишь частично способны осуществить ее. Евреи — нет. — Для всех европейских народов решение великой социальной проблемы, — задача, над которой они пока безуспешно трудятся со времени первой Французской революции, — подразумевается само собой; Вы думаете, что их "конституции" уже у них в кармане? — Напротив, у евреев, которые уже в древности, насколько допускали неразвитые еще в то время производственные отношения и средства сообщения, формировали народную жизнь "согласно Моисеевым, т.е. социалистическим принципам", решение этой проблемы невозможно, считаете Вы.

Почему же Вы приписываете всем другим народам веру в новое, основанное на гуманизме творчество, в еврейскую надежду на наступление мессианской миро-

вой эпохи, и отказываете в ней самому еврейскому народу?

Может быть, мы лучше пойдем друг друга и станем более терпимыми, если не будем скрывать различий в своих воззрениях. — Для Вас дух иудаизма, его творческий гений, его Бог и законодатель потусторонни. Я же хочу этим сказать, что Ваша философская точка зрения, с которой я не знаком и отличие которой от Вашей теологической точки зрения Вы сами подчеркиваете, супернатуралистична, — я имею в виду только то, что для Вас, как для всех неевреев, творческая сущность иудаизма, по моему разумению неотъемлемая от еврейского патриотизма, превратилась в потустороннюю, потому что из еврейского патриота Вы превратились теперь в венгерского. Иудаизм имеет в Ваших глазах лишь исторический смысл некоего "откровения", пассивно принятого всемирно-историческими народами, и благодаря этой своей сущности, ставшей их достоянием, следовательно, смыслом некоего **вероисповедания**, а не неизменно активного **самооткровения**. — Для меня же дух иудаизма — это дух евреев; еврейский Бог — это Бог наших отцов, наше неотчуждаемое наследие, которое мы не только проживаем, но хотим также употребить на создание новых творений. Вы не хотите меня обратить ни в современную религию, ни в патриотизм типа *ubi bene ibi patria*. Вы можете понять из моего сочинения, что я вижу в современной реформированной религии отражение некоего процесса социального распада, — и по какой причине я считаю ее такой и ожидаю от возрождения народов также возрождения живой религии, превращающей всякий народ в избранный. — Пусть также венгры — я желаю им этого от всего сердца — добьются своего возрождения, и я полагаю столь же похвальным сделать из венгров иудейского, католического и протестантского вероисповеданий **венгерских** венгров, как из венгерских, польских, немецких и прочих евреев — **еврейских** евреев. Мне претит лишь половинчатость современных прогрессистов, занимаю-

шихся реформаторством без какого-либо авторитета и желающих из обломков давно разрушенного здания воздвигнуть строение нового общества. У евреев, как и у всех народов, стремящихся к возрождению, речь идет не о наложении реформистских заплат, но о преобразовании всей социальной жизни.

“Но в чем, — спрашиваете Вы, — будет заключаться это преобразование? Какими принципами будут при этом руководствоваться? Какое устройство будет представляться как идеал? На это автор естественно не может дать ответа”.

Действительно ли от Вашей проницательности ускользнуло то, что моя книга в целом является ответом на этот вопрос? По какой иной причине я обратился к еврейскому народу, как не по той, что пришел к заключению, которое пытался обосновать во всех своих работах, что именно еврейский народ, который первым провозгласил будущие институты, призван первым и осуществить “субботу истории”.

Религия, философия и политика оставляют меня равнодушным, если они не способствуют улучшению положения трудящихся классов с помощью институций, которые кладут конец какому бы то ни было кастовому духу, какому бы то ни было классовому господству. Иудаизм же не знает кастового духа и классового господства. Дух иудаизма с младенчества — социал-демократический. Дух иудаизма, повторяю, это — дух еврейства. Корень его прошлых, современных и будущих творений находится не в небесах, он — в духе и сердце нашего народа. Пока этот народ имел свою территорию, где мог свободно развивать свой дух, он реализовал его в институциях и литературе, которую все человечество считает совершенной. Со времени падения еврейского государства еврейский народ мог свято соблюдать лишь то, что было создано, — посредством обрядов, носящих чисто консервативный характер. Нет никакого противоречия в том, что я, рассматривая дух древних еврейских институций как основу

будущих, желая поэтому, чтобы он был сохранен посредством обрядов, которые могут опираться только на старые институты, тем не менее полагаю, что именно этот дух, если он снова сможет свободно развиваться на земле отцов, обретет силу создавать новые законы в соответствии с потребностями времени и народа. Консервативные обряды имеют ценность только для нас, евреев, — они способствуют сохранению нашего народа ради будущих творений. Эти же творения в качестве свободных произведений духа вновь окажут, как и древние, прямое влияние на все человечество, и я полагаю, что мы должны быть заинтересованы в своих будущих творениях, во всяком случае, в той же степени, в какой любой другой народ, добивающийся возрождения, заинтересован в своих.

Ваши теоретические возражения, не затрагивающие, однако, моего мировоззрения, на котором зиждется мой еврейский патриотизм, были бы таким образом устранены; я должен был бы разъяснить только один практический довод, выдвигаемый Вами против возможности национального возрождения нашего народа. Поэтому буду краток.

Речь идет о языке еврейской нации. Вы признаете, что древнееврейский язык снова культивируется в наше время, хотя расцвет новоеврейской литературы на иврите Вы относите ко времени появления менделсоновской школы. То обстоятельство, что в Западной Европе, от которой, как Вы знаете, я вообще не ожидаю притока поселенцев в новое государство, новые ортодоксы пользуются немецким и французским языками, ничего не меняет в том факте, что в Восточной Европе многочисленные евреи читают газеты и журналы на древнееврейском языке. — Но, возразите Вы, в быту еврейские народные массы пользуются тремя различными языками: еврейско-немецким, ладино и арабским. "И эти элементы, — восклицаете Вы, — смогут объединиться, чтобы говорить на одном общенациональном языке? Автор едва ли ответит на это иначе, чем решительным "нет", тем самым, однако, он

объявляет национальное возрождение Израиля пустым плодом воображения!"

А разве Вы, если бы Вас спросили, могут ли в Венгрии, где господствуют три совершенно различных языка, эти элементы сплотиться, приняв один национальный язык, Вы тоже ответили бы на этот вопрос решительным "нет" и тем самым объявили бы венгерский патриотизм пустым плодом воображения?

Успокойтесь, языковое различие не помешало еще ни прежде, ни ныне организовать ни одному обществу — разве что при воздвижении вавилонской башни. Не помешало ни в романских, ни в арабских, ни в германских странах, ни во Франции, ни в Англии, ни в Бельгии, ни в Швейцарии; не явится оно помехой и в Венгрии или Иудее. — Всякое новое общество переплавляет существующие языки, как это имело место в средние века, в новый язык или культивирует наряду с различными народными языками общий, официальный литературный язык, как это обычно происходит в наше время, или, наконец, наряду с языком страны возникает мировой язык, который при мировых связях, становящихся с каждым днем все более оживленными, очевидно, явится языком будущего. Во всяком случае нам нечего больше опасаться вавилонского смешения языков. Процесс развития духа, как и процесс социальной жизни, перестал быть процессом разделения, превратившись в стремление к единству и универсальности, — не к универсальности нивелирующей, но к универсальности живой и органической, содержащей и свято хранящей в себе индивидуальное и национальное как подлинно творческое.

Письма Искандеру¹

Автору русской рукописи "С другого берега"

1

Без указания места отправления, предположительно февраль 1850 г.

Я был приятно удивлен, увидев у Гервега Ваше сочинение; я не только прочел, но и проштудировал этот труд. Чего бы я не отдал теперь, чтобы оказаться вблизи от Вас. Если бы мне позволило мое положение, я отправился бы к Вам, чтобы с позиции, не признающей, в частности, и для исторического бытия посюсторонности и потусторонности, продолжить беседу, набросанную Вами с таким остроумием "с другого берега".

Оценивая актеров, находящихся в гуще исторической жизни, в центре революционного движения, Вы поднялись на слишком большую высоту. Вы сравниваете себя с римскими философами, жившими в первые столетия христианства. Дорогой друг, Вы слишком далеки от земли. Историческую жизнь, как всякую жизнь, не следует наблюдать ни снизу, ни сверху, ни с какой-либо иной позиции, а только находясь в гуще этой жизни. То, что над жизнью или под ней, является по отношению к ней чем-то внешним. — Средоточие же всей жизни — это ее экономика, ее своеобразный способ добывать средства к существованию. Поэтому для оценки социальной жизни я не знаю иного критерия, кроме социальной экономики. В обществе, как и везде, способ производства является фактором, определяющим весь жизненный уклад в историческом бытии сознательных существ, следовательно, и их образ мыслей. Тот, кто находится в этом центре — трудящиеся — или апостолы этих трудящихся — занимаются его

¹Искандер — псевдоним Александра Герцена. — *Прим. ред.*

изучением — не только философски постигают свой век, но и оказываются вовлеченными в его живой поток. Это религия, если Вам угодно; во всяком случае, это полнота жизни, а, как Вам известно, живой прав. — Поэтому и Иисус более прав, чем римский философ, и Робеспьер более прав, чем немецкий философ, Ваш любимец Клоотс¹.

Мы, апостолы нового Евангелия, должны чувствовать большее родство с апостолами, чем с философами всех времен. Если мы и не верим больше в христианского и робеспьеровского бога, все же наша жизнь и наши устремления носят гораздо более апостольский характер, чем философский. Вы вообще придаете слишком большое значение идеологическому выражению исторического бытия и стремлений. Смысл усилий и борьбы людей, в чьих жилах пульсирует история, не исчерпывается каким-либо теистическим или атеистическим кредо. Прежде апостолы народа не столько вернее понимали потребности своего века, — сколько вернее предчувствовали их, — я имею в виду, вернее, чем философы, которые стояли над потоком времени, т. е. вне этого потока, и довольствовались "каплей солнечного света" и прекрасным "видом", — их сознание было более замутненным не потому, что они находились в гуще жизненной сутолоки, но потому, что сама жизнь еще не отстоялась, не развилась. "Кто ищет, вынужден блуждать", т. е. пока человек находится в процессе развития, он блуждает. Неразвитый организм преимущественно антагонистичен, не отстоялся, противоречив, только развитый преимущественно гармоничен, ясен, целостен. Но история человечества до нашего времени была лишь историей развития общества. Как в жизни природы животное с его антагонистическими

¹ Жан-Батист Клоотс (1755–1794; известен под именем Анахарсис Клоотс) — французский революционер, называл себя "orateur du genre humaine", избран в Конвент в 1792 г., позже несправедливо обвинен Робеспьером в связях с эбертистами и казнен. — *Прим. ред.*

противоречиями предшествовало гармоничному человеку, так и в общественной жизни социальный животный мир предшествует гармоничному обществу. Ныне общество достигло той точки, которой достигла природа, когда она готовилась сотворить человеческий организм. Не удивительно, что мы ныне видим яснее, чем апостолы прежних времен. Современные апостолы могут понимать глубину жизни даже яснее, чем современные философы, и все же совершенно так же, как апостолы всех времен, отличаться от философов.

Ваше пристрастие к Гете напоминает мне о противоположности между "эллинами" и "назареем", о которой сказал Гейне, хотя и превратно понял ее, ибо сам представлял один аспект этого явления, следовательно, не является беспристрастным судьей. Вы знаете, какую бурю навлек на себя Гейне своей книгой о Людвиге Берне. Тупые фанатики политического либерализма почувствовали себя смертельно задетыми и бросились словно раненые вепри на охотника; в то время как дичь безмолвно истекала кровью, охотник с прославленной меткостью снова всадил пулю в более опасную дичь, во львов и гиен, в царей и попов социального животного мира.

С тех пор, как я знаю, чего я хочу, я питаю большее пристрастие к Гете и Гейне, чем к Шиллеру и Берне, но так как я не только знаю, чего хочу, но и хочу того, что знаю, то я больше апостол, чем философ. Вы уже понимаете, почему я противопоставляю не "назареев" "эллинам", но апостолов философам. Последнее противопоставление более широкое, чем первое; оно не допускает никаких кривотолков, ибо одна сторона не представляет в ложном, дурном свете другую. Гейне был бы менее неправ в отношении Берне и предстал бы в более благоприятном свете, если бы он как философ или как "эллин", каковым он хочет быть, изложил свое мнение об истинных и мнимых апостолах нашего века с объективностью, которая подобает ему в качестве последователя Гете. Но

что бы Гейне ни думал о себе, он — не законченный "эллин", в нем сидит "назарей", хоть он это и отрицает.

Объективное познание характеризует философа, будь он при этом поэтом и политиком или чистым мыслителем. Как истинный философ, он никогда не дает затемнить свое объективное познание, ясность и жизнерадостность каким-либо субъективным порывом воли, его олимпийская невозмутимость не нарушается никогда антагонистической страстью и не взвинчивается до фанатизма. До тех пор, однако, пока общество остается антагонистическим, эта одинокая личность может усвоить гармоническую сущность лишь искусственным путем и в частном порядке посредством умозрительного возвышения над "низменной" сущностью, с которой она в действительности связана телом и душой. Всестороннее познание, объективное спокойствие, ясность и жизнерадостность, — такая гармония невозможна в нашем антагонистическом обществе. Гармоничное существо, в действительности, — лишь абстрактное, одностороннее существо. Созерцательная натура немцев, вообще как всех северо-германских народов, соответствует этому абстрактному одностороннему направлению, предполагающему скорее наличие духа, чем темперамента. Сторонники этого направления срывают с древа жизни лишь цветы духа и воображают, что достаточно счесть тычинки в цветке, чтобы проследить за процессом зарождения плода. Они скорее углубляются в завершенное, нежели в незавершенное, в гармоническое растительное царство, нежели в антагонистический животный мир, в замкнутый природный, нежели в развивающийся социальный животный мир, вообще в природу, нежели в историю, — и в историю опять-таки восточную, а не западную, которая представляется им лишь "мерзостью" и "безумием". В восточном мире их внимание привлекают более китайцы и индусы, чем иудеи и мусульмане, а в западном скорее древние "эллины", чем современ-

ные "назарей". В историю они вносят свою идею природы: природу они считают завершившей свое развитие; и в истории, и в природе, согласно их взглядам, совершается круговорот. Они не допускают мысли, что история только тогда замкнет свой круг, когда перестанет быть историей в прежнем смысле слова; они хотели бы всякому возрасту приписать всю полноту прав, которой обладает лишь зрелость, и мнят себя мужами, тогда как в действительности они лишь избалованные дети.

Философ может предвидеть гибель старого общества, но не желать этой гибели и не способствовать ее приближению, ибо смерть этого общества означает и его собственную смерть, поскольку он живет только в настоящем, а не одновременно в прошедшем и в будущем; для него прошлое лишь нечто отмершее, будущее лишь утопия, ему больше по сердцу "духовное обретение", чем реальное революционное движение; так как он надеется обрести "истину", абстрактное духовное благо как частное лицо, следовательно, он владелец частной духовной собственности. — Только те встречают с ликованием гибель нашего общества, кому нечего в нем терять — ни духовной, ни материальной частной собственности, — кто, оказавшись в самой гуще общественной жизни, так увлечен потоком исторического движения, что совершенно растворяется в нем. Таково душевное состояние не философов, но апостолов нашего времени, да и всех других времен, например, душевное состояние таких людей, как Август Виллих¹ или Барбес², которые подобно первым христианам искали мученичества, испытания огнем для своей веры. — Это фанатизм, если Вам угодно, но фанатизм исторически оправданный, обоснованный

¹Август Виллих (1810–1878), немецкий революционер, участник Пфальцско-Баденского восстания (1849). — *Прим. ред.*

²Арман Барбес (1809–1870), французский политик и революционер, провел в тюрьмах в общей сложности 15 лет. — *Прим. ред.*

самой жизнью. Ваш Клоотс также был фанатиком, но его фанатизм был отвлеченным, каким все еще остается фанатизм наших современных немецких "анархистов", — и сознаюсь Вам искренне, — будь я Робеспьером и стань мне такой философствующий "анархист" поперек дороги, я тоже обезвредил бы его и навлек бы на себя проклятие философов.

Как философ Вы не приемлете никакого закона, во всяком случае, никакого познаваемого закона, в истории общества.

Реальная история для философа — книга за семью печатями. В его глазах история таит в себе безграничное число возможностей. Философская критика могла с помощью естественных наук привести к отрицанию мистики в религии и философии, а реальная история оставалась для нее некоей запретной, темной, мистической сферой. Несмотря на то, что философия сама является лишь продуктом социальной жизни, она слишком аристократична, чтобы опускаться на дно этой жизни, к ее окруженному земной грязью корню. Кто срывает лишь цветы духа с древа жизни, видит даже в реальной истории лишь историю идеологии. Тот же, кто, напротив, в идеологии и самой ее истории видит лишь выражение социальной жизни, для того даже мистическая религия и философия превращаются в познаваемую историю.

Человеческая воля не может изменить закон истории, как не может она изменить закон природы вообще, но она может вторгаться в историю, как и в природу, если действует согласно ее законам. Вам, напротив, всякое вмешательство в ход истории представляется произвольным актом, и если Вы приписываете случаю и гению отдельных героев большое влияние на судьбы народов, то это означает только то, что Вы не признаете никакой закономерности, никакого закономерного развития в жизни общества. А как иначе Вы хотели спасти Ваше философское понятие свободы — свободы "духа" и "воли"? — Вы согласны с тем, что человеческое общество не составляет исклю-

чения в природе; но утверждая это, Вы хотите сказать лишь то, что человечество также подвержено внешним воздействиям, вроде того, что "энкиева комета зацепит земной шар... или какое-нибудь газовое испарение сделает на полчаса невозможным дыхание". Такие внешние влияния непредсказуемы. Но именно потому, что это лишь **случайные, внешние** влияния или **исключения**, они служат не отрицанием, но подтверждением правила — доказательством существования внутреннего, имманентного закона развития. Вы не отрицаете, но лишь подтверждаете то, что младенец, как правило, превращается в мужчину, когда замечаете, что человек уже в детском возрасте, до того как он достигает полной зрелости, может свернуть себе шею. Но, утверждаете Вы, ребенок живет не только для того, чтобы стать мужчиной, он живет также как дитя: "Жизнь во всякой точке своего бытия одновременно цель и средство". Смысл этих слов сводится к тому, что в жизни невозможно отделить цель от средства, однако это высказывание служит Вам для того, чтобы разделить эти понятия; Вы перерезываете нить жизни "во всякой точке ее бытия"! В жизни нельзя отделить ребенка от мужчины, как и мужчину от ребенка — это разделение есть смерть.

Философское понятие свободы, оторванное от жизни, тоже мертво. Вы объясняете "и прочая... и прочая", которое действительно существует. Философы полемизируют с дуализмом. Но разве дуализм будет упразднен в результате того, что человек возвышается над ним "в мысли", упраздняя его? Разве такое "упразднение" само по себе не служит выражением дуализма? Разве у отдельного человека "духовная сила" не является обратной стороной и дополнением его реального бессилия, как в обществе господство аристократов — обратная сторона рабства плебеев? — Мне кажется более разумным признать дуализм и бороться с ним в реальной жизни, чем "упразднить" его в воображении.

К философскому элементу у Вас добавляется дру-

гой элемент, благодаря чему Ваше историческое мировоззрение неизбежно должно разойтись с моим. Вы не только принадлежите к семье тех северо-восточных народов, которые, как уже отмечалось, в силу своей созерцательной природы больше склоняются к философскому направлению. Более того, Вы принадлежите к семье народов, оставшейся в стороне от исторического движения в Европе: Вы русский. Правда, Вы утверждаете, что "посторонний" всегда лучше разбирает семейные дела, нежели член семейства. Посторонний — "беспристрастный наблюдатель" — да, это справедливо. Возникает только вопрос, оправдана ли "беспристрастность" в истории, может ли существовать здесь позиция, которая выше партийной? Я изложил Вам свой взгляд на этот предмет в начале письма. Полагая себя в отношении наших "семейных дел" посторонним, Вы только подтверждаете то, что Ваша более высокая позиция — позиция внешняя, ибо постороннее — вовне. Постороннее, однако, не только вовне, оно может быть также противоборствующим, враждебным, и при ближайшем рассмотрении Ваша позиция представляется мне отнюдь не такой уж совершенно беспристрастной. Как философ Вы находитесь не в центре исторического движения, но несколько над ним; как русский Вы противостоите даже с некоторой враждебностью европейской истории. Как философ Вы не хотите предвосхищать будущее; как русский Вы предрекаете, что семья славянских народов явится наследницей семьи европейских народов, потому что последняя слишком одряхла, чтобы возродиться из себя самой. Для Вас как философа будущее таит в себе бесконечное число возможностей, для Вас как русского — лишь одну возможность славянского вторжения. — Мне также не по душе пророчества, они ведут к фаталистическому мировоззрению, которое сковывает волю, энергию. Возможно, современная цивилизация, как и древняя, будет побеждена в результате вторжения иных "варваров", а не ее собственных; возможно также, что наши пролетарии — это те "варвары",

которые принесут ей смерть, падение и ...воскрешение. Я во всяком случае сражаюсь ради наших собственных варваров и вместе с ними, потому что мне никак не безразлично, принадлежит ли наше будущее прогрессивистскому или реакционному социализму. Но почему, можете Вы спросить, я полагаю, что славянское вторжение принесет нам лишь реакционный социализм? — Я высказался по этому поводу уже десять лет тому назад. Именно то, что в столь большой мере было свойственно северо-восточным народностям — стремление установить господство христианства во всем мире — делает их сегодня неспособными создать новый мир. То, что Вы сообщаете о русской общине, лишь подтверждает мое мнение о созерцательном, неисторическом, стабильном характере этих народов. Я согласен с тем, что славянство — это современная Византия, Китай Запада, но не с тем, что оно может превратить нашу Европу в социал-демократическую республику, если она не освободит себя сама. — Во всяком случае я хочу внести свою лепту в то, чтобы отвратить столь грозное бедствие от нашей части света. Я пишу не ради пустого времяпрепровождения, также не ради удовлетворения честолюбия. — Так как Вы, кажется, любитель физиологии, в особенности френологии, то не скрою от Вас, что, по мнению одного ученого френолога, в моем черепе страсть к оппозиции и борьбе развита много сильнее, чем любовь к почестям и славе. Видите ли, мой череп несколько "скошен". *Que voulez-vous?* Что я могу поделать с собой, если европейский конвент больше мне по нраву, чем русская община? Так уж случилось, что у меня "конвентская голова". Я признаю, что свободная Европа невозможна без свободной России, но я полагаю, что и свободная Россия невозможна, свободное славянство невозможно без свободной Европы. Почему хотите Вы поставить европейскую свободу в зависимость от славянского господства? Либо свобода, которую Вы имеете в виду, — не взаимообязывающая социал-демократическая свобода, либо сегодня интересы европейцев и славян, как

и интересы всех народов, тесно связаны друг с другом. Если славяне ныне стремятся к тому, чтобы так же, как и другие расы освободиться от внешнего и внутреннего порабощения, то в этом смысле они лишь разделяют стремления немцев, итальянцев и венгров, равно как всех тех племен, которые еще не обрели национальной независимости, какой пользуются французы и англичане. Однако процессы, происходящие в последнее время, достаточно доказали, как мне кажется, сколь бесплодны и эти национальные устремления, пока реакция не разбита по всем пунктам и не преодолена в любом отношении. Полная победа социальной революции будет делом не одного дня, а также не одной нации или одного племени. Я надеюсь, что Россия и славяне так же, как Англия и Северная Америка, не останутся в стороне от революции, когда та действительно разразится. Если революция встретит препятствие на своем всеразрушающем и всесозидающем пути, тогда, разумеется, но только тогда, снова появится старый антагонизм интересов, старое разделение рас и классов, старое *divide et impera*¹, и оно проявится губительнее, чем когда-либо прежде. Победа реакции и разделение народных интересов для меня столь же идентичные понятия, как победа революции и побратимство народов.

Ни один апостол народа не может симпатизировать идее расовой борьбы. Я во всяком случае не могу приветствовать идею славянского вторжения. Такая гибель европейской цивилизации не таит в себе никакого зародыша жизни, никакого воскрешения! — Но я надеюсь, что история, которая "не повторяется", избавит нас от такого второго, **неулучшенного** издания переселения народов.

¹*Divide et impera* (лат.) — разделяй и властвуй. — Прим. ред.

Без указания места отправления, предположительно март 1850 г.

Вы обращаете мое внимание на речь, которую произнес Донозо Кортес в испанской палате депутатов ¹ и которая в Париже удостоилась чести быть распространенной в качестве специального оттиска иезуитами из "Юниверса". Этот оттиск попался мне на глаза, и после того как я прочел речь, у меня не вызывает удивления ни честь, оказанная ей парижским "Юниверсом", ни внимание, оказанное Вами; как Вы мне пишете, Вы ответили оратору. С огромным нетерпением ожидаю я случая познакомиться с Вашим опровержением. Прорицания Кортеса о грядущих бедствиях слишком явно совпадают с Вашими, чтобы Вы сочли возможным не подчеркнуть отличие Вашего мировоззрения от мировоззрения испанца. Быть может, Вы были раздражены тем, что человек, выдвигающий требования, диаметрально противоположные Вашим, человек, с которым, как Вы полагаете, у Вас нет ничего общего, рассматривает нашу революцию почти с той же самой точки зрения, что и Вы. Вам, бесспорно, показалось странным, что католическая душа, иезуит, возвещает Страшный Суд, трубя в тот же рог, что и Ваш философ "с другого берега".

Тот факт, что Вы вообще сочли достойным труда ответить на эту речь, служит для меня доказательством Вашего согласия с идеологической позицией философа "с другого берега".

"Вы придаете слишком большое значение, — писал я Вам в своем предыдущем письме, — идеологическому

¹ Имеется в виду речь Донозо Кортеса "Общее положение в Европе", произнесенная в испанской палате депутатов 30 января 1850 г. Кортес восхвалял католическую церковь, обрушивался с нападкамии на социализм и предупреждал об опасности установления российско-славянского мирового господства.

выражению исторического бытия и деятельности”¹. Видите, дорогой друг, это то, что у Вас общего с Донозо Кортесом, что заставляет Вас считать иезуита достойным противником и что ставит Вас теперь в неловкое положение, побуждая сражаться с человеком, вся сила которого проявляется лишь в бегстве от реальной исторической жизни. С социально-экономической точки зрения, ”вой”, поднятый господином Донозо Кортесом, не заслуживает ни малейшего внимания. Только прогрессистская идеология может увидеть в реакционной идеологии опасного врага, равного противника. Удары, наносимые господином Кортесом по воздуху, направлены вовсе не против истинного социализма, но против мнимой философии социализма, против философского атеизма, против философской анархии. Разве Вы не видите, как испанский идальго трусливо обращается в бегство, спасаясь от истинной, от социально-экономической революции? — Только после того, как он нашел прибежище в идеологии, он обрел мужество сражаться против революции, лишь после того как он добрался до дон-кихотов анархии, он оказался снова на родной почве.

С социализмом, ”детищем политической экономии, пожирающим свою мать”, невозможно бороться, ”Le socialisme ne se combat pas”, — вздыхает Донозо Кортес. Если хотят бороться с ним, добавляет он, источая елей, должно искать прибежище в религии, которая учит богатых состраданию, бедных смирению и терпению. Ценное признание! — Объявляя занятие экономическими вопросами величайшим злом нашего нечестивого века, он выбалтывает сокровенную мысль реакции. ”Занимайтесь экономическими вопросами, — восклицает он, — ставьте их на первое место, и вскоре

¹ Гесс не точно цитирует свое предыдущее письмо. На самом деле он писал: ”Вы вообще придаете слишком большое значение идеологическому выражению исторического бытия и стремлений”. — *Прим. ред.*

у вас будет социализм в парламенте и на улице"¹. Господин Донозо Кортес предпочитает заниматься тремя "положительными" и тремя "отрицательными" сторонами мира религии и политики, "тремя ступенями" веры и неверия. Этот господин прошел хорошую школу: он был или является посланником в Берлине. Здесь ему представилась возможность изучить "негативную" идеологию у ее первосвященников. Он отсылает туда всех, кто хочет изучать эту идеологию из первоисточника.

"Знайτε, — взывает мудрый дипломат к своим изумленным соотечественникам, — знайте социализм! Французы лишь ученики в социализме, ученики в социальной революции — и ученики немцев! Англия, — так поучает нас в заключение этот господин, — Англия — единственная страна в Европе, которая может избежать опасностей социализма и спасти Европу, если к ее прежним преимуществам прибавится еще одно: католицизм".

Такую бессмыслицу невозможно оспаривать — *le cretinisme ne se combat pas*, — однако мы можем, как спартанцы, которые испытывали действие опьянения на своих илотах, познакомиться на примере реакционных идеологов с влияниями некоего духовного направления, которое вскружило голову не только нашим врагам, но, к сожалению, и многим нашим друзьям. Это духовное направление, — я подразумеваю идеологию, — детище нашего антагонистического общества; оно, однако, более благодарно, чем его материалистическая сестра, социальная экономия, пожирающая свою родительницу, она, эта идеология, неизменная верная спутница своей старой матери, как в ее "негативном", так и в ее "позитивном", как в ее революционном, так и реакционном образе действий.

Испанский реакционер видит в реальном историческом движении лишь его идеологическую сторону.

¹ Донозо Кортес. "Общее положение в Европе". Речь, произнесенная 30.1.1850 г. в палате депутатов Испании. "Юниверс", 21.2.1850 г., 32 стр.

В этом единственная причина той безосновательной и беспочвенной чепухи, которую он изрекает; иначе она была бы совершенно необъяснима в устах человека, мало-мальски знакомого со светом в качестве дипломата. Идеология — это духовное направление, ставящее все на голову. — Я не хочу вдаваться в рассуждения, какую роль играет в этом духовном направлении испанца его реакционная тенденция, придерживается ли он своей идеологической точки зрения произвольно или умышленно, чувствует ли он смутно или ясно понимает, что идеология — слабая сторона революции и сильная сторона реакции — действительно ли он пьян или только симулирует опьянение, чтобы привести своих слушателей в такое же состояние и безнаказанно, не превращая себя в посмешище, все поставить на голову. Так или иначе, духовные блуждания, вызванные действием чистого спиритуса идеологии в голове некоего реакционера, служат для нас устрашающим примером вызывающего головокружение действия идеологии.

Если рассматривать лишь идеологическую сторону реального исторического движения, то мы придем к выводу, что тот народ, который никогда не пытался осуществить практическую **социальную** революцию, но подвергает тем большей критике теории социализма с "анархической" точки зрения — **немецкий** народ, именно он выдвинул из своей среды "учителей и первосвященников" социальной революции, — те же, кто в наше время всегда являются инициаторами революции, **французы**, — всего лишь ученики в социальной революции, ученики тех "анархистов", которые побивают всех в ученой болтовне и менее всего в состоянии действовать, поэтому страна, развитая промышленность которой сочетает в себе все условия для проведения и завершения нашей революции — той социальной революции, которую народ революционной инициативы лишь пытался осуществить, лишь начинал, но не осуществлял и своими силами завершить не мо-

жет, — **Англия** — единственная страна, способная "воспрепятствовать" ходу социальной революции!

Если в общественных условиях, отношениях и связях, которые порождают определенный вид общественного способа производства, усматривают лишь отражение этих общественных отношений в человеческом сознании, следовательно, лишь духовную связь, то и в распаде общественных отношений усматривают лишь распад этой духовной связи, что отражает, словно в зеркале, движения оригинала; таким образом нежный цветок общественной жизни — мораль и религию — превращают в ее корень, острие пирамиды — в основание, — и мнят, что могут восстановить старые распавшиеся общественные отношения, восстановив старые духовные связи; так объясняют упадок мира падением его нравов, так борьба за господство над миром превращается в борьбу во имя моральных достоинств той или иной расы; так различные фазы общественных отношений, зарождающихся и умирающих вместе с определенным способом производства, переходят в такое же число фаз веры и неверия; так в разложении феодальных имущественных отношений усматривают лишь разложение феодальных идей веры, доверия и повиновения, в возникновении, ходе и завершении процесса буржуазного революционного преобразования феодальной собственности — лишь зарождение, развитие и осуществление идей буржуазного сомнения и неверия в области политики и религии; так человек не в состоянии обнаружить ростки нового мира, которые еще не отражаются в сознании, потому что принадлежат еще не к миру осознанного, но к миру неосознанного; так можно, вероятно, увидеть завершение буржуазной революции, последнюю ступень отрицания, атеизм, анархию, — но за ними ничего кроме кромешной тьмы.

Тьма, кромешная тьма открывается взору Донозо Кортеса; Европа, как он считает, уже перешла от первой ступени отрицания; от деизма в религиозной области, от конституционализма в политической, ко

второй ступени — к пантеизму в религиозной области, к республике в политической, — затем начинается, по его словам, третья и последняя ступень отрицания, — атеизм в религии, анархия в политике.

Лишь тьму, крошечную тьму сможет обнаружить и Ваш философ "с другого берега", когда буржуазная революция, вступив в свою третью и последнюю фазу и тем самым превратившись в пролетарскую революцию, грянет со всей силой. Правда, как русский, Вы видите в славянском вторжении **"белый вал ковчега"**, восстающего за "гибельными волнами карающего потока", на что Вы взираете как философ, тогда как Донозо Кортес видит в этом лишь нашествие варваров, бредущих с ружьями в руках по Европе и вплывающих отраву разрушительных идей, которые они обнаруживают у нас. Но, дорогой друг, в этом отношении Вы, по сравнению с Донозо Кортесом, лишь в одном непоследовательны. Если предположить, что варвары завоюют уже сложившийся мир, то по законам логики и истории надо также допустить, что завоеватели воспримут духовные, равно как материальные сокровища завоеванных, и, так как по Вашему и Донозо Кортеса мнению, нашим последним словом будет идея анархии, то завоеватели смогут перенять лишь эту негативную идею и должны вместе с нами умереть и сгнить от нашей отравы. Как Вам известно, я не оспариваю возможности такой смерти без воскрешения, такой конечной победы варварства и жестокости; я только утверждаю, что вторжение, варварство и реакция составляют нерасторжимое единство, что одно необходимо влечет за собой другое. Чтобы спасти свое славянское вторжение, Вам остается лишь отнести социализм, который Вы до сих пор вместе с Прудоном и немецкими философами воспринимали как негативную идею, как анархию в политическом мире, как атеизм в религиозном мире, к позитивным идеям.

(Интересно, как Вы выпутаетесь из лабиринта противоречий, в который завлекли Вас Ваша философия и славяномания. Я с нетерпением ожидаю Вашего от-

вета на речь Кортеса, дабы Вам представилась возможность ответить заодно и мне).

Но если эта позитивная идея — нечто большее, чем утопия, если она представляет из себя идеологическое выражение реальных условий, то единственным ее содержанием может быть наша современная революция, и эта революция, нанеся смертельный удар старому миру, должна нести в себе росток нового мира. — Но если в нашей революции таится росток нового мира, если наши антагонистические производственные и имущественные отношения таят в себе предпосылки возникновения гармонических отношений, которые должны привести к устранению любых классовых и расовых различий, — тогда, дорогой друг, тогда эти условия будут созданы для нас не славянами, как полагаете Вы, с помощью их общинных институтов. Если не анархия, а организация существующих средств производства на благо общества и объединение всех народов цивилизованного мира — последнее слово революции, тогда, хоть и возможно поражение революции, возможна победа реакции, однако, анархия и вторжение идут рука об руку не с нарастающей революцией, но с нарастающими контрреволюцией и реакцией.

Католик-испанец утешает себя некоей католической иллюзией. Ему уже ответил Санчо Панса: "Помилуйте, сеньор, то, что там виднеется, вовсе не великаны, а ветряные мельницы!"

Философствующий русский "с другого берега" утешает себя некоей славянской иллюзией. Не заблуждайтесь, дорогой друг! Светлая точка, которую Вы видите за "волнами карающего потопа", это не "заря" нового дня, но арктическое сияние, освещающее вечную ночь!

Я не оспариваю возможности победы варварства, я оспариваю только...¹

Невозможно, чтобы революция достигла своей цели, следуя путем, уводящим ее в сторону от этой цели.

¹Предложение обрывается.

Самый короткий путь, соединяющий две точки, — прямая линия.

Вы революционны, я знаю; но, дорогой друг, Вы, очевидно, заблуждаетесь в том, что составляет цель революции. То, к чему стремится Ваш философ с другого берега, я говорю Вам это без обиняков, столь же иллюзорно, как то, к чему стремится Донозо Кортес.

Якобу Молешотту¹

Антверпен, 18 декабря 1852 г.

Почтеннейший доктор!

Я позволю себе обратиться к Вам при посредстве господина Штреккера² с просьбой об услуге, характер которой, несомненно, послужит оправданием моей дерзости.

С тех пор, как реакция устранила нас, бывших социалистических публицистов, от дел или заставила замолчать, я вновь обратился к изучению естественных наук, к которым и в прошлые времена испытывал большой интерес и которыми ныне я занялся с тем большим рвением, что преследую особую цель. А именно, я намереваюсь обосновать с позиций естествознания свои однажды высказанные, но не разъясненные надлежащим образом взгляды на историю человечества, с тем,

¹ Якоб Молешотт (1822–1893), физиолог, один из главных представителей естественнонаучного материализма. Перед текстом письма Гесс сделал следующее примечание: "Набросок неотосланного письма Молешотту. Вывод, к которому пришел [физиолог Иоганнес Петер] Мюллер (1801–1858) незадолго до того, наблюдая морских кубышек, был мне тогда еще неизвестен, однако подтверждение моих формулировок, в которых я отвергал идею единообразия, я нашел впоследствии в [трудах геолога и палеонтолога] А [ми] Буэ (1794–1881) и др. Париж, август [18]53 г. — *Прим. ред.*

² По-видимому Карл Штреккер, купец, зять Молешотта.

чтобы доказать, что в истории развития **всякой** формы жизни, как так называемой неорганической, так и органической и "духовной", властвует общий и одинаковый или **единый** закон.

Естествоиспытатели и, могу это со всей искренностью подтвердить, Вы сами, уважаемый доктор, уже снабдили меня столь бесценными материалами, что я не теряю надежды: несмотря на объем и трудности моей поистине дерзновенной задачи, я решу ее по крайней мере настолько, что лепта, внесенная мною в дело объяснения вечных законов природы, окажется не бесполезной для будущих исследователей, которым выпадет честь обогатить историю развития природы более ценными исследованиями и наблюдениями.

При той уединенной жизни в изгнании, которую я вынужден вести, я упустил бы, помимо незаменимого для меня общения с моими учеными-современниками, весьма много нового и значительного из исследований в области естествознания — поскольку у меня не хватает средств, чтобы приобретать за границей литературу, которая могла бы держать меня в курсе дел, — если бы меня лишили свободы время от времени обращаться за советом к своим известным современникам и единомышленникам.

И вот я снова столкнулся с трудностью, которая заставила меня болезненно почувствовать, что я лишен возможности встречаться с людьми общих со мной интересов и вместо того, чтобы жить вблизи какого-нибудь немецкого университета, вынужден прозябать в фламандском торговом городишке. Для меня представляло бы огромную ценность, если бы Вы согласились оказать мне содействие в преодолении этой трудности, поделившись со мной своим знанием литературы и познакомив меня с своим собственным взглядом на вещи.

Среди трудов по эмбриологии, несомненно, имеются такие, которые проливают свет на историю зарождения органических существ, животных и растительных, в предельювиальные и постдельювиальные эпохи. Если бы

Вы могли указать мне на подобный труд, в котором освещалась бы эта проблема с учетом новейших исследований, и, более того, если бы Вам было угодно сообщить мне о Ваших собственных взглядах на этот еще довольно темный предмет, я был бы Вам бесконечно обязан! Я знаком лишь с двумя сносными, но уже с давних пор не удовлетворяющими меня суждениями по этому вопросу, а именно — Ламарка и автора "Естественной истории творения"¹, переведенной с английского Карлом Фогтом. Оба автора приходят почти к одним и тем же выводам. Они предполагают, что развитие всех органических существ происходит от одного и того же зародыша, который с течением времени дал в результате изменения или вырождения все многообразие видов. Это многообразие обнаруживают в геологических пластах и на поверхности земли в наше время (аналогичная идея сформулирована еще Гумбольдтом и подтверждает правоту Библии, согласно которой человеческий род происходит от одной четы). Я никогда не мог безоговорочно принять этот взгляд, подменяющий единство закона или всеобщего замысла пошлой идеей единообразия видов и приписывающий великой творческой силе природы, которая обычно не скупится, некую экономию. Этой экономии мы, однако, не наблюдаем ни в бескрайнем звездном мире, ни в человеческом, ни в духовном мире. Как из мировой материи образуются несомненно не одни из других бесконечно разнообразные мировые тела, солнца, планеты, луны, кометы, различные по форме и свойствам, точно так же и в человеческой голове возникают творения совершенно различного типа, например, различные формы общественных или государственных объединений, не одно из другого, — хотя и в естественной последовательности от низших к

¹Natürliche Geschichte der Schöpfung des Weltalls, der Erde und der auf ihr befindlichen Organismen, begründet auf die durch die Wissenschaft errungenen Tatsachen. Aus dem Engl. nach der 6. Aufl. von Karl Vogt. Braunschweig, 1851, стр. 322 (Аноним).

высшим, вследствие того, что материя становится все более богатой формами (все более органической), — так из земных элементов, природа которых становится все более органической, до тех пор возникают в виде **эмбриона** новые типы, пока не появится **высший** тип — человек, а именно "кавказский человек". Естествоиспытатель, которому я несколько лет тому назад высказал это предположение, возражал мне, сославшись на беспомощность младенца, который без матери не может прожить ни одного дня, что, разумеется, совершенно справедливо. Но разве и поныне природа не предоставляет уход за иными детенышами, даже высиживание яиц, другим матерям, а не тем, что их родили? Разве имеется доказательство того, что первые люди, тысячи которых, если принять мое предположение о расточительности, проявляемой природой в ее творениях, могли погибнуть, не были вскормлены и выращены уже существовавшими и наиболее родственными им особями низших видов, например, обезьянами — орангутангами и шимпанзе — как это можно предположить в других случаях? — Но это лишь гипотезы, и я опасаясь, что в этой области еще не достигнуто ничего нового. Едва ли может быть какой-либо прок от аналогии там, где отсутствуют наблюдения. Но если бы Вы могли указать мне на какой-либо труд, посвященный этому предмету, или даже пожелали бы удостоить меня знакомством со своими собственными взглядами, Вы обязали бы вечной признательностью

почитающего Вас
М. Гесса

P.S. Так как я уже давно изгнан из Бельгии, то письма на мое имя могут быть адресованы господам Штреккеру, Клейну и Штеку.

Гесс и Эвербек Наполеону III

Вариант А¹

Париж, предположительно 15 марта 1859 г.

S[ire],

Так как представители старого европейского режима, очевидно, полагают, что Вы совершаете ошибку, доверяя симпатиям нации, одним из наиболее преданных сынов которой я являюсь, то моя совесть налагает на меня тягостную во многих отношениях обязанность заявить со всей откровенностью, на чьей стороне симпатии германского народа и его истинных друзей². Обращаясь к Вам, S[ire], с тем, чтобы очистить свою совесть, я остаюсь тем, чем был всегда: искренним поклонником политической и религиозной свободы, человеком, преданным идее социального прогресса, исполненным веры в высокое предназначение человека вообще и французского и немецкого народов в частности.

S[ire], я вовсе не претендую на то, чтобы давать Вам советы. Если бы я совершенно не верил в то, что

¹Наиболее существенные исправления и вымарки указываются в подстрочных примечаниях. До нас дошли два варианта письма – черновик и фрагментарный чистовик, оба написанные рукой Гесса. Они обозначаются как "Вариант А" и "Вариант Б".

²Вычеркнуто: "Когда Вы получите достоверные сведения, которые мы взяли на себя смелость сообщить Вам, Вы убедитесь, S[ire], что мотивы, побудившие нас высказать Вам свое мнение, столь же чисты, как бескорыстен наш немецкий патриотизм, что мнение всех разумных патриотов [...неразборчиво] скорее, нежели наше личное чувство, водит нашим пером, когда мы обращаемся к Вам с этими строками, что мы никогда не угодничали и что мы не станем никогда лстить власти, дабы получить льготы, даже косвенные, наконец, что (адресуясь к Вам) с этим..."

вопреки исключительной власти, которой облекла Вас Франция, и вопреки требованиям, зачастую неотделимым от этого исключительного положения, Ваше сердце более восприимчиво к страданиям современных народов и бессмертных мужей прошлого, чем к великолепию трона, — если бы я не был убежден в том, что в глубине своей благородной души Вы всегда разделяли взгляды всех друзей народа, свидетельством чему служат Ваши сочинения, — у меня не появилось бы ни надежды, ни желания побудить Вас принять мои взгляды. Но так как я вижу приближение решающего момента, когда Вы будете вынуждены выбирать между двумя путями — одним — противоречащим Вашим личным чувствам — и другим, способствующим их свободному взлету, — то я хотел бы внести свою лепту, насколько это в моих силах, как бы незначительны они ни были, в преодоление искусственных трудностей, стоящих на Вашем пути и препятствующих проявлению Вашего естественного призвания и Вашей провиденциальной миссии¹.

Черпайте информацию, S [ire], не в журналах, в которых находит выражение лишь страх консерваторов,

¹Вычеркнуто: "Если быть вполне откровенным, мы вынуждены признать, что начало борьбы, согласно нашей оценке, не свободно от опасностей. Народные симпатии проявятся только после [какого-либо] значительного поражения противников Франции и человечества". И далее: "S[ire], я знаю страну, в которой я родился, различные классы немецкого общества, с которыми я вступал в соприкосновение, и различные германские провинции, в которых я жил или которые посещал. Без какого-либо преувеличения мы говорим Вам, что при всех обстоятельствах трудящиеся классы городов и деревень всей Западной Германии, пользовавшиеся и продолжающие пользоваться, хотя и более ограниченно, но всегда более широко, чем восточные провинции Германии, благами первой французской революции и Империи, — и в особенности Рейнские провинции и Вестфалия, — никогда не перестанут симпатизировать Франции и разумным правительствам, которые стали представителями и защитниками ее славной миссии".

злоумышляющих против Франции, не от дипломатов, знакомых только с официальным миром, но в среде трудящихся классов¹.

Я разделяю Ваше убеждение, S[ire], что Империя — это мир. Я больше не верю в политику завоевания. Мир достижим только путем независимого и свободно-го развития народов и государств. До тех пор, пока в Европе будут существовать соперничающие государства, не способные ужиться друг с другом, потому что одни принадлежат средним векам или старому режиму, тогда как другие представляют современную жизнь, мир, я уверен в этом, будет лишь иллюзией.

В мире имеются только три истинно современных цивилизованных общества: Северная Америка и Рос-

¹Вычеркнуто: "Мои соотечественники, от имени которых я обращаюсь к Вам с этими строками, желают в интересах того святого дела, коему они преданы, чтобы этой спонтанной манифестации не было дано огласки. Между тем наш соотечественник, редактировавший это письмо, не возражал, S[ire], против того, чтобы предоставить всю информацию, которую бы Вы могли потребовать [от?] него.

От имени многих своих соотечественников,
жив[ущих] в П[ариже]
Г[ерман] Э[вербек]"

И далее: "Трогательные симпатии, проявляемые ими [трудящимися классами] ко всякому, кто прибывает из Франции, сосредоточенность, с которой они внимают всему, что имеет какое бы то ни было отношение к этой святой земле, от которой исходило их первое освобождение, достаточно свидетельствуют о признательности и надеждах, неизменно испытываемых ими. Народы питают инстинктивную веру, смутную надежду, сами не отдавая себе в том отчета. Правда, их судьбы зависят от судеб Франции, и для них имя Наполсон всегда неотделимо от имени Франция. Хотя мы [?], люди другого склада ума, всегда подозрительные, мы умеем в случае необходимости весьма хорошо отделять вечное дело, которому мы преданы, от дела смертного человека, и, если это даже величайший муж истории, мы все же не вправе отрицать тот факт, что в народном сознании, как мы представляем себе его, еще не существует такого восприятия и такой недоверчивости. Но

сия — современные¹ общества, потому что у них еще все впереди, — у первой — жизнь, у второй — цивилизация, Франция же молода, потому что она на пути возрождения со времени своей революции, возрождения, которое должно распространиться по всей Европе, чтобы избежать упадка, банкротства и подчинения Европы России или Америке. Помимо трех обществ, названных мною, остальные, без какого-либо исключения, задерживаются в своем возрождении из-за живучести старого режима: он уже сильно расшатан, но все же держится. Только Франция может спасти Европу, предоставив России и Америке распространять свое влияние в других пунктах земного шара, на что они по справедливости имеют право, — на западную и Южную Европу — и объединяться в случае необходимости с другими молодыми обществами, чтобы совместно снести преграды, которые ставят на их пути старые европейские державы². Эти идеи, S[ire], были уже давно выдвинуты американцами. Мы не знаем, восприняты ли они уже Россией. Бесспорно лишь то, что они не замедлят снискать одобрение всех независимых умов и всех благородных сердец в Европе, если В(аше) В(еличество) пожелает их осуществить.

если мы не имеем права отрицать этот факт, то искать его смысл нам дозволено.

Если в представлении немецкого народа имя "Наполеон" тождественно имени "Франция", то это потому, что французское возрождение распространилось мало-помалу по всей Европе благодаря миссии, выполненной Первой Империей, и потому, что от продолжателя этой Империи ожидают продолжения этой великой миссии".

¹ Первоначально у Гесса: "юные".

² Вычеркнуто: "Германский патриот, обитающий в Америке, Юлиус Фрёбель, предал гласности свои взгляды в самом Берлине ("Amerika, Europa und die politischen Gesichtspunkte der Gegenwart". Berlin, Springers Verlag, 1859).

Чтобы освободить европейские народы, Вам, S[ire], не сомневайтесь в этом, достаточно лишь воззвать к чувствам благородного и славного народа, во главе которого Вы стоите, и пробудить симпатии всех народов в Европе!

Но не забывайте, S[ire], что должно считаться с искренними друзьями народа, о которых я писал, с теми, кто умеет различать между человечеством и человеком, между освобождением и орудиями этого освобождения. Вы не сохраните за собой симпатий народа, пока Вы не дадите этим друзьям народа, и притом открыто и гласно, серьезных и действенных гарантий Вашей доброй воли. Это случится лишь в тот момент, когда Вы выполните обещание, которое Вы дали; лишь в тот день, когда Вы соберете всех демократов и либералов со всех концов Европы, Вы сможете нанести поражение всем врагам Франции и ее славной революции!

Франция достаточно сильна, чтобы осуществить свою великую миссию, если ее правительство не совершит какой-либо ошибки; но если французский народ менял столько раз свое правительство, чтобы вернуться, наконец, к Империи, если другие народы Европы обращают свои взоры к Вам, S[ire], то это потому, что народы обладают в большей мере, чем дипломаты мира, пониманием условий своего существования, целительных средств, которые могут их спасти, и знают о пагубных влияниях, от которых им следует освободиться.

Конец¹

¹После слова "конец" следует зачеркнутое предложение: "Соотечественники, от имени которых нижеподписавшийся обращается к Вам, желают в интересах самого дела, которому они посвятили свою жизнь, чтобы их заявление не было предано гласности. Но чтобы не возлагать на одного человека всей ответственности за этот шаг, соотечественник, которому поручено отредактировать это заявление, присоединился к нижеподписавшемуся, дабы предоставить в распоряжение Вашего Величества всю информацию, которая могла бы Вам потребоваться".

Фридриху-Герману Земмигу¹

Париж, 27 апреля 1859 г.

Рю де л'Эст, 33

Дорогой Земмиг!

Для меня, как и для Эвербека, было сердечной радостью узнать из Твоего письма, что Ты принадлежишь к тем, — к сожалению, немногочисленным — немецким демократам, которые воспринимают вещи именно такими, каковы они есть. Немецкий Михель, впрочем, также вскоре раскусит австрийское шулерство. Луи Симон из Трира, которого я иногда встречаю, как и некоторые другие немецкие демократы в Париже, оценивает положение, как Ты, Эвербек, и я, и подобно нам излагает свои взгляды прежним языком. Не подлежит сомнению то, что Бонапарт объединяется с революцией, и притом сознательно и по своей воле. Из страха ли перед итальянскими ручными бомбами, — ибо после Орсини² Бонапарт пережил перелом, — или по причине честолюбивых планов, или из лучших побуждений — безразлично. Довольно, он ныне душеприказчик покойной республики.

Так понимают и французы нынешнюю политику. Отсюда одобрение революционных рабочих предместий и

¹ Фридрих-Герман Земмиг (1820–1897), немецкий писатель. Изучал теологию и философию в Лейпциге, сотрудничал в "Трирской газете" и в "Рейнском ежегоднике общественной реформы", участник Дрезденского восстания (март 1849), в 1849–1870 гг. жил в эмиграции во Франции, в 1870 г. вернулся в Германию. С Гессом познакомился в Страсбурге в 1849 г. после своего побега из Германии. Земмиг отмечал значительную роль, которую играл Гесс в развитии немецкого социализма. Письмо к Земмигу дошло до нас в двух вариантах. Оба варианта имеют большую биографическую ценность.

² Феличе Орсини (1819–1858), итальянский патриот и заговорщик, 14 января 1858 г. предпринял покушение на французскую императорскую чету и спустя два месяца был казнен.

истинных демократов, например, Фовети, чью брошюру¹ мы высылаем Тебе с этим письмом, равно как оппозиция буржуазии, попов и роялистских партий, которые, впрочем, не смеют пикнуть с тех пор, как решена война². Бонапарт выступает сегодня не как спаситель монархии и племянник своего дяди, но как диктатор революции — завтра, быть может, он выступит как народный трибун. Эвербек и я убедились в этом, предприняв шаг, который до поры до времени должен оставаться в тайне³.

Как бы то ни было, движение, которое начинается теперь и против которого 1848 год был детской игрой, пойдет своим собственным, а не предписанным ему путем. Французские войска уже в Италии, поднимется весь итальянский народ, австрийцев вышвырнут из Италии, и тогда прощай все монархические столпы в Европе и прощай дипломатическое равновесие. Центр тяжести старой Европы и с ним центр притяжения консервативных умов сместится, и только те смогут устоять на ногах и не потерять головы во время этой новой суматохи, кто подобно нам оставался на "широчайшей демократической основе".

Будь уверен, дорогой друг, что наше время снова не за горами, быть может, не пройдет и года, как оно наступит. Почему Ты не воспользовался пасхальными каникулами, чтобы приехать в Париж? Мы здесь снова ожили: что касается меня, то я снова бросился в политику, пишу в разные места (уже около месяца⁴), и по

¹ Charles Fauvety. Du Principe de nationalité l'Italie, Paris, E. Dentu, 1859, стр. 31.

² Итало-австрийская война началась после отклонения Пьемонтом ультиматума, предъявленного ему Австрией 23 апреля 1859 г. Франция воевала на стороне итальянцев.

³ Ср. предыдущее письмо.

⁴ В оригинале вычеркнуто. Гесс был с конца февраля 1859 г. по июнь 1860 г. корреспондентом аугсбургской "Альгемейне

мере своих сил, — правда, незначительных — способствовал тому, чтобы развязалась европейская свистопляска. О подробностях я когда-нибудь при случае сообщу Тебе устно.

Это было время, когда в мир снова была брошена искра, когда ночные колпаки снова превращались в хлопушки, начиненные динамитом¹, когда любителей законов военного времени самих судят по этим законам и кровавый молокосос² получает причитающееся ему. Как после 1848 г. революция исподволь устранялась реакцией, так уже в продолжение нескольких лет реакция столь же постепенно устранялась революцией, почти незаметно, как бы пластами. Сначала снесли ее верхушку, никелевскую³ Россию, посредством Крымской войны, в результате которой Никель умер с досады и от яда, который источала его политика и который в конце концов обратился против него самого.

Теперь подходит очередь (кровавого молокососа и Святого Отца) императора Священной Римской Империи и Святого Отца. Теперь революция продвигается исполинскими шагами, не прилагая больших усилий. Это гораздо более основательная работа, чем "домартовская", если воспользоваться немецкой терминологией. Подумай, все снова исходит от Франции! Это раздражает наших завистливых германских па-

цейтунг". Позже сотрудничал в бонапартистском органе "Эсперанс", издававшемся с конца октября 1859 г. в Женеве.

¹Игра слов: "Schuessbaumwolle" — "стреляющий хлопок", "динамит". — *Прим. ред.*

²Франц-Иосиф I (1830–1916). — *Прим. ред.*

³Имеется в виду русский царь Николай I (1796–1855). Обыгрывая немецкое происхождение Николая, Гесс называет его презрительно "Никель". В немецком языке слово Nickel имеет несколько значений, в том числе "злой гном" и "никелевая (мелкая) монета". — *Прим. ред.*

триотов. Кто мешал им превзойти французов? Ведь они имеют в Пруссии своего либерального регента¹, ведь они воображают, что обладают большей свободой, чем французы. Но они предпочитают в Австрии восторгаться Священной Римской Империей, а не, стоя на революционной позиции, приветствовать новый мир.

Если пруссаки сегодня идут вместе с Австрией, вместо того, чтобы на ее руинах построить современную Германию, то они достойны того, чтобы задохнуться в тисках между Россией и Францией! Ибо по сравнению с Австрией Россия более прогрессивна, так же, как Франция по сравнению с Пруссией, вопреки регентству, с одной стороны, и Империи, с другой. Россия и Франция предложили Пруссии, хотя еще не публично и не официально, основать единую Германию. Но как слабоумный Фридрих-Вильгельм IV отказался уже в 1848 г. от императорской короны, так, очевидно, упрямый регент откажется ныне снова — из почтения к слабоумию — от этого предложения и пойдет ко дну вместе с договорами Священной Римской Империи.

Немцев надо, как ты предполагаешь, а я утверждаю совершенно серьезно, **заставить** образовать, подобно итальянцам, свободную, национальную конфедерацию. В политическом отношении они сильно отстают от Молдавии и Валахии! Пусть они со своим Божьим помазанником — с Богом за короля и отечество — убираются к черту. Я, как и Эвербек, в конце концов натурализуюсь здесь², чтобы даже номинально не иметь ничего общего с этой средневековой жестокостью. Эти ослы разглагольствуют о французской завоевательной политике, а сами погрязли по уши — только они одни — в средневековой завоевательной

¹ Вильгельм I был в 1858–1861 гг. принцем-регентом Пруссии. — *Прим. ред.*

² Гесс в продолжение всей своей жизни сохранял прусское подданство. — *Прим. ред.*

политике! В Италии они воображают, что могут продолжительное время господствовать над народом, который знать их не хочет. Свое полновесное право на Шлезвиг и Гольштинию — полновесное потому, что гольштинцы сами хотят воссоединиться, — а сегодня все зависит от воли народов, — они легкомысленно утрачивают не только потому, что хотят покорить итальянцев, но и потому, что открыто претендуют на завоевание Дании.

Скандинавы объединятся и выступят вместе с Францией и Россией; нам хотелось бы увидеть, что совершат миллионы перевозносимых "германских мечей", когда Италия, южные славяне, Турция, Австрия и Венгрия и т. д., с одной стороны, — и скандинавы, голландцы и бельгийцы, с другой, — выступят вместе с Францией и Россией против германской завоевательной политики! В конце концов дело еще дойдет до этого, Ты увидишь. Не могу сдержать ярость при виде этих крикунов, которые хотят проглотить весь мир, а на самом деле могут есть только клецки.

Тебе надо было бы видеть, как здесь все смеются и поют и пляшут до упаду, потому что снова речь зашла о том, чтобы умереть за свободу. Но на сегодня довольно. Если Ты напишешь мне, я расскажу Тебе больше.

Твой старый
Гесс.

Ваша Сибилла Гесс также приветствует Вас от всего сердца.

Фридриху-Герману Земмигу

Париж, предположительно 27 апреля 1859 г.

Дорогой Земмиг!

Для меня, как и для Эвербека, было сердечной радостью узнать из Твоего письма, что Ты принадлежишь

к немногим немцам, которые воспринимают положение совершенно просто, таким, каково оно есть. Австрийское шулерство, впрочем, и в Германии продержится не очень долго, если только когда-нибудь факты будут преданы гласности. До поры до времени мы можем утешать себя тем, что такие люди, как Карл Фогт, обнародовавший статью против Австрии¹, как Симон из Трира, которого я иногда вижу здесь, разделяют наши взгляды. Но по честным демократам в Германии, впрочем, видно, что они еще не пришли к окончательному выводу касательно предстоящей войны, раз они сегодня выступают одновременно против Франции и против Австрии.

Луи Симон недавно сказал мне, — и я полагаю, что он попал в самую точку, — что третий Наполеон в гораздо большей мере, чем первый, — душеприказчик французской республики. Что честолюбие и страх перед итальянскими ручными бомбами сыграли при этом свою роль, не оспаривает ни один человек. Но мы не должны докапываться до личных мотивов того или иного властителя. Главный вопрос, который мы сегодня должны поставить, можно сформулировать так: на чьей стороне, на французской или на австрийской, эгоистические интересы властителей и народов совпадают с общими интересами европейских народов?

Тот, кто в продолжение всей своей жизни неизменно отождествляет себя с общими интересами цивилизации, не замедлит признать, что на этот раз борьба за независимость европейских народов — отнюдь не лицемерная фраза в устах французов и их правительства, что противоречивость, ложь, ханжество и варварство характерны скорее для другой стороны. — Что за этим скрывается, какие побочные цели преследуют французский и итальянский диктаторы?

¹ Karl Vogt. Studien zur gegenwärtigen Lage Europas, Genf und Bern, 1859.

Движение, которое начинается теперь и по сравнению с которым 1848 год был детской игрой, пойдет своим собственным путем, следуя своей внутренней логике; предпосылки этого движения существуют во Франции и Италии, а их конечное развитие приведет к свободе и нерушимому миру во всем мире. Поэтому мы должны бросить свою гирию на эту чашу весов, а не на другую, дабы способствовать движению в этом направлении.

Перелом в мировой ситуации начался уже с войны против Николая. Как после 1848 г. революция двигалась шаг за шагом к победе, так постепенно и как бы слоями убирали с дороги реакцию. Сначала в результате Крымской войны, из-за которой Никель умер с досады и от медленно действовавшей отравы, срезали верхушку оникеленной Николаевской России. Теперь подошла очередь кровавого молокососа, который вновь хотел бы сделаться императором Священной Римской Империи, и самого Святого Отца. Революция движется вперед исполинскими шагами.

Должны ли мы досадовать на то, что все снова исходит от Франции, даже от такого человека, как Бонапарт? Кто помешал нам превзойти французов? Ведь мы в Пруссии имели либерального регента и располагали большей свободой, чем они? Но мы ночные колпаки и остаемся ими, мы задним числом с завистью и недоброжелательством взираем на усилия, предпринимаемые другими народами. Поистине настало время вновь превратить ситцевые ночные колпаки в хлопушки, начиненные динамитом, и судить любителей законов военного времени самих по этим законам!

Тебе надо было бы видеть, как здесь все смеются и поют и пляшут до упаду, потому что речь зашла снова о том, чтобы умереть за свободу. А наши германские простофили воображают, что с французами покончено, потому что они уже несколько лет терпят диктатуру, которую в конце концов избрали себе сами.

Париж, 3 мая (1859 г.).

После того как император Священной Римской Империи обнажил свой "меч", дабы защитить свою "собственность" и "порядок в Европе", нечестивый и вселяющий в наших немцев безотчетный ужас и страх парижанин изрек свой окончательный приговор. Сравните только австрийский манифест с французским². Одного заглавия австрийского манифеста "К моим народам" достаточно, чтобы судить о его средневековом, азиатском характере. Как современно, напротив, звучит: "К французскому народу"!

Немецкий биржевик-еврей, разумеется, питающий симпатии к Австрии, в присутствии которого я издевался над библейско-азиатско-высокопарным, Божьей милостью австрийским манифестом, думал рассердить меня, отозвавшись о французском манифесте: "Так говорят с предместьями". Именно так, и это хорошо.

Если, однако, другие немцы, не биржевики-евреи, если даже немецкие демократы выступают против революционной войны за реакционный австрийский или "германский меч", то это требует объяснения; попытаюсь дать Тебе его. Это явление объясняется двумя причинами: исторической и антропологической. Я должен начать с последней, так как она служит основой для первой, исторической причины. Немцы, как и евреи, остаются относительно чистой расой, во всяком случае по сравнению с французами. Как у евреев, даже самых просвещенных, в крови еще сидит древ-

¹ В оригинале заголовок: "Письма из Франции от проживающего там немецкого демократа Г[есса] к З[еммигу]", из чего следует, что Гесс и Земмиг намеревались опубликовать свою переписку. — *Прим. ред.*

² Австрийский манифест появился 29 апреля 1859 г., французский — 3 мая 1859 г. — *Прим. ред.*

ность, так и у немцев, даже самых революционных, — средневековье. Антропологической основой современного мира служит скрещение рас, которое началось с переселения народов. Самые передовые, самые революционные народы или скорее общества, французское и северо-американское, — самые смешанные, или, если Тебе угодно, в них больше всего пригвождались к кресту как освобожденные, так и освободители¹. Возможно, мысль о том, что современные французы могут быть освободителями, вызовет у Тебя смех. Но Ты ведь знаешь поговорку: смеется тот, кто смеется последним. Немцу в отличие от швейцарца, француза и англичанина неведом современный патриотизм, его патриотизм — это реакционный расовый фанатизм. Он забывает о том, что антропологическая миссия германцев как восстановителей расы завершена, что теперь речь идет скорее о том, чтобы чистокровных германцев возродили те, в кого они некогда влили свежую кровь. Христианско-германское варварство и лицемерие не исчезнут до тех пор, пока страсть к завоеваниям, еще со средних веков сидящая у немцев в крови, но ставшая сегодня уже анахронизмом, похотливое стремление властвовать над уже цивилизованными народами, не накличет на их голову коалицию современного мира, коалицию, которую Франция возглавит как представительница романской цивилизации, Северная Америка — германской — и Россия — славянской цивилизации.

У Германии остались считанные мгновения, чтобы мирным путем примкнуть к движению современных народов, желающих мирно и свободно строить свою государственность друг подле друга. Если Германия, вместо того, чтобы стать палачом Австрии, будет стоять рядом с Пруссией, и, вместо того, чтобы мешать развитию этого современного государства, поможет ему продвинуться в направлении, которое было

¹ Игра слов: “kreuzen” — скрещиваться, смешиваться, “kreuzigen” — распять, пригвоздить к кресту.

ему указано историей, — если наши демократы, все еще относящиеся с подозрением к России, потому что некогда она была реакционной державой Николая, сегодня заключат союз с освободителями Италии — с Россией и Францией — и поддержат Пруссию в ее стремлении вступить в этот альянс, — тогда Пруссия займет место Австрии и ее немецких сателлитов, Германия превратится в великую современную державу, и ни одному европейскому народу не придет на ум воспрепятствовать ее промышленному и политическому развитию.

Но боюсь, что близорукий фанатизм тевтонства возьмет верх, что обратятся к варварской силе "германского меча" и в конце концов упадут в ту яму, которую роют для соседей, якобы алчных до завоеваний.

Фердинанду Лассалью¹

Париж, 9 декабря 1863 г.

Дорогой Лассаль!

Если Бюргерс² действительно еще не умер морально, то умертвите его; я ничего абсолютно не имею против этого. Что касается меня, то я отношусь с прежним фанатизмом к социальному движению, фанатизмом, который воодушевляет меня уже лет двадцать восемь — тридцать; как Вы видите, я вскоре смогу вместе с немецким князем (Генрихом LXXII, если

¹Фердинанд Лассаль (1825–1864), видный деятель немецкого рабочего движения, социалист. Президент созданного в 1863 г. "Всеобщего германского рабочего союза". Выступал за план объединения Германии под главенством Пруссии. — *Прим. ред.*

²Генрих Бюргерс (1820–1878), сотрудник редакции "Neue Rheinische Zeitung" и Союза коммунистов, подсудимый на Кельнском процессе коммунистов в 1852 г., вступил в прогрессивную партию и был избран депутатом Рейхстага. — *Прим. ред.*

не ошибаюсь), выпустить прокламацию, гласящую, что я уже в течение тридцати лет "не слезаю с одного и того же принципа", — но именно этот древний возраст моего фанатизма отличает его от Вашего; я не могу больше тешить себя иллюзиями. Если бы в моих силах было провести радикальные социальные реформы посредством революционных мер и если бы я должен был воспользоваться для этого в частности шулерством с германским единством, я бы заколол не одного **Бюргерса**, но **всех** "бюргеров", которые противятся пролетарским устремлениям. Но вы ведь знаете, жизнь заботится о том, чтобы ничего не переходило разумного предела, что всякое стремление ввысь и возмущение имеет свои границы и что в определенном возрасте ты рад, если твое дерево способно еще плодоносить. Надеюсь, что я сумею еще что-то сделать, если только буду щадить свое подвергшееся в последнее время многим испытаниям и почти совершенно подорванное здоровье, если не растрочу остаток своих сил — в мелких, так называемых практических стычках, по моему глубочайшему убеждению не ведущих ни к чему значительному и действительному, если снова займусь теоретическими изысканиями и трудами, которым не мог посвятить себя в Кельне не столько из-за дел Ферейна, сколько по семейным обстоятельствам, которые я Вам при случае объясню. Поэтому очевидно до следующего лета я должен пробыть в своем старом убежище. Вы сможете и без меня продолжить агитацию, которая наверное принесет свои плоды, хотя, возможно, в другое время и совершенно другого рода, чем Вы ожидаете. Германские политические и национальные чаяния я ни во что не ставлю, абсолютно ни во что, потому что они проникнуты лишь буржуазным духом, и я полностью разделяю Ваше мнение о немецком бюргере и расхожусь с Вами лишь в том, что я считаю германский пролетариат, коль скоро он не будет поддержан западным и южным пролетариатом, неспособным создать сколько-нибудь сильное политическое движение. Я уже указывал Вам на это в своем предыдущем письме, в

котором я приглашал Вас приехать на Рейн. Здесь, скажем, в Дюссельдорфе, я охотно помог бы Вам; но в Кельне я больше не мог оставаться, а ожидать своего "перемещения в Берлин" не мог и не хотел. Мой здешний адрес 23, rue Leonie-Montmartre, а Paris. Если Вы захотите порадовать меня письмом, Вы меня бесконечно обяжете. — Tout a vous

М. Гесс

Гюставу д'Эйхгалю¹

Париж, 17 мая 1864 г.

Сударь,

Я прочитал с большим вниманием и огромным интересом письмо и брошюру, которые Вы любезно переслали мне вместе с моей книгой². Нам есть о чем поспорить, но как Вы справедливо заметили, это невозможно сделать в небольшом письме. Я обращаюсь к Вам с предложением: мое второе письмо, которое будет опубликовано в конце месяца в "Archives israelites"³, завершит первую серию. Я велю своему издателю прислать мне новые экземпляры и, когда они придут через несколько недель, буду иметь честь предложить Вам один из них, Вы же ссудите меня одним из экземпляров Вашей книги или укажете, где я смогу получить "Evangeles"⁴, дабы я также мог про-

¹ Содержание письма свидетельствует о том, что адресатом был, очевидно, Гюстав д'Эйхгаль (1804–1866), известный сен-симонист и религиозный мыслитель. — *Прим. ред.*

² "Рим и Иерусалим". — *Прим. ред.*

³ Десятая и последняя часть первой серии статей "Письма о миссии Израиля в истории человечества" появилась в "Archives israelites" 1864 г. — *Прим. ред.*

⁴ Гюстав д'Эйхгаль опубликовал труд в двух томах под названием "Evangeles" (Париж, 1863). — *Прим. ред.*

следить за ходом Ваших мыслей. Я начну в "Archives" новую серию писем, в которой, в частности, коснусь Вашей точки зрения по поводу позиции господина Сальвадора¹ и особо сошлюсь на Ваши библейские изыскания. Это отнюдь не исключает возможности прямого обмена мнениями между нами. В Вашем весьма интересном письме я отметил два противоречивых пункта: один относится к принципу, другой к тому, как Вы рассматриваете возможность применения метода, предусматривающей роль, миссию Израиля. Практические трудности, которые Вы считаете помехами на пути реализации моих идей, объясняются расхождением в наших принципах. Вы, сударь, подобно господину Сальвадору, поглощены больше религиозной, чем социальной миссией израильского народа. Для меня религиозный вопрос целиком сводится к политическому и социальному вопросу современных народов, которые начнут возрождаться именно тогда, когда христианство начнет преобразовываться, потому что оно, по моему разумению, было идеальным выражением процесса отмирания древних народов, сменившегося в нашу эпоху процессом возрождения точно так же, как языческий Рим и варвары, ставшие его наследниками, явились отрицанием прежнего порядка вещей. Однако по моему мнению это вовсе не означает ни возврата к национальной политике древних времен — в этом Вы совершенно правы — ни того, что культ будет походить на культ древних народов, израильского, греческого и др. Если уже в древности израильтяне не были единственным народом, населяющим зем-

¹Французский историк религии Жозеф Сальвадор (1796–1873) полагал, что разрушение Храма было необходимой предпосылкой для распространения иудаизма в его христианской форме. Он верил в будущее иудаизма и в его возрождение и обнародовал в 1860 г. двухтомный труд "Paris, Rome, Jerusalem en la question religieuse au XIX siècle". — *Прим. ред.*

лю своей родины, территорию которой расширил Давид, истинный основатель нашего государства, далеко раздвинув границы обитания колен Израилевых, то имеется более веская причина для создания современного отечества, населенного не одними евреями; евреям, на мой взгляд, не останется ничего иного, как колонизовать несколько областей своей древней родины, не заботясь до поры до времени о Храме и Иерусалиме. Восстановление культа должно быть предоставлено эпохе более прогрессивной, когда прекратится антагонизм между различными христианскими, мусульманскими и иудейскими вероисповеданиями. Каким образом? Это дело истории, лишь основные принципы развития которой я намечаю в своих письмах. Не угодно ли будет Вам, сударь, уведомить меня, согласны ли Вы со всем этим, и благоволите принять мои братские приветы.

М. Гесс

Иозефу-Гиршу Дюннеру¹

(Бог в помощь)²

Бульвар Монсо, 72

Париж, 1 декабря 1865 г.

Дорогой, высокочтимый друг!

Прошло несколько лет, за которые столь многое переменялось **вокруг нас** и, конечно, **в нас**, хотя мы ничего не слышали друг о друге, разве что от третьих

¹Иозеф-Гирш Дюннер (1833–1911), уроженец Кракова, в 1862 г. был ректором раввинской семинарии в Амстердаме, в 1874 г. главным раввином Амстердама и северной Голландии. Гесс состоял с ним в переписке по еврейским вопросам. – *Прим. ред.*

²“Бог в помощь” написано в заглавии письма по-древнееврейски. Далее Гесс поставил дату согласно еврейскому календарю. – *Прим. ред.*

лиц. Минуло уже два года с тех пор, как я снова покинул родину, снова в Париже и продолжаю свою патристическую еврейскую деятельность, прерванную в последнее полугодие моего пребывания в Кельне из политических соображений. В 1864 г. в здешних Archives israelites я опубликовал ряд статей о миссии Израиля¹, о которых Вы едва ли слышали, хотя они и снискали мне симпатии среди влиятельных евреев. Каков смысл и дух этой и других более поздних моих работ, Вы сможете понять, если я Вам скажу, что не только не изменил своих взглядов, но что касается религии, еще теснее, чем прежде, примкнул к традиционному иудаизму и что господин Филиппсон² из Бонна весьма резко выступил против моих статей, опубликованных в Archives.

Из приобретенных мною здесь друзей, разделяющих мои взгляды на будущее иудаизма и еврейского народа, я должен упомянуть лишь господина Леви-Бена³ из Нанси, который имеет в Париже и Нанси банк, но в отличие от других еврейских банкиров нашего времени является ревностным последователем иудаизма. Он уже много печатался в местных журналах, Archives и в L'Univers, между прочим, различие между этими двумя журналами в оценке практических еврейских тенденций не столь велико, как может показаться; наши взгляды удивительно совпадают, и это сдружило нас еще до того, как мы лично познакомились. Мы, естественно, предприняли совместные усилия, чтобы реали-

¹ Имеется в виду серия статей под заглавием: "Письма о миссии Израиля в истории человечества" ("Lettres sur unisson d'Israel l'histoire de l'humanite"), изд. 1864, в десяти выпусках. — *Прим. ред.*

² Филиппсон Людвиг (1811–1889), раввин-реформист, издавал "Всеобщую газету еврейства" (Allgemeine Zeitung des Judentums.) — *Прим. ред.*

³ Леви-Бен был сотрудником "Archives israelites" и членом "Univers israelite", а также членом "Consistoire israélite" в Париже. — *Прим. ред.*

зовать свои идеи. Мы уже собирались было основать журнал¹ и учредить общество по изучению Талмуда. Действительно, в давние времена здесь учредили некое *Société littéraire scientifique israélite*, о котором я в дальнейшем напишу Вам более обстоятельно. Но мне не терпится перейти к главному вопросу.

Наше публичное выступление с призывом возродить еврейский народ и возникшая вследствие этого полемика с местными "культурными евреями", временами достигавшая большого ожесточения, привлекла к нам и нашим попыткам внимание и нееврейских кругов. Высокопоставленные лица, находящиеся в близких отношениях с местным двором, поддерживающие связи с крупным алжирским финансовым обществом, которое было основано вскоре после поездки императора в Алжир, сообщили господину Леви-Бену, что в высших сферах взглянули бы весьма благосклонно на то, чтобы на Востоке, в Палестине или по соседству с ней, то есть в пограничном районе, лежащем между Палестиной и Египтом, в древнем Гошене, на берегах почти прорытого Суэцкого канала, были бы основаны еврейские колонии. Господин Лессепс, как известно, добился от вице-короля Египта уступки обширных земельных участков по обе стороны этого канала². Эти земельные участки должны были быть переданы на очень выгодных условиях некоему финансовому обществу с целью основания еврейских колоний. Это общество могло бы целиком или частично состоять из евреев, во всяком случае могло бы находиться под руководством еврейских колонистов.

Когда об этих планах сообщили моему другу, он посоветовался со мной, и я обратил его внимание на

¹ План издания еженедельного журнала "Сион" ("Zion") не был осуществлен. Летом 1864 г. Гесс написал устав коммандитного товарищества, которое должно было выпускать этот журнал. — *Прим. ред.*

² Земельные участки были получены от хедива Измаила Паша, правившего в 1863–1879 гг. — *Прим. ред.*

то, что уже имеется еврейское общество колонизации Палестины под руководством некоего господина Лурье¹ во Франкфурте на Одере. Как раз в это время в Archives israélites было опубликовано объявление этого общества о том, что оно принимает пожертвования в Берлине и Амстердаме (у Лерена). Поэтому мы совместно написали Лурье, сообщили ему об этих предложениях и просили прислать более подробные сведения и статистические данные об общинах и странах, в которых могут найтись евреи, желающие отправиться как колонисты в Палестину. Господин Леви-Бен, после того, как ознакомился с внутренним устройством организации, вызвался предоставить свой банк в распоряжение общества для перечисления пожертвований из Франции. Затем мы получили от господина Лурье весьма краткий и не очень вразумительный ответ, вместе с двумя печатными брошюрами. Содержание брошюр, очевидно, станет известным Вам, и из них, равно как из этого лаконичного письма, явствовало лишь, что по сей день господин Лурье — единственный директор и управляющий, даже получающий вознаграждение, которое он назначает себе сам.

О каком-либо обществе, совете директоров или о собрании, которое, передав ему полномочия, по крайней мере контролировало бы финансы и их расходование — ни звука или, вернее, неопределенные намеки, оправдывающие или маскирующие отсутствие такого контроля.

Больше мы ничего не смогли узнать от господина Лурье, несмотря на повторный запрос. Что касается данных о возможных еврейских колонистах, он сообщил нам только, что имеется, если я не ошибаюсь, около ста человек, готовых стать колонистами. Вы понимаете, что такие сведения были совершенно бесполезны для нас.

¹ Хаим Лурье родился в 1821 г., основал в 1861 г. во Франкфурте на Одере "Общество для колонизации Палестины".

К счастью, господин Леви-Бен разыскал недавно одного еврейского учителя из Варшавской семинарии по имени Уферман, уже пожилого человека, которого последнее польское восстание заставило покинуть родину и который сообщил ему весьма интересные сведения о евреях в Польше и России. Он утверждал, что Николай уже в двадцатых годах основал еврейские колонии в западной Сибири и в черноморских провинциях. Эти колонии, невзирая на трудности, которые им пришлось преодолеть, достигли такого расцвета, что получали постоянное пополнение даже из Прусской и Австрийской Польши. Колонии продолжали существовать, несмотря на участие евреев в революциях 1830 года и 1863 года¹ и несмотря на то, что это участие навлекло на них жестокие репрессии русского правительства. Однако колонисты, подобно сотням тысяч еврейских семей, живущих среди русского и немецкого юдофобства, с радостью переселились бы в Палестину, если бы им предоставили там землю и обеспечили бы законом работу. В частности, колонистов можно было бы вербовать среди еврейского населения Привисленского края, южной Польши, Прикарпатья, промышленных городов Александров, Серадзь, Лодзь, Турк, а также западной и северной Литвы и Южной Волыни.

Наверно, Вы можете судить, насколько правильны эти сведения. Для меня прежде всего существенно Ваше мнение об изложенном Вам проекте учреждения крупного финансового общества под патронажем французского правительства с целью колонизации тех земель, о которых я Вам писал. Вы знаете, что уже в книге "Рим и Иерусалим" я высказал мнение, что по-видимому лучше всего приступить к колонизации Палестины с Суэцкого канала. Ныне я вижу, что это мнение и надежда на французскую защиту чудесным образом подтвердились. Чудесным образом, потому что тогда, когда я сформулировал эту точку зрения,

¹Имеются в виду два польских восстания: 1830–1831 гг. и 1863 г. — *Прим. ред.*

у меня не было никаких связей, я следовал лишь своему внутреннему голосу, и вот мои взгляды нашли последователей. Но именно потому, что я в определенной мере пристрастен в отношении этого проекта, мне хотелось бы услышать Вашу беспристрастную трезвую оценку. Если Вы согласны со мной, то, объединившись с господами Леренами¹ и другими, Вы могли бы внести значительный вклад в реализацию этого великого проекта. Как только я получу Ваш ответ, я сообщу Вам детали. До поры до времени прошу Вас держать проект в **тайне**, ибо сведения о нем должны стать достоянием публики не раньше, чем будет принято решение о его осуществлении.

В заключение еще кое-что о литературном обществе, учрежденном здесь. Оно создано по инициативе Леви-Бена и других. Тем временем мой друг поссорился с некоторыми другими лицами, впоследствии завершившими основание общества, и вышел из него. Среди членов общества теперь такие известные личности, как Мунк², Франк³, Альберт Кон⁴, Ротшильд⁵, местный главный раввин Изидор⁶, президент консистории

¹Братья Лерен из Амстердама. Банкиры, филантропы и талмудисты. — *Прим. ред.*

²Соломон Мунк (1805–1867), ориенталист, эмигрировал из Пруссии во Францию, так как, будучи евреем, не мог состоять на государственной службе, профессор Коллеж де Франс. — *Прим. ред.*

³Адольф Франк (1809–1893), философ, профессор Коллеж де Франс. — *Прим. ред.*

⁴Альберт Кон (1814–1877), заведовал фондами семьи Ротшильд, выделяемыми на филантропические цели, член центрального комитета “Alliance israélite universelle”. — *Прим. ред.*

⁵Альфонс де Ротшильд (1827–1905), глава парижского банкирского дома и президент еврейской консистории во Франции. — *Прим. ред.*

⁶Лазарь Изидор (1814–1888), с 1847 г. главный раввин Парижа, а с 1867 г. — Франции. — *Прим. ред.*

Серфбер, Фуртадо¹, Родригес², Грец из Бреславля³ и моя малость. Грец был здесь. На первых порах речь шла о переводе его истории евреев. Но сначала он должен написать том о происхождении христианства с точки зрения еврейской истории или, вернее, снабдить меня материалами на эту тему, чтобы я обработал их на французском языке. Работа уже началась и отнимает у меня уйму времени. Будем надеяться, что она будет окончена через четыре-пять месяцев.

Я надеюсь, что Вы также сообщите мне об обстоятельствах своей жизни и своей деятельности. Думаю, что Вы еще в Амстердаме и что Ваше предприятие увенчается успехом. Если Вы и Ваши друзья в Амстердаме заинтересуетесь проектом колонизации, то может быть мне удастся навестить Вас. А пока я с нетерпением жду вестей от Вас и прошу Вас написать мне как можно подробнее обо всем.

С самыми сердечными, самыми дружескими приветами
Неизменно преданный Вам
М. Гесс

P. S. Жду также подробных сведений о Лурье.

¹ Огюст Фуртадо (1797–1883), французский банкир. – *Прим. ред.*

² Ипполит Родригес (1812–1898), французский банкир и писатель. – *Прим. ред.*

³ Генрих Грец, еврейский историк. Гесс поддерживал с ним контакты. В письме к С. фон Гатцфельд, подруге Лассаля, Гесс писал, что "Научно-литературное израильское общество" (Société scientifique littéraire israélite) поручило ему большую работу – французский перевод трудов Греца. Первый том появился в 1867 г. в парижском издательстве братьев Леви. – *Прим. ред.*

КНИГИ ИЗД-ВА "БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"

1. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 1
2. Леон Юрис. ЭКСОДУС. Книга 2
3. Д-р А. И. Кауфман. ЛАГЕРНЫЙ ВРАЧ
4. Сарра Нешамит. ДЕТИ С УЛИЦЫ МАПУ
5. Арье (Лева) Элиав. НАПЕРЕГОНКИ СО ВРЕМЕНЕМ
6. Д-р Е. Хисин. ДНЕВНИК БИЛУЙЦА
7. Макс Брод. РЕУВЕНИ, КНЯЗЬ ИУДЕЙСКИЙ
8. 6 000 000 ОБВИНЯЮТ (Процесс Эйхмана)
9. А. И. Гешель. ЗЕМЛЯ ГОСПОДНЯ
10. НА ОДНОЙ ВОЛНЕ. Еврейские мотивы в русской поэзии
11. Натан Альтерман. СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО
12. Шаул Черниковский. СТИХИ И ИДИЛЛИИ
13. Теодор Герцль. ИЗБРАННОЕ
14. Ахад-Гаам. ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ
15. Ахарон Мегед. ХЕДВА И Я
16. Яков Цур. И ВОССТАЛ НАРОД
17. Р. и У. Черчилль. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА
18. ПРИДЕТ ВЕСНА МОЯ. Стихи советского еврея
19. Говард Фаст. МОИ ПРОСЛАВЛЕННЫЕ БРАТЬЯ
20. И. Домальский. РУССКИЕ ЕВРЕИ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ
21. Игал Аллон. ОТЧИЙ ДОМ
22. Юлия Шмуклер. УХОДИМ ИЗ РОССИИ
23. Хана Сенеш. ДНЕВНИК
24. ЕВРЕИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1917—1967)
25. Ш. Й. Агнон. ИДО И ЭЙНАМ. Рассказы, повести, главы из романов

26. Элизер Смоли. ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ
27. Тувия Божиковский. СРЕДИ ПАДАЮЩИХ СТЕН
28. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 1
29. ОЧЕРК ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА. Книга 2
30. А.Итай и М.Нейштат. ЧЕРЕЗ ТРИ ПОДПОЛЬЯ
31. Эли Люксембург. ТРЕТИЙ ХРАМ
32. С.Г.Фруг. СТИХИ И ПРОЗА
33. Р.Губер. КНИГА БРАТЬЕВ
34. ЭРЕЦ-ИСРАЭЛЬ. Географический очерк
35. Дж. и Д.Кимхи. ПО ОБЕ СТОРОНЫ ХОЛМА
36. И.Башевис-Зингер. РАБ
37. Р.Бонди. ЭНЦО СЕРЕНИ
38. Иегуда Галеви. СЕРДЦЕ МОЕ НА ВОСТОКЕ
39. Шломо Цемах. ГОД ПЕРВЫЙ
40. Шаул Авигур. С ПОКОЛЕНИЕМ ХАГАНЫ
41. Ханох Бартов. ВОЗМУЖАНИЕ
42. Ружка Корчак. ПЛАМЯ ПОД ПЕПЛОМ
43. Бернард Маламуд. ПОМОЩНИК
44. ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ О ДЖИММИ
45. МОЙ ПУТЬ В ИЗРАИЛЬ. Сборник очерков
46. Моше Натан. БИТВА ЗА ИЕРУСАЛИМ
47. Ицхак Маор. СИОНИСТСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ
48. Ицхак Шенхар. СЫНЫ ЗДЕШНИХ МЕСТ
49. Генри Рот. НАВЕРНО ЭТО СОН
50. СОЦИАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ
ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
51. Моше Шамир. ОН ШЕЛ ПО ПОЛЯМ
52. Ахарон Мегед. ЗА СЧЕТ ПОКОЙНОГО
53. Давид Маркиш. ПРИСКАЗКА
54. МАКОВЫЙ ХОЛМ. Рассказы о жизни в киббуцах
55. Джон Орбах. РИКША
56. Иосеф Гедалия Клаузнер. КОГДА НАЦИЯ БОРЕТСЯ ЗА
СВОЮ СВОБОДУ

57. Исаак Бабель. ДЕТСТВО И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ
58. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 1
59. Проф. И. Слуцкий. ИСТОРИЯ ХАГАНЫ. Книга 2
60. Андре Шварц-Барт. ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПРАВЕДНИКОВ
61. Эммануэль Литвинов. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО МАЛОЙ ПЛАНЕТЕ
62. Владимир (Зеев) Жаботинский. ИЗБРАННОЕ
63. Мартин Бубер. ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
64. Макс И. Даймонт. ЕВРЕИ, БОГ И ИСТОРИЯ
65. Сол Беллоу. ПЛАНЕТА м-ра СЭММЛЕРА
66. ЕВРЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ. Сборник:
И. Кауфман. Библейская эпоха
Л. Финкелстайн. Еврейская вера и претворение ее в жизнь
Ш. Эттингер. Корни современного антисемитизма
67. А. Суцкевер. ЗЕЛЕНЫЙ АКВАРИУМ
68. АНТИСЕМИТИЗМ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ. Сборник
69. СКОПУС. Антология поэзии и прозы писателей-репатриантов из СССР
70. Ури Дан. ОПЕРАЦИЯ ЭНТЕББЕ
71. Моше Шамир. СВОИМИ РУКАМИ
72. Л. Коллинз и Д. Лапьер. О, ИЕРУСАЛИМ!
73. М. Новомейский. ОТ БАЙКАЛА ДО МЕРТВОГО МОРЯ
74. М. Гесс. РИМ И ИЕРУСАЛИМ
75. Ф. Кандель. ВРАТА ИСХОДА НАШЕГО
76. Ф. Баазова. ПРОКАЖЕННЫЕ
77. А. Шлионский. ГОРЫ ГИЛЬБОА
78. Иехуда Бурла. ПОХОЖДЕНИЯ АКАВЬИ
79. Х. Н. Бялик и И. Х. Равницкий. АГАДА
80. ИСКУССТВО В ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
81. ДВЕ КОНЦЕПЦИИ ЕВРЕЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ:
Б. Динур. Исторические основы возрождения Израиля
С. Дубнов. Письма о старом и новом еврействе

82. **ЕВРЕЙСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПОЭЗИЯ
В ИСПАНИИ**
83. **Х.Бартов. ВЫДУМЩИК**
84. **Гилель Бутман. ЛЕНИНГРАД — ИЕРУСАЛИМ
С ДОЛГОЙ ПЕРЕСАДКОЙ**
85. **Жак Дерожи. ТАЙНА СУДНА "ЭКСОДУС-1947"**
86. **Цивья Любеткин. В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ**
87. **М.Стейнберг. ОСНОВЫ ИУДАИЗМА**
88. **А.Кестлер. ВОРЫ В НОЧИ**
89. **Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов**
90. **Ада Серени. КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ**
91. **Иехуда Атлас. ХОТЬ НА ВИСЕЛИЦУ**
92. **М.Стейнберг. КАК СОРВАННЫЙ ЛИСТ**
93. **Н.Полетиска.ВИДЕННОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ**
94. **Эли Визель. ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ**
95. **Альбер Мемми. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЕВРЕЯ**
96. **Шломо Авинери. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
В ЕВРЕЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**
97. **МЫ НАЧИНАЛИ ЕЩЕ В РОССИИ. Воспоминания**
98. **Хаим Градэ. АГУНА (БЕЗМУЖНЯЯ ЖЕНА)**
99. **Лун Финкелстайн. РАББИ АКИВА**
100. **Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 1**
101. **Хаим Вейцман. В ПОИСКАХ ПУТИ. Книга 2**
102. **Муня М.Мардор СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ**
103. **Феликс Розинер. СЕРЕБРЯНАЯ ЦЕПОЧКА**
104. **Владимир Лазарис. МОЯ ПЕРВАЯ ВОЙНА**
105. **Михазль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 1**
106. **Михазль Бар-Зохар. БЕН-ГУРИОН. Биография. Книга 2**
107. **ИВРИТ — ЯЗЫК ВОЗРОЖДЕННЫЙ. Сборник статей**
108. **Ахарон Аппельфельд. ПОРА ЧУДЕС**
109. **Гилель Бутман. ВРЕМЯ МОЛЧАТЬ И ВРЕМЯ
ГОВОРИТЬ**
110. **Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 1**

- 111. Голда Меир. МОЯ ЖИЗНЬ. Книга 2
- 112. Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 1
- 112. Василий Гроссман. НА ЕВРЕЙСКИЕ ТЕМЫ. Книга 2
- 113. В ОТКАЗЕ. Сборник
- 114. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 1
- 115. Гершом Шолем. ОСНОВНЫЕ ТЕЧЕНИЯ В ЕВРЕЙСКОЙ МИСТИКЕ. Книга 2
- 116. Эфраим Урбах. МУДРЕЦЫ ТАЛМУДА
- 117. В ПОИСКАХ ЛИЧНОСТИ. Сборник рассказов современных израильских писателей
- 118. Владимир (Зеев) Жаботинский. ПОВЕСТЬ МОИХ ДНЕЙ. Воспоминания
- 119. Оскар Минц. ПРИЗМЫ
- 120. Игал Аллон. ЩИТ ДАВИДА
- 121. Моше Даян. ЖИТЬ С БИБЛИЕЙ
- 122. Иерухам Кохен. ВСЕГДА В СТРОЮ. Записки израильского офицера
- 123. Исраэль Таяр. СИНАГОГА — РАЗГРОМЛЕННАЯ, НО НЕПОКОРЕННАЯ
- 124. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 1
- 125. Виталий Рубин. ДНЕВНИКИ. ПИСЬМА. Книга 2
- 126. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 1
- 127. Анита Шапира. БЕРЛ. Книга 2
- 128. Хаим Гвати. КИББУЦ: ТАК МЫ ЖИВЕМ
- 129. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 1
- 130. Виктория Левитина. РУССКИЙ ТЕАТР И ЕВРЕИ. Книга 2
- 131. Януш Корчак. ИЗБРАННОЕ
- 132. Ашер Бараш. ИСТОРИЧЕСКИЕ НОВЕЛЛЫ
- 133. Ицхак Орен (Надель). МОЯ КАМЕНОЛОМНЯ
- 134. Андрэ Неер. КЛЮЧИ К ИУДАИЗМУ
- 135. Ицхак Зив-Ав. ГОВОРЯТ, ЕСТЬ СТРАНА...
- 136. Эрбер Ле Поррье. ВРАЧ ИЗ КОРДОВЫ

137. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие.
Книга 1
138. ГОСУДАРСТВО ИЗРАИЛЬ. Становление и развитие.
Книга 2
139. ИЗРАИЛЬ. Географический справочник
140. Шломо Гилель. С ВЕТРОМ ВОСТОКА
141. М.Бейзер. ЕВРЕИ В ПЕТЕРБУРГЕ
142. Абба Ковнер. КНИГА СВИДЕТЕЛЬСТВ
143. Авигдор Шинан. МИР АГГАДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
144. Давид Роскес. ВОПРЕКИ АПОКАЛИПСИСУ
145. Томас Мани. О НЕМЦАХ И ЕВРЕЯХ
146. Рамбам (Маймонид). ИЗБРАННОЕ. Книга 1
147. Рамбам (Маймонид). ИЗБРАННОЕ. Книга 2
148. И. Ахарони, Б. Ротенберг. ПО СЛЕДАМ
ЦАРЕЙ И БУНТАРЕЙ
149. И. Гутман, Х. Шацкер. КАТАСТРОФА И ЕЕ
ЗНАЧЕНИЕ
150. Амос Эттингер. СЛЕПОЙ ПРЫЖОК
151. Феликс Кандель. СЛОВО ЗА СЛОВО
152. Ицхак Мангер. ЖИЗНЬ В РАЮ
153. Леон Юрис. МИЛАЯ, 18. Книга 1
154. Леон Юрис. МИЛАЯ, 18. Книга 2
155. Коннор О'Брайен. ОСАДА. Книга 1
156. Коннор О'Брайен. ОСАДА. Книга 2
157. Давид Шахар. ЛЕТО НА УЛИЦЕ ПРОРОКОВ
158. Владимир (Зеев) Жаботинский. САМСОН НАЗОРЕЙ
159. И. Башевис-Зингер. СБОРНИК РАССКАЗОВ
160. Владимир (Зеев) Жаботинский. ПЯТЕРО
161. Малькольм Хэй. КРОВЬ БРАТА ТВОЕГО
162. А. Эйнштейн. О СИОНИЗМЕ
163. И. Константиновский. СУДНЫЙ ДЕНЬ
164. СКОПУС — II. Сборник произведений израильских
литераторов, пишущих по-русски

- 165. **Р. Зернова. ИЗРАИЛЬ И ОКРЕСТНОСТИ.**
Сб. рассказов
- 166. **П. Пели. ТОРА СЕГОДНЯ**
- 167. **Р. Маркус, Г. Коэн, А. Галжин. ТРИ ВЕЛИКИХ ЭПОХИ
ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ**
- 168. **С. Кац. ЕВРЕЙСКИЕ ФИЛОСОФЫ**
- 169. **Э. Луз. ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ ПАРАЛЛЕЛИ**
- 170. **Яков Кац. КРИЗИС ЕВРЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ**
- 171. **ИЗРАИЛЬСКАЯ НОВАЯ ПОЭЗИЯ. Сб. переводов**

МОЛОДЕЖНАЯ СЕРИЯ

- 1. **Рут Сэмюэлс. ПО ТРОПАМ ЕВРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ**
- 2. **Дорит Оргад. МАЛЬЧИК ИЗ СЕВИЛЬИ**
- 3. **Ури Орлев. ОСТРОВ НА ПТИЧЬЕЙ УЛИЦЕ**
- 4. **Амос Оз. СУМХИ**
- 5. **Шмуэль Хуперт. ЛЬВЫ В ИЕРУСАЛИМЕ**
- 6. **Й. Сегал. ТАК ПОСТУПАЛИ НАШИ МУДРЕЦЫ**
- 7. **Яэль Розман. МОЙ РОМАН С БЕН-ГУРИОНОМ И
ПНИНОЙ**
- 8. **Двора Омер. ПЕРВЕНЕЦ ДОМА БЕН-ИЕХУДЫ**
- 9. **Сами Михаэль. ПАЛЬМЫ В БУРЮ**
- 10. **Шмуэль Авидор-Хакохен. И СОТВОРИЛ БОГ...**
- 11. **Двора Омер. ЛЮБИТЬ ДО КОНЦА**
- 12. **Юрий Суль. ПАРТИЗАНЫ ДЯДИ МИШИ**
- 13. **Ицхак Ной. РОН И ДЖУДИ**
- 14. **И. Башевис-Зингер. ГАСНУЩИЕ ОГНИ. Сборник рассказов
и сказок для детей**
- 15. **Эстер Файн. ХАДАС**
- 16. **Н. Гутман и Э. Бен-Эзер. МЕЖ ПЕСКАМИ И НЕБЕСНОЙ
СИНЬЮ**
- 17. **СЧАСТЬЕ, ЧТО Я — ЭТО Я! Антология израильской детской
литературы. Книга 1**

18. ОСВЕЩЕННОЕ ОКНО. Антология израильской детской литературы. Книга 2
19. Одед Бецер. ЧУДЕСНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ВО ВРЕМЕНА БАР-КОХБЫ
20. Давид Шахар. ТАЙНА РИКИ
21. Абба Эвен. МОЙ НАРОД. Том I
22. Абба Эвен. МОЙ НАРОД. Том II
23. Мартин Гилберт. АТЛАС ПО ИСТОРИИ ЕВРЕЙСКОГО НАРОДА
24. Гила Альмагор. ЛЕТО ИЗ ЖИЗНИ АВИА

**ТРЕБУЙТЕ КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
"БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ"
ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ
РУССКОЙ КНИГИ**

**Наши книги можно заказать
также по адресу:
Р.О.В. 4140
91041 Jerusalem
Israel**

